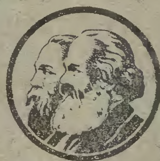
ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

III (XIII)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА»

Ответственный редактор Д. Рязанов.

В журнале принимают участие следующие товарищи:

Бакалов Г., Байч М., Баммель Г., Бергер А., Бобровников Н., Ваганян В., Веллер П., Виноградская П., Владимиров В., Воден А., Волгин В., Выгодский С., Глезерман Г., Голосовкер М., Гупперт Г., Гуревич Э., Дворин А., Деборин А., Завитневич И., Звавич И., Иоаннисян А., Кабакчиев Х., Каганович Е., Карев Н., Ковнатор Р., Косвен М., Кунисский С., Лифшиц М., Луппол И., Лурье Э., Максимовский В., Маркова О., Морозова В., Нечкин Д., Николаевский Б., Никсдорф К., Овандер Н., Паскаль П., Пелузо Э., Позняков В., Попов А., Попова В., Потемкин Ф., Рабинович А., Реуэль А., Рор В., Рубин И., Рубинштейн Л., Румер О., Рязанов Д., Семенов В., Сенилова С., Слепцова Н., Стеклов Ю., Страхова Н., Стэн Я., Топпер С., Топорков А., Удальцов А., Фокс Р., Фридлянд Ц., Цобель Э., Чернышев Б., Шиллер Ф., Шмюкле К. и др.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

III (XIII)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

П, 19. Гиз № 42628 л.
Ленинградский Областлит № 70129.
16 л. Тираж 5 000. Зак. № 1306

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. ФОКС

ВЗГЛЯДЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА И ИХ ИСТОЧНИКИ

I

Не надо быть особенно наблюдательным, чтобы заметить большую разницу между буржуазным обществом и обществом азиатским. Буржуазные философы и историки неоднократно пытались объяснить это различие. Последняя из этих неудачных попыток представлена в недавней работе «философа» Кейзерлинга, носящей религиозный характер.

Только Маркс и Энгельс нашли «ключ к восточному небу». Они нашли его в особом азиатском способе производства.

Маркс особенно ясно и недвусмысленно заявляет об этом на двух хорошо известных страницах в «К критике политической экономии». В предисловии, датированном январем 1859 г., он пишет: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономической формации общества».[1] Эту мысль он развивает далее в «Введении», впервые опубликованном Каутским в 1913 г., которое, как указывает Д. Б. Рязанов, было найдено в тетради Маркса, датированной 23 августа 1857 г. В этом знаменитом «Введении» Маркс пишет: «Буржуазная экономия лишь тогда достигла понимания феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества».

Прежде чем дойти до формулировки особого азиатского способа производства, — формулировки, которую Маркс удержал на протяжении всего «Капитала» и которую Энгельс также развил в «Анти-Дюринге», Маркс и Энгельс проделали большую работу по изучению восточного и особенно индийского общества. Эту работу они начали совместно в 1853 г., когда индийский вопрос занимал важное место в английской политике в связи с прекращением хартии Ост-индской компании и необходимости восстановления ее в законодательном порядке. Маркс и Энгельс в своей переписке и Маркс в своих статьях об ост-индских дебатах, написанных для

---

[1] К. Маркс, К критике политической экономии. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Библиотека марксиста», выпуск XXIII — XXV Госиздат, М. — Л., 1929.

[2] Там же, стр. 43.

«Нью-иоркской трибуны», развивают впервые, и притом в очень ясной форме, свои взгляды на азиатский способ производства. Они определяют этот способ производства трояким образом. Первое, и самое главное, это — отсутствие частной собственности на землю. Вообще, хотя и не всюду, на Востоке правитель является собственником всей земли в государстве. Рента платится ему продуктами с земли и собирается многочисленными чиновниками согласно строго определенным законам и правилам. Во-вторых, основа этого экономического строя состоит в тесном единении земледелия и ремесл внутри сельской общины. Эти общины с их тщательным разделением труда, обрабатывающие свои земли иногда сообща, но чаще силами отдельной семьи, владеющей собственным участком, широко разбросанные, самодовлеющие, с незначительным или полным отсутствием связи между собой, являются производственными единицами общества. В-третьих, в восточных странах, где водоснабжение является настоящей основой земледелия, все общественные работы — орошение, каналы, пути сообщения и пр. — неизбежно находятся в руках правителя, государства.

Письмо Энгельса о евреях и арабах дало Марксу первый случай высказать свои взгляды на восточное общество. Энгельс изучал в это время происхождение магометанства, пытался овладеть арабским языком, но, будучи несколько озадачен сложностью его грамматики и многочисленностью корней, перешел к чтению персидской литературы в переводе сэра Вильяма Джонса и изучал персидскую грамматику, которую находил очень простой. Маркс читал книгу за книгой об Индии, чтобы ясно понять силы, действующие в этой стране, и их отражение в парламенте в связи с обсуждением вопроса о хартии Ост-индской компании. Письмо Энгельса дало ему удобный повод конкретизировать свои взгляды на восточное общество. «Почему история Востока принимает форму религии?» — спрашивает он Энгельса. [1] Далее он обращает его внимание на одну книгу, которую он как раз в это время читал и которая произвела на него большое впечатление своим освещением организации монгольского общества в XVII веке. Это были знаменитые «путешествия» Франсуа Бернье, врача при Аурензебе. «Бернье, — пишет Маркс, — справедливо усматривает основную форму всех явлений Востока — он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан — в том, что там не существует частной собственности на землю. В этом действительный ключ даже к восточному небу». Энгельс немедленно отвечает: «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. Тут корень и политической, и религиозной истории». [2] Но почему Восток дошел только до относительно примитивной ступени развития? Эта проблема встает одновременно и перед Энгельсом: «Чем объясняется, — продолжает он, — что на Востоке не дошли до частной собственности, даже феодальной? Мне кажется, что дело главным образом в климате, в связи с характером почвы, в особенности же

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Переписка 1844—1853. Собр. соч., т. XXI, Маркс — Энгельсу, 2 июня 1853 г.

[2] Там же, Энгельс — Марксу, 6 июня 1853 г.

с теми громадными пустынями, которые тянутся, начиная от Сахары, через Аравию, Персию, Индию и Татарию до высочайших азиатских плоскогорий. Земледелие здесь построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)».

Маркс был вполне согласен с этим развитием своей первоначальной мысли, как мы видим из того, что он этот отрывок из письма Энгельса почти слово в слово повторяет в своей первой статье об Индии в «Нью-иоркской трибуне» от 25 июня 1853 г. В своем последнем письме по этому вопросу Энгельсу, датированном 14 июня 1853 г., Маркс ясно показывает один из главных источников своих знаний по вопросу о восточном землевладении — героические споры английских экспертов относительно знаменитого «твердого установления» (Permanent settlement) земельного налога в Бенгалии при генерал-губернаторстве лорда Корнуэллиса в конце XVIII века. «Что касается вопроса о собственности, — пишет он, — то по поводу его среди английских ученых, пишущих об Индии, ведутся большие споры. Впрочем, в сильно пересеченной гористой местности к югу от Кришны (Krishna — Маркс подразумевает Kistna) собственность на землю, очевидно, существовала. Напротив того, на Яве, по словам сэра Стэмфорда Раффльса, бывшего английского губернатора Явы (см. его «History of Java»), «вся земля, дававшая сколько-нибудь заслуживавшую внимания ренту», составляла полную собственность правителя. Во всяком случае, магометане, повидимому, не установили во всей Азии принципа отсутствия собственности на землю».

Авторитетом в вопросе о существовании земельной собственности в местности к югу от Кистны является для Маркса полковник Марк Уилкс, «History of Mysoor» которого давала ему описание индийской сельской общины, приведенное в «Капитале». Значение книги Уилкса в развитии идей Маркса будет ясно из последующего. Значение это было немаловажно. Интересно отметить, что Раффльс, считая отсутствие частной собственности на землю общим правилом, допускает ее наличие в некоторых частях Индонезского архипелага. Маркс не отрицал ряда известных фактов и не попытался утверждать, что азиатский способ производства господствовал в своем специфическом виде на всем Востоке. Он считал его главной системой, распространенной на большей части азиатского материка, но вполне допускал наличие обстоятельств, вызывающих отклонения в известных странах. В Японии, например, развивалась система, гораздо более близкая к типу западного феодализма. Энгельс позднее выступал против свидетельства Бернье, воспринятого Марксом по отношению к Турции. В «Анти-Дюринге» мы читаем: «Утверждение г. Дюринга, что для обработки поземельной собственности в больших размерах необходимы землевладельцы и рабы, есть вполне «свободное творчество и дело воображения». «На всем Востоке, где собственниками земли являются общины или государство, самое слово

«землевладелец» не встречается в языках, о чем мог бы сообщить г. Дюрингу совет английских юристов, также напрасно бившийся в Индии над вопросом: кто же землевладелец?... Особого рода землевладельческий феодализм ввели на Востоке только турки в завоеванных ими странах».[1] Во всяком случае, изучение вопроса убедило Маркса в том, что, по крайней мере в Индии, особенно в Бенгалии, относительно которой возник первоначальный спор английских юристов, земля находится в собственности государства. В своей статье в «Нью-иоркской трибуне» от 5 августа 1853 г. он так характеризует бенгальскую систему в результате всех этих споров. «В Бенгалии мы имеем комбинацию английского лэндлордизма, ирландской мелкоземельной системы, австрийской системы, превращающей землевладельца в сборщика налогов, и азиатской системы, делающей действительным землевладельцем государство».

О социальных отношениях внутри азиатского общества Маркс совершенно ясно говорит в «Капитале». Основной формой эксплоатации в таком обществе служит извлечение прибавочной стоимости в форме ренты продуктами. Количество ее меняется в зависимости от страны и эксплоататора. Там, где монгольский император или индийский раджа довольствовались от одной трети до одной шестой продукта, британский эксплоататор стал требовать свыше 80% (но в денежной, а не в натуральной форме) и только постепенно, приведя к разорению целые провинции, снизил процент до 55. Взимание ренты продуктами, связанное с натуральным хозяйством деревенской общины, является одной из причин непрогрессивного характера восточного общества. В III томе «Капитала» Маркс так описывает процесс этого социального застоя: «Благодаря тому, что эта форма, рента в продуктах, связана с определенным характером продукта и самого производства, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, коротко говоря — благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии. Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, т. е. всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли, хотя это принуждение уже не противостоит ему в старой суровой форме».[2] О принуждении обрабатывать землю, являющуюся частной собственностью правителя, подробно говорят все старые индусские и мусульманские юридические сборники. Благодаря чтению работ британских ориенталистов Маркс был хорошо знаком с этими сборниками. В

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Библ. научного социализма». Госиздат, М. — Л., 1929, стр. 163.

[2] К. Маркс, Капитал. Госиздат. М. — Л., 1929, т. III, ч. II, стр. 271.

первом томе «Капитала» он снова говорит о застое, производимом этой системой. Маркс открывает в ней одну из тайн восточного консерватизма, «неизменности Востока», столь дорогой буржуазным журналистам и «историкам». «В Азии, — где натуральная форма земельной ренты, являющаяся в то же время главным элементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения,—эта форма платежа путем обратного влияния упрочивает в свою очередь старые формы производства. Она составляет одно из таинственных средств самосохранения Турецкой империи. Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец. Узкий экономический базис этой культуры будет разложен».[1] Такая система доходов, где «землевладелец», как это видно на примере Кублай-хана, имеет в своих руках владение, покрывающее почти целый материк, является очень опустошительной. Почти невозможно проконтролировать действия местных сборщиков ренты и даже губернаторов крупных провинций. Даже такая поражающе громадная бюрократия, какая была организована Кублаем в Китае, была открыта для величайших злоупотреблений, как об этом рассказывает Марко Поло, описывающий лихоимства начальника совета Ахмеда Узбека, лихоимства, которые он сам помог обнаружить. Каким же образом посредством этой ренты, которую в конечном итоге получали восточные деспоты, могли они достигать такой роскоши жизни, могли содержать такие громадные постоянные армии, проводить дорогие системы путей сообщения, строить такие удивительные каналы, производить общественные работы, гробницы и дворцы и, вдобавок, накоплять громадные сокровища? Каким образом при такой в известном отношении отсталой системе производства они могли ослеплять блеском таких коварных иностранцев, как братья Поло, особенно же знаменитый их племянник Марко, приезжавших из наиболее передовых городов феодальной Европы, где товарообмен основывался уже на новых формах и создавалась торговая буржуазия? В замечательном месте из первого тома «Капитала» Маркс дает ключ к разрешению этого недоумения: «Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворить, чем больше плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя».[2]

Естественное богатство и плодородие большей части Азии позволяли эту опустошительную, интенсивную эксплоатацию крестьянина. Часа или двух часов труда в день было достаточно, чтобы вырастить рис или зерно в количестве, необходимом для питания земледельца и его семьи; скудные одежды ткались его женой и детьми едва ли не в менее продолжительное

[1] К. Маркс, Капитал. Госиздат, М. — Л., 1929, т. I, стр. 88.
[2] Там же, стр. 398.

время; но вместе с тем эти же крестьяне ткали и те чудесные шелка, муслин, шали и ткани, которые приводили в восторг аристократию и буржуазию Европы. Отсюда вытекает одна из причин, почему азиатское производство, при своем ограниченном товарообмене, все же могло образовать базис для такой огромной внешней торговли, какая велась с Западом. По мере соприкосновения с более высокой формой производства и последующего разложения азиатского общества производство товаров получает все возрастающее значение. Но настоящий процесс достижения более высокого способа производства и последующего разложения старых форм происходил медленно, будучи делом почти двух столетий, не завершившись вполне до самого установления промышленного капитализма. «При древне-азиатских, античных и т. д. способах производства, — пишет Маркс, — превращение продукта в товар, а следовательно и бытие людей как товаропроизводителей, играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни».[1]

Эта первобытная производственная единица описана подробно Марксом в его письме к Энгельсу от 14 июня 1853 г. Он воспроизводит это описание еще раз в своей первой статье об Индии в «Нью-иоркской трибуне» и снова в хорошо известном месте первого тома «Капитала». Это описание разделения труда достаточно знакомо, чтобы была необходимость его цитировать. Но в этом письме интересны замечания Маркса, обращенные к Энгельсу, относительно различных функций внутри общины и ее организации. «В некоторых из этих общин, — пишет Маркс, — земли деревень обрабатываются сообща, в большинстве случаев каждый обрабатывает свой собственный участок (очевидно, Маркс не поддерживает точки зрения Мэна о том, что индийские общины почти всюду обрабатывали свою землю сообща). Внутри общины продолжают существовать рабство и кастовый строй. Пустыри употребляются для общего пастбища. Жены и дочери занимаются домашним ткачеством и прядильной работой. Эти идиллические республики, ревниво сохраняющие лишь *границы своих общин* от вторжения соседних общин, существуют еще и доныне в довольно хорошо сохранившемся виде в северо-западных частях Индии, которые недавно достались англичанам. Я полагаю, что трудно придумать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма. И как ни «ирландизировали» англичане страну, — тем не менее разрушение этих стереотипных первобытных форм было необходимым условием для европеизации ее. Сборщик податей (tax gatherer) один не был в состоянии этого выполнить. Для этого необходимо было еще уничтожение первобытной промышленности, отнявшее у этих общин их самодовлеющий характер». Энгельс в «Анти-Дюринге» рассматривает первобытную общину как действительный базис восточного деспотизма. Он помещает ее ниже рабского производства, как это делает и Маркс, судя по порядку, в котором он перечисляет системы производства в своем уже цитированном выше предисловии к «Критике». При-

[1] Там же, стр. 37.

чина понятна, так как рабское производство все же было товаропроизводящей системой, в то время как азиатская система только косвенно была таковой, и притом в меньшей степени, по крайней мере, в ранней ее стадии. «Там, где уцелел древний общинный быт, — пишет Энгельс, — он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма. Только там, где он распался, самостоятельное развитие пошло вперед, и первым шагом по пути экономического производства было усиление и развитие производства посредством рабского труда».[1]

Маркс усматривает в деревенской общине тайну неизменности восточного общества. Происходят политические революции, создаются и разрушаются в течение нескольких поколений великие империи, даже религия изменяется. Только базис общества, производственная форма, почти не изменяется. Маркс, конечно, не первый заметил это, но он был первым, кто ясно осознал экономическую важность этого факта, его исключительное социальное значение. «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики».[2]

Общество, организованное таким образом, было отсталым по сравнению с античным и феодальным обществами, но оно вовсе не было слабым или ограниченным в смысле торговли. Торговля Римской империи с Китаем была не менее значительна, чем торговля феодальной Европы с Ближним или Средним Востоком. Китайская империя, описанная Марко Поло, была страной огромной и преуспевающей торговли. Морская торговля южнокитайских портов поразила даже сына коммерческой Венеции. Основную экономическую единицу, деревенскую общину, в ее отношении к товарному производству, Маркс описывает в той же самой главе «Капитала» следующим образом: «Первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившихся нормах разделения труда, которые при основании каждой новой общины дают готовый план и схему производства. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому самое производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое осуществляется при посредстве обмена товаров. Только избыток продукта превращается в товар, и при том в значительной своей части лишь в руках государства, к которому с

[1] «Анти-Дюринг», стр. 167 — 168. [2] «Капитал», т. I, стр. 270 — 271.

незапамятных времен притекает определенное количество продуктов в виде натуральной ренты».[1]

Азиатский город, тесно связанный с этой первобытной производственной единицей, редко бывал чем-нибудь бо́льшим, чем разросшееся село. Внутренняя торговля никогда не имела здесь большого значения. Для объяснения возникновения крупных городов на Востоке надо искать других внутренних причин. Одной из них является содержание монархами громадных дворов с их множеством высших чиновников. Каждый правитель, каждый чиновник имеет свои гаремы и евнухов, своих придворных и домашних служащих. То же самое происходит с провинциальными губернаторами, которые желают держать себя на положении полуцарей, чтобы произвести на всех впечатление того, что они действительно являются представителями верховного правителя, и содержат пышный двор подобно королевскому двору современного британского вице-короля Индии. Другим и еще более важным фактором, который Маркс указывает в своем письме Энгельсу от 2 июня 1853 г., служат громадные армии, содержимые этими правителями для внутреннего и внешнего грабежа. Здесь мы видим особенно поразительную разницу между восточным обществом и феодальным. В Англии постоянная армия хотя и существовала без перерыва со времени «славной революции» 1688 г., но не рассматривалась как узаконенное орудие центральной власти вплоть до более важной, если и менее славной промышленной революции второй половины XVIII века. Цифры, сообщаемые восточными военными списками и западными путешественниками, мы можем несколько уменьшить, но все же остается вне сомнения, что великие восточные империи выставляли для битв такие армии, которым не было равных до появления «поголовных ополчений» и «вооруженного народа» в эпоху господства буржуазии. На Маркса произвело большое впечатление описание армии Аурензеба, сделанное Бернье. «Об образовании городов на Востоке, — писал он Энгельсу в этом письме, — нет ничего более блестящего, наглядного и неотразимого, чем старая книга Франсуа Бернье, бывшего девять лет врачом при Аурензебе. Он также очень хорошо изображает военный быт, способ продовольствования этих огромных армий и пр.». Между прочим, громадные цифры, приписываемые восточным армиям, Бернье объясняет тем, что традиция смешивает здесь действительно военных людей с прислугой и всякого рода торговцами, которые следуют за армией. В этих армиях обслуживающий и сопровождающий лагерь значительно превосходил своим числом боевые части, а во время мира эта пропорция возрастала еще более. Что все это селилось в больших городах, это не изменяло существенно военной природы этого населения, которое во время войны должно было выступать в поход вместе с армиями. Бернье говорит: «Кто знаком с своеобразным устройством и управлением страны, а именно с тем, что король является единственным и исключительным собственником всех земель в государстве, тот поймет, что необходимым результатом этого является такое

[1] Там же, стр. 270.

положение, при котором целая столица, как, например, Дели или Агра, живет почти исключительно военной службой и поэтому вынуждена следовать за королем, если он на известное время отправляется в поход. Эти города меньше всего являются или могут являться своего рода Парижем. Это, собственно, только лагерь, построенный несколько лучше и удобнее, чем в степи».[1]

Значение армий для внутренней торговли восточных стран хорошо освещает Марко Поло в своем рассказе о гарнизонной системе Кублай-хана. «Чтобы содержать гарнизоны, — пишет он, — необходимо иметь в каждой провинции большие города с многочисленным населением. Гарнизоны расположены на расстоянии четырех или пяти миль от этих городов. Войска содержатся не только на то жалованье, которое назначает хан из доходов от каждой провинции, но также громадным количеством скота, которое они держат, и продажей молока в города, которые снабжают их необходимыми товарами».[2] Армия великого хана была армией иностранных завоевателей подобно армиям иностранных императоров в Индии. Конечно, не все такие большие постоянные армии были иностранным войском завоевателей, но в значительном количестве случаев дело обстояло именно так.

Как ни непрогрессивно и как ни застойно было азиатское общество, тем не менее мы видим, что оно имело большую внутреннюю и внешнюю торговлю. Формами капитала, которые надо искать в подобном обществе, являются торговый и ростовщический капитал, эти «допотопные близнецы», как их называл Маркс. Анализируя эти две формы докапиталистического общества, он подчеркивает, что в Азии купец и ростовщик вовсе не имели дела ни с рабовладельческим, ни с феодальным обществом. «При указанных прежних способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный сеньер, государство (напр., в лице восточного деспота)».[3] С другой стороны, Маркс полагает, что ростовщичество производит неодинаковое действие в западном и восточном обществе. «При всяких докапиталистических способах производства ростовщик играет революционную роль лишь постольку, поскольку он разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном производстве которых в одной и той же форме покоится политический строй страны. При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции».[4]

Такова организация производства и торговли на Востоке, организация, отличающаяся радикальным образом от того, что когда-либо существовало на Западе или в античном или феодальном обществах. Эта система, упрямая, твердая и негибкая является той пассивной формой, которая служит главным источником раздражения со стороны глашатаев высокой «цивилизации». Даже теперь, в период крупной бомбейской текстильной промышленности, в период ожесточенной англо-японской конкуренции на

---

[1] Подчеркнуто Марксом. [2] Cordier et Yule, vol. I, p. 336, Note I.
[3] «Капитал», т. III, I, стр. 255. [4] «Капитал», т. III, ч. II, стр. 110.

индийском рынке, союз земледелия с домашней промышленностью еще не умер. Как ни нереально хаддарское движение, все же оно имеет некоторый базис в деревне. Индийская деревня и теперь еще удерживает кое-что от первобытной формы, и капиталистическое земледелие не является еще в стране всеобщим. В третьем томе «Капитала» Маркс так характеризует это сопротивление: «Препятствия, которые ставят разлагающему влиянию торговли внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства, поразительно обнаруживаются в сношениях англичан с Индией и Китаем. Широкий базис способа производства составляет здесь единство мелкого земледелия с домашней промышленностью, причем в Индии к этому присоединяется еще форма деревенских общин, покоящихся на общинном землевладении, которая, впрочем, была первоначальной формой и в Китае. В Индии англичане, как властители и присвоители земельной ренты, немедленно применили свою непосредственную политическую и экономическую власть для того, чтобы разрушить эти маленькие экономические общины. Их торговля оказывает здесь революционизирующее влияние на способ производства лишь постольку, поскольку они дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную интегральную часть этого единства промышленно-земледельческого производства, и таким образом разрывают общину. Но даже здесь это дело разложения удается им лишь очень медленно. Еще менее оно удается им в Китае, где непосредственная политическая власть не приходит им на помощь. Большая экономия и сбережение времени, происходящие от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности, в цену которых входят faux frais повсюду пронизывающего их процесса обращения. В противоположность английской, русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства».[1]

Третьей крупной отличительной чертой азиатского общества, особенно подчеркиваемой Марксом и Энгельсом, было сосредоточение общественных работ в руках государства. В связи с одной стороной производства общественных работ, являющейся наиболее важной, именно искусственным орошением, становится понятным господствующее положение религии в восточной жизни. Действительно, в первобытной истории тождество жреца и монарха было всеобщим явлением, следы чего продолжают оставаться до настоящих дней, а в Тибете разделение труда между ними еще и совсем не имело места. Система искусственного орошения есть система кровообращения восточных государств, каналы и водные потоки, это — артерии и вены их социального бытия. Нет ничего удивительного в том, что те, кто управляют орошением, управляют и государством. Энгельс отчетливо формулирует это положение в «Анти-Дюринге»: «Нам необходимо только установить тот факт, что политическое господство повсюду вытекало из общественных должностей и бывало устойчиво только тогда, когда выпол-

---

[1] «Капитал», т. III, ч. I, стр. 257.

няло свои общественные обязанности. Многочисленные деспотии, возникавшие и падавшие в Персии и Индии, все отлично помнили свою первейшую обязанность: заботиться об орошении долин, без которого в этих странах невозможно земледелие. Лишь просвещенным англичанам суждено было не заметить этого в Индии».[1] Маркс также в «Нью-иоркской трибуне» цитирует почти слово в слово письмо к нему Энгельса от 6 июня 1853 г. о трех отраслях управления в восточных государствах. Но он идет дальше, показывая, что на Востоке условия требовали централизации в управлении орошением, в отличие от Европы, где это было делом местных землевладельцев или деревенских общин. «Эта абсолютная необходимость бережливо-хозяйственного использования воды, которая на Западе толкнула частную предприимчивость соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и Италии, — на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ».[2] Этого централизованного государственного управления водоснабжением было достаточно, чтобы править всей массой разъединенных и разбросанных деревенских общин, как это было в Индии. Это же регулирование течения воды создало науку и религию: «Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия».[3] О значении астронома в восточной жизни свидетельствуют записи каждого наблюдательного путешественника; с другой стороны, научная точность, достигнутая восточными астрономами-астрологами, особенно в Китае, доказывается изобретением компаса и удивительными инструментами, которые существуют и по настоящее время в садах Пекинской обсерватории. Что вокруг астролога возникло много сверхъестественного и суеверного, это, конечно, верно, — в способности предсказывать разлив реки древние египтяне действительно видели нечто сверхъестественное.

Но не только каналы, мосты и водопроводы строили восточные монархи. Рабы, полученные в результате завоевания соседних племен, были заняты сооружениями и иного рода. «В колоссальном масштабе значение простой кооперации, — пишет Маркс, — обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.». «В старые времена случалось, что эти азиатские государства, за погашением расходов на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка средств существования, который они могли употреблять на сооружение великолепных или общеполезных зданий. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения и благодаря тому,

---

[1] «Анти-Дюринг», стр. 166. [2] «New York Tribune», 25 июня 1853 г.
[3] «Капитал», т. I, стр. 399, прим. 5.

что исключительное право распоряжаться указанными избытками принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они наполнили страну... Только благодаря концентрации в руках одного или немногих лиц тех доходов, на счет которых жили рабочие, были возможны такого рода предприятия» (R. Jones, Text-book of Lectures etc., 1852, p. 77, 78).[1]

Итак, совершенно ясно и бесспорно, что Маркс и Энгельс полагали, что азиатское общество имеет совершенно иные производственные отношения по сравнению с западным обществом. В предисловии к «Критике политической экономии» и затем во «Введении», где Маркс впервые в развернутом виде набрасывает свою материалистическую философию истории, он совершенно определенно применяет к этим производственным отношениям термины «азиатский способ производства», а также «восточное общество», в отличие от античного и феодального способов производства и соответствующих им античного и феодального обществ. Для Маркса этого периода азиатский способ нроизводства был первым из четырех прогрессивных эпох экономической формации общества. Не изменил ли он потом этой точки зрения? Конечно, Маркс определенно заявлял, что он внес изменения в эту точку зрения. Он изменил свое мнение о том, что деревенская община была каким-то исключительно азиатским явлением, и вместе с Энгельсом пришел к заключению, что она является всеобщей формой первобытного общества. Но это никоим образом не касается той роли, которую он отводит первобытной общине в азиатском обществе, и в действительности лишь подкрепляет то положение, что Маркс был прав, помещая азиатский способ производства как первый в истории развития общественных формаций.

В чем состоит социальный процесс производства вообще? Это «есть одновременно и процесс производства материальных условий жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, следовательно и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних. Потому что совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры».[2]

Каковы особые исторические и экономические условия производства, определяющие, по Марксу, эту систему взаимных отношений, называемую азиатским обществом? Общими историческими условиями здесь служат докапиталистические производственные отношения, извлечение прибавочной стоимости в форме трудовой ренты или ренты продуктами, но извлечение, происходящее при известных специфических условиях, которые Маркс никогда не упускает подчеркнуть, когда имеет дело с докапиталистическими

---

[1] Цитируется в «Капитале», т. I, стр. 250. [2] «Капитал», III, ч. II, стр. 289 — 290.

земледелием и рентой. Он пишет: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности и что земельная рента в свою очередь предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины, как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь следствием собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же земельная собственность будет чисто частной собственностью непроизводителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, повидимому, непосредственно предполагается присвоением и производством продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит, как в случаях с колонистами и мелкокрестьянскими землевладельцами».[1] (Подчеркнуто мной. — *Р. Ф.*)

Совершенно ясно, что Маркс тщательно различает особую азиатскую или, правильнее сказать, восточную земельную собственность и присвоение ренты, как форму, отличную от рабовладельческой или феодальной системы, а равно и от капиталистической или мелкокрестьянской системы, которой в свою очередь определялась бы особая форма общества. Но в связи с другими первобытными формами организации труда, в связи с единством промышленности и земледелия в деревенской общине — это так. Маркс не оставляет никакого сомнения в этом пункте.

Мы знаем, что он усматривал в том особом способе, каким осуществляется связь трудящегося с средствами производства, — то, что отличает одни экономические эпохи от других. Как осуществляется эта связь в азиатском обществе? Средствами производства здесь является земля и такие важные, связанные с землей условия, как водохранилища и оросительные каналы, без которых не может существовать земледелие на Востоке. И земля, и общественные работы в этом обществе составляют собственность правителя, отчего своеобразным является и отношение между этим земельным собственником, правителем и трудящимся, организованными в деревенские общины. Правда, крепостной также находится в подобном положении, но его положение далеко не тождественно с этим, и азиатский способ производства едва ли можно рассматривать как простой феодальный, отличающийся лишь несущественными подробностями. Сходство, конечно, есть, но действительные отношения собственности между земледельцем и частным собственником здесь глубоко различны. Крепостной платит налоги в дополнение к трудовой ренте, он связан военной повинностью. Его личность подвергается многообразным формам принуждения, чтобы заставить его обработать поля господина. Восточный крестьянин в ином положении. Содержание регулярной армии освобождает его от обязанностей

---

[1] «Капитал», т. III, ч. II, стр. 140.

военной службы, а его жена и дочери не больше собственность господина, чем он сам. Больше того: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах возможно, что отношение зависимости имеет политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей».[1]

Из такого отношения между правителями и управляемыми, продолжает Маркс, возникает соответствующая форма государства. «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение государства и подчиненных, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура отношений производства и вместе с тем его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно и политические формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис,—один и тот же со стороны главных условий, благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств».[1] (Подчеркнуто мной. — *Р. Ф.*)

Что азиатская форма, при которой высасывается неоплаченный прибавочный продукт, является особой экономической формой, в этом нет сомнения. Это более, чем только вариация феодализма, и Маркс и Энгельс до конца своей жизни держались этой точки зрения, выраженной ими впервые еще в 1853 г. Поскольку они рассматривали восточный или азиатский способ производства как условие, соответствующее первобытной общественной форме исторического развития, они стоят в согласии с послед-

[1] «Капитал», т. III, ч. II, стр. 267.

ними новейшими историческими исследователями, которые помещают «начало вещей» у трех великих речных долин: Нила, Евфрата и Инда в приблизительно совпадающие эпохи, к концу пятого тысячелетия до н. э. Конечно, эта форма подверглась значительным изменениям и развитию в эпоху господства в Индии монголов. Но исследование источников Маркса и Энгельса показывает, что они получили представление о восточном обществе главным образом через изучение именно монгольской Индии.

II

Каковы же были источники взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и азиатское общество? Как пришли они — в частности Маркс — к этому представлению об особом азиатском способе производства? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к «Философии истории» Гегеля. Гегель также знает развитие мировой истории, хотя это развитие и было у него идеалистически понято. Гегель также поместил восточный деспотизм, при котором только один свободен, в начале исторического развития; далее идет аристократическая «демократия» Греции и Рима и, наконец, германская монархия, конечная цель шествия свободы. У Гегеля великие восточные монархии также были застойными и непрогрессивными ввиду ограниченного развития свободы. Кроче так резюмирует историческую философию Гегеля: «Всемирная история есть история прогресса в сознании свободы: различные моменты ее и отдельные ступени суть различные национальные характеры (Volksgeister) разных народов; каждому из них предназначено представлять какую-нибудь одну ступень и осуществить одну задачу в общем действии».[1]

Каждая ступень, говорит Гегель, имеет свой специфический характер. Он дает нам целую картину внутренней организации этих восточных деспотий, где «только один свободен», описывает их географические условия, их религию и, что всего замечательнее, систему собственности. В его «Философии истории» (на стр. 210 и 211 юбилейного издания) мы находим следующее место:

«Что касается собственности, то брамины находятся в лучшем положении, так как они не платят налогов. С остальных земель правитель получает половину дохода, оставшаяся, вторая, часть должна итти на расходы по обработке земли и содержанию крестьянина. Чрезвычайно важным вопросом является, принадлежит ли пахотная земля в Индии крестьянам или находится в руках так называемого феодального землевладения; сами англичане недостаточно разобрались в этом. Когда они завоевали Бенгалию, они были заинтересованы в том, чтобы установить форму налога на земельную собственность, и вынуждены были выяснить, кто, крестьянин или землевладелец, обязан платить его. Они остановились на последнем, но тогда землевладельцы позволили себе совершить совершенно произвольный акт: они прогнали крестьян и добились снижения дани, объявляя, что такое-то

---

[1] B. Croce, Ce qui est vivant et ce qui est mort de la philosophie de Hegel, p. 114.

количество земли осталось необработанным; затем они вновь приняли прогнанных крестьян и заставили их обрабатывать свои земли за низкое вознаграждение, в качестве поденщиков. Весь доход деревенской общины, как мы сказали, делится на две части, одну из которых получает раджа, а другую крестьяне. Кроме того, доли его идут главе общины, судье, надзирателю за водоснабжением, брамину за богослужение, астроному, который является одновременно и брамином, указывая счастливые и несчастливые дни, кузнецу, плотнику, горшечнику, прачешнику, цирульнику, врачу, танцовщицам, музыканту и поэту. Все это — твердо и неизменно и не подвергается какой-либо произвольной перемене. По этой причине все политические революции проходят над головой индуса, оставляя его безразличным, поскольку его судьба совершенно не меняется».

Эта страница из Гегеля сразу же напоминает знаменитое описание деревенской общины, цитированное Марксом в «Капитале», из «Historical Sketches of the South of India» полковника Марка Уилкса.[1] Она является изложением страницы из парламентского отчета, цитируемого Марксом в письме к Энгельсу от 14 июня 1853 г. Та же самая цитата имеется в «Современной Индии» Кэмпбелла. Подлинный парламентский отчет носит название: «Пятый отчет комитета палаты общин по делам Ост-индской компании 28 июля 1812 г.». Действительно, очень внимательные чиновники Ост-индской компании неоднократно наблюдали организацию деревенской общины, и им можно доверять также в их наблюдении, что именно этой простой формой социальной организации народ Индии обязан своим безразличным отношением к политическим революциям. Уилкс, делая это замечание, в свою очередь признает первоначальным его источником отчет своего друга полковника Мёнро, посланным из Анантпура 15 мая 1806 г.

Маркс унаследовал от Гегеля свое диалектическое понимание истории. Развитие исторических или социальных форм, изложенное в «Критике политической экономии», напоминает гегелевскую схему, хотя, конечно, Маркс видит в развитии общества не процесс развития «разума», но развитие производительных сил и общественных отношений. Он усматривает неспособную к прогрессу природу восточного общества в характерном способе производства этого общества. В своеобразном владении землей, в соединении земледелия с промышленностью, в мелочном и строгом разделении труда внутри деревенской общины видит Маркс тайну застоя, в то время как Гегель искал ее в моральном окостенении. Гегель не видел возможности перемен на Востоке. Маркс видел неизбежность разрушения старых общин под влиянием проникновения буржуазных общественных отношений.

Если Гегель дал Марксу ключ к пониманию восточного общества, то он не дал ему фактов, на которых Маркс мог бы обосновать свою концепцию этого общества. К счастью, сохранились тетради Маркса, в которых он делал выписки из тех книг, которые он читал и находил особенно важными. В тетрадях за 1853 г.,— год, когда окончательно оформились его взгляды на

[1] «Капитал», т. I, стр. 270.

азиатский способ производства, мы находим перечень авторов, на исследованиях которых Маркс обосновывал свои взгляды. Некоторых из них, как Бернье, Уилкс, Раффльс и Кэмпбелл, мы уже знаем, потому что они цитируются в его письмах или работах. Но, по крайней мере, два писателя, которых Маркс особенно усердно изучал, им нигде не цитировались, хотя они имели громадное значение в формировании его взглядов. Это — немецкий профессор Герен (Heeren) и английский офицер Паттон (Patton).

Герен, профессор истории в Геттингенском университете в конце XVIII и начале XIX века, написал большой труд «О политике и торговле народов древности». Это была первая фундаментальная работа по истории Востока и его общества, прочитанная Марксом, и она дала ему ключ к дальнейшим его исследованиям. Более чем вероятно, что та же работа Герена, третий том которой трактует об Индии, послужила базисом и для Гегеля в описании индийского общества, цитированном выше. Герен тщательно изучал произведения великих английских ориенталистов об индийской религии и учреждениях, особенно работы знаменитого сэра Вильяма Джонса, юрисконсульта индийского правительства в эпоху «твердого установления» и основателя Бенгальского общества по изучению Азии. Ученик Джонса и его сотрудник по изучению древне-индусских законов, Г.-Т. Кольбрук (Colebrooke) также цитируется у Герена. Но Джонс и Кольбрук фигурируют также и у Гегеля. По книге Герена Маркс ознакомился с законами Ману, первыми писанными законами индусской истории, в то время считавшимися очень древнего происхождения, новейшими же исследователями относимыми к более позднему периоду всемирной истории.

Описание внутреннего управления Ману (см. письмо Маркса Энгельсу от 14 июня 1853 г.) взято Марксом целиком у Герена: деление на группы в десять, сто, тысячу общин, платеж ренты продуктами надзирателю над каждым из этих подразделений, распоряжения, даваемые относительно ренты, уплачиваемой этим надзирателям, и назначение контролирующих чиновников для надзора за поведением сборщиков. Герен пишет: «Правила Ману позволяют нам проникнуть глубже в первобытные учреждения Индии, учреждения, которые, кажется, клонились к организации отдельных изолированных общин, которые со своей территорией образуют как бы маленькие государства, и эти учреждения продолжают существовать даже тогда, когда многие из них, объединенные под властью какого-нибудь одного раджи, образуют более значительные государства».[1] Далее Герен цитирует «одного новейшего путешественника», оказывающегося не кем иным, как нашим старым другом Марком Уилксом, который, «касаясь этой организации, дал много интересных фактов», и подробно излагает описание последним деревенской общины. Он также цитирует «Историю Явы» сэра Стамфорда Раффльса в подтверждение рассказа Уилкса. Почти не приходится сомневаться в том, что Маркс от Герена впервые узнал о работах Уилкса и Раффльса, которыми он позднее так усиленно пользовался.

[1] Французское издание, 1829, стр. 371 — 372.

Герен поднимал также вопрос об отсутствии или полном своеобразии частной собственности в Индии, проблему, с которой его близко познакомили Вильям Джонс, Уилкс и Раффльс, все трое игравшие чрезвычайно важную роль в этой полемике. «Одним из наиболее важных вопросов, — пишет он, — но также и очень трудным, является вопрос о том, был ли король собственником земли и не были ли владевшие землей земледельцы лишь простыми арендаторами».[1] Герен под влиянием Уилкса и Джонса решает определенно в пользу частной собственности и в этом смысле толкует законы Ману, в которых подробно говорится о формальностях, предписываемых для продажи земли, чем, следовательно, молчаливо допускается существование собственности. «Таким образом, правители Индии, как это представляется из наиболее древних законов этой страны, не были собственниками земель, законы позволяли им лишь брать с этих земель налоги, составлявшие бо́льшую часть их доходов».[2] Современные авторитеты склоняются к толкованию Ману в смысле понимания их Хереном, но во время Маркса это было далеко не так.

Немедленно после Герена Маркс стал читать Бернье, и рассказ старого французского врача о владениях императора Аурензеба должен считаться одним из основных источников взглядов Маркса на азиатское общество. Выписки из Бернье чрезвычайно полны, настолько, что дают почти полный конспект его книги. Еще только две книги об Индии изучал Маркс также глубоко: это — «Современная Индия» Джорджа Кэмпбелла и «Принципы азиатских монархий» Паттона. Всего Маркс сделал двадцать длинных выписок из книги Бернье, содержащих доказательства отсутствия частной собственности и показывающих влияние этого на социальную жизнь индийского народа. Бернье был хорошим материалистом. Его смелый глаз всегда искал реальности под внешней формой. Уже на шестой странице своей книги он следующим образом толкует поэтические имена индийских принцесс и королев: «Причина, почему принцам и принцессам дают такие имена, а не титулуют их по названиям земель их владений, как это делается в Европе, — та, что, так как вся земля королевства принадлежит исключительно королю, здесь нет маркизатов, графств и герцогств, имена которых могли бы носить вельможи». Даже «джагиру», землю, даваемую за военную службу, Бернье рассматривает не как частную собственность, а как пенсию, «которую король может отнять в любое время» (стр. 14). Предводители конницы, омары, получают вознаграждение пропорционально числу лошадей, за которых они ответственны, и эта уплата производится им в «джагирах, или плодородной землей, назначаемой в качестве их пенсий».[3] Далее, в армиях монголов все, «начиная от омара и кончая последним солдатом, обязательно раз в два месяца получают жалование: королевское жалование есть единственный источник их существования, и выплату его поэтому нельзя задерживать».[4]

[1] Там же, стр. 377. [2] Там же, стр. 379.

[3] François Bernier, Voyages contenant description des états de Grand Mogol etc. Vol. I, p. 293.

[4] Там же, стр. 305 — 306.

Три страницы — 312, 313, 314 — из первого тома книги Бернье Маркс выписывает целиком. Они содержат описание раздачи королем джагир военным начальникам и губернаторам в качестве пенсий и вместо жалования за содержание военных отрядов; имеющийся остаток каждый год должен возвращаться королю; джагирдары были, таким образом, только «фермерами». «Нет там, — сетует Бернье, — ни крупных сеньеров, ни парламентов, ни судебных палат, как у нас, которые бы держали в страхе этих людей, о которых я только что сказал, ни кади, ни судей, достаточно сильных, чтобы противодействовать и обуздывать их насилия, и вообще никого, кому крестьянин, ремесленник или купец могли бы подать жалобу в случае повреждений или мучений, которые им так часто причиняют». Единственная власть, это — личный авторитет короля, который чувствуется только вблизи столиц Дели или Агры, поэтому страх тирании и грабежа заставляет всех стремиться «казаться нищими и бедными, быть очень простыми в одежде, жилище, обстановке и еще более в пище и питье». Все боятся, как бы их не сочли богатыми, и зарывают свое серебро «тайком глубоко в землю, изымая его таким образом из обращения». Это относится не только к крестьянам и ремесленникам, но и к людям всех состояний, кроме непосредственно оплачиваемых королевских служащих, особенно же это относится к индусам, которые являются хозяевами торговли и денег и держатся того убеждения, что золото и серебро, которое они прячут в течение своей жизни, будет служить им после смерти; это, по моему мнению, настоящая причина, почему так мало денег в обращении среди народа».

Отсталость земледелия, бедность жилищ, построенных из грязи и ила, всеобщее разорение страны Бернье приписывает тому факту, что здесь нет безопасности владения, а также громадной ренте, высасываемой из земли. Земледелец желает работать над землей, сколько хватает его сил, если она на его попечении, «крестьянин скорее издохнет, чем покинет землю».[1]

Наблюдения Бернье над монгольской империей приводят его к заключению, что различие между разными государствами и империями может быть объяснено их системами собственности: «...это — мое, а это — твое, [т. е.] в той надежде, которую питает каждый трудящийся в отношении имущественных благ, которые принадлежат ему и будут принадлежать его детям, — вот в чем первейшая основа всего того, что есть доброго и прекрасного в мире. Если кто бросит взоры на различные страны и королевства, обратив при этом внимание на то, что сопутствует этой собственности государей или частных лиц, тот найдет первоисточник и главную причину этого столь великого разнообразия, которое мы видим в различных государствах и империях мира, и признает, что это именно есть то, что разнообразит лицо всей земли».[2] Бернье отмечает также, что на Востоке не существует того разделения между городом и деревней, которое является такой существенной стороной его собственного общества. Восточные города — или громадные дворы (королей), или военные лагери,

---

[1] Там же, стр. 317. [2] Там же, стр. 334 — 335.

составленные, как, например, Дели, из «многих деревень, соединенных вместе».[1]

Несомненно, чтение Бернье дало Марксу многое для формирования его основных взглядов на азиатский способ производства и социальную организацию; оно убедило его, а также и Энгельса, в том важном факте, что в Азии не существовало частной собственности. Насколько сильно было их убеждение в том, что Бернье правильно наблюдал факты, можно судить по тому, что Уилксу, державшемуся противоположной точки зрения, так и не удалось поколебать взглядов Маркса, кроме допущения, что частная собственность существовала лишь в некоторых местах, например, в Майсоре.

Вслед за Бернье, судя по тетрадям, Маркс, очевидно, читал «Историю Явы» Раффльса, откуда он получил дальнейшее знакомство с первобытными общинами. «Раффльс — мой великолепный осведомитель относительно промышленности, земледелия и социальной организации народа Явы». Но, без сомнения, лучшее и наиболее полное описание этих общин было дано Уилксом, которого Маркс читал вслед за Раффльсом и которого он цитирует в «Капитале». Уилкс был непреклонным противником школы, отрицавшей частную собственность («no private property») в дебатах по поводу установления земельного налога. Он осторожно анализирует законы Ману и убежден, что они признают за земледельцем «полное владение» (absolute dominion). Этому вопросу он уделяет почти все первые двести страниц своей работы, заключая их следующим выводом: «Мы теперь прошли то пространство, которое предполагали обследовать, и, я надеюсь, доказали вполне каждому беспристрастному уму положительное и бесспорное существование частной земельной собственности в Индии». Сам Уилкс упорно боролся против обложения по системе «заминдари»;[2] собственные его наблюдения делали его сторонником другой системы, которая впоследствии стала известна под именем владения ryatwari, где обложение налагалось непосредственно на крестьянина. У Уилкса Маркс нашел указания на книгу, которая имела важнейшее значение для окончательного формулирования его взглядов. Это были «Принципы азиатских монархий» Роберта Паттона. Но прежде чем читать Паттона, Маркс занимался «Современной Индией» Джорджа Кэмпбелла, делая полный конспект этой книги, которая послужила главным источником для его анализа процесса наступившего в это время в Индии разрушения древнего общества вследствие проникновения в него более высоких экономических форм буржуазной, капиталистической цивилизации.

Книга Паттона опубликована в 1801 г. Ее автор был отставным офицером армии Ост-индской компании и бывшим губернатором о. Св. Елены. Его старший брат был адмиралом, другой брат — флотским капитаном. Выйдя в отставку, они все трое занимались оригинальными философскими и исто-

---

[1] Там же, т. II, стр. 13.

[2] Заминдари (zemindari) — так называлась твердая, навсегда фиксированная рента в Бенгалии и некоторых других провинциях Индии; сбор ее производился при монгольских императорах особыми местными ответственными сборщиками, «заминдарами», которых англичане стали рассматривать, по завоевании страны, как землевладельцев-лэндлордов.

рическими исследованиями. Полное заглавие книги Паттона очень поучительно. Это — «Принципы азиатских монархий, исследованные с политической и исторической точек зрения в противоположность принципам европейских монархий, показывающие опасность смешения тех и других при управлении Индией; с попыткой проследить это различие по их источникам».

Ценность книги Паттона в том, что он оказался в состоянии примирить очевидное противоречие между Уилксом, который вынужден был выступать против показаний Бернье, Тавернье и других путешественников XVII столетия, и взглядами этих путешественников, доказывавших отсутствие частной собственности в азиатских странах. Оригинальная точка зрения Паттона ставит его значительно выше других исследователей того же времени. В введении к своей книге Паттон пишет: «на каждом шагу проявляются результаты собственности, — в нравах, обычаях, цивилизации и управлении, у всех народов и во все времена. К несчастью, историки в своих исследованиях древности не в достаточной степени полагаются на этот подлинный источник народных склонностей и характера... Исходя из этих соображений, я направил свое внимание особенно на состояние и последствия земельной собственности..., и я поражен тем убеждением, которое у меня получилось в результате этого. Всякий раз, когда можно обращаться к действию этой могущественной причины, она освещает истину и обнаруживает заблуждение».[1] Паттон видит различие между Европой и Азией в существовании в Европе крупных землевладельцев, которые поднимались на борьбу с короной, соперничали с ней в силе и устанавливали ограниченную монархию, которая была всеобщей формой правления. Земельная собственность была введена в Европе путем завоевания Римской империи пастушескими племенами, которые впервые здесь встретились с учреждением, создавшим неравенство среди них и разделившим их на два класса: «собственности и лиц» (property and persons).

Паттон, вероятно первый из историков, рассматривал историю Рима не как ряд великих войн и блестящих учреждений, но как постоянную и ожесточенную классовую борьбу. В противоположность этому, в Азии он не находил подобного же исторического развития. «Все, что мы знаем, это то, что на всем громадном пространстве земель, называемом Азией, включая сюда также часть Африки, — от Средиземного, Черного и Каспийского морей на севере и до Индийского океана на юге; от Африки на западе и до отдаленнейших границ Китая на востоке, — здесь всюду преобладает монархическое правление; и всякий раз, как устанавливалось земледелие, собственность на землю принадлежала правителю, и земельная рента составляла главный его доход, исключая, таким образом, возможность существования крупных землевладельцев; вследствие этого во всех этих правительствах на власть государя не налагалось никаких ограничений или стеснений, что постоянно и неизменно увековечивало ее произвольный и абсолютный характер» (стр. 4).

[1] Введение, стр. VI и VII.

Паттон настаивает на том, что неправильно называть податью, или «revenue», те платежи, которые производят крестьяне государю в азиатских странах. «Слово «revenue» обычно употребляется для выражения всяких государственных платежей, уплачиваемых правительству; в этом смысле оно прилагается и к поземельному налогу в Европе, который представляет собою известную часть земельной ренты согласно определенному обложению и уплачивается частным собственником государству. То же самое слово «revenue» прилагается к платежам, взимаемым с земель в Азии, причем оба явления смешиваются, и предполагается, что они совершенно одинаковы; но между ними существенное различие в том, что азиатский платеж представляет собой не часть, но всю ренту, которую правительство действительно получает по праву собственности» (стр. 9). В конце своего исследования об азиатском землевладении Паттон пишет: «Таким образом, окинув взором великие центральные империи Азии, от Средиземного моря до Китайского, мы установили, что главной основой их дохода и содержания была земельная рента в обычном понимании этого слова как дохода от земельной собственности государя»... (стр. 263). На всем протяжении своего исследования Паттон не допускает никаких промежуточных звеньев между собственником земли, правителем, который присваивает себе ренту, и крестьянином, который обрабатывает землю. Все остальные — только правительственные чиновники, сборщики, надзиратели и т. д. Даже военные служащие, владеющие землей, могут это делать только потому, что это наиболее удобный способ оплаты войск путем предоставления им ренты с этих земель для их содержания. Анализ соответствующих документов, законов Ману, постановлений Тимура, древних санскритских печатей, текст которых был переведен Джонсом, государственных бумаг Аурензеба и других, еще более убеждает Паттона в правильности его взглядов.

Но он был практическим человеком, который прожил на Востоке большую часть своей жизни и был хорошо знаком с главными участниками спора вокруг «твердого установления», равно как и со многими чиновниками Ост-индской компании, которые составляли превосходные отчеты, ясно и убедительно показывающие наличие частной собственности во многих частях Индии. Паттон далек от отрицания их свидетельства. Это противоречие он объясняет тем фактом, что в Египте и Индостане, с незапамятных времен, все должности носили наследственный характер, включая сюда и земледельцев. Существование наследственных земледельцев влечет за собой известную степень постоянства владения, потому что каждый отец обязан был снабдить своих сыновей средствами для отправления их наследственной профессии, а равно и для содержания правительства путем уплаты ренты. «Здесь, — говорит Паттон, — я высказываюсь за двоякое существование земельной собственности в Индостане, которое я различаю и по терминам: абсолютная собственность (absolute property), дающая право на ренту и существующая у государя, который может ее передавать или кому-либо назначить, и владельческая собственность (possessory property), связанная с обязанностью платить ренту, собственность земледельца (ryot)

или лица, владеющего ею, под условием обработки ее и доставления ренты государству или его заместителю; будучи по закону наследственной, а также передаваемой, она, таким образом, является фактически собственностью, правда, собственностью производной, зависящей от абсолютного собственника того же объекта» (стр. 75, 76).[1]

Паттон правильно указывает на различие между магометанскими и индусскими установлениями, что объясняется личным характером первых и наследственным — вторых. Всякий раз, как монгольские императоры раздавали должности индусам, они увековечивали наследственность. С другой стороны, военные должности у магометан давались только как личные и пожизненно. Поэтому земиндары, чаудри (chowdries), кэнонго (canongoes) и все другие финансовые и земельные чиновники продолжали оставаться наследственными, получая вознаграждение из части собранных ими рент или от участка земли, рента с которого назначалась для их содержания. Отсюда и произошла британская путаница в Бенгалии, когда земиндаров сделали лэндлордами и господами в их районах.

Паттон — решительный противник «твердого установления». «Кажется, служащими Ост-индской компании за границей усвоен новый язык, — презрительно отзывается он; — в их воображении все носятся феодальные идеи... Все уподобляется военным владениям древней Европы, и, вероятно, мирные земиндары сами не узнают себя, наряженные в костюм феодальных рыцарей» (стр. 134, 135). В Индостане, как и во всякой другой восточной монархии, нет и следа землевладения, основанного на наследственных поместьях, этой основе европейской аристократии. Установление системы «земиндари» приведет только к тому, что земиндары скоро начнут возражать против сбора англичанами девяти десятых ренты с земель, которые теперь должны рассматриваться как их частные поместья, и будут стараться противодействовать этому.

«Мы научены историей, — говорит Паттон, — ожидать от тех же самых причин тех же самых последствий и результатов. В связи с различием в климате и темпераменте неизбежно возникнут характерные разногласия, и туземцы Индии будут пытаться путем измены и резни осуществить то, что отважные вожди Севера оспаривали открытой враждой и вооруженными схватками» (стр. 190, 191). В свете позднейших неудач Британии примирить мелких раджей и крупных землевладельцев и последующего кровавого восстания эта мысль не безынтересна.

Паттон пытается объяснить также и факт почти полной неизменности формы азиатского правления на протяжении всей истории. Это, по его мнению, происходит оттого, что там отсутствуют иные интересы крупного землевладения, кроме интересов государства, которое является монополистом, препятствующим индивидуальному накоплению. Земля была распределена «между крестьянами и земледельцами маленькими ограниченными участками, которые они держат непосредственно от короны и которые, по

[1] Ср. вышеприведенную цитату из «Капитала», т. III, ч. II, стр. 267: «в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение землей».

крайней мере в Индостане, оставались все время наследственными и передаваемыми и потому собственностью; весь продукт с земли в форме ренты или земельного дохода (revenue) стекался со всех сторон империи в королевскую казну». Маркс не мог быть не поражен точкой зрения Паттона и, без сомнения, от него усвоил главный тезис о том, что в Азии собственность на землю принадлежит государству, которое получает с земледельцев земельную ренту. Но он едва ли мог принять данное Паттоном объяснение характера эволюции этой общественной формы. Маркс правильно подметил, что исходным пунктом наблюдения восточного общества, его зерном и основой неизменности является деревенская община с ее строгим разделением труда, родовым происхождением, соединением земледелия с промышленностью. Паттон полагал, что азиатское общество было естественной формой развития для пастушеского общества, переходящего к земледелию. Что это было также точкой зрения Маркса, это хорошо известно, но Маркс переход от пастушества к натуральному хозяйству рассматривал иначе, чем Паттон, потому что он имел больше сведений о важном значении родовых и клановых отношений и их развитии в деревенской общине.

III

В заключение мы должны спросить себя, насколько правы Маркс и Энгельс, выделяя азиатский способ производства как нечто специфическое. Исследование тетрадей Маркса от 1853 г., периода, когда он вместе с Энгельсом впервые формулировал свои взгляды, показывает, что глубоко изучена была им только одна азиатская страна — Индия. О Ближнем Востоке и Китае Маркс имел гораздо более поверхностные сведения. С другой стороны, Энгельс, достаточно начитанный в персидской литературе, был хорошо знаком с ближневосточными странами. Хотя они не занимались специально изучением источников, хотя их главный интерес был направлен на результаты спора вокруг установления английского поземельного обложения в Индии, все же они знали факты, собранные теми, кто считался перворазрядными авторитетами в данной области. В превосходстве работ этих английских ориенталистов не может быть сомнения. Они были на голову выше современных писателей по истории Индии и ее общества. Работы таких исследователей, как Уилкс и Паттон, и даже Джордж Кэмпбелл, совершенно не похожи на компиляцию столь поражающей своими внешними размерами «Кэмбриджской» истории Индии. Они гораздо ближе к фактам и гораздо более заинтересованы в достоверности, чем современные британские «ученые» историки.

Хотя Уилкс и говорит, что он должен отвергнуть свидетельство Бернье, Тавернье, Шардэна и других знаменитых путешественников в вопросе о земельной собственности, никоим образом нет оснований думать, что последние глубоко ошибались в этом отношении. Такая система была настолько в полном противоречии с их собственными взглядами, что едва ли можно подозревать их в каких-нибудь предвзятых мыслях по этому предмету. И мнение Паттона здесь особенно важно, так как оно показывает способ,

которым примиряется это противоречие. Государство было землевладельцем, которому платилась рента, но держателю гарантировалось владение землей, подобно тому как это имеет место в Англии при аренде на 99 лет. Только в Индии это была не аренда, а наследственное держание, и очень важно не забывать, что только профессия была действительно наследственной; в теории правитель мог отобрать землю в любое время.

Эта точка зрения и была окончательно усвоена Марксом. Интересно процитировать из статьи Тренча «Земельный налог», напечатанной в «Times» (Indian Supplement for February 18th, 1930, by C. G. C. Trench) следующее место:

«Светская власть в Индии принесла с собой бесспорное право господства над землей, и ее наследники, будь это иностранцы или туземцы, никогда не передавали своих прав на долю продукта с каждого засеянного акра земли. Между ними и «человеком у плуга» имеются многочисленные ступени «собственности»; земельный налог в Британской Индии собирается или непосредственно с земледельца, или через посредников, которым гарантируется определенное право реализации ренты с держателей... Британское правительство справедливо может рассматриваться прежде всего и больше всего как землевладелец (landlord), и притом землевладелец столь громадного масштаба, что исчерпывающее обозрение его владения означало бы экономическое исследование громадной части этой населенной планеты». Конечно, это не значит, что азиатский способ производства продолжает еще господствовать в Индии. Империализм уже навсегда разбил экономическое единство этой системы, — деревенскую общину; в то же время «общественные работы» являются еще и сейчас до известной степени делом государства, но, конечно, уже не в азиатском смысле.

Громадные фирмы, которые производят общественные работы в Индии, и банки, финансирующие их, являются существенными чертами финансового капитализма, отделенного целым рядом исторических эпох от оросительных каналов персидских и монгольских монархов. Даже в области земельной собственности, как указывал уже Маркс, англичане произвели значительные изменения в старой азиатской системе, введя «английский лэндлордизм, ирландскую мелкоземельную систему и австрийскую систему, превращающую землевладельцев в сборщика налогов», на-ряду с азиатской системой, где государство является непосредственным землевладельцем. Мелкокрестьянская система индийского земледельца медленно отступает перед капиталистической формой, и, как рассказывает нам тот же Тренч, мы имеем теперь «поместья заминдаров, водоподъемники и тракторы которых, приводимые в действие нефтяными двигателями, занимают целый штаб квалифицированных механиков». Но еще больше того чувствует себя лэндлордом британский раджа, положение, которое ведет к отчаянным попыткам со стороны индийских буржуазных ученых доказать, что в Индии никогда и ни в какой форме не существовало собственности государства на землю.

Можно ли азиатскую систему рассматривать как феодализм или как «специально восточный феодализм»? В Англии также теоретически земли

принадлежат королю. Форма деревенской общины существовала вплоть до XVII века и сохраняет теперь еще свои следы в отсталых частях страны; до известной степени и «общественные работы» были централизованы. Например, проведение дорог было королевской прерогативой, и дороги назывались «королевскими большими дорогами» (the Kings highway). Но даже поверхностное исследование показывает различие, и не только «количественное», между этими двумя формами «феодализма». Английские короли не получали ренты с земель, которые юридически принадлежали им, а пользовались лишь все уменьшающимся количеством феодальных служб. Разделение между городом и деревней, которое не получило достаточного развития на Востоке, быстро развивалось на Западе по мере успехов товарного производства. Почему товарное производство не развивалось на Востоке? По той простой причине, что собственность на землю, а во многих случаях даже и на вспомогательные средства производства, принадлежавшая государству, препятствовала его надлежащему развитию. В этом смысле свидетельства Марко Поло, Бернье и других являются решающими. В империи Кублай-хана, например, и вообще в монгольских империях удачливые генералы не награждались, как в Европе, наследственными поместьями. Им давались лишь особые свидетельства власти. Поло пишет: «Некоторым большим господам дается дощечка с кречетом на ней; она дается лишь самым большим баронам хана и переносит на них всю полноту его власти и авторитета, так что если один из этих начальников захочет послать куда-нибудь вестника, он может схватить лошадей любого человека, даже короля, а также и другое имущество по своей воле (стр. 350; подчеркнуто мною. — *Р. Ф.*). В Китае вся дичь была собственностью великого хана, все рудники, и он же брал десятину с шерсти, шелка, пеньки и пр. Он запрещал азартные игры и пари по той простой причине, что «все, что ты имеешь, принадлежит мне, и если ты проиграешь свою собственность, в действительности ты проиграл мою собственность». В Китае производственной единицей была также деревенская община, и занятия также являлись наследственными. Внутренняя торговля на Востоке ограничивалась лишь снабжением громадных императорских дворов и армий, меньших дворов провинциальных императоров и только в очень малой степени домов людей торгового класса. «Богатый багдадский купец», который служит такой популярной фигурой восточной легенды, был, как правило, только покровительствуемым поставщиком двора или армии. До известной степени он играл, конечно, роль в международной торговле на известных путях, но в гораздо меньшей степени, чем его западный собрат. Отсутствием промежуточного класса между правителем и крестьянством обязана своим существованием и та восточная «демократия», о которой писали многие европейские путешественники XIX века, отдавая ей предпочтение по сравнению с ложной буржуазной демократией своей собственной страны. Между ними мы должны упомянуть эксцентричного знакомого Маркса Давида Уркарта. Подобным же образом становятся возможны и те поражающие прыжки к богатству, которые часто составляют интригу многих

сказок из «Тысячи и одной ночи». Действительно, такие события еще живы в памяти многих восточных народов, даже если оставить в стороне историю вступления на персидский престол крестьянина Риза-хана.

В существовании качественного различия между восточным и западным обществом не может быть сомнения. Вопрос состоит лишь в том, окончательно ли выясняется оно теорией азиатского способа производства, как его понимают Маркс и Энгельс.

Это не входит в задачу настоящей статьи. Ее целью было лишь показать, что это есть марксистская концепция, и выяснить, каковы были ее источники. По крайней мере, одно ясно: внешние свидетельства говорят в пользу правильности точки зрения Маркса и Энгельса. Дальнейшие исследования о движущих силах восточного общества, которые ожидаются от наших марксистских ориенталистов, должны не только оценить, насколько Маркс и Энгельс были правы или неправы, но также изучить и все разнообразие в развитии восточного общества. Почему на своих-конечных полюсах, Ближнем и Дальнем Востоке, в Малой Азии, Египте и Японии, обнаруживается гораздо больше родства с западным феодальным обществом? Может быть, в пределах старой Турецкой империи эти черты можно будет проследить до более ранней эпохи непосредственного соприкосновения турок с западным обществом. В отношении Японии должны быть приняты во внимание другие причины, частью географического, частью исторического характера.

Может возникнуть последний вопрос. Указывают, что Маркс, поместив восточный способ производства в начале социально-исторической эволюции, последовательными формами развития которого являлись античное, феодальное и буржуазное общества, оставил этот взгляд после знакомства с трудом Моргана и поместил античное и азиатское общества рядом как два сосуществующих типа экономического развития. Это—точка зрения Плеханова, выраженная им в «Основных вопросах марксизма». «Античное общество,—пишет Плеханов,—сменило собою родовую общественную организацию, и та же организация предшествовала возникновению восточного общественного строя».[1] Это — верно, но это не значит, что Маркс и Энгельс полностью изменили свои взгляды на первенство восточного способа производства или даже происхождение античного общества из азиатского. На странице «Анти-Дюринга», уже цитированной выше, Энгельс пишет, что древние общины служили основанием «самых грубых государственных форм восточного деспотизма» и что «только там, где он распался, самостоятельное развитие пошло вперед». «Первым шагом по пути экономического производства было усиление и развитие производства посредством рабского труда».[2]

---

[1] Г. Плеханов, Основные вопросы марксизма. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Библиотека марксиста», вып. VI, Госиздат, М. — Л., 1929, стр. 50.

[2] «Анти-Дюринг», стр. 169.

И. ЗАВИТНЕВИЧ

К ВОПРОСУ О РУКОВОДСТВЕ МАССОВЫМ ДВИЖЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [1]

(1830—1930)

I. Об организационном воздействии на массы 27—29 июля

В период реставрации Франция испытала крупнейшие изменения в социальной структуре общества. С падением системы континентальной блокады старая организация промышленности получила серьезный удар благодаря конкуренции английского фабричного производства. После жестокого кризиса бумагопрядильная промышленность решительно перешла к фабричному производству; в шерстопрядении фабричный способ производства уже стал вытеснять ручное прядение как в городах, так и в деревнях; стало развиваться фабричное бумаготкачество. Правда, концентрация производства делала лишь первые шаги, и крупные мануфактуры времен империи имели гораздо больше рабочих, объединенных в одном помещении, чем крупные фабрики в 1830-х годах.

Развивающаяся промышленная революция изменяла классовые отношения. Из слабо диференцированной массы мелких производителей и нанимаемых ими рабочих ремесленного типа выделяется индустриальный пролетариат, который по своему положению резко противостоит предпринимателям — более или менее крупным капиталистам, и в отличие от мануфактурного пролетариата лишен надежды сделаться собственником средств производства. Происходит разорение, обнищание и пролетаризация множества мелких производителей, сохранявших еще видимость экономической самостоятельности. Наконец, и в среде крупной буржуазии происходят значительные сдвиги. Если «самая тесная связь между торговым и промышленным капиталом есть одна из наиболее характерных особенностей мануфактуры» (Ленин), то с развитием фабричного производства не только порывается эта связь, но в ряде случаев происходит резкое противопоставление интересов промышленной буржуазии интересам буржуазии торговой, банковской и землевладельческой; на этой основе намечается диференциация в среде либеральных обществ.

Численный рост пролетариата сопровождался заменой квалифицирован-

[1] В статье использована коллекция брошюр 1830-х годов, имеющаяся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса.

ных рабочих женщинами и детьми, падением заработной платы, непомерным удлинением рабочего дня (до 16 — 18 часов). Резкое ухудшение материального положения пролетариата, грозившее физическим и интеллектуальным вырождением, не беспокоило буржуазию, поскольку разоряющиеся мелкие производители города и деревни пополняли невиданную по обширности резервную армию безработных. Часть мелких производителей, чтобы сохранить средства производства, принуждена была снижать расценки на свой труд и понижать уровень потребностей. Безработица тяжелым грузом давила и понижала заработки ремесленников и таких отраслей производства, которые не были еще охвачены промышленным переворотом. Поэтому тяжелые последствия промышленного переворота сказались и в Париже, в котором развито было производство предметов роскоши, сохранившее характер мелкого ремесленного производства и мануфактуры. Однако и в такие цитадели мелкого производства, как конфекцион и производство обуви, вторгается механизация (швейные машины и пр.).[1] Не приходится удивляться, что и без промышленного кризиса, в период разгара строительных работ, в Париже были голодающие рабочие; 28 июля 1830 г. на площади Бастилии, где большинство сражавшихся были ремесленниками из Сент-Антуанского предместья, на ряду с возгласом «Да здравствует хартия!», раздавался крик: «Хлеба! Хлеба!» Политический кризис, вызванный ордонансами 25 июля, дал политическое преломление возмущения широких масс рабочих и ремесленников Парижа в связи с резким ухудшением их положения. И действительно, рабочие и ремесленники Парижа проявили необычайную активность в июльские дни. Вся тяжесть борьбы в течение первых двух дней легла исключительно на них. Если не считать нескольких частичных выступлений,[2] национальная

---

[1] Sée, La vie économique de la France sous la monarchie censitaire. Paris 1927, p. 83; Тарле, Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М. 1928, стр. 66. Анри Сэ указывает, что в Париже к середине XIX века было 7 000 хозяев, занимавших каждый свыше 10 рабочих, и 32 000 хозяев, имевших одного или двух рабочих. Насколько средние цифры мало показательны, видно хотя бы из выборочных данных для января 1823 г., приводимых Бурженами (G. Bourgin et H. Bourgin, Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830: recueil des textes, t. II, приложение).

Количество рабочих, занятых в предприятиях.

	2—10 рабочих	11—50 рабочих	51—100 рабочих	101—500 рабочих	Свыше 500 рабочих	Итого
Колич. предприятий . .	3	60	22	12	1	98
» рабоч. в них . .	21	1 631	1 611	2 148	800	6 211
Среднее для 1 предприятия	7	27	80	179	800	63

[2] 28 июля около сотни национальных гвардейцев 7-го легиона во главе с капитаном Фессаром принимали участие во взятии ратуши; около сотни национальных гвардейцев 1-го легиона принуждены были дать отпор королевской гвардии, пытавшейся помешать их собранию в мэрии 1-го округа; наконец группа национальных гвардейцев

гвардия, как боевая сила, только с 29 июля принимает участие в баррикадных боях; до этого были лишь выступления отдельных национальных гвардейцев. Ученики политехнической школы тоже только с вечера 28 июля присоединились к восставшим и возглавили отдельные отряды по большей части из рабочих. Иногда рабочие с одного предприятия составляли особый отряд. Так, рабочие промышленного предприятия Адора и Боннэра в Вожираре составили отряд, во главе которого стал мастер фабрики Колла; 29-го они принимали участие во взятии Вавилонских казарм, влившись в ту пеструю группу, которую возглавили бывший авдокат Жаффрэ и ученик политехнической школы Лануа.[1]

Некоторое представление о роли рабочих в июльские дни могут дать сведения о раненых, попавших в госпитали и лазареты. В июльские дни в госпиталь Hôtel Dieu de Paris, находящийся против собора Парижской богоматери, вблизи мест наиболее горячих боев, были приняты 390 раненых, но опубликованы сведения всего лишь о 218 из них; из этого числа приходится отбросить 38 человек военных, большинство которых, по всей вероятности, сражались в рядах королевских войск, и 14 человек, о которых опубликованные сведения недостаточны для определения их социального положения. Из оставшихся 166 человек только 10 интеллигентов (в том числе 3 учащихся, остальные художники), 26 мелких торговцев и комиссионеров и 129 человек, т. е. 77,6%, рабочих и ремесленников.[2] Если торговцы, явившиеся жертвами боев в центре города, могли быть жителями близлежащих улиц, то рабочие в большинстве пришли из предместий.

К этому бурному проявлению политической активности со стороны рабочих у буржуазии было двойственное отношение: с одной стороны, стремление использовать эту активность в своих интересах, с другой — страх перед вооруженными рабочими. Некоторые буржуа не только поощряли, но и толкали рабочих к активным действиям. Известна роль некоторых собственников типографий, выкинувших на улицу своих рабочих сейчас же после опубликования ордонансов. Подобным образом действовали и другие капиталисты. Терно отпустил 150 рабочих, заплатив им за неделю вперед.[3] Фабрикант Ойо поместил в газете «Constitutionnel» письмо с призывом ко всем фабрикантам и хозяевам мастерских уплатить своим рабочим за все дни борьбы, как за дни работы.[4] Собственник транспортной конторы Андрэ Галло уступил «народу» ящики с ружьями, бывшие у него на складах;[5] депутат Одри де-Пюйраво, также владелец транспортной конторы, передал

10-го легиона без столкновения сменила пост тюрьмы Аббэ и освободила содержавшихся там военных, несших наказание за дисциплинарные проступки (Alboize et Elie, Fastes des gardes nationales de France. Paris 1849, p. 263 — 265).

[1] «Gazette des Tribunaux», 12 août 1830, p. 930.

[2] Для подсчета использована работа Prosper Menière, L'Hôtel Dieu de Paris en juillet et août 1830. Paris 1830.

[3] «Evénements de Paris des 26, 27, 28 et 29 juillet 1830 par plusieurs témoins oculaires». Paris 1830, p. 19.

[4] P. G. Prosper L***, anc. professeur d'histoire. Souvenirs glorieux du parisien ou précis historique des journées des 26, 27, 28, 29, 30 et 31 juillet 1830. Paris 1830, p. 88.

[5] Alfred Dubuc, Histoire de la révolution de juillet 1830. Paris 1833, p. 38.

инсургентам 200 или 300 ружей и 1800 штыков и предоставил все свои телеги для постройки баррикад.[1]

Иной раз капиталисты принуждены были «жертвовать» на пользу революции свои товары, уступая насилию. Торговец оружием Лепаж тщетно взывал к толпе, ломившейся в его магазин, обещая по примеру своего отца в 1789 г. принести жертву отечеству и самолично, организованным порядком, раздать оружие; двери и окна все же были взломаны и оружие взято для боев. То же было и с другими оружейными лавками.[2]

С другой стороны, страх перед покушением на собственность охватил все слои буржуазии. Даже наиболее решительные буржуазные деятели больше думали не о том, как бы организовать силу восстания, а о том, как бы обеспечить «порядок». О национальной гвардии, распущенной с 29 апреля 1827 г., вспомнили не для вооружения революции, а для того, чтобы противопоставить вооруженному народу силу «порядка». С раннего утра 28 июля в мэрию созываются национальные гвардейцы. Небезызвестный депутат Берар, в июльские дни один из первых поднявший вопрос о создании временного правительства, советовал капитану национальной гвардии, Леклеру, собрать национальную гвардию для того, чтобы организовать муниципальную власть, заместить мэра и поддерживать порядок. Другим он предлагал призывать национальных гвардейцев к оружию, считая вооружение национальной гвардии полезной и своевременной мерой, так как «более всего следует опасаться беспорядков после победы».[3]

Сами национальные гвардейцы понимали свои обязанности таким же образом. Это и понятно: ведь национальная гвардия могла вербоваться только из представителей более или менее состоятельных классов, поскольку экипироваться приходилось за свой счет. Так, национальные гвардейцы, собравшиеся в мэрии XI округа, «много ораторствовали, но не приходили ни к какому решению. В общем, национальные гвардейцы говорили о том, что надо поддержать порядок. Это было хорошо,—говорит наш автор, активный боец июльских дней, — но этого было недостаточно, надо было стрелять!» В одной из мэрий, несмотря на то, что десятка полтора рабочих (опять рабочие являются застрельщиками!) ходили по улицам и били сбор, национальных гвардейцев вовсе не удалось собрать: они готовы были защищаться, бросая в королевские войска камни и черепицу, но не хотели покинуть своих жилищ.

Напротив, рабочие сами явились в мэрию и как вооруженные, так и безоружные требовали, чтобы их вели в бой. Эти инциденты убедили автора цитированной брошюры в том, что следует рассчитывать только на рабочих.[4]

[1] [Boullée], Histoire de France pendant la dernière année de la restauration, par un ancien magistrat. Paris 1839, t. I, p. 280.

[2] Rossignol et Pharaon, Histoire de la révolution de 1830 et des nouvelles barricades; ouvrage présenté au roi. Paris 1830, p. 74 — 75.

[3] Bérard, Souvenirs historiques sur la révolution de 1830. Paris 1834, p. 76, 78.

[4] F. B***, officier porte-drapeau de la 9-me légion. Trois journées d'un bourgeois de Paris. Juillet 1830. Au profit des blessés. Paris 1830, p. 8 — 9.

Брошюрная литература и газеты первых дней революции признают выдающуюся роль рабочих в июльские дни. Но само прославление этих героев носит «нравоучительный» характер. Героями изображаются те, кто проявил уважение к праву собственности: рабочий, одетый в лохмотья, обыскивающий всех при выходе из Тюльерийского сада и жестоко наказавший какого-то рабочего, попытавшегося присвоить себе маленькую фарфоровую чашку; ремесленный ученик Шарль Готье, один из первых ворвавшийся в Тюльери и сдавший мэру найденные там драгоценности; работница Стефания Пийо, сдавшая в мэрию дорогое вышитое платье;[1] двое рабочих, доставивших в мэрию бронзовый ящик с золотом, захваченный в покоях герцогини Беррийской.[2] Прославляется бескорыстие тех рабочих, которые или вовсе отказывались от денег, или же, если они были голодны, брали ровно столько, сколько нужно, и возвращали жертвователям сдачу с пятифранковых монет. Особенно же восхвалялась готовность рабочих сдать оружие, так или иначе приобретенное в дни боев. В нескольких изданиях можно прочесть, как 31 июля утром печник Жан Гренье принес свое оружие начальнику поста на улице Сент-Авуа. Ему приписывались следующие слова: «Вот моя сабля, я ею здорово действовал в течение трех дней; теперь я возвращаюсь к своей работе, и мое оружие мне больше не нужно, я его жертвую национальной гвардии».[3]

Не трудно заметить, что сквозь пафос подобного рода сообщений проглядывает все та же забота о безопасности собственности. Тем же чувством была продиктована такая мера, как создание национальной легкой гвардии (garde mobile) и поход на Рамбулье. Приказ о создании 20 легионов легкой гвардии с необычайно высокой оплатой — по 30 су в день рядовому солдату, изданный 31 июля Лафайстом и муниципальной комиссией, подвергался бережливыми буржуа осуждению. Берар возражает им: «Эта мера могла быть разорительной с точки зрения финансовой даже за тот небольшой период времени, в течение которого она применялась; но с точки зрения политики она сыграла большую роль, очистив столицу от большого количества людей, которые из-за недостатка средств к существованию могли бы оказаться очень вредными для общественного спокойствия».[4]

Опасения буржуазии не оправдались. Уже 2 августа рабочие вернулись к своим обычным занятиям. Такого «благоприятного» исхода «славных дней» буржуазия никак не ожидала. «Что меня больше всего поразило, когда я вышел из дому в понедельник утром [2 августа], это — рабочие, занятые своим трудом, как будто ничего особенного не произошло за предыдущую неделю».[5] В этих условиях легкая гвардия, пролетарская по составу, была не нужна, гораздо нужнее была резервная армия для промышленности. И через восемь дней после своего появления на свет легкая гвардия была уничтожена приказом той же муниципальной комиссии. В на-

---

[1] [Perrot A. M.], Rélation historique des journées memorables des 27, 28, 29 juillet 1830 en honneur des parisiens. Paris. Langlois fils 1830, p. 78, 79, 102 et ssq.

[2] Prosper L***, Souvenirs glorieux du parisien, p. 57.

[3] Prosper L***, Souvenirs glorieux, p. 55 — 56.

[4] Bérard, Souvenirs, p. 159. [5] Bérard, Souvenirs, p. 163.

циональную гвардию доступ рабочим и ремесленникам был закрыт окончательно тем, что был принят «такой блестящий и дорогой мундир... что она была превращена почти в аристократическую организацию, из которой народ был исключен по бедности».[1]

При таком настроении буржуазии и буржуазной интеллигенции и при отсутствии каких-либо политических организаций среди рабочих трудно ожидать широкого охвата руководством той волны массового движения, которая низвергла Карла X.

Действительно, недостаток в руководстве ощущался настолько сильно, требования готовых к борьбе масс дать организаторов и руководителей были так настойчивы, что все это отразилось даже в литературе, прославляющей «героев» июльских дней. «Пока происходило у меня собрание [депутатов, 28 июля, с 4 часов вечера], — говорит Берар, — каждую минуту приходили бойцы и требовали вождя и руководства. Они не без основания возмущались, что в то время как они рискуют жизнью, ни один значительный человек не соглашается не то, чтобы стать во главе их, но хотя бы дать им свое имя, чтобы послужить знаменем для объединения».[2] Отсутствие вождей отмечает и историк Анаи Базэн в частном письме от 10 августа 1830 г.[3] Не находилось даже людей, которые возглавили бы отдельные, уже сформированные отряды. Знаменосец Ф. Б., цитированный нами выше, рассказывает, что собравшиеся в мэрии 15 рабочих не сразу могли добиться человека, который бы их повел в бой.[4] Сотня национальных гвардейцев, собравшихся 28-го у мэрии X округа, не могла найти другого руководителя, кроме мэра Южо Д'Ориньи.[5] Дюбюк говорит о колонне граждан, «плохо вооруженных, но полных решимости», которая пришла 29-го к ратуше, чтобы найти вождя, который повел бы ее в атаку на Лувр.[6] Совершенно неизвестные до того люди, имена которых иногда даже не сохранились в анналах истории, брали на себя инициативу и организовывали тот или другой отряд, вели его в бой, иногда брали на себя командование защитой какого-нибудь небольшого участка. В предместьи Пуассоньер еще 27 июля капитан Фландэн повел в атаку на казармы de la Jeune France человек 200, из которых не более 20 были вооружены.[7] «На улице Сент-Антуан 28 июля возведением одной из баррикад и защитой ее руководил рабочий Симон, прозванный «капитаном Блузой»; он же сумел захватить у королевских войск две пушки.[8] На той же улице знаменосец Ф. Б. организовал своеобразную трудовую повинность для возведения баррикады между улицами Жуи и Тирон: он расставил посты на всех выходах; каждому, будь он рабочий или буржуа, свободно разрешалось войти

---

[1] Cabet, Révolution de 1830 et situation présente (novembre 1833). Paris 1834. p. 173. Цитирую по 3-му изданию. [2] Bérard, Souvenirs, p. 89.

[3] Опубликовано A. J. de Marnay в сборнике «Mémoires secrètes et témoignages authentiques; chute de Charles X, royauté de juillet, 24 février 1848». Paris 1875, p. 18.

[4] F. B***, Trois journées, p. 9. [5] Alboize et Charles Elie, op. cit., p. 265.

[6] Alfred Dubuc, Histoire de la révolution de juillet 1830. Paris 1833, p. 51.

[7] См. Rossignol et Pharaon, op. cit, p. 79.

[8] «Histoire de la révolution de Paris depuis 26 juillet jusqu'au 31 août 1830». Paris, Lebigre, 1830, p. 165.

*

в квартал, но выйти из него можно было лишь после того, как он приложил труд к возведению баррикад или к взламыванию мостовых.[1] Часто военные становятся во главе сформировавшихся отрядов; иногда они для этого покидают ряды королевских войск. Так, полковник 51-го армейского полка на площади ратуши перешел к восставшим и возглавил колонну бойцов.[2] Указывают, что при постройке баррикад значительную помощь восставшим оказывали отдельные офицеры, служившие в армиях Наполеона и сохранившие симпатии к наполеоновскому режиму.[3] Все эти организаторы — люди случайные, поднятые волной стихийного движения, — между собой не были связаны, их действия не были согласованы. Это были люди действия, не растерявшиеся в момент революции, одиночки, не имеющие ни сил, ни возможности расширить свое организационное воздействие больше чем на определенный случайный отряд вооруженных людей. Даже наиболее энергичные, вроде не раз цитированного нами знаменосца Ф. Б., почувствовав настоятельную необходимость общего руководства движением, могли лишь пойти искать этих руководителей, сами же не умели внести какие-нибудь элементы организованности в действия ничем не связанных друг с другом отрядов.

Не явились такой организующей, цементирующей силой и ученики политехнической школы. В течение первых двух дней только двое или трое из них ринулись в бой. Массовое участие их в борьбе началось только с вечера 28 июля. Правда, они сыграли огромную роль. Дело в том, что к вечеру этого дня восстание, казалось, было накануне своего поражения. Ратуша в течение дня несколько раз захватывалась повстанцами, но вскоре оставлялась ими вследствие невозможности закрепить успех стремительной атаки из-за неорганизованности и отсутствия руководства; к вечеру ратуша перешла в руки королевских войск, которые, казалось, прочно в ней засели. Разнеслись слухи о приходе подкреплений правительству. Эта весть произвела угнетающее впечатление на депутатов, трусливое поведение которых общеизвестно. На собрание у Одри де-Пюйраво в 10 часов вечера пришло всего человек десять. «Каждый, казалось, хотел стушеваться и исчезнуть со сцены, которая по всем признакам скоро могла сделаться кровавой для тех, кто на ней оказался, если бы Карл X одержал победу», рассказывает Берар, один из наиболее мужественных депутатов. Сам он после долгого и трудного пути через баррикады и посты инсургентов вернулся домой в 2 часа ночи в крайне встревоженном состоянии духа. «Я не хотел сдаваться живым, — говорит он, — я приготовил все для отчаянной защиты. С другой стороны, можно было рассчитывать на бегство; у меня были для этого возможности: я подставил лестницу таким образом, чтобы иметь возможность перелезть через стену и спрыгнуть в соседний дом. Привратнику я приказал никому не открывать двери без моего приказания. На ночной стол я

[1] F. B***, Trois journées, p. 8.

[2] «Victoires et conquêtes des parisiens, ou histoire complète des événements qui ont précédé et suivi l'héroique révolution de 1830». Paris 1830, p. 37.

[3] «Coup d'oeil sur les derniers événements de Paris. Nouvelle édition, revue et corrigée. Leipzig-Paris. 1832, p. 15.

положил пистолеты и саблю»...[1] Панические настроения проникали и в ряды сражающихся. «Доносили об унынии граждан, справедливо раздосадованных отсутствием вождей, которые бы ими руководили, отсутствием цели, которой нужно достигнуть в результате героического сопротивления».[2]

Поэтому прибытие энергичных и решительных молодых людей из политехнической школы, хорошо знакомых с военным искусством, должно было приободрить повстанцев. Одни отряды получили умелых руководителей, другим отрядам учащиеся помогли организоваться. Благодаря энергии политехников были взяты военные склады Иври, Аббэ и артиллерийский музей на площади Фомы Аквинского. На следующий день они возглавляли колонны, бравшие Лувр и Тюльери. Но опять-таки это были разрозненные, партизанские действия; согласованность действий носила совершенно случайный характер; например, друзья распределяли между собой районы действия. Никакого организующего центра создано не было; связь между отрядами не устанавливалась. Организующие силы распылились и потонули в море стихии. Среди самих учеников политехнической школы не оказалось должной спайки. Взять хотя бы тот факт, что только 50 — 60 из 250 человек, вырвавшихся из школы, взялись за оружие, а остальные воспользовались случаем, чтобы провести несколько дней в семье.

Встречаются попытки представить бывших карбонариев организующим центром восстания. Те отрывочные сведения о роли карбонариев, которые дают брошюры 1830-х годов, обрисовывают их роль в несколько другом свете. Накануне революции карбонарии представляли собою жалкие остатки, расчлененное, мертвое тело. Попытки Шонена в декабре 1829 г. и январе 1830 г. оживить их с помощью радужных перспектив революций итальянской (сделать герцога Моденского королем Италии), французской (в пользу герцога Орлеанского) кончились полнейшим крахом и вскрыли только ряд непримиримых разногласий; эти последние доказали, что неопределенный либерализм карбонариев уже больше не может быть платформой для буржуазного движения, которое раскололось на ряд течений. Шонену, выступившему ярким орлеанистом, пришлось вести тонкую дипломатию, чтобы не внести полный раскол в ряды карбонариев: республиканцам он говорил, что монархия с Орлеанами будет состоянием переходным к республике.[3] Все же объединить карбонариев ему не удалось, его радужным перспективам никто не поверил, и июльская революция явилась для них совершенно неожиданно, что прямо и признает Шарль Тест,[4] республиканец-якобинец, друг и соратник Буонарроти. Что собою представляло знаменитое собрание нескольких карбонариев в доме Каде-Гассикура на улице Сент-Онорэ, продолжавшееся с 7 до 11 часов вечера 27 июля? Дюбюк говорит об этом собрании: «Многие все еще настаивали на том, чтобы не выходить за пределы легального сопротивления». Как видно из решения собрания,

[1] Bérard, Souvenirs, p. 95. [2] Ibidem, p. 93.

[3] Cabet, La révolution de 1830 et situation présente, p. 136.

[4] См. его «Projet de constitution républicain et déclaration des principes fondamentaux de la société». Paris 1833, p. 3.

одержало верх как раз мнение этих лиц, мнение, которое мало отличается от высказываний депутатов, едко высмеенных Луи Бланом и левыми республиканцами. «За восстание не высказывались,—говорит дальше Дюбюк,—но обещали, что если на народ нападут или если народ сам пойдет в атаку, то дело народа будет их делом».[1] Если вспомнить, что весь день 27 июля происходили не просто стычки, а настоящие сражения «народа» с войсками, что именно в этот день «народ» вооружался, насильственным путем взяв оружие в оружейных лавках, что в то время, пока они говорили, в 9 часов вечера по той же улице «сомкнутыми колоннами проходила королевская гвардия, стреляя в прохожих»,[2] — то станет ясно, что эти торжественные «обещания» были не что иное, как отказ примкнуть к движению. Можно ли здесь говорить о каком-либо руководстве движением? Повод к таким утверждениям дало решение собрания обратиться к национальной гвардии с призывом организовать «временные муниципалитеты». Как мы уже выше видели, обе эти меры служили не помощью восставшим, а охраной от них, охраной «собственности и порядка» среди анархии.

Карбонарии не решались взять на себя какую бы то ни было ответственность. Карбонарии Булэ де-ла-Мэрт и Мерилу, делегированные собранием избирателей, приходили на собрание депутатов у де-Лаборда (26-го вечером) за советом, как им действовать в интересах свободы. Несмотря на нелюбезный прием и бюрократическое: «придите завтра», они явились 27-го с предложением, чтобы депутаты (те самые депутаты, которые долго совещались, не нарушат ли они легальности, принимая депутации) возглавили восстание и руководили им.[3] Разве можно оценить этот маневр иначе, как желание отвести от себя ответственность в критический момент. Правда, имеются указания на героическое поведение отдельных карбонариев—Жубера, Гинара, Левассера, Тома, Бастида, Кавеньяка.[4] Первых четырех называли даже вождями восстания, однако никакой организующей роли их не указывали. Это был не более чем индивидуальный героизм и организация отдельных изолированных отрядов. Существовали отдельные, изолированные друг от друга бывшие карбонарии, но не существовало никакой организации. Руководства движением или хотя бы частью его карбонарии не осуществили.

Еще меньше было организационное воздействие орлеанистов, организовавшихся как партия благодаря энергии Лаффита, Фуа, Жирардена, герцога Дальбера и др. еще в 1821—1823 гг. и простиравших свое влияние на часть карбонариев. Наиболее решительные из орлеанистов проявили себя

---

[1] Alfred Dubuc, op. cit, p. 32.

[2] Hipp. Bonnellier, Mémorial de l'Hôtel de Ville de Paris. 1830. Paris 1835, p. 12 — 13. Боннелье сам участвовал на собрании; упоминая об этом собрании, он и не пытается опровергнуть Дюбюка, и ни слова не говорит о том, что происходило у Каде-Гассикура.

[3] Bérard, Souvenirs, p. 73, и A. Marrast, Particularités curieuses sur la conduite de quelques-uns de nos hommes d'état durant les journées des 26, 27, 28, 29, 30 et 31 juillet 1830. Extrai de la «Tribune», p. 10.

[4] См. Prosper L***, Souvenirs glorieux, p. 15, 95, 97; Sarrans (jeune), Louis Philippe et la contre-révolution de 1830. Paris 1834, t. I, p. 237 et ssq.

еще 27 июля организацией собрания «свободных французов» и составлением орлеанистского воззвания, не напечатанного ни в одном органе; однако это выступление лидеры партии не поддержали, считая его, как видно, слишком рискованным, а орлеанистские историки его замалчивали. Таким образом, оно потеряло характер выступления орлеанистов как организации. Некоторые орлеанисты были хорошими бойцами, но орлеанистская верхушка, боясь себя скомпрометировать, организационно не связалась с ними. Берар говорит о том, что он помогал советами ряду приходивших к нему бойцов. «Я был маленьким центром операций, направляемых деятельным интересом нашего освобождения»,[1] и тут же раскрывает содержание своих советов, направленных на охрану безопасности и собственности (о них мы упоминали выше). Он тоже не решился стать во главе восставших: «Я сожалел, что мое имя не было достаточно известно, чтобы его использовать в качестве знамени», и тут же нашел выход из положения: он предложил «создать» фиктивное временное правительство и назвал имена генерала Лафайета, Жерара, герцога Шуазеля. «Пройдет не менее 24 часов, прежде чем они смогут выступить с протестом, а за это время их имена окажут такую же службу, как и в том случае, если бы это было сделано с их согласия»,[2] говорил Берар тем, кто требовал вождей. Подобные же мысли появлялись у других орлеанистов. В бюро газеты «National», орлеанистском органе, журналист Ташро, внес предложение создать фиктивное временное правительство из Дювернье, Лафайета и Жерара; первое имя встретило возражение и было заменено именем герцога Шуазеля.[3] В распоряжение этого правительства была дана типография Э. Дюверже (сына), названная «Типографией временного правительства», и парижане могли читать прокламации за подписью этих трех видных деятелей.[4] Таким образом, отказавшись вмешиваться в восстание из боязни скомпрометировать себя, орлеанисты поставили во главе массового движения фиктивных «руководителей», иначе говоря, оставили его на произвол судьбы. Но и такой способ действий казался им чересчур смелым. Когда распространилась весть об укреплении королевской гвардии в ратуше, Тьер, Арман Каррель и Минье — бюро газеты «National» — бежали из Парижа, боясь за свою личную безопасность.[5]

Решительнее всех поступила партия бонапартистов. «Местами в предместьях можно было слышать возгласы: «Да здравствует Наполеон II!» из уст старых солдат, ставших рабочими».[6] Старые солдаты, превратившиеся в пролетариев, послужили готовыми кадрами для пропаганды, которые к тому же имели руководящую верхушку в лице наполеоновских офицеров

[1] Bérard, Souvenirs, p. 78. [2] Ibidem, p. 89—91.

[3] Sarrans, op. cit., t. I, p. 235. В заблуждение были введены даже официальные газеты. «Moniteur» от 29—30 июля поместил список членов муниципальной комиссии с подзаголовком: «Временное правительство. Официоз «Gazette des Tribunaux» называл временное правительство, состоящее из Лафайета, Жерара и герцога Бройли (26/VII — VIII, № 1547).

[4] Rossignol et Pharaon, op. cit., p. 359. Герцог Шуазель в своем письме говорит об этих прокламациях (ibidem, p. 142). [5] Sarrans, op. cit., t. I, p. 265.

[6] A. Thiers, La monarchie de 1830, Berlin, Martin Schlesinger, 1832, p. 18.

на половинном жалованьи. Среди бонапартистов наибольшую активность проявил Эварист Дюмулэн. Он собрал нескольких генералов, «которые не изменили присяге в обмен на милости реставрации». Он же выдвинул и генерала Дюбура.[1]

Россиньоль и Фараон рассказывают, что еще 27 июля среди императорских офицеров, помогавших инсургентам строить баррикады, был и Дюбур, генерал-адъютант в момент падения Наполеона. Это утверждение, преподнесенное в очень прикрашенной, прямо слащавой форме, возможно, не лишено основания, так как на следующий день бойцы провозгласили его своим генералом,[2] не без влияния агитации Дюмулэна и его клики. Это был смелый шаг, так как цитадель революции, ратуша, не была еще в руках повстанцев. Прокламация, подписанная генералом 28 июля (расклеена только 29-го), помечена: «Штаб, площадь Биржи, куда и являться». С этой же площади он, еще в штатском платье, отправился на другой день в ратушу и только по дороге переоделся в генеральский мундир, раздобытый ему Дюмулэном у старьевщика.[3] Прокламация, составленная с целью приободрить сражающихся, между прочим предлагает «относиться с уважением к приказам начальников, которые вам немедленно будут даны, и повиноваться им». Брошюры не дают никакого материала о том, было ли выполнено обещание дать бойцам начальников. Некоторые элементы организованности, однако, были внесены. В штаб стали поступать сведения о ходе событий; появилась даже возможность послать подкрепление в те места, где повстанцы имели большие потери; без этих подкреплений улицы Монмартр и квартал центральных рынков вряд ли были бы сохранены в руках революционных бойцов.[4]

Чтобы покончить с вопросом об организационном воздействии на массовое движение в течение 27 — 28 июля, нужно упомянуть еще о многолюдных «собраниях достойных уважения граждан, по большей части избирателей», от имени которых бывшие карбонарии Булэ и Мерилу 26 июля просили у депутатов совета, как действовать в «интересах свободы»,[5] и о каком-то «подготовительном собрании свободных французов» (тоже, конечно, «многочисленном»). Это последнее собрание, состоявшееся 27 июля, обратилось с манифестом «К французам, ко всему народу и ко всем правительствам», в котором шла речь о «мерах, которые обстоятельства делают необходимыми и неизбежными для охраны наших прав, и об установлении настоящего конституционного правительства», именно отказаться от уплаты налогов и в случае необходимости взяться за оружие, чтобы положить конец прави-

---

[1] Bonnellier, Mémorial de l'Hôtel de Ville, p. 74 — 75.

[2] Rossignol et Pharaon, op. cit., p. 80, 83. Генерал Дюбур и в прокламации и в письме к Лафайету говорит, что сражающиеся провозгласили его генералом «единодушным возгласом» (ibidem, p. 140 — 141).

[3] Bonnellier, op. cit., p. 21, 22; Rossignol et Pharaon, op. cit., p. 140. Что этот анекдотический случай действительно имел место, доказывает цитированное выше письмо Дюбура генералу Лафайету, в котором он дает обещание никогда больше не надевать этот мундир, принесенный ему «частными лицами».

[4] Rossignol et Pharaon, op. cit., p. 92. [5] Bérard, Souvenirs, p. 73.

тельству de facto и установить новое правительство de jure. Кандидатом на престол намечается герцог Орлеанский; в случае его отказа предлагалось «сделать так, чтобы он мог вместе со своей семьей на время, до тех пор, пока полностью не будет установлено новое правительство, покинуть территорию Франции». Манифест был подписан временным председателем и Г. де-М. и Ж. дю-Д., временными секретарями. Просьба поместить этот манифест была направлена ряду газет и журналов, но ни один из них не взял на себя смелость ее исполнить. Вильям Гон, опубликовавший этот интересный документ в своей брошюре, не говорит, сам ли он свел эти подписи до инициалов, не желая компрометировать соответствующих лиц, или манифест так и был подписан.[1] Эта попытка дать движению определенную программу, придать ему политическое лицо была единственной в течение первых трех дней.

Если раньше не было никого, кто взял бы на себя руководство и ответственность за события, то с 29 июля, когда победа была обеспечена, руководителей, организаторов и властей оказалось слишком много. Сразу явились на сцену «временное правительство» генерала Дюбура, и муниципальная комиссия, и военное командование в лице генералов Лафайета и Жерара; проявилась инициатива и округов: в VII округе образованы были две комиссии: одна — для организации национальной гвардии, а другая, во главе с Гарнье Пажесом, была направлена к фиктивному временному правительству (Лафайет, Жерар, Шуазель), чтобы организовать муниципальную власть; ряд граждан послан был в другие округа с предложением последовать примеру VII округа.[2]

Между часом и двумя пополудни генерал Дюбур пришел в ратушу, где еще до его прибытия несколько граждан стали конструировать временное правительство; среди них наибольшей активностью отличался Дюмулэн, который «ни минуты не оставался спокойным». Нужно думать, что дело двигалось плохо; это видно хотя бы по тому, что было вывешено черное знамя в знак траура, и таким образом обойден вопрос о знамени, за которое народ сражался. Приказ об обращении местных властей никто не захотел подписать, и типография отказалась его печатать;[3] в конце концов приказ, датированный «3 часа дня», появился с необычайными подписями: «За временное правительство Ж. Бод. По приказу генерала Дюбура полковник Циммер».[4] Содержание документа было очень воинственное; депутатам, собравшимся в Париже, чрезвычайно грозно предлагалось явиться в ратушу, «которая стала центром организации» (§ 1 и 5). Следовательно, у них отнимается право на инициативу и предлагается стать в зависимое положение от вновь организовавшихся властей. Также и мэрам предлагалось явиться в ратушу за получением инструкций. Последние избирательные комиссии парижских округов должны были образовать постоянный совет при мэриях, а

[1] W i l l i a m H o n e, Full annals of the Revolution in France, 1830. Illegal ordonnances of Charles X. Military execution to enforce them. Battles and victories of the people of Paris... Illustrated with engravings. London, Thomas Tegg, 1830, p. 21 — 22.

[2] «Victoires et conquêtes des parisiens, p. 54 — 55. [3] F. B***, Trois journées, p. 22 — 23. [4] S a r r a n s. op. cit., p. 17 — 18.

национальной гвардии поручалась охрана безопасности граждан и собственности.

Решительные действия «правительства», которое не сумело еще сформироваться, объясняются тем, что генерал Дюбур вызвал энтузиазм присутствующей перед ратушей толпы, о котором присутствовавший в ратуше в качестве секретаря Боннелье, иронически относящийся к генералу, говорит: «Никогда избранник народа не был приветствуем так бурно».[1] Но сила Дюбура была иллюзорна. Когда к трем часам в ратушу пришли Лафайет и члены муниципальной комиссии, Дюбур без всяких разговоров удалился вместе с «временным правительством», которое так и не сформировалось. 30-го Дюмулэн, начавший подготовку бонапартистского переворота, после беседы с Лафайетом отказался от этой попытки. Несмотря на эту уступчивость, депутаты не могли простить Дюбуру вышеупомянутого приказа. Ему не дали выступить на официальном собрании депутатов 30 июля. Берар, председательствовавший в этот день, не дал слова Дюбуру под предлогом, что это собрание закрытое, и предложил ему удалиться. Дюбур хотел говорить без разрешения председателя, но тот, не имея звонка, «не переставал покрывать своим голосом его голос» и таким образом помешал ему говорить.[2] Известные суровые слова Дюбура к герцогу Орлеанскому, прибывшему в ратушу (31 июля), окончательно погубили карьеру неудачливого генерала. Он сошел со сцены, несмотря на специальный приказ Лафайета с выражением ему благодарности.[3]

Несмотря на появление властей и военного командования, военные действия шли стихийно. Отступавшие из Тюльерийского сада войска маршала Мармона никем не преследовались, не была выслана охрана на заставы. На некоторых участках была проявлена местная инициатива. Жители деревни Шайо, организованные Лише Вильмэном, преградили путь отступления королевским войскам через заставы Пасси и Шайо и успешно отбивали их натиск, пока по соседним улицам, никем не защищаемым, — Луншам и улице Битв,—подоспели новые части королевских войск. Жители деревень Нейи и Курбвуа построили баррикаду на мосту Нейи; отступающие войска смогли очистить себе путь, только пустив в дело артиллерию. Изолированные действия не могли иметь успеха, и отступающие проникли в Сен-Клу,[4] к Карлу X.

[1] Bonnellier, Mémorial, p. 27.

[2] Bérard, Souvenirs, p. 113—114.

[3] Rossignol et Pharaon, op. cit., p. 142. Впоследствии республиканцы чрезвычайно сочувственно отзывались о Дюбуре. Марраст называет его «выразителем желаний победителей» (Programme de l'Hôtel de Ville, ou récit de ce qui s'est passé depuis le 31 juillet jusqu'au 6 août 1830; extrait de la «Tribune» — статья от 7 апреля 1831 г.). Эти симпатии объясняются тем, что Дюбур, будучи бонапартистом, выступил против орлеанистов, одержавших верх над республиканцами, т. е. боролся с их врагом.

[4] [Boullée], Histoire de France pendant la dernière année de la Restauration, t. I, p. 318, 335. Histoire de la révolution de Paris depuis 26 juillet jusqu'au 31 août 1830. Nouvelle édition augmentée des troubles qui ont eu lieu à Paris en septembre et octobre. Paris, Lebigre, 1830. p. 165; [Hipp. Poncet de Bermond], La garde royale pendant les événements du 26 juillet au 5 août 1830, par un officier. Paris 1830, p. 66—67.

II. Сен-симонисты и революция 1830 г.

Если слабо было организационное воздействие на восставшие массы в эти три знаменательных дня, то совсем не было попыток (за исключением выше отмеченного неопубликованного манифеста «свободных французов») объединить восставших вокруг какой-либо политической программы, развернуть перед ними социальные и политические последствия их победы. Историк Анаи Базэн в письме от 10 марта 1830 г. так характеризует положение в Париже 29 июля:

«Особенное, может быть неслыханное, явление в истории революции: можно было видеть, как этот народ-победитель, сам смущенный быстротой, с которой он сумел освободиться от правительства, вдруг остановился в своем победном шествии, не зная, против кого обратить жажду мщения, кому выразить свою преданность. Войска, против которых ему было предложено сражаться, он прогнал. Никто не мог сказать народу, до каких пор ему надо итти, так как никто не был уверен, чего народ хочет и на что он может решиться. Наиболее ясным фактом, наиболее понятным для большинства, было трехцветное знамя, завоеванное на баррикадах; народ ждал достаточно терпеливо, чтобы ему дали объяснение этого символа при помощи политической программы или посредством имен деятелей. Популярность и власть достались бы тому, кто ее захотел бы взять»...[1] 29 июля действительно казалось, что не находится охотников воспользоваться ими. На самом же деле таких охотников было более чем достаточно, но они действовали путем интриги, не решаясь до поры до времени открывать своего лица массам. Только с 30-го партии начинают открывать свои карты. Не могло быть и речи о каком-нибудь руководстве вооруженными рабочими и ремесленниками Парижа, представлявшими собою внушительную силу; дело шло лишь о том, чтобы тем или иным способом навязать им своего ставленника и свою программу.

Впрочем, была одна организация, объявившая себя защитницей интересов «самого многочисленного и самого бедного класса». Вожди ее были настолько дальновидны, что не только могли разгадать интриги конкурирующих друг с другом партий, но и выяснить истинные желания буржуазии, — класса, интересы отдельных групп которого эти партии выражали, — и дать анализ социальной значимости происходящих событий еще до их завершения. В обращении к сен-симонистам, находящимся вдали от Парижа, Анфантен писал 1 августа: «Класс бедных, класс наиболее многочисленный... пролетарии, которых наши либеральные конституции упускают из виду и которыми наши судебные кодексы занимаются, только чтобы подавлять их бунты, одним словом — народ победил», но не он воспользуется победой. Все выгоды ее достанутся тем, кто по конституции пользуется избирательными правами. «Он победил... для избирателей и избираемых, для

[1] Письмо опубликовано A. J. de Marnay в собрании документов «Mémoires secrètes et témoignages authentiques; chute de Charles X, royauté de juillet, 24 février 1848». Paris 1848, p. 17 — 18.

журналистов и депутатов, для буржуазии и для платящих налоги, для хозяев мастерских и собственников; но что же сделают теперь для народа все эти люди, из-за которых убивали народ? Дадут ли они его детям хлеб, жизнь, разум и силы? Будут ли с любовью следить за ними с момента их рождения, чтобы направлять их соответственно их призванию? Нет, нет, мы заранее знаем, эта славная миссия останется нам». Послание вскрывает социальный смысл призвания герцога Орлеанского. «У тех, кто победил — у народа — есть свое оружие; те, кто не сражались — буржуа — берутся за свое. Первые кричат: «Долой Бурбонов!» Вторые говорят друг другу на ухо: «Без герцога Орлеанского мы не сможем держать чернь в повиновении». Несколько дальше говорится: «...Святой бунт, только что совершонный, не достоин имени революции; в основе современной социальной организации ничто не изменилось»...[1]

В передовой от 27 августа сен-симонисты предупреждают своих читателей, чтобы они не переоценивали значение революции: «Это вовсе не социальная революция; мир ждет новой эры; эта эра еще не наступила».[2] В статье «Народ-суверен» говорится: «Трутни улья все еще будут находиться выше трудолюбивых пчел, безделие все еще будет наиболее уважаемой профессией. И между всеми праздными тот, кто сохранил наибольшее сходство с феодальными владельцами замков — земельный собственник, будет занимать высшее положение в социальной иерархии... Бедный народ! До 26 июля ему доставались в удел усталость, лишения, горе; он попрежнему будет добычей усталости, лишений, горя»...[3]

Что же предприняли эти защитники «народа» в момент борьбы? Что они делали в то время, когда «народ», по их мнению, был фактическим сувереном и держал в своих вооруженных руках судьбы страны? Как они в этот критический, решающий момент защищали интересы «пролетариев»? Что они сделали, чтобы те, кто прятались в подвалах, пока «народ» дрался на баррикадах, не обманули народ «потоком речей»,[4] прокламаций и предложений, нахлынувших после победы?

За этот период появилась всего лишь одна прокламация сен-симонистов, написанная 29-го, но напечатанная и расклеенная, как и прокламации всех прочих групп и партий, лишь 30 июля. От прочих она отличается только своей неопределенностью. В ней нет ни политической программы, ни имен политических деятелей, ни призыва к действию, ничего, кроме ряда пожеланий. «Слава вам, детям будущего, вы победили прошлое!» Это прошлое — «попы и феодализм», которые, разбитые однажды, попытались вновь надеть на народ «ярмо прошлого». Прокламация указывает, что прошлое не умерло потому, что у него остались «связи порядка и единения», которых нет у победителей; но призыва к установлению таковых в ней нет. Заканчивается она указанием, что только осуществление порядка, проповедываемого «религией сен-симонизма», установит царство божие на земле и тем нанесет

[1] «Organisateur». № 51 от 15 августа 1830 г., стр. 2 и 3; перепечатано в «Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, т. II, стр. 201 и сл.

[2] «Organisateur», № 1 от 27 августа 1830 г., стр. 1.

[3] «Organisateur», № 3 от 7 сентября 1830 г., стр. 24. [4] Там же, стр. 23.

окончательный удар католицизму и феодализму; но никакого указания нет, каков путь к его осуществлению.[1] Эта витиеватая прокламация ясно говорила о бессилии, о полной изолированности от тех самых масс, интересы которых будто бы сен-симонисты защищали. Неудивительно, что, прочитав эту прокламацию, один из сен-симонистов, Казо, «ничего не поняв, стал печален и мрачен». Родриг тоже сначала осудил эту прокламацию.[2]

Если действительно до революции влияние сен-симонизма на массы было ничтожно,[3] то политический кризис, приведший их в движение, являлся удобным случаем для сен-симонистов установить и закрепить свое влияние. Однако этим случаем Анфантен и Базар, возглавлявшие это течение, и не подумали воспользоваться. В обращении к сен-симонистам, находящимся далеко от Парижа, 28 июля эти вожди отрекаются от своего революционного прошлого, косвенно признавая его заблуждением, напоминают «своим дорогим детям», что их учитель Сен-Симон прошел через «ужасный кризис французской революции» с «божественным спокойствием», и призывают быть и сегодня «спокойными больше, чем когда бы то ни было», так как время еще не настало, «почва, по которой мы идем, еще не достаточно вспахана проповедью любви, чтобы наша божественная миссия могла осуществиться».[4] Что иное мог обозначать этот призыв к спокойствию, как не предписание не вмешиваться в борьбу? Анфантен более откровенно выразился в письме к Эйхталю: «Сейчас наши действия должны заключаться в том, чтобы следить за движением, в котором наше участие как сен-симонистов было бы излишним, смешным, нечестивым, наше участие же как либералов — почти бесполезным».[5] «Будьте спокойны, но не бездеятельны», продолжают отцы сен-симонизма в своем обращении и призывают последователей их учения итти... не к массам, нет, а к своим близким знакомым, на которых их «слова имеют некоторое влияние», и обращать их в «сен-симонистскую религию». В тот момент, когда кровь того самого класса, интересы которого они будто бы были призваны защищать, орошала мостовые, Базар и Анфантен напоминают своим последователям, что «мы никогда не будем отвергать нашу религию любви и мира», а революцию называют «беспорядками».

После окончательной победы в эту тактику были внесены некоторые изменения. В обращении, написанном Анфантеном 1 августа, но которое он

[1] Прокламация была озаглавлена: «Организатор, журнал учения Сен-Симона», и обращалась ко всем французам; под ней значились подписи Базара и Анфантена, — «глав учения Сен-Симона»; она по ошибке помечена 30-м (см. письмо Анфантена из тюрьмы Сент-Пелажи от 5 января 1833 г., Oeuvres, t. II, p. 193 — 194). Она помещена в Oeuvres, t. II, p. 198 — 200.

[2] Заметки Анфантена, написанные в тюрьме Сент-Пелажи 5 января 1833 г. (Oeuvres. t. II, p. 192, 193).

[3] «Мы знаем, каково сейчас наше влияние на народ, оно равно нулю», признавался Анфантен в письме к г-же А. в августе 1830 г. (Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, t. XXVII, p. 157).

[4] «Organisateur», № 51 от 15 августа 1830 г., стр. 1; перепечатано в Oeuvres, t. II, p. 186 et ssq.

[5] Oeuvres, t. XXVII, p. 216 — 217. Письмо от 28 или от 29 июля.

стал уже обдумывать с 30 июля,[1] мы видим опять тот же призыв к спокойствию, к устранению от вмешательства. Чтобы приободрить своих учеников, Анфантен отказ «присоединить свои усилия к усилиям ваших прежних братьев по оружию» называет «великим актом мужества». Опять предлагается направить свою активность на обращение к сен-симонизму тех из «прежних братьев по оружию», в которых события вызовут колебания их слепой веры в конституцию и одновременно увеличат любовь к народу. Но на этот раз круг, на который следует воздействовать, расширяется. Помимо тех, которые окажутся способными «вместе с нами заняться более широкими вопросами», которые загорятся желанием пожертвовать своей жизнью для улучшения судьбы своих братьев и окажутся «истинными священнослужителями нашей эпохи», Анфантен советует воздействовать и на «менее преданных, более глубоко ввязавшихся в теперешнее политическое движение». Для этих последних предлагается целая политическая программа: «Пусть они, по вашему совету, требуют без перерыва и настойчивее, чем когда бы то ни было:

«Полной свободы культов, при которой духовенство не получало бы содержания от государства.

«Свободы печати; уничтожения привилегий книготорговцев, типографов; уничтожения высоких налогов, которые стесняют распространение мыслей.

«Свободы просвещения и отмены университетской платы.

«Уничтожения коммерческих монополий всех видов, установления полной свободы торговли и промышленности.

«Отмены § 291 уголовного кодекса, запрещающего собрания свыше 20 человек, ибо этот параграф один равен всему остальному легальному оружию власти.

«Наконец, уничтожения наследственного пэрства»...[2]

Так была сформулирована последовательная программа либерализма, но без демократического оттенка, даже без требования расширить избирательное право. Руководители советовали сен-симонистам чрезвычайно осторожно подходить к вопросу, не выставлять ее от своего имени непосредственно, а действовать через других лиц, не ставших еще сен-симонистами. Анфантен подчеркивал различное отношение к этим мерам либералов, видевших в них средство установления порядка, и сен-симонистов, для которых они были средством «сделать менее тягостным, более быстрым, менее опасным неизбежное разрушение..., беспорядок, который является необходимым условием нового социального порядка».[3]

Несмотря на все эти оговорки, здесь есть резкое изменение тактики: сен-симонистам рекомендуется принять участие в политической борьбе (повторяем, без обращения к широким массам), т. е. то самое, чего при данных обстоятельствах первая инструкция рекомендовала не делать и что в

[1] Заметки Анфантена, написанные в тюрьме Сент-Пелажи 5 января 1833 г. (Oeuvres, t. II, p. 194).

[2] «Organisateur», № 51 от 15 августа, стр. 4; Oeuvres, t. II, p. 213 — 214.

[3] Ibidem.

письме к Эйхталю рассматривается как «нечестивое» для сен-симониста дело. Возможно, что это было некоторой уступкой ряду сен-симонистов, не довольных тактикой полного воздержания. В письме к Эйхталю от 29 июля, сопровождавшем первый циркуляр, Анфантен писал, что если ни он, ни Базар, ни члены коллегии, ни даже сен-симонисты второй степени не подымали вопроса о тактике, то среди тех, кто был отнесен к третьей категории, которые» только едва родились к жизни любви и в которых «все еще кипят воспоминания о мире, из которого мы их извлекли», были случаи неповиновения. «Некоторые почувствовали себя увлеченными идеей принять участие в опасностях и заслужить венец самопожертвования..., которым украшают головы жертв и победителей в этой резне, где сейчас льется кровь».[1] В этом письме—как видно, из тактических соображений—были скрыты случаи неповиновения среди верхушки организации сен-симонистов. О них говорит Анфантен в заметке, написанной в тюрьме Сент-Пелажи 5 января 1833 г.; о них рассказывает и Лоран в своих «исторических примечаниях» к сочинениям Сен-Симона и Анфантена. Лоран еще 27 объявил своим вождям, что он не в состоянии абсолютно воздержаться от участия в событиях; Риго участвовал в боях и появлялся у Анфантена редко; Карно тоже бился на баррикадах; Родриг «ходил со своим ружьем, патронташем и саблей национального гвардейца, но в штатском костюме»; Талабо участвовал в походе в Рамбулье, унеся с собой охотничье ружье Анфантена. Чтобы успокоить Трансона, на глазах которого 27-го убили двух человек, ему разрешили надеть мундир ученика политехнической школы; он взял шпагу и отправился в ратушу; Карно, Лоран, Мишель Шевалье и Казо (также и Шарль Беранже) принимали активное участие в республиканских собраниях, в частности в ресторане Луантье, где организовалось в эти дни «Общество друзей народа». Все они вместе с Трансоном и другими [?] явились 4 августа к ратуше на вооруженную демонстрацию по призыву республиканских организаций. А между тем все они были ближайшими сотрудниками «отцов» и принадлежали к коллегии и к второй степени. К ним должно относиться то место письма Анфантена к Эйхталю, где первый осуждает сен-симонистов, не воздерживавшихся от участия в движении. «Они смешались с народом, в то время как они—вожди; они проявили себя либералами, будучи сен-симонистами; они стали солдатами, в то время как они уже были божьими людьми по духу учения».[2] Чтобы сохранить влияние и авторитет среди наиболее преданных учению, Анфантену и Базару пришлось на ходу изменить тактику и отказаться от позиции абсолютного невмешательства в политические события. Это было тем легче для вождей, что политические события их захватили врасплох. «Я чувствовал, что с этого дня открывается для нас совершенно новая жизнь, что наше политическое существование будет датироваться, начиная с этой эпохи, и явится заключением нашей философской жизни»,—писал впоследствии Анфантен,[3] но в эти дни он совершенно не

---

[1] Oeuvres, t. XXVII, p. 117—118.
[2] Oeuvres, t. XXVII, p. 118.
[3] Заметки от 5 января 1833 г. (Oeuvres, t. II, p. 194).

представлял себе, что́ делать, чтобы учение «почерпнуло силы» из событий такого важного момента.[1]

В обращении от 1 августа Анфантен писал о двух возможных путях преобразования общества. В одном случае это преобразование произойдет посредством «незаметной ассимиляции с образованной нами ассоциацией», что будет продолжаться «в течение еще достаточно долгого времени»; в этом случае политическая роль сен-симонизма «должна начаться не раньше, чем учение будет воспринято высшими классами общества и в течение долгого времени будет себя проявлять — при помощи своего культа — перед низшими классами, чтобы овладение властью произошло одновременно, так сказать, и сверху и снизу». Однако возможен и другой случай, когда «сен-симонистам было бы предназначено гораздо скорее появиться на политической арене; это случится, если общество, лишенное вождей, предоставленное беспорядку, будет оставлено в всегда кровавых руках анархии». Сен-симонизм тогда спасет общество от анархии... «Когда народ действительно будет искать вождей и когда депутаты, избиратели, буржуа, журналисты, философы, собственники дрожа отойдут в сторону, — только мы сможем обладать верой в авторитет и призвать к повиновению; только мы сможем вскрыть сохранившиеся элементы порядка, которые будут существовать и тогда, соединить и оплодотворить их, призвать к нам всех, кто действительно за прогресс».[2]

В этом циркуляре Анфантен говорит, что второй путь «менее вероятен, чем первый, но возможен». Был, однако, момент, когда Анфантен, как видно, решил, что преобразование общества должно будет пойти по второму пути. Казалось, все признаки, перечисленные выше, были налицо: народ требовал вождей, никто возглавить его не решался; наконец, как мы видели выше, несколько виднейших деятелей либерализма бежали из Парижа, боясь за свою личную безопасность. Анфантен сам наблюдал растерянность журналистов: в течение 27, 28 и 29 июля он не раз заходил к редакторам газеты «Globe», желая убедить их «стать центром движения прессы или, по крайней мере, сговориться с либеральными журналистами, чтобы сформулировать единое мнение, общую волю»... Эта попытка не привела ни к чему и была полезна для Анфантена лишь тем, что пред ним «предстало во всей красе бессилие политических деятелей».[3] 29-го Анфантен еще не настаивал на вмешательстве в политическую борьбу, хотя и подумывал об этом.[4] Ночью, в 3 часа, он зашел к редакторам «Globe» узнать о

[1] В письме к Эйхталю от 29 июля 1830 г. он писал: «Впрочем, сейчас такой серьезный момент, что учение должно в нем почерпнуть свои силы: как? я еще совершенно себе не представляю; ясно только то, что оно потеряет, сделавшись просто (я даже скажу — наивно) либеральным, революционным» (Oeuvres, t. XXVII, p. 117).

[2] «Organisateur», № 5 от 15 августа 1830 г., стр. 3 (Oeuvres, t. II, p. 209 — 210).

[3] Заметки Анфантена от 4 января 1833 г., цитируемые Лораном в его исторических замечаниях (Oeuvres, t. II, p. 191).

[4] Лоран рассказывает, что когда он вместе с Базаром пришел к Анфантену 29-го после двух часов дня, тот спросил их с улыбкой: «Ну как, не пора ли итти в Тюльери?» (Oeuvres, t. II, p. 192, прим.).

положеиин дел, утром 30-го зашел еще раз: «отовсюду приходили свидетельства об общей нерешительности». Тогда он решился.

Желая использовать старые связи Базара с Лафайетом, он стал уговаривать первого отправиться к Лафайету в ратушу с определенными предложениями. Но Базар иначе оценивал момент и до самого вечера «был, как скала, тверд в своем отказе», но в конце концов уступил. Базар написал Лафайету письмо, в котором напоминал, что «в обстоятельствах, трудных для Лафайета, Базар оказал ему услуги»; современное положение он представил как еще более трудное и предлагал поговорить с ним, «чтобы узнать, не сможет ли он еще раз быть ему в чем-нибудь полезен». Свидание было немедленно назначено, и ночью Базар вместе с Мишелем Шевалье отправились к Лафайету. «Базар говорил ему о диктатуре как о единственном способе внести немного порядка в эту кутерьму (gâchis) (по крайней мере, единственном способе сделать это немедленно); но завзятый американец оказался совершенно глух на это ухо».[1] Из окружающих Лафайета никто не поддержал предложения Базара. Так не удалась попытка запугать Лафайета ужасами анархии с тем, чтобы использовать его популярность для преобразования общества согласно сен-симонистской схеме. Анфантен надеялся, что за спиной Лафайета, который ничего общего с сен-симонизмом не имел, будут действовать сен-симонисты; на надежду такого рода есть намек еще в первом циркуляре: «Когда настанет время, ваши отцы вас призовут»...[2]

Тактика Базара и Анфантена в дни июльской революции, конечно, не могла способствовать усилению сен-симонистского движения. Считая себя истинными защитниками интересов масс рабочих и ремесленников, сен-симонисты в момент массового движения изолировались от него и вовсе не пытались ни воздействовать на массы, ни вербовать среди них своих сторонников. Они продолжали вращаться в узком кругу интеллигенции, только к ней обращались с пропагандой своих идей, а всякое участие в массовом движении рассматривали как признак недостаточного усвоения сущности и духа их учения. Эта тактика не является чем-то случайным для сен-симонизма: она вытекает из их учения. Выдвижение на первый план гениальных личностей и противопоставление их толпе является одним из звеньев их идеалистической философской системы. «Все прогрессивные учения, как при их возникновении, так и при каждой фазе их развития, дают о себе знать определенным признаком — появлением людей, которым дана власть над себе подобными, которые непреодолимо увлекают за собой», говорится в передовой от 27 августа 1830 г. Обращаясь к событиям, протекавшим месяц тому назад, автор восклицает: «Вступило ли оно [поступательное движение критики] с последним кризисом на новое поприще прогресса? Но где же те влиятельные лица, увлекающие способности которых показали его новое пришествие? В толпе, которая ораторствует и возбуждает себя, нечего искать имен, которые выделялись бы, голоса, который бы господствовал...

[1] Заметки Анфантена от 5 января 1833 г. (Oeuvres, t. II, p. 194 — 197).

[2] Oeuvres, t. II, p. 190.

Ничего не изменилось, разве только то, что среди такого шума посредственность, от которой мы страдаем, стала еще более бьющей в глаза».[1] Появление гениальных вождей есть признак перелома в процессе, причем на этот процесс до определенного момента даже сен-симонисты, которым открыто будущее, «предназначенное богом», не могут воздействовать, ни замедлить его, ни ускорить; можно только облегчить будущую социальную революцию соответствующей подготовкой умов. Не случайно поэтому в первом циркуляре сен-симонистам, находящимся вдали от Парижа, выражается надежда на «сильные и благородные души»,[2] а во втором—на «человека, способного воздействовать на вооруженный народ и приказать ему сопротивляться всяким попыткам восстановить только что свергнутый социальный порядок»;[3] не случайно вожди сен-симонизма обратились к отдельному человеку, Лафайету, с предложением диктатуры. Когда момент назреет, массы сами пойдут за вождем, посланным богом. Поэтому нет смысла вести с ними какую бы то ни было подготовительную и организующую работу. Поэтому пока что массы ни во что не ставят; их даже презирают, что видно хотя бы из выше цитированной оценки действий сен-симонистов, участвовавших в боях, где им ставилось в вину, что они смешались с народом. Народ становится простым объектом, который должен кому-то повиноваться.[4] Поэтому сен-симонисты не могут обойтись без бога, религии и культа (см. выше), причем последний, как мы выше видели, является единственным способом подготовить массы к сен-симонистскому преобразованию общества. Не удивительно, что наиболее вероятный путь социального преобразования общества имеет в качестве предпосылки переход высших классов в «сен-симонистскую веру».

Понятно, что с пропагандой своих идей сен-симонисты обращаются не к массам, а к «избранным». Такое же отношение к массам осталось и после революции. Сен-симонисты попрежнему обращаются к высшим классам, несмотря на все декламации на тему о том, что июльские дни показали, что «классы, так долго оскорбляемые кличкой «чернь»..., уже созрели для окончательной эмансипации»,[5] несмотря на утверждения, что «даже работники самых низших слоев созрели для ассоциации и настало время освободить их от заработной платы, как наши отцы освободили их от рабства и крепостного права».[6] В прессе и брошюрах сен-симонистов за 1830 г. и за первые два месяца 1831 г. — за период в большей или меньшей степени революционной ситуации — мы видим обращение к богатым, к банкирам, к «индустриалам» и т. д., но нет обращения к «самому многочисленному и самому бедному классу».

Вместо того, чтобы использовать бурно проявившуюся активность «низших классов» для укрепления своего влияния среди «работников», сен-си-

---

[1] «Organisateur», № 1 от 27 августа, стр. 4. [2] Oeuvres, t. II, p. 189.
[3] Ibidem, p. 207. [4] Прокламация от 30 июля (ibidem, p. 198 — 199).
[5] «Organisateur», № 5 от 18 сентября 1830 г. Речь об осуществлении учения Сен-Симона, стр. 37.
[6] «Organisateur», № 7 от 2 октября 1830 г., стр. 51. Проповедь «Свобода, равенство, общество, общественный порядок».

монисты используют ее в качестве пугала для вербовки последователей из среды капиталистов. В статье «Народные волнения» Мишель Шевалье говорит: «Эти народные движения показывают, что царство бездельников, злоупотребления системы неограниченной конкуренции стали невыносимы для рабочего класса». Сен-симонисты не делают отсюда вывода о необходимости возглавить это движение, охватить пропагандой этот класс, который «не знает причины своих бед», который «истощает свои силы преследованием призрака, сражаясь с пустотой»,[1] и указать ему корень зла и его настоящих врагов; они указанием на неизбежную анархию хотят запугать высшие классы и обратить их в свою веру.

По какому же пути идут сен-симонисты? Статья «О народе и о буржуазии» пытается найти тактическую линию по отношению к этим «высшим классам». «Буржуазия состоит из двух различных классов, — говорится в ней, — один класс праздных образуют люди, которые не занимаются никаким полезным трудом; их число значительно. В обилии обладая всеми удовольствиями жизни, они весело ее проводят с помощью поборов, получаемых ими как с арендаторов, обрабатывающих землю, так и с промышленников и торговцев, которым они дают в долг движимый капитал... Одни имеют для расходов огромные суммы каждый год; это — крупная собственность; другие — меньшие суммы; это — мелкая собственность... Первый класс буржуазии живет исключительно эксплоатацией работников и собирает с них огромные суммы, которые, должно быть, исчисляются несколькими миллиардами.

«Второй класс буржуазии состоит из собственников мануфактур, фабрикантов, торговцев и т. д.; они в своих предприятиях, больших или малых, распределяют рабочим орудия труда и материал для работы, они уменьшают его заработную плату, увеличивают длину рабочего дня; и когда преждевременная старость истощает силы рабочего, они ему говорят: я ничего не могу сделать для тебя, ищи где-нибудь в другом месте помощи... Промышленник эксплоатирует народ, эксплоатирует жестоко; однакоже нужно заметить, что он гораздо выше праздного. Уважая труд, будучи часто разумным и умелым управителем крупного предприятия, он совершенно готов войти в новый социальный порядок, где его способности, находя полезное применение, поместят его среди глав промышленных ассоциаций».[2] Автор выделяет промышленную буржуазию и резко противопоставляет ее буржуазии землевладельческой и отчасти финансовой (ростовщической ее части).

По мнению автора, промышленная буржуазия только по неведению своих истинных интересов участвует в эксплоатации народа, только по своей несознательности поддерживает «систему законов, называемую законным порядком, кодекс тирании, посредством которого они держат народ под своей властью».

Но чтобы перетянуть промышленную буржуазию на свою сторону,

[1] «Organisateur», № 6 от 25 сентября 1830 г., стр. 45.

[2] «Organisateur», № 7 от 2 октября 1830 г., стр. 53 — 54.

*

ей в будущем строе гарантируются не только командные высоты, но и высокие доходы, ничуть не меньшие, даже большие, чем теперь. «Я вам повторяю, — говорит автор статьи «Богатым», — доля ни одного из вас не уменьшится; наоборот, каждый увидит, что она с первого же дня станет возрастать, возрастать без перерыва».[1]

В статье «О народе и о буржуазии» не дается отрицательного ответа насчет возможности привлечения в лагерь сен-симонистов и класса праздных; позднее же указываются меры, которые должны завербовать их симпатии. В переходный период интересы «праздных капиталистов» нисколько не будут ущемлены, наоборот, «сохранение их богатства и соответствующего ему дохода» будет гарантировано, поскольку «посредником между капиталистом, который дает в долг, и работником, который у него одалживается», будет государственный банк, который при распределении капиталов будет обладать гораздо более широким горизонтом, чем изолированный собственник, и сможет «установить моральное и интеллектуальное состояние рабочего и его производственные навыки», прежде чем дать ему средства. Не будут обижены и землевладельцы. Окончательная реорганизация собственности не уменьшит их доходов, ибо «имя каждого собственника будет записано в большую книгу общественного долга для выдачи ему пожизненной ренты соответственно с его доходом».[2] При формуле «каждому по его способностям, каждой способности по ее делам» сен-симонисты предполагали такую высокую оплату выдающихся способностей, приписываемых бывшим промышленникам и инженерам, что доля, предназначавшаяся им, попрежнему носила бы эксплоататорский характер. Кроме того, предполагается и уплата обильного возмещения праздным, бывшим собственникам движимого и недвижимого имущества. Таким образом доля рабочих вряд ли могла быть увеличена сколько-нибудь заметно даже и при более рациональной организации промышленности; вряд ли возможно было бы применить вскоре меры для развития способностей рабочего класса, придавленных жестокой эксплоатацией: «высокие способности» останутся попрежнему достоянием «высших классов». Это, как видно, сен-симонисты имеют в виду, ибо они выступают против всеобщего избирательного права не только сейчас, но и в будущем строе. Незадолго перед революцией Лоран написал статью против расширения избирательных прав, предлагаемого либералами. «Скажите им, — пишет он, — что народ более заинтересован в том, чтобы его направляли с любовью, мудростью и силой, чем в том, чтобы править самому жестоко, невежественно и проявляя слабость; чтобы удовлетворить его в этом основном пункте, нужно лишь расставить по местам различные способности; ибо тогда [после социальной революции—*И. З.*] те, кто будут рождены повиноваться, будут повиноваться, кто будет рожден командовать, будет командовать».[3]

В результате революции у кормила правления очутились Лаффит и Казимир Перье, министры без портфеля, оба — видные банкиры. «инду-

[1] «Organisateur», № 9, стр. 73.

[2] «Organisateur, № 12 от 6 ноября 1830 г., стр. 96.

[3] «Organisateur», № 46 от 1 июля 1830 г., стр. 3.

стриалы». Сен-симонисты приветствуют этот факт, но считают его случайным, не означающим коренного перелома: «Мы хорошо знаем, что индустриалы, которые сегодня фигурируют на политической сцене, обязаны своему возвышению скорее значительности их богатства, чем способности, которая является его источником»...[1]

Для коренного перелома, однако, вовсе не нужно революции. Переход власти из рук праздных классов в руки лиц, возглавляющих промышленность, по мнению сен-симонистов, должен произойти постепенно. Они рассматривают банки как зародыш учреждения с функциями управления, «истинное правительство промышленности», но они не ставили вопроса о национализации банков после социального преобразования. Банкиры, как таковые, остаются; мало того, они являются главными деятелями социальной революции. «Именно с класса банкиров должно начаться это движение организации [промышленности]; это они [банкиры] должны дать промышленности единую социальную жизнь».[2] Банкирам предстоит высший удел в этом обществе: «В то время как банкиры, благодаря беспрерывному развитию промышленности, имеют тенденцию превратиться в правительственную власть, правительство, со своей стороны, подвергаясь противоположной трансформации, имеет тенденцию стать первым из банкиров».[3] Отсюда сам собой напрашивается вывод, что не будет никаких переворотов и потрясений при переходе к новому общественному строю, при котором власть в области материальной будет принадлежать банкирам. Правда, последние должны предварительно проникнуться духом сен-симонизма, из «банкиров эгоистов, которые эксплоатируют своих клиентов», превратиться в «лиц, регулирующих великую промышленную иерархию, в покровителей, в отцов трудящихся классов».[4]

Мы видели, что сен-симонисты обещают «высшим классам» сохранить их положение на верхах общества и после «социальной революции». Какое же положение должны будут занимать те «работники», которые составляют самый многочисленный и самый бедный класс? Какие изменения ожидают их? Положение их ужасное: «Рабочие массы... голодали, им нехватает хлеба и тогда, когда они работают».[5] Что обещают сен-симонисты рабочим, «невыносимое положение которых еще отягчилось» после революции в связи с кризисом? Что, кроме неопределенных обещаний, сулят они «народу, который не увлекается теориями..., который с нетерпением ждет у двери практики их применения, т. е. немного больше хлеба, некоторого улучшения своего несчастного положения, немного бальзама для его ран?»[6]

Тактика по отношению к ним не была определена, меры, которыми можно было внести немедленное улучшение их положения, не обсуждались. Обещание «в следующей статье показать, как просто и немедленно начать приобщение низших классов к благам социального труда»,[7] так и

[1] «Organisateur», № 1 от 27 августа 1830 г., статья «Суждение учения Сен-Симона о последних событиях», принадлежащая, как видно, Базару.

[2] «Organisateur», № 10, стр. 74, 76. [3] «Organisateur», № 10, стр. 77.

[4] «Organisateur», стр. 79. [5] «Organisateur», № 7, стр. 51. [6] «Organisateur», № 6, стр. 45.

[7] «Organisateur», № 12, от 6 ноября 1930 г., стр. 96.

не было выполнено; это не стояло в порядке дня, не их надо было в первую голову привлекать на свою сторону. Ближайшие номера были заполнены статьями, посвященными работе среди женщин, естественно женщин высших классов, и обещанная статья в журнале так и не появилась.

Правда, сен-симонисты были единственными, кто сочувственно относился к рабочему движению; они возмущались применением к стачечникам и луддитам «силой войск и национальных гвардейцев всех прелестей законного порядка»;[1] они указывали, что невежественные массы «слепо ищут средства от их бедствий в уничтожении усовершенствований в промышленной технике» и готовы были простить и разрушение машин;[2] закон против стачек они называли «покушением на свободу трудящихся классов» и советовали, по примеру Англии, объявить свободу коалиций: «этого требуют достоинство рабочего, хорошие намерения филантропов, интересы общественного порядка. Пусть трудящиеся классы используют этот новый шаг, который они сделали к их освобождению, но пусть они используют его с умеренностью». И тут же, как бы боясь оттолкнуть промышленников от идей сен-симонизма таким необычайным для того времени шагом, как поддержка стачечного движения, автор прибавляет: «Коалиции рабочих всегда бессильны против коалиций капиталистов [крупным шрифтом и выделяется из всей статьи, набранной петитом.— *И. З.*]. Вот что особенно важно понять рабочим, чтобы они не тратили тщетно усилий, которые они употребляют для того, чтобы добиться своей эмансипации. Несомненно, капиталисты, как и рабочие, теряют от прекращения работы. Но они могут использовать для своей жизни накопленные запасы, кроме того, они могут довольно легко найти замену рабочим рукам, которые их оставили. Напротив, рабочие через несколько времени бывают принуждены уступить, чтобы избежать мук голода».[3]

Тактика сен-симонистов в июльские дни и в период революционой ситуации вскрыла буржуазный характер той технической интеллигенции, в среде которой учение Сен-Симона нашло последователей. Отгородившись от движения рабочих в период его бурного проявления, устраняясь от классовой борьбы пролетариата и зовя его самого отказаться от такой борьбы, сен-симонисты пошли по пути вырождения в секту. «Если основатели этих [утопически-социалистических] систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мыслей своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата. Вследствие этого они постоянно стараются притупить борьбу классов и смягчить противоречия» («Коммунистический манифест»). Отрываясь от движения пролетариата, но оставляя ему в наследство ряд гениальных идей, воспринятых идеологами пролетариата и направленных по иному пути, сен-симонисты начинают идеологически

[1] «Organisateur», № 2 от 4 сентября 1830 г., статья «Распоряжение о скоплениях и коалициях рабочих», стр. 14. [2] «Organisateur», № 6, стр. 45.

[3] «Organisateur», № 6 от 25 сентября, статья Гюстава Эйхталя «О коалициях рабочих», стр. 47 — 48.

приближаться к той, пока еще немногочисленной, группе передовых промышленников — собственников предприятий с высокой техникой, для которых необходим рабочий с более высоким культурным уровнем и которые сами мечтают о таком преобразовании общественного строя, которое, не лишая их высоких доходов, уничтожило бы бич капитализма — промышленные кризисы.

III. Организация и первые выступления «Общества друзей народа»

30 июля на стенах Парижа появилась анонимная прокламация, рекламно описывающая достоинства герцога Орлеанского и лаконически отвергающая республику, «которая поссорила бы нас [французов] с Европой». Она была составлена Ларги, Минье и Тьером и напечатана ночью. Под листовкой значилось «Типография правительства». С раннего утра агенты брали кипы прокламаций в бюро газеты «National» и распространяли их в мэриях и кордегардиях.[1]

Этот шаг орлеанистов явился сигналом к тому, чтобы начать открытую борьбу.

«Во многих пунктах столицы, — говорит Берар о 30-м июля, — уже были организованы республиканские собрания, и все они сносились с центральным собранием, находившимся на улице Ришелье, у Луантье».[2] Вокруг ряда бывших карбонариев-республиканцев — Теста, Анфу, Гинара, Тома и др. — сплотилась группа, назвавшая себя «Обществом друзей народа». 30 июля на собрании в ресторане Луантье (по улице Ришелье), где присутствующие еще не расстались с ружьями, эта группа вела жаркий спор с орлеанистами. Председательствовал Мишель Шевалье, сен-симонист и республиканец. Ловкие ораторы — Ларги и Комб Сийес — защищали кандидатуру герцога Орлеанского. Присутствовавший здесь поэт Беранже их горячо поддерживал, так же как и карбонарий Каде де-Гассикур. Им возражали Юбер, Изамбер и др.[3] Пока шел спор, несколько республиканцев — Шарль Тест, Феликс Лепеллетье и сен-симонисты Лоран, Карно, Казо и М. К[апелла] — пошли на площадь Биржи, где стояло полторы тысячи вооруженных «добровольных защитников хартии», за более существенной поддержкой. Тест живо набросал прокламацию, начинавшуюся словами: «Не надо более Бурбонов», Казо и К[апелла], одетые в форму учеников политехнической школы, обратились к начальнику отряда, своему товарищу по школе. Тот прочитал прокламацию бойцам, которые дружным криком подхватили брошенный лозунг.[4]

Собрание было информировано о настроении этих бойцов; орлеанисты принуждены были ретироваться, а собравшиеся решили послать членам муниципальной комиссии адрес, который, по утверждению манифеста

[1] Dubuc, op. cit., p. 65. Автор сам распространял ее в мэриях и кордегардиях улиц Сен-Дени и Сен-Мартэн, см. также Cabet, op. cit., p. 142 — 143.

[2] Bérard, Souvenirs, p. 117. [3] A. Marrast, Particularités curieuses, p. 30—31.

[4] Исторические примечания Лорана к собранию сочинений Сен-Симона и Анфантена (Oeuvres, t. II, p. 194 — 195).

«Друзей народа», явился первым политическим выступлением общества.[1]

Из адреса ясно, что явилось причиной беспокойства общества. Указывая, что из всех «священных прав», завоеванных народом ценой своей крови, «самым священным является право свободно выбирать правительство», адрес говорит: «Следует, господа, помешать появлению прокламаций, которые намечают главу государства уже сейчас, когда даже форма правительства не может быть установлена». Со своей стороны, собравшиеся в ресторане Луантье считают, что в настоящий момент следует принять те принципы конституции, которые были установлены 5 июля 1815 г. палатой депутатов.[2]

Республиканцы обращались к «членам муниципальной комиссии, являющейся временным правительством», желая ее противопоставить новому кандидату на престол. Действительно, в комиссии Одри де-Пюйраво и Могэн сочувствовали республиканцам; однако они имели сильный противовес в лице орлеанистов Шонена и Лобо и секретарей Мерилу, Барта, а особенно Одилона Барро, назначенного по настоянию депутатов и Лаффита, который почти не участвовал в работе комиссии.[3]

Странное зрелище представляло это сборище вооруженных и закопченных порохом людей, часами обсуждающих протест... против прокламации.

И все дальнейшие действия отличаются двойственностью; революционные по форме, они были робки и нерешительны по существу: вооруженная делегация, адрес, доставленный на острие штыка, и — вместо грозных требований — дружеская беседа с Лафайетом; предложение взять на себя диктаторские полномочия тому самому Лафайету, который все эти дни отказывается от какого бы то ни было ответственного выступления, который еще 28-го советовал спрятать трехцветные кокарды и который приход делегатов использовал для ответа графу Сюси, привезшему отказ Карла X от ордонансов 25 июля; взламывание двери ударами ружейных прикладов, чтобы проникнуть в комнату «муниципальной комиссии» и... теоретический спор с Одилоном Барро, закончившийся примирением на формуле: «герцог Орлеанский — лучшая из республик». И когда возмущенный Одри де-Пюйраво передал делегатам текст прокламации, сначала принятой муниципальной комиссией, а потом ею же отвергнутый, делегаты не имели мужества открыто

---

[1] «Manifeste de la société des Amis du Peuple», Paris, 1830, p. 10 — 11. Луи Блан, Лоран, Марраст, Кабе, Берар, Сарран называют собрание в ресторане Луантье 30 июля, принявшее этот адрес, собранием республиканцев. Неточность этого утверждения легко установить благодаря манифесту «Общества друзей народа».

[2] Текст адреса приведен в книге Sarrans, Louis-Philippe et la contre-révolution de 1830, p. 21 — 22. Под адресом значатся подписи Шевалье, Леконта, Трела, Теста, Феликса Лепеллетье, Руана старшего, Юбера, Е. Р. Тьерри, Бонниа, Гинара, Ашила Роша, Шарля Энгрэ, Кошуа, Лемэра и др.

[3] См. его письмо от 29 июля, напечатанное Сарраном (ук. соч., стр. 265). Казимир Перье еще при своем избрании в члены комиссии предупредил, что он не будет активно работать; он совсем перестал появляться в ратуше после прокламации от имени комиссии о низложении Карла X. Свою подпись, поставленную без его ведома, он снял, для чего ездил в типографию газеты «Moniteur» (см. письмо Сово (Sauvo), управляющего официальным органом. — Sarrans, op. cit., p. 279).

требовать опубликования этой прокламации. Юбер, правда, прочел ее толпе собравшихся перед ратушей, но призыва к действию не бросил, хотя прокламация и говорит: «Принципы, за которые мы сейчас рисковали нашей жизнью, мы в случае необходимости поддержим законным восстанием». Кстати, прокламация содержала самую радикальную программу, которую когда-либо выдвигало «Общество друзей народа» или отдельные его представители: низложение королевской власти, передача исполнительной власти временному президенту, всеобщее избирательное право (прямое или косвенное).[1] Впоследствии об этой программе общество старается не упоминать.

Орлеанисты были очень напуганы активностью республиканцев; Берар считал, что главной опасностью является сейчас республиканская агитация. До него дошли сведения, что на собраниях республиканцев было решено, что будет провозглашена республика на Гревской площади в субботу, в полдень.[2]

Действительно, 31-го республиканцы проявили значительную активность. В ответ на провозглашение герцога Орлеанского наместником королевства и на прокламацию, подписанную им самим, была выпущена прокламация «К народу», перечисляющая предков Луи-Филиппа и заканчивающаяся восклицанием: «И он смеет публиковать, что он Валуа!! Он Капет и Бурбон».

Собрание республиканцев в ресторане Луантье вынесло резолюцию: предупредить герцога Орлеанского, что «нация не признает его наместником королевства», что «временное правительство одно должно назначать необходимые власти для поддержания общественного спокойствия и для организации народных собраний» (для выборов) и что нация «вооружена, чтобы поддержать свои права силой».

На стенах появилась прокламация «Совет народу»: «Теперь может быть только временное правительство; старых властей нет. Нации предлагается не складывать оружия. Да здравствует временное правительство!» Генералу Лафайету и муниципальной комиссии был представлен адрес, в котором эта последняя рассматривалась как временное правительство. «Она должна объявить свои заседания непрерывными до тех пор, пока все французы не утвердят конституции, которая обеспечит царство наших прав, и не присягнут ей. Народ не сложит оружия до тех пор, пока его победа не будет закреплена». Одна прокламация провозглашала Лафайета главой временного правительства: «Лафайет, это — свобода на своей заре, это — свергнутая тирания, это вся — наша славная революция; Лафайет — временный президент, и свобода, скомпрометированная сегодня утром, сегодня же вечером будет спасена».[3]

Но как раз и не было ни временного правительства, ни президента.

---

[1] Прокламация опубликована в книге Саррана «Louis-Philippe et la contre-révolution de 1830» (р. 19 — 20) и в «Истории 10 лет» Луи Блана. Факты, указанные Л. Бланом, упоминаются манифестом «Общества друзей народа» (стр. 12 — 13) как действия общества. [2] Bérard, Souvenirs, p. 29.

[3] Все прокламации, воззвания и адреса помещены в книге Саррана «Louis-Philippe et la contre-révolution de 1830», p. 25 — 33.

Молодые республиканцы, по словам Берара, еще с вечера 30-го уговаривали Лафайета взять на себя президентство. Тот, «глубоко тронутый возбуждением республиканцев, с другой стороны — побуждаемый собственными политическими симпатиями», колебался[1] и готов был уступить. Он говорил, что его смущало отсутствие специального избрания его во «временные президенты». Представители «Общества друзей народа» готовы были дать ему такой мандат, «ибо они являются истинными избранниками боев», и обещали ему сотни тысяч голосов.[2] Лафайет, под влиянием Одилона Барро, все же отказался от такого шага. Тогда пошел разговор о гарантиях свободы при новой монархии. Тут была составлена знаменитая «программа ратуши». Лафайет, имея ее в руках, пошел к герцогу Орлеанскому, чтобы добиться от него согласия на эту программу, но удовлетворился сочувствием герцога его проекту «возвести народный трон, окруженный республиканскими учреждениями». Вернувшись, Лафайет сообщил республиканцам, что он добился от герцога согласия провести программу в жизнь.

Марраст утверждает, что у республиканцев все было готово, чтобы добиться «гарантий» вооруженной силой и что Лафайет взял с них слово не нарушать спокойствия Парижа в течение 48 часов. Республиканцам пришлось отправиться в разные пункты Парижа и с трудом добиваться успокоения масс, возбужденных ими же самими.[3] Таким образом, республиканцы отказались от республики. Все угрозы вооруженным восстанием оказались пустыми фразами. Враждебное отношение населения рабочих кварталов к герцогу Орлеанскому использовано не было.

Момент был упущен. Вооруженных бойцов на улицах Парижа сменили миролюбивые мещане, которые рассматривали каждого республиканца как смутьяна. Со стен срываются республиканские прокламации. Агитаторы изображают республиканцев «людьми, жаждущими грабежа», и их слова находят отклик. Толпа вламывается в редакцию республиканской газеты «La Tribune» с тем, чтобы расстрелять республиканцев, а они прибегают теперь к помощи Лафайета для защиты от разъяренной толпы. Несколькими часами позже вчерашние господа положения нетерпеливо ожидают аудиенции в приемной «наместника государства» герцога Орлеанского и вскоре говорят с будущим королем о благах республиканского образа правления.[4]

[1] Bérard, Souvenirs, p. 129 — 130. [2] «Manifeste de la société des Amis du Peuple», p. 13.

[3] A. Marrast, Programme de l'Hotel de Ville ou récit de ce qui s'est passé depuis le 31 juillet jusqu'au 6 août 1830. Extrait de «La Tribune». Paris 1831, p. 6 — 7: Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette, t. VI, Париж — Лейпциг 1838. Cabet, La Révolution de 1830, p. 166—168. Кабэ здесь же приводит текст «программы ратуши». Во время работы над своей книгой он вместе с Лафайетом перечитал ее и получил разрешение ее опубликовать (см. Мемуары Лафайета, т. VI, стр. 411 — 412, примечание).

[4] Буанвилье, Кавеньяк, Гинар, Бастид, Тома и Шевалье были извещены Тьером, будто герцог хочет с ними поговорить. Для последнего этот визит был полной неожиданностью. См. Cabet, La Révolution de 1830, p. 162; Blanc, L., Histoire de dix ans, t. I, p. 382 — 383.

Однако республиканцы сделали еще одну попытку добиться республики. 3 августа, в день открытия заседаний палаты депутатов, выбранных еще при Карле X, разнеслись слухи, что будет принята новая конституция, не отменяющая даже наследственного пэрства, не говоря уже о каких-либо других изменениях в сторону демократизации государственного управления. К вечернему заседанию возбужденная толпа перед Люксембургским дворцом встречала депутатов криками: «Измена!» Лафайету удалось успокоить возбуждение.[1] Но республиканцам эти события показали, что «народ» далек от успокоения и состояния равнодушного созерцания текущих событий. На следующий день была назначена вооруженная демонстрация. 4 августа «Гревская площадь была заполнена вооруженными людьми. Артиллеристы, пришедшие из Меца, имели в своем распоряжении две пушки». Здесь были видные республиканцы и основатели «Общества друзей народа» — Жубер, Годфруа, Кавеньяк, Жюль Бастид, Гинар, Буанвилье, Шарль Тест, Арман Марраст; здесь присутствовал и ряд сен-симонистов. Цель демонстрации — требовать осуществления «программы ратуши». Однако дело опять кончилось переговорами с герцогом Орлеанским и неопределенными обещаниями.[2]

Страх «подвергнуть Париж случайностям новой революции» был не чужд и «Друзьям народа». Люди, возглавлявшие общество, были полны традиций либерального движения эпохи реставрации и отражали интересы одной из фракций буржуазии. Это легко вскрыть уже по первым выступлениям общества.

Манифест общества не делает никакого различия между предпринимателями и рабочими, считая, что всех их — так же как и интеллигенцию — объединяет одна цель — свободное развитие промышленности и торговли. «Наш общий враг — аристократия».[3]

Однако, отзываясь на стачечную борьбу рабочих, общество показывает, чьей стороне оно сочувствует. «Оно [«Общество друзей народа»] покажет, например, что хотя рабочий часто прав, когда он требует, чтобы улучшили его положение и увеличили его заработную плату, однако хозяин мастерской часто не в состоянии его удовлетворить, так как он, чтобы поддерживать свое предприятие, чтобы продолжать производство, чтобы покрыть расходы по производству или по торговле, принужден брать капитал в кредит по высоким процентам, между тем как лучшая организация системы общественного кредита могла бы предоставить ему [этот капитал] по гораздо более низкой ставке процентов».[4] В борьбе пролетариата за повышение заработной платы общество становится на сторону хозяев и стремится перевести эту борьбу в плоскость борьбы промышленной и торговой буржуазии.

[1] Sarrans, Lafayette et la révolution de 1830; histoire des choses et des hommes de juillet. Paris 1832, t. 1, p. 299.

[2] Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin, t. II, p. 218 — 219, примечание. Леран прибавляет, что с этого момента упоминаемые им сен-симонисты отошли от движения «с решением замкнуться в их мирной пропаганде и не вмешиваться больше в ссоры партий и в споры на открытых площадях».

[3] «Manifeste», p. 27. [4] Ibidem, p. 25.

Нужно только иметь в виду, что подавляющая масса промышленной буржуазии Парижа была не крупной, а мелкой буржуазией. Обращение к рабочим нас не должно обманывать. Ясно, что страх за сохранность собственности и был основой боязни общества вызвать новое революционное столкновение.

Тактика вооруженных демонстраций, соединенная с боязнью перерастания ее в вооруженное столкновение, была явно неудачна.

Как переживало общество крах своей тактики, мы не знаем. Только в сентябре в печати можно найти упоминание об «Обществе друзей народа». Теперь оно пытается порвать с карбонарскими традициями и наладить связь с массами. Число членов быстро выросло. Юбер говорит, что вначале в общество входило 120 человек, а к октябрю в нем числилось уже 350 человек. Но помимо организационного охвата общество пытается влиять на самые широкие массы населения. Регулярно устанавливаются заседания в большом помещении,[1] и вход на эти заседания открыт для всех. Кто-нибудь из членов общества делал доклад на тему по вопросам злобы дня; затем было публичное обсуждение; поступали конкретные предложения; образовывались специальные комиссии.

Но переход к массовой пропаганде не означал отказа от использований масс для демонстраций. События, последовавшие за 7 августа, и особенно назначение послом в Лондон Талейрана, служившего всем правительствам и не раз предававшего «интересы страны», рассеяли иллюзию, что старая палата депутатов способна говорить от лица «всей нации». Теперь «Друзья народа» требуют роспуска не только палаты пэров, но и палаты депутатов. В начале сентября от имени общества составлена прокламация, которая заканчивалась призывом: «Национальные гвардейцы, хозяева мастерских и рабочие! У вас общие интересы — свобода и труд; объединитесь, чтобы свергнуть палату, оставление которой может только продолжить разногласия среди вас».

Хотя призыв и отличался чрезвычайной неопределенностью, но все же это был призыв к действию. Но на такой смелый шаг общество не решилось. Хотя воззвание было отпечатано в количестве 500 экземпляров и отдано в бюро расклейки с тем, чтобы каждый день развешивалось по 100 экземпляров, уже 9 сентября Тьерри, казначей общества, взял листовки из бюро и отнес обратно в типографию, чтобы изменить последний абзац.

Но было уже поздно. В типографии листовки были захвачены полицией.[2] «Moniteur» в номере от 11 сентября говорит об анархических принципах республиканцев. Напрасно общество объявляет, что оно собирается действовать только легальным путем, и публикует свою программу, которая выглядит гораздо более умеренною, чем прочитанная Юбером на площади перед ратушей.

Отступление делу не помогло. Вопрос об обществе поднялся в палате

[1] Заседания происходили в манеже Пелье: собственник манежа Каффэн предоставил его обществу бесплатно; см. «Gazette des Tribunaux» от 3 октября 1830 г.

[2] «Gazette des Tribunaux» от 3 октября 1830 г. и Rittiez, Histoire du règne de Louis Philippe 1830 à 1848, t. 1, p. 147.

депутатов. Пришедшая к власти фракция буржуазии, в лице депутата Ажье, выявила чрезвычайную нервозность по отношению к открытым, доступным для всех, собраниям общества. Напрасно либеральные депутаты уверяли, что они знают руководителей общества как собственников и вполне благонадежных лиц, напрасно Сальверт напоминал старинную поговорку: «не следует бояться своей тени», добавляя, что «в политике не следует бояться своих друзей», Гизо сумел запугать буржуа призраками якобинского и кордельерского клубов и объявил «народные общества» виновниками экономического кризиса.[1] В результате было принято решение вновь пустить в действие § 291 уголовного кодекса, запрещавший политические общества свыше 20 человек. Сейчас же решено было применить этот параграф к «Обществу друзей народа».

Правительство все же решило подготовить соответствующим образом общественное мнение. Пока в палате шли дебаты, на улице Монмартр, у манежа Пелье, собралась подстрекаемая агитацией агентов правительства[2] толпа буржуа и национальных гвардейцев, которая требовала разгона общества, будто бы желавшего «перераспределения богатств и собственности». Капитан национальной гвардии потребовал, чтобы общество разошлось. Произошла свалка. И только авторитет генерала Лафайета, от имени которого выступил другой офицер национальной гвардии, заставил «Друзей народа» капитулировать.[3]

Закрытие «Общества друзей народа»[4] и нарушение свободы собраний показали, что для охраны порядка правительство банкиров и магнатов промышленности не побоится подавлять не только рабочее движение, но и демократические стремления мелкой буржуазии.

* * *

В июльские дни впервые после Великой французской революции возникло широкое массовое политическое движение. За протекшие годы произошли крупные сдвиги в классовой структуре общества, крупные изменения в производственных отношениях. Массы мелкой буржуазии побуждались теперь к политической активности не гнетом феодальных пережитков, как это было в XVIII веке; правда, реставрационные попытки Бурбонов вызывали недовольство широких масс, но, в основном, к политическому выступлению их толкало не только давление торгового капитала, но и ухудшение положения в связи с промышленным переворотом и бурным поступательным движением крупной промышленности. Понятно, не мелкая буржуазия являлась революционным ферментом движения. Ведущую, решающую роль начинает играть фабричный пролетариат, порождаемый про-

---

[1] «Moniteur», прения в палате 25 и 29 сентября 1830 г. (№ № 219 и 273).

[2] В толпе был Лемэр — агент полиции, переодетый национальным гвардейцем (см. «Gazette des Tribunaux» от 12 апреля 1831 г., стр. 551) (см. его показания).

[3] «Société des Amis du Peuple à ses concitoyens», Paris 1830, p. 4—6; Rittiez, op. cit., p. 149 — 150.

[4] Общество не подчинилось решению суда и продолжало функционировать до средины 1832 г.

мышленным переворотом и им же погружаемый в невыносимую нищету. И хотя этот новорожденный еще не знал пути к своему освобождению, не осознал еще себя как клас, не разглядел еще, где его классовый враг,— буржуазия его боялась настолько, что испугалась его политической активности.

Ни одна из партий эпохи реставрации не могла и не хотела возглавить массовое движение. Ни одна из них не рискнула организационно воздействовать на массы и хоть на время изменить своему обычному орудию — интриге. Легенда о ведущей роли бывших карбонариев несостоятельна уже потому, что среди этой крайней партии буржуазного либерализма к 1830 году был полный разброд. Кроме того, боязнь массового движения у этих отважных заговорщиков была не меньшая, чем у деловой буржуазии. Только на этой почве нашелся у них общий язык, только в области охраны порядка их действия носили организованный и согласованный характер.

Организация сен-симонистов, проповедывавших обновление общества и клявшихся защищать интересы широких слоев трудящихся, проявила в эти дни не меньшую боязнь массового движения, чем либеральные партии. Им не удалось преодолеть буржуазную природу среды, в которой их учение находило своих адептов, и в этот критический момент вожди доктрины—Анфантен и Базар — повели ее по пути буржуазного перерождения.

Так все политические организации эпохи реставрации проявили свою неспособность и нежелание возглавить массовое движение. Новые условия должны были породить новые партии, новые формы организационного и агитационного воздействия. На такой путь стали некоторые радикальные и мелкобуржуазные элементы старых либеральных партий. Они образовали «Общество друзей народа» на другой же день после победы революции. Решительный момент был уже упущен. Опыт карбонариев не мог им помочь поднять массы на новые бои, а традиции великих классовых боев конца XVIII века были стерты десятилетиями реакции. Пришлось не только заново строить массовую партию, но заново учиться организационному воздействию на массы и в то же время изживать страх перед массовыми движениями. Неудивительно, что первый опыт этой организации оказался неудачным. Нужен был долгий путь, путь ощупью, в темноте, путь расслоения, расколов и участия в классовых боях, чтобы уже под именем «Общества прав человека и гражданина» организация стала массовой партией городской мелкой буржуазии и рабочих, в недрах которой выросли и закалились для суровой подпольной борьбы деятели рабочих тайных обществ второй половины 1830-х годов.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПЕРЕПИСКА Ф. ЭНГЕЛЬСА с НИКОЛАЕМ — ОНОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предыдущей книге «Летописей» мы опубликовали переписку Маркса с Николаем —оном. Теперь мы печатаем переписку Николая —она с Энгельсом. Она носит несколько иной характер. Если для Маркса Николай —он был до известной степени «заместителем» Лопатина, если Маркс еще обращался к Николаю —ону с просьбами и запросами конфиденциального характера, тем самым подчеркивая, что он считает Николая —она не только теоретическим, но и практическим единомышленником Лопатина, то Энгельс, наоборот, в своих письмах несравненно более сдержан и осторожен. Тон становится более дружественным по мере того, как у Энгельса окончательно складывается убеждение, что хотя Николай —он в действительности только «теоретический» друг, но такой, который уже оказал и может оказать еще большие услуги как переводчик «Капитала».

Несомненно, что и сам Николай —он за тот период, который прошел между прекращением переписки с Марксом и началом переписки с Энгельсом, значительно изменился, пережил какой-то переворот. Ведь это было время крушения всяких революционных надежд, время, когда «Народная воля», только что нанесшая сокрушительный удар русскому царизму, доживала последние дни.

Когда Лопатин, арестованный в 1879 г., бежал из Вологды 22 февраля 1883 г., он по дороге за границу провел несколько дней в Петербурге.

«Первое впечатление, — пишет в своей биографии Лопатина Лавров, — которое он получил на этот раз от Петербурга при своем прибытии туда, возмутило его. Четыре года, прошедшие с его последнего ареста, были годы грозной борьбы «Народной воли» против Александра II и первые годы диктатуры Каткова, Победоносцева и Толстого под фирмою Александра III. В это время около 20 человек было повешено. В столицах царили дворники. Рабский страх все более тяготел над русской землей. *Он особенно тяготел в среде тех либералов и социалистов, которые устранились от новых форм движения в России и которые, тем не менее, чувствовали, что за каждым шагом их следят*, что они находятся в ежеминутной опасности и что им ни во что *не зачтут их «воздержания» от более серьезной революционной деятельности. Старые друзья бледнели при появлении Г. А., а то и просто запирали свои двери. Негде и не у кого было скрыться*».

Не принадлежал ли и Николай —он к числу этих друзей и не рассказывал ли Лопатин и Энгельсу, которого он видел непосредственно после этого в Лондоне, о своих петербургских впечатлениях и «старых друзьях»?

У Лаврова мы находим еще одно любопытное указание. «Через посредников, — пишет он, — я пытался обратиться к друзьям его молодости, которые могли бы доставить мне сведения о тех годах его, о которых он всего менее рассказывал.

Я знал, что с одним из своих близких приятелей, человеком чисто теоретических занятий и чуждым всяких революционных порывов, он вел длинную и весьма интересную переписку о теориях Герберта Спенсера и Карла Маркса; я старался достать эту переписку на время».

Попытка кончилась неудачей. «От его приятеля — теоретического корреспондента — пришли ко мне известия, что переписка о теориях Спенсера и Маркса «сожжена» в одну из эпох русской политической паники». И Лавров прибавляет саркастически: «Позволяю себе и тут надеяться, что подобное безобразие совершено не было, а что просто корреспондент Лопатина не желал доверить этой переписки мне; пусть хранит ее на будущее, не опасаясь последствий, так как, если бы о знакомстве его с Лопатиным узнали, — что вещь весьма возможная, — то, напротив, предъявление чисто теоретической переписки докажет всего яснее, что с ним Г. А. не мог толковать о революционных вопросах».

Весьма вероятно, что речь идет именно о Николае —оне. Во всяком случае после 1 марта 1881 г. он окончательно устранился от всякого — даже косвенного — участия в нелегальном движении. Разуверившись и разочаровавшись в революционном движении интеллигенции во всех его формах — от «Рублевого общества» до «Народной воли», скептически относясь ко всяким массовым движениям, наш «чистый марксист», так тщательно регистрировавший все успехи капитализма в борьбе с «народным производством», продолжал до конца своей жизни упорно игнорировать происходивший на-ряду с процессом капитализации «земледельческих доходов» и «промыслов» процесс кристаллизации нового класса, пролетариата. Учение Маркса сводилось для него к теоретическому объяснению законов одной экономической формации — капиталистической — в ее «чистом» виде без вызываемой ее развитием борьбы классов и ее неизбежных последствий.

Но письма Энгельса, особенно в течение первых лет переписки с Николаем —оном, отличаются от писем Маркса еще и в другом отношении. Если Маркс ставит те или иные вопросы, на которые хочет получить ответ от Николая —она, то Энгельс ограничивается только пассивной ролью. Он не только не хочет вызывать Николая —она на «дискуссию», но, наоборот, всячески уклоняется от нее, оставляя без ответа прямые запросы своего корреспондента. Он не особенно торопится даже воспользоваться любезным предложением предоставить в его распоряжение письма Маркса к Николаю —ону. В первую очередь Энгельса занимает издание «Капитала» на русском языке — сначала второго, а затем третьего тома. Между прочим из писем Николая —она выясняется, что исчезновение из русского перевода всей той части предисловия Энгельса ко второму тому, в которой говорится о Родбертусе, вызвано скорее неосновательными опасениями Николая —она, чем придирчивостью русской цензуры. Он преувеличивал также и степень незнакомства русских читателей с Родбертусом. В это время последний уже был известен не только «ученой публике», — хотя бы по статьям Зибера в «Юридическом вестнике» (1881 г., 1 — 3) и переводам его «Исследований в области национальной экономии классической древности», выходившим под редакцией Тарасова, — но и «обыкновенным читателям», которые имели возможность читать статьи Г. Валентинова (Плеханова) в таком распространенном журнале, как «Отечественные записки» (1882 и 1883 гг.). Энгельс отказался написать специальное предисловие для русского издания второго тома, предоставив Николаю —ону право выкинуть все, что касалось Родбертуса. Правда, предисловие самого Николая —она к русскому изданию для своего времени представляло большой интерес, хотя бы потому, что в нем использованы были письма Маркса к Николаю —ону. Энгельсу оно очень понравилось; и если после 45 лет мы вряд ли согласимся с ним, что оно было «превосходным», то необходимо принять во внимание сравнительно невысокий уровень известных Энгельсу марксистов того времени, чтобы понять не только этот комплимент, но и другой отзыв, в котором

Энгельс с особой похвалой отзывается о Николае —оне как лучшем — вместе с Муром — знатоке первого тома «Капитала».

Как это легко установить из писем Энгельса, несколько писем Николая —она затерялось. В связи с теми — очень важными для истории редакции третьего тома «Капитала» — сообщениями, которые мы находим в письмах Энгельса к Николаю —ону, последний, как видно, сделал попытку самостоятельного решения вопроса об отношении между нормою прибавочной стоимости и нормой прибыли. В бумагах Николая —она нашлась заметка, которая резюмирует его взгляды и дает возможность понять ответ Энгельса (в письме от 15 октября 1888 г.).

«В письме Николая —она речь шла о формуле, выведенной на основании ряда отчетов русских промышленных предприятий с разным строением или составом капитала. Из данных этих отчетов оказалось, что при капиталистическом производстве, охватившем далеко не все отрасли промышленности, одинаковая норма прибыли определяется прямым отношением размера нормы прибавочной стоимости к составу или строению капитала разных отраслей промышленности. В последующем письме, на основании тех же отчетов, Николай —он показал, что можно проследить те условия, которые принудили предпринимателей, прежде соединявших в своих руках и промышленный, и торговый капитал, передать функции последнего в другие руки, а вместе с тем и соответственную долю прибавочной стоимости. Что же касается до занятого капитала, то из данных тех же отчетов было очевидно, что норма прибыли, получаемая предпринимателями, бывает тем меньше, чем относительно больше — при прочих одинаковых условиях — занятый капитал, так как при этом относительно бóльшую долю произведенной прибавочной стоимости приходится отдать заимодавцу, собственнику ссудного капитала. При относительно ничтожном развитии капиталистического производства в стране конкуренция капиталов, как это видно из отчетов русских предприятий, не играет и не может еще играть решающей роли при уравнении нормы прибыли на капиталы разного строения. Маркс же в своем исследовании принимает, что капитал овладел всеми отраслями производства».

В том же письме (от 15 октября 1888 г.) Энгельс пишет, что читал с большим интересом рассуждения Николая —она об истощении вследствие чрезмерно продолжительного рабочего времени и о количестве потенциальной энергии в форме пищи, требующемся для возмещения такого истощения. Соответствующее письмо Николая — она не сохранилось, но у нас имеется другая возможность установить, что в этом случае критические замечания Энгельса были использованы. В «Юридическом вестнике» (март 1889 г.) напечатана интересная статейка Николая —она «К вопросу о соотношении между длиною рабочего дня и высотою заработной платы», в которой указанных Энгельсом недосмотров уже нет.

Как видно из письма Энгельса от 4 июля 1889 г., Николай —он, в одном из затерявшихся писем, сообщил ему, что в «Северном вестнике» печатаются статьи Каутского и Лафарга. Речь идет о статье Лафарга «Машина как фактор прогресса» и известной работе Каутского. «Противоречия классовых интересов в 1789 г.». Статья Лафарга, как и работа Каутского, была напечатана в «Neue Zeit» и представляла только часть большой работы под названием «Пролетариат физического и умственного труда».

Несомненно, факт помещения таких марксистских статей в подцензурной печати сильно заинтересовал Энгельса. Но он был бы еще более удивлен, если бы Николай —он сообщил ему, что в той же самой книжке, в которой были помещены статьи Лафарга и Каутского закончена была печатанием большая статья «Кризис философии классического идеализма в Германии», которая в сущности являлась отчасти переделкой, отчасти буквальным переводом незадолго перед этим вышедшей отдельным изданием работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

Статья была подписана инициалами *Г. Л.*, и несомненно, что Николай —он, не знакомый тогда с работой Энгельса, просто не обратил внимания на статью,

тема которой лежала вне его непосредственных интересов, хотя в то же время именно инициалы должны были привлечь его внимание.

Мы лично хорошо помним, что статья сильно заинтересовала тогда тех молодых революционеров, которые штудировали марксизм. Говорили, что инициалы принадлежат Г. Лопатину. Версия эта могла, конечно, держаться только среди тех читателей, которые не были знакомы с немецким языком и не читали поэтому работу Энгельса в оригинале. Только когда стало известно, что переводчиком многочисленных статей Лафарга и в особенности Каутского, печатавшихся в «Северном вестнике» за 1889 и 1890 гг., является Г. Львович,[1] установлено было, что «автором» этой выдающейся статьи является не Г. Лопатин, а Г. Львович. Но и новейшие исследователи судеб легального марксизма все еще считают Лопатина действительным автором этой статьи.[2]

Сообщение Николая —она о том, как удачно прошли статьи Лафарга и Каутского через Кавдинские ущелья царской цензуры, послужило поводом к тому, чтобы Лафарг, — через посредство Энгельса, а после и непосредственно, — поставил свой опыт сотрудничества в русской легальной прессе. Из писем Лафарга к Николаю —ону мы знаем, что он послал не только статью об эволюции собственности, но и статью о развитии преступности во Франции. Попытка кончилась неудачей.[3]

Содержание переписки резко меняется только со второй половины 1891 г. Неурожай, охвативший огромную часть Европейской России, и вызванный им голод со всеми его последствиями опять поставили в очередь дня вопрос о «судьбах капитализма в России». Если до того времени Энгельс очень слабо реагировал на все попытки Николая —она втянуть его в дискуссию по вопросу о путях экономического развития России, то теперь он весьма подробно отвечает на различные вопросы и «недоумения» Николая —она. В этом отношении особенно важны письма Энгельса от 29 октября 1891 г., 15 марта, 18 июня, 22 сентября 1892 г. и 24 февраля 1893 г.

Энгельс старается внушить Николаю —ону, что неурожай 1891 г. не есть только несчастная случайность, что он, наоборот, представляет один из неизбежных сопутствующих результатов того экономического развития, которое началось в России с 1861 г. В то время как Николай —он продолжает, вместе с другими «чистыми марксистами», цепляться за письмо Маркса (по поводу статьи Михайловского), Энгельс разъясняет ему, что именно теперь предсказание Маркса начинает исполняться. «Повидимому приближается момент, когда — по крайней мере в некоторых округах — вся совокупность старых социальных устоев русской крестьянской жизни не только теряет свою ценность для отдельного, индивидуального крестьянина, но становится для него просто кандалами, точь-в-точь как это случилось в прежние времена в Западной Европе. И я боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем уже с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом, потеряны огромные шансы, но против экономических фактов нельзя ничего поделать». По его мнению, потребуется ряд лет, чтобы вполне справиться с резуль-

[1] Григорий Федорович. У Венгерова сказано, что он умер после 1910 г. Нам известно, что, отбыв ссылку, кажется в Сибири, он в 1888 г. приехал в Швейцарию и поселился в Берне. Хотя он был «марксистом», Львович не поддерживал никаких сношений с Группой «Освобождение труда» и не принимал участия ни в одной из тогдашних социал-демократических групп.

[2] «В этой статье Лопатин показывает, чем воспользовалась материалистическая философия Маркса и Энгельса у Гегеля и как идеалистическая философия служила идеологии немецкой буржуазии в пору ее расцвета; в статье также указывалось, что на смену буржуазии идет новый класс со своей собственной философией, не похожей на философию буржуазии» (Ангарский, Легальный марксизм, выпуск первый, 1925, стр. 30).

[3] Ангарский полагает, что напечатанная в «Северном вестнике» статья Лафарга была доставлена редакции Николаем —оном, но его ввел в заблуждение неверный перевод письма Энгельса к Николаю —ону.

татами нынешнего бедствия; когда это будет достигнуто, Россия окажется совсем иною страною, чем она была даже 1 января 1891 г. «А пока, — прибавляет Энгельс иронически, — нам придется утешать себя мыслью, что все это в конце концов должно послужить делу человеческого прогресса».

Николай —он не понял этой иронии. Хотя он читал и «Коммунистический манифест», и «Развитие научного социализма», он никогда не мог понять, что развитие капитализма в России должно сопровождаться соответствующими изменениями и в классовой структуре всего общества. Он признавал, — как и Лопатин, как и другие «чистые марксисты», как и Лавров, — что «на Западе» капитализм порождает пролетариат с особой классовой организацией и с особой классовой программой. Он радовался успехам немецкого и французского рабочего движения. Ну, а в России и пролетариат совсем другой, и его очень мало, чтобы он мог играть какую-нибудь политическую роль. Вместе с В. В., с которым он и лично сблизился как раз с середины 80-х годов, он пришел теперь к заключению, что капитализм в России не может выполнить свою историческую миссию — создание многочисленного промышленного пролетариата, что, наоборот, количество рабочих, занятых в современной промышленности, постоянно уменьшается, что русский капитализм не в состоянии обеспечить себе настоящий внутренний рынок и еще менее способен найти необходимые ему внешние рынки. «Подобно тому как невозможно представить себе капиталистическую фабрику, продукты которой рассчитаны исключительно на потребление занятых в ней рабочих, точно так же невозможна капиталистическая нация без внешних рынков». Он использует теперь и аргументацию тоже «чистого марксиста» — Н. Каблукова, — который подчеркивал значение научного и технического образования как средства борьбы с «отрицательными» сторонами русского капитализма.[1] «В Западной Европе капиталисты сами поняли, что народное образование — научное и техническое — играет важную роль в борьбе. Этот факт дает возможность рабочим относиться сознательно к общественным делам и выйти из кризиса без больших затруднений. Наша роль в этом отношении является чисто отрицательной».

Чтобы убедить Энгельса, чтобы доказать ему, что русский капитализм только «язва здешних мест», что он лишен всяких «положительных» качеств, Николай —он старательно подбирает факты, которые иллюстрируют «отрицательные» стороны капитализма в сравнении с «народным производством».

Энгельс, с своей стороны, терпеливо разъясняет Николаю —ону, что «народное производство» при тех условиях, которые созданы были со времени Крымской войны, осуждено на гибель. «Я заключаю из ваших писем, что относительно этих фактов вы совершенно согласны со мною; а что касается вопроса, нравятся ли они нам или нет, то это уже совсем другое дело! Ведь нравятся ли или не нравятся нам эти факты, они все равно будут продолжать существовать». Он напоминает Николаю —ону, что все «отрицательные» явления, которыми отличается русский капитализм, сопровождали также развитие европейского и американского капитализма. Поскольку позволяют условия подцензурной переписки, — Энгельс тщательно избегает всего, что могло бы повредить его корреспонденту, — он старается дать ему понять, что единственный выход заключается в революции.

Но все это напрасно потраченный труд. Николай —он окончательно разочаровался в революционном движении старого времени и не замечает никаких новых революционных факторов, порождаемых развитием капитализма. В своих ответных письмах он упрямо повторяет, что рост капитализма приносит только разорение всему народу. «Более чем вероятно, что крупная промышленность убьет сельскую общину, но вероятно последний день общины будет также последним днем крупной промышленности».

Энгельс делает новую попытку найти общую почву для дальнейшей дискуссии.

---

[1] Каблуков, Н. О значении профессионального образования при экономических условиях России. («Русская мысль», 1888, декабрь).

Итак, «мы согласны пока хотя в этом одном пункте: что Россия 1892 г. не могла существовать как исключительно земледельческая страна, что она должна была дополнять свое земледельческое производство еще и промышленным производством». А это возможно только в форме крупной промышленности — с «приложением пара, электричества, самодействующих прядильных и ткацких станков и, наконец, с машинным производством самих машин». Это диктуется введением железных дорог, потребностями обороны страны, которые делают крупную промышленность и «политической необходимостью». «Все эти вещи не могут быть изготовляемы без высокоразвитой металлургической промышленности, а последняя не может развиваться без соответственного развития всех других отраслей промышленности и в особенности текстильной».

Мы не будем подробно излагать содержание великолепного письма от 22 сентября 1892 г. Это один из лучших образцов применения диалектики в исследовании экономических явлений.

И все же Николай —он продолжает упорно хвататься за «письмо Маркса», который был якобы убежден, что «возможно избежать опасности «мучений» этого строя», тогда как Энгельс думает, что «у нас не было выбора, что мы вынуждены были пойти по тому пути, по которому шла Западная Европа». Николай —он находит новый выход. Он апеллирует к «русскому обществу». «Недостатки всей капиталистической формы производства так очевидны, влияние ее так разорительно для всей страны, что русское общество вынуждено найти какой-нибудь выход, как в 1853 — 1855 гг., а выхода этого можно искать только в развитии тех основ, которые мы унаследовали от нашей прежней истории». Этот утопический вывод подкрепляется неожиданной ссылкой на одно место из «Анти-Дюринга». Эта ссылка особенно наглядно показывает, как Николаю —ону была чужда теория и практика революционного марксизма.

Энгельс делает еще одну попытку переубедить Николая —она. Все еще не называя — из опасения повредить своему корреспонденту — вещи их настоящими именами, он теперь выражается более откровенно.

«Несомненно, что земельная общинаи, до некоторой степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые, при известных условиях, могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. Я вполне подписываюсь под письмом нашего автора по поводу статьи о Жуковском. Но и по его мнению и по моему, первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличности некоторого толчка извне — в изменении экономической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало».

Энгельс — опять-таки полуиронически — готов даже взять вину на «нас, людей Запада», так медленно двигающихся по пути экономического прогресса, оказавшихся неспособными «опрокинуть капиталистический режим лет десять или двадцать тому назад». «А пока у вас община все больше и больше увядает, и нам остается только надеяться, что переход к лучшей системе на Западе совершится достаточно скоро, чтобы спасти, — по крайней мере в некоторых, более отдаленных местностях вашей страны, — те учреждения, которые при этих новых обстоятельствах могут оказаться призванными для осуществления великого будущего. Но факты суть факты, и мы не должны забывать, что число благоприятных шансов этого рода становится с каждым годом все меньше и меньше».

Когда Николай —он получил это письмо Энгельса, он уже закончил свою новую работу, в которой, как он пишет Энгельсу, он хотел доказать, что пора заменить капиталистическую форму производства такою, которая основана на реальных потребностях населения. «В настоящее время нам надо решить жизненную задачу: не пора ли изменить нашу экономическую форму производства, и если пора, — есть ли у нас такое экономическое основание, на котором может быть построена новая форма, или же мы принуждены итти по пути, который не-

избежно ведет к нашему разорению. Вот та задача, которую я пытаюсь решить в книге, которая выйдет в этом месяце» (письмо Николая —она от 2 марта 1893 г.). Он еще успел в предисловии к своей книге — март 1893 г. — использовать письмо Энгельса, чтобы подтвердить цитатой из него вывод, прямо противоположный выводам Энгельса.

Книга Николая —она составлена была из двух отделов. В первом он перепечатал, с незначительными изменениями, свою старую статью под названием «Капитализация земледельческих доходов». Второй отдел, написанный заново и дающий подробное развитие взглядов, которые Николай —он защищал в своих письмах к Энгельсу, посвящен был «капитализации промыслов». Если первый отдел представляет тщательно разработанную монографию, основанную на огромном статистическом материале, то второй отдел носит все следы спешной работы. Достаточно указать, что, за исключением четырех таблиц, все помещенные в приложениях таблицы перепечатаны из старой работы. Вместо сжатого изложения, которое часто ограничивается только тезисами, Николай —он утомляет теперь читателя пространными и нудными ламентациями на тему, что было бы, если бы «мы», если бы «общество», если бы «правительство» были более проницательны и т. д.

Получив книгу, Энгельс опять делает попытку (в письме от 17 октября 1893 г.) переубедить Николая —она. Ответные письма последнего окончательно доказали ему, что он имеет дело с безнадежным утопистом.

Но письма Николая —она дали повод Энгельсу изложить свои взгляды на экономическое развитие России в послесловии к новому изданию «Ответа Ткачеву». В сущности это послесловие является ответом на книгу Николая —она, но на этот раз без всякой помощи того эзоповского языка, к которому Энгельс прибегал в своих письмах.

«Несомненно следующее, — заканчивает Энгельс свое послесловие: — если остатки русской общины могут быть спасены, то лишь при условии низвержения царского деспотизма, — революции в России. Эта революция вырвет массу русского народа — крестьян — из уединения их деревень, составляющих для них весь м и р, и выведет их на широкую арену, с которой они увидят внешний мир, а через это узнают и самих себя, свое собственное положение и средства спасения из теперешней нужды. Но, кроме того, эта революция даст новый толчок рабочему движению Запада, даст ему лучшие условия борьбы и тем ускорит победу промышленного пролетариата, без которой современная Россия не может прийти к социалистическому перевороту ни через общину, ни через капитализм».

Плеханов, который, как мы знаем уже, очень высоко ценил первую работу Николая —она, считал необходимым сейчас же выступить против реакционных и утопических тенденций новой книги переводчика «Капитала». Как только появилось послесловие Энгельса на немецком языке, Группа «Освобождение труда» издала под названием «Энгельс о России» — «Ответ Ткачеву» и «Послесловие к нему». В предисловии к этой книжке Плеханов указывает, что взгляды, развиваемые Энгельсом в «Послесловии», являются лучшим ответом Николаю —ону. Но он считал это недостаточным. Важно было бы, чтобы Энгельс выступил против Николая —она, так сказать, официально. И он в своих письмах упрашивает Энгельса сделать это, но безуспешно.

«Что касается Даниельсона, — пишет ему Энгельс 26 февраля 1895 г., [1] — то боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я ему послал в письме... послесловие 1894 г., которое было написано частью непосредственно по его адресу. Он его прочел, но, как видите, это бесполезно. Нет возможности полемизировать с этим поколением русских, неизменно верящих в спонтанейно-коммунистическую миссию, отличающую Россию, настоящую «святую Русь», от других неверных народов.

[1] Это письмо, как и другие письма Энгельса к Плеханову, известно нам только в переводе (Группа «Освобождение труда». Сборник № 2).

И, наконец, в такой стране, как ваша, где крупная современная промышленность привита к примитивной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные ступени цивилизации, — в стране, которая, сверх того, окружена более или менее действительно интеллектуальной китайской стеной, воздвигнутой деспотизмом, нельзя удивляться, если происходят самые странные, самые невероятные сочетания идей».

После октября 1893 г. переписка Энгельса с Николаем —оном опять меняет свой характер. Энгельс ограничивается теперь краткими письмами, извещающими о посылке корректурных листов третьего тома «Капитала». На попытку Николая —она втянуть его в полемику со Струве Энгельс отвечает отказом и разрешает только использовать ф а к т ы, имеющиеся в его письмах, но ни в каком случае его м н е н и я. «В самом деле, если бы мои мнения, высказанные в частных письмах, появились в русской прессе с моего предварительного согласия, то я не имел бы после этого никакого оправдания в глазах моих русских друзей — здесь и на континенте (Энгельс имеет в виду Засулич и Плеханова), которые настойчиво побуждают меня к деятельному вмешательству в русские споры с целью исправить мнение того или другого писателя по тому или другому пункту».

Из последних писем Энгельса видно, что он содействовал появлению книги Николая —она в немецком переводе и даже согласился написать для «Neue Zeit» статью о ней, в которой обещал указать на важность результатов исследований Николая —она, но в то же время заявить, что он не совсем согласен с некоторыми из заключений.

Перевод книги Николая —она вышел уже после смерти Энгельса. Сделан был не Коновым, а Г. Полонским.

Д. Р я з а н о в.

1

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 20 апреля 1884 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за экземпляр третьего издания «Капитала». Эта книга представляет неиссякаемый источник новых мыслей.

Очень приятно было прочесть в предисловии, что второй том появится в этом году.

«Хлебная торговля» получена.

Так как вы намерены издать полное собрание сочинений Mr. M.'s, то вам, может быть, нужны некоторые из его произведений, которых у вас нет под руками (например, «Deutsche Jahrbücher», «Kritik der kritischen Kritik», «Misère...», «Zwei polit. Processe», «Enthüllungen», «H. Vogt»)?

«Наш общий друг»[1] шлет вам привет.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Так в переписке Николая —она с Марксом и Энгельсом обозначался Г. А. Лопатин.

2

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 11 февраля 1885 г.

Мой дорогой сэр!

Я с удовольствием готов высылать вам корректурные листы II тома, как только вы сообщите мне, куда я могу направлять их, или под бандеролью (как печатные произведения), или в закрытых конвертах, в форме обыкновенных писем. Дело в том, что если хотя один из них затеряется на почте, то я уже не буду в состоянии послать другой до окончания печатания всей книги. А пока придет ваш ответ, я надеюсь получить для вас два или три листа.

Очень благодарю вас за сделанное вами несколько времени тому назад предложение — предоставить в мое распоряжение письма к вам А. Вильямса.[1] В настоящую минуту все мое время и внимание поглощены разбором его рукописей, но, несомненно, наступит момент, когда я охотно воспользуюсь вашим любезным предложением.

Не имеете ли вы каких-нибудь известий о «нашем общем друге» со времени того

несчастного приключения, которое случилось с ним несколько времени тому назад? [2]

Пожалуйста, посылайте мне впредь свои письма по приложенному ниже адресу.

Искренне ваш

Ф. Рошер.

Mrs. Rosher, 6, Richmond Villas, Messina Avenue, West Hampstead. N. W. London.

[1] Т. е. К. Маркса; сам Энгельс «для отвода глаз» подписывается тоже не своим именем, а фамилией мужа своей приемной дочери, адрес которой он дает ниже.
[2] Речь идет об аресте Г. А. Лопатина 6 октября 1884 г.

3

[Николай—он Энгельсу]

Петербург, 9 марта 1885 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за первые четыре листа, которые я получил в исправности.

Несколько дней тому назад здесь вышла новая книга Н. Зибера: «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». Это — второе дополненное издание его прежних статей о теории ренты и о «Капитале». Если вы не получили этой книги от автора, я с удовольствием вышлю ее вам. Быть может, вы хотели бы получить несколько новых русских трудов по статистике, которые появились в 1884 г. Вы знаете, что у нас есть свои фабричные инспектора, из которых двое (Янжул и Песков) издали свои «Отчеты». Вы там можете найти чрезвычайно любопытные факты, иллюстрирующие нашу промышленную жизнь. На большей части наших фабрик, например, рабочие не получают заработной платы в течение круглого года, и, не имея денег, они принуждены забирать необходимые товары в лавках своих хозяев. Это блестящим образом подтверждает экономический закон, что получаемая рабочим заработная плата находится в обратном отношении к количеству труда.

Ежедневное число часов труда	Заработная плата московского рабочего в месяц
15 часов	16 руб. 16 коп.
14 »	17 » 89 »
13 »	20 » 11 »
12 »	21 » 66 »

(Песков, Санитарное обследование московских фабрик, стр. 75 — 76.)

Из 1-й главы II тома, стр. 10 («Капитала») нам известно, что русские помещики жалуются на то, что со времени так называемого освобождения они не располагают необходимым количеством труда и что в то же самое время у них нет наличных денег для уплаты заработной платы. И посмотрите, как они справляются с этим затруднением. Вы знаете, что наделы, которыми владеют наши крестьяне, так малы, что самый лучший урожай не может удовлетворить их потребности в деньгах. У них нет ни пастбищ, ни лесов. Поэтому они арендуют

у помещика необходимую им землю, без которой они не могут существовать, но вместо денег они платят своим трудом, который обыкновенно оценивается помещиком очень низко. В то же самое время все условия нашей современной экономической жизни — с ее железными дорогами, банковой системой (вчера опубликован устав о новых крестьянских банках), торговлею, займами и т. д. и т. п. — с тяжестью нашего бюджета, лежащего на плечах крестьянства: все эти условия разрушают наше отсталое общинное землевладение, лишая довольно значительный процент крестьян фактического пользования своими наделами. Число так называемых бесхозяйственных хозяев растет чрезвычайно быстро.

В статистических исследованиях наших земств мы находим определенный ответ на этот вопрос. Так, за последние 5 лет в Московской губернии число таких хозяев возросло на 17% — 60 000 из 180 000 не имеет хозяйств, т. е. больше одной трети. В Полтавской губ. число их — 20%, в Тамбовской — 5 — 8%, то же в Самарской и т. д., и т. д. Эти рабочие руки, если не de jure, то de facto, не имеют никакого отношения к своей земле, они стали свободными; таким образом помещики и фабрики получили в свое распоряжение новые рабочие руки. У помещиков нет наличных денег; правительство приходит им на помощь, давая им через Государственный банк необходимые им деньги на короткий срок (в форме соловекселей).

Не можете ли вы сообщить мне, сколько листов будет заключаться во втором томе — приблизительно конечно — и через сколько месяцев издание будет окончено?

Преданный вам

Н. Даниельсон.

Извиняюсь за свой плохой английский язык.

Мойка, 27, кв. 3. Или, если вы предпочитаете, — Казанский мост, дом Лесникова, Общество взаимного кредита.

4

[Николай—он Энгельсу]

Петербург, 27, Мойка, 11 апреля 1885 г.

Милостивый государь!

Бесконечно благодарен вам за 5 — 9 листы, которые я получил в полном порядке 31 (19) марта. Около 7 листов уже переведено. В следующем месяце рукопись будет сдана в типографию.

В ожидании ваших любезных посылок остаюсь искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

5

[Энгельс Николаю—ону]

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Дорогой сэр!

Я получил ваше любезное письмо от 9 — 21 марта и очень обязан вам за содержащиеся в нем крайне интересные сведения. Что закон обратной пропорцио-

нальности между высотою заработной платы и продолжительностью рабочего времени подтверждается также и в России, это действительно очень интересный факт. Столь же интересно и быстрое разложение «мира», с прогрессом новой промышленности и финансов, обнаруживающееся в возрастающем числе «бесхозяйственных хозяев». Все такие факты имеют для меня величайшую важность, и я буду очень обязан вам, если вы будете время от времени сообщать мне имеющиеся у вас сведения об экономическом состоянии и развитии вашей великой страны. К несчастью, в настоящую минуту все мое время занято изданием рукописей [Маркса], и притом до такой степени, что я должен был прервать не только все собственные работы, но даже всякие занятия, и едва нахожу время для писем. Итак, вы видите, что в настоящую минуту я не в состоянии воспользоваться вашим любезным предложением — высылать мне оригинальные русские труды по экономическим вопросам. У меня действительно не нашлось бы времени пользоваться ими. Но я надеюсь, что вы ничего не будете иметь против меня, если когда-нибудь после, при первой благоприятной возможности, я возьму на себя смелость напомнить вам о вашем любезном предложении. А пока эти бесценные рукописи служат для меня источником высочайшего научного н а с л а ж д е н и я, и я ничуть не сомневаюсь, что такое же наслаждение доставят вам высылаемые мною корректурные листы. Из них №№ 5—9 высланы мною вам недели три тому назад (27 марта), №№ 10—14 посланы вчера, а вскоре я пришлю вам еще несколько листов, как всегда, заказным порядком. Весь II том займет около 39 листов и выйдет в конце мая. В настоящую минуту я занят III томом, представляющим заключительную и завершающую часть, которая затмит даже I том. Я диктую с оригинала, который положительно никто не может расшифровать, кроме меня, и откажусь от всякого отдыха, пока он весь не будет превращен мною в такую рукопись, которая будет, по крайней мере, удобочитаемой для всякого. Тогда только я займусь, уже не торопясь, окончательной редакцией, которая тоже представит нелегкую задачу, принимая во внимание несовершенное состояние оригинала. Но как бы то ни было, если бы даже мне не суждено было дожить до ее окончания, во всяком случае оригинал будет, по крайней мере, спасен от полной утраты и, в случае нужды, может быть издан кем-либо другим хотя бы в том виде, как он есть. Этот третий том — самая поразительная вещь, какую я когда-либо читал, и нельзя не пожалеть, что автору не довелось дожить до того, чтобы обработать и издать его самому и увидеть лично тот эффект, который он предназначен произвести. После такого ясного изложения всякое искреннее несогласие с автором делается просто невозможным. Самые трудные пункты распутаны и выяснены с такой легкостью, как будто они были просто детской игрой, и вся система получает тут совсем новый и простой вид. Боюсь, что эту третью часть придется разбить на два тома. Кроме того, у меня имеется еще одна старая рукопись автора, которая посвящена истории теории и которая тоже потребует от меня много труда. Таким образом, вы сами видите, что у меня дела полны руки.

Искренне ваш

Ф. В. Р о ш е р.

6

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 24 апреля 1885 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за ваше любезное письмо и за 9 — 20 листы. Содержание вашего письма обрадовало и в то же самое время огорчило меня.

Было очень приятно узнать, что труд закончен в такой мастерской форме, но в то же самое время я думал, что он будет включен во второй том, как предполагалось в предисловии к первому тому. Теперь, как видно из вашего письма, труд этот еще не будет издан. Как я понимаю, землевладение, рента и другие связанные с ними вопросы рассматриваются в этих двух томах. Я с величайшим нетерпением буду ждать выхода этой заключительной части. Очень интересно узнать, вошли ли в эту книгу данные о русской экономической жизни, так как автор, как вам известно, считал их очень важными для себя, потому что условия нашего экономического существования слишком просты, они несложны и взаимное влияние его факторов проявляется с большей ясностью, не затемнены чужими влияниями. Кроме того, ему важно было изучить эти факторы *in statu nascendi* там, где эти влияния выражены наиболее сильно. В этом причина, почему эти выводы, — использовал ли он русские данные или нет, — приобретают исключительное значение для нас: это — факт, которого решительно не может понять г. Джон Рэ в своем «Современном социализме». Он удивлен, что учение автора приобрело в России положительное влияние и что в Англии, стране капитализма, книга еще не переведена.

Излишне говорить о том, какое удовольствие доставило мне чтение тех 14 листов, которые вы любезно прислали мне. (15-го я еще не читал.)

Глубоко преданный вам

Н. Ф. Даниельсон.

7

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 3 июня 1885 г.

Дорогой сэр!

Я получил ваше письмо от 24 апреля (6 мая) и надеюсь, что и вы, в свою очередь, получили листы 21 — 26, посланные вам 13 мая. Сегодня я посылаю листы 27 — 33, т. е. конец тома, а через несколько дней я надеюсь выслать вам предисловие и пр. Из этого предисловия вы увидите, что оригинал III тома был написан еще в 1864 — 1866 гг., т. е. значительно раньше того периода, когда автор, благодаря вашей любезности, получил возможность так основательно ознакомиться с системой землевладения в вашей стране. В настоящую минуту я работаю над главою о поземельной ренте и до сих пор не встретил ни малейшего намека на русские условия. Как только вся рукопись автора будет переписана удобочитаемым почерком, мне придется обработать ее путем сличения с другими оставшимися после автора материалами, в числе которых — по части ренты — имеются обширные извлечения из разных статистических трудов, получавшихся

им от вас; но найдутся ли при этих выписках какие-либо критические заметки, которыми можно было бы воспользоваться для этого тома, этого я пока еще не могу сказать. Но, конечно, я использую самым добросовестным образом все, что там может оказаться. Дело переписки займет меня, во всяком случае, до позднего августа, и так как оригинал содержит до 600 страниц in folio, то его, пожалуй, опять придется разделить на два тома.

Анализ ренты теоретически так полон, что вы непременно найдете в нем много интересного и для специальных условий вашей страны, но все же оригинал исключает изложение докапиталистических форм поземельной собственности, и автор только ради сравнений ссылается на них в некоторых местах.

Искренно ваш

Ф. В. Рошер.

8

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 29 мая 1885 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за вашу любезную присылку мне листов «Капитала». На-днях я получил заключение вместе с вашим любезным письмом. Очень жаль, что выводы из обширного статистического материала о нашей земельной системе не были использованы автором в этом большом труде. Тот факт, что автор так сильно интересовался этими материалами, доказывает, что он придавал им большое значение, что он предполагал воспользоваться ими. Для читателей нашей страны это двойная потеря...

Я вышлю вам все издания, какие вам желательно получить, когда буду знать, какие данные вам нужны.

Я надеюсь, что когда будет печататься третий том, вы будете так добры точно так же посылать мне листы по мере их выхода из печати.

18 листов второго тома уже переведены.

Преданный вам

Н. Даниельсон.

9

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 13 июня 1885 г.

Милостивый государь!

Глубоко благодарен вам за ваши предисловия к «Капиталу» и к «Нищете». Они чрезвычайно интересны, но я не знаю, как избежать следующих затруднений. Родбертус является экономистом мало известным в России; его претензии на открытие законов о происхождении прибавочной стоимости еще менее известны; его обвинения автора «Капитала» в плагиате совершенно неизвестны. Кроме этих соображений, я должен ещё упомянуть о нашей цензуре.

Вот причины, почему я беру на себя смелость просить вас немного изменить ваше предисловие к русскому изданию «Капитала», т. е. выбросить полемику

из блестяще написанного вами изложения вопроса о том месте, которое автор занимает среди остальных экономистов, и того, что он сделал для науки.

Я надеюсь, что перевод выйдет к октябрю.

Преданный вам

Н. Даниельсон.

10

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 8 августа 1885 г.

Дорогой сэр!

Я обсудил ваше предложение написать специальное предисловие для русского издания, но решительно не вижу, как я могу сделать это сколько-нибудь удовлетворительно.

Если вы считаете, что было бы лучше совсем не касаться Родбертуса, то я предложил бы вам выкинуть целиком всю вторую часть предисловия. Как определение места автора в истории экономической науки, она слишком неполна и может быть оправдана только теми специальными обстоятельствами, при которых она была написана, т. е. нападками со стороны приверженцев Родбертуса. Эта клика очень влиятельна в Германии, производит там много шума и, без сомнения, скоро станет известна и в России. Ведь это такой дешевый и удобный способ порешить с вопросом, объявив, что наш автор просто копировал Р[одбертуса], а потому этот прием непременно будет повторен всюду, где читают и обсуждают труд Маркса. Но вы сами — лучший судья во всем этом деле, а потому я отдаю его вполне в ваши руки, тем более, что я не имею ни малейшего понятия о том, что может и что не может быть пропущено вашей цензурой.

Здесь распространились недавно довольно благоприятные слухи о судьбе «нашего общего друга»; не можете ли вы сообщить мне что-нибудь о нем?

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

11

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 6 августа 1885 г.

Милостивый государь!

Так как я вовсе не намерен исключать что-нибудь из предисловия без согласия автора, так как, вообще говоря, вовсе не желательно в какой бы то ни было мере сокращать перевод, то я воспользуюсь вашим любезным разрешением сократить, насколько возможно меньше, предисловие; я выброшу только такие места, которые могут послужить причиной запрещения книги, как, например (стр. XVII): «Можно ли назвать этот проект налогов грабежом... Эта дефалькация...», тем более, что в самой книге нельзя найти ничего такого, что следовало бы исключить; наиболее недозволенным цензурой является самое имя автора. Я, конечно, даже не стану пытаться и з м е н и т ь что-нибудь в предисловии, и его историко-полемический характер будет сохранен.

Какое впечатление производит второй том в Германии? Вы совершенно

правы, говоря, что изучение этой книги доставляет наслаждение (перевод ее уже окончен). По оригинальности и глубине мысли автора можно сравнить с Ч. Дарвином. Обе теории постигла одинаковая судьба. Они обе прошли три следующие фазы: 1) теория не выдерживает критики; 2) она не представляет ничего нового (Дарвин—Ламарк, Гете и т. д., К. М[аркс]—Родбертус и т. д.); 3) всеобщее признание. Повидимому, это хороший признак, что на автора нападают с этой стороны. Это доказывает, что истина побеждает, что вопрос не в том, верна она или нет, а в том, кто является автором такой теории. Конечно, в данном случае видно намерение фальсифицировать эту теорию, нарядить ее в прусский мундир, сшитый по фасону Родбертуса. Этот факт показывает, какое он имел влияние: каждый старается употребить вновь возникшую силу в свою пользу. Чарльз Дарвин ответил своим критикам своими неутомимыми исследованиями. Куда девались теперь его оппоненты? Ответом нашего автора являются его глубокие исследования в таком вопросе, который считался исчерпанным. И какой ответ! Достаточно указать на третий отдел второго тома. Не легкая задача победить такого великана мысли, и Родб[ертус] со своей кликой не в состоянии вычеркнуть его имя из истории науки или умалить влияние его идей... Д. Дидро в своих «Pensées philosophiques sur la matière et le mouvement» (Oeuvres, ed. Brière, Paris, 1821, p. 212) говорит, что «количество силы является в природе постоянной величиной». Это — счастливая гипотеза и ничего больше.

В истории теории «сохранения энергии» имя Дидро не упоминается. Чтобы стать научной мыслью, она должна была быть доказана Румфордом, Джоулем, В. Томпсоном, Гельмгольцом и др., а Дидро нельзя же сравнивать с Родб[ертусом]. Книга нашего автора теперь опубликована, и каждый может судить, на чьей стороне истина.

Как далеко подвинулась ваша работа по редактированию III тома? Здоровье «нашего общего друга» внушает серьезные опасения: его врачи убеждены, что болезнь его неизлечима и что она является заразной болезнью; он совершенно изолирован.[1]

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Речь идет о Лопатине в Шлиссельбурге.

12

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 9 августа 1885 г.

Милостивый государь!

Года два тому назад вы дали для помещения в одном из наших журналов ответ К. М[аркса] на статью Михайловского «К. М. перед судом Жуковского». Она не могла быть напечатана, так как журналы закрывались один за другим. Несколько сотрудников одного закрытого журнала соединились для издания нового журнала «Северный вестник». Редактор будет очень рад поместить упомянутый ответ. Но в силу некоторых обстоятельств, которые вы, конечно, сами легко поймете, редактор настойчиво просит вас прислать ему короткое письмо приблизительно такого содержания: «Редактору «Северного вестника». В бумагах

К. М[аркса] я нашел его ответ на статью М[ихайлов]ского «К. М[аркс] перед судом Жуковского». Так как там речь идет о России, вы, вероятно, напечатаете его в вашем журнале»... Письмо может быть написано, по вашему усмотрению, по-французски или по-немецки.

Редактор надеется напечатать этот ответ в первом или во втором номере этого журнала, т. е. в сентябре или в октябре.[1]

Если вы будете так добры и напишете такое письмо, то пришлите его, пожалуйста, по моему адресу. Я уже передам его редактору.

Глубоко преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Письмо К. Маркса по поводу статьи Михайловского появилось сначала в «Вестнике «Народной воли», а затем в «Юридическом вестнике» в октябре 1888 г.

13

[Энгельс Николаю —ону]

Джерси, 31, Roseville Street, 25 августа 1885 г.

Дорогой сэр!

Я получил ваши письма от 6 (18) и 9 (21) августа, но отвечу на них только после моего возвращения в Лондон, а пока прилагаю письмо для издателя «С. В.»[1] Я полагаю, что ответ [2] уже имеется у вас. Если же нет, то напишите, пожалуйста, по прежнему адресу в Лондон, и как только я вернусь туда — дней через 14 — я тотчас же вышлю вам другой экземпляр.

Истинно ваш Ф. В. Р.

[Приписка Энгельса]

М. г.!

В бумагах моего покойного друга К. М. я нашел ответ на статью Михайловского «К. М. перед судом Жуковского». Так как этот ответ, который не был в свое время напечатан по неизвестным мне причинам, может еще иметь интерес для русской публики, я препровождаю его вам.

Примите и т. д.

[1] «Северного вестника». [2] Речь идет о возражении Маркса критику «Отечественных записок» (Н. К. Михайловскому).

14

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 25 августа 1885 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за ваше любезное письмо. Ответ переведен и, надеюсь, будет напечатан во втором номере журнала (октябрьском).

Так как вы теперь заняты подготовлением к печати третьего тома, то я посылаю вам несколько выписок из письма, которое я имел честь получить от автора и которые вы, может быть, используете для вашего предисловия.

10 апреля 1879 г.: «А теперь — primo — я должен сообщить вам (это

совершенно конфиденциально), что, по дошедшим до меня из Германии сведениям, второй том моего труда **не может быть издан**, пока нынешний режим продолжает держаться там во всей его нынешней суровости. Это сообщение, принимая в соображение status quo, ничуть не удивило меня и, должен сознаться, даже совсем не раздосадовало по следующим причинам:

«**Во-первых**: я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский кризис достигнет своей высшей точки, своего поворотного пункта. Его проявления оказываются на этот раз очень своеобразными и, во многих отношениях, очень отличными от тех, которые наблюдались в прежних случаях. Это своеобразие, помимо других видоизменяющих обстоятельств, легко объясняется тем фактом, что никогда еще **английскому кризису не предшествовали** такие могучие продолжительные кризисы (тянущиеся в продолжение почти 5 лет) в **Соед. Штатах, Южной Америке, Германии, Австрии** и пр.

«Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним ходом дел до их полной зрелости, только тогда можно будет «потребить» эти факты «производительно», я хочу сказать «**теоретически**».

«Вот, например, одна из странных особенностей нынешнего положения дел. Как вы знаете, было множество банковых крахов в Шотландии, а также и в некоторых английских графствах, в особенности в западных (в Корнуэльсе и Уэльсе). И тем не менее настоящий **центр денежного рынка** не только всего соединенного королевства, но и всего мира — **Лондон** — пострадал до сих пор очень мало. Наоборот, за немногими исключениями, громадные акционерные банки, вроде Английского банка, пока только **выиграли** от общего крушения дел. А каково это крушение, вы можете судить по полному отчаянию английских торговых и промышленных филистеров, которые боятся, что не доживут до лучших времен. Я никогда еще не видел ничего подобного; никогда еще не доводилось мне быть свидетелем такой моральной растерянности, хотя я жил в Лондоне в 1857 и 1866 гг.

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что одно из обстоятельств, благоприятствующих лондонскому денежному рынку, заключается в нынешнем состоянии **Французского банка** который со времени недавнего расширения торговли между обеими странами превратился как бы в **отделение** лондонского банка. Французский банк, вследствие того, что свободный размен кредитных билетов еще не восстановлен, держит громадный запас золота в слитках, и при первом же признаке какого-нибудь замешательства на лондонской бирже французские деньги наводняют ее для скупки верных бумаг, понизившихся на время в цене. Если бы прошлою осенью французские деньги были внезапно потребованы обратно, Английскому банку пришлось бы, наверное, прибегнуть к своему **последнему средству в крайнем случае — к приостановке банкового акта**, вслед за чем неизбежно разразился бы денежный крах.

«С другой стороны, спокойствие, с каким совершилось в Соединенных Штатах восстановление золотой валюты, также устранило напряженное состояние резервов Английского банка, вызывавшееся этим обстоятельством.

«Но то, что до настоящей минуты задерживает главным образом крах на лондонском денежном рынке, это — кажущееся спокойное состояние банков *Ланка-*

шира и других промышленных округов (за исключением горнозаводских округов Запада). А между тем вполне несомненно, что эти банки не только употребили значительную часть своих ресурсов на учет векселей и на ссуды невыгодным предприятиям разных промышленников, но некоторые из них, как, например, Олдгэмский, даже затратил значительную часть своего капитала на основание новых фабрик. В то же самое время большие запасы произведенных товаров, в особенности хлопчатобумажных, накопляются день ото дня. Не только в Азии (преимущественно в Ост-Индии), куда они посылаются по консигнации, но и в Манчестере и т. п. Каким образом такое состояние может пройти без общего краха сперва в промышленной среде, а затем и среди местных банков, чтобы после захватить непосредственно лондонский денежный рынок, это трудно себе представить. А пока — стачки, беспорядки и замешательство повсюду.

«Замечу **мимоходом**, что в течение прошлого года, столь неблагоприятного для всех других торговопромышленных предприятий, **железные дороги** процветали. Но это происходило только вследствие разных исключительных обстоятельств, вроде парижской выставки, и т. п. На деле же железные дороги только поддерживают внешний вид процветания, накопляя долги и увеличивая со дня на день **счет капитала**. Но каким бы путем ни пошло развитие этого кризиса, — столь важного во всех его подробностях для исследователя капиталистического производства и профессионального теоретика, — но он все же пройдет, как и его предшественники, и породит новый «промышленный цикл» со всеми его разнообразными фазами процветания и пр. Но под покровом этого «повидимому» прочного английского общества кроется другой кризис, земельный, который произведет великие и глубокие перемены в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету при другом случае, а то в настоящую минуту он завел бы меня слишком далеко.

«**Во-вторых**, огромная масса сырых материалов, полученных мною не только из **России** но и из **Соед. Штатов** дает мне приятный «предлог» продолжать мои исследования, вместо того, чтобы заканчивать их для опубликования.

«**В-третьих**, мой врач говорит, что я должен значительно сократить мой «рабочий день», если не желаю впасть в то же состояние, в котором я находился в 1874 году и в последующие годы, когда испытывал частые головокружения и не был способен продолжать свои занятия после немногих часов серьезного труда».

12 сентября 1880 г. «Нынешний кризис есть величайший, через какой когда-либо проходила Англия, со стороны его продолжительности, размеров и интенсивности, но, несмотря на крушение некоторых шотландских и английских провинциальных банков, обычное завершение всех прошлых периодических крупных английских кризисов, — я разумею финансовый крах в Лондоне, — на этот раз «блистало своим отсутствием». Этот в высшей степени необычайный факт — отсутствие, в точном смысле слова **денежной паники** самостоятельно — нужно приписать особому сцеплению обстоятельств, анализ которых завел бы меня в эту минуту слишком далеко. Одним из наиболее решающих обстоятельств был, однако, тот факт, что громадный спрос на золото в 1879 г. был в значительной мере удовлетворен содействием Французского и Германского имперского банков. С другой стороны внезапное оживление дел в С. Штатах с весны 1879 г. отразилось сейчас же на Англии, явившись для нее deus ex machina.

«Что касается земельного кризиса, то он будет постепенно накоплять силу, самостоятельно развиваться и мало-по-малу продвигаться вперед, неся с собой настоящую революцию в отношении поземельной собственности, совершенно независимо от циклов торгово-промышленных кризисов. Даже такие оптимисты, как г. Кэрд уже начали «чуять опасность». В высшей степени характерен для английской тупоголовости такой факт: вот уже 2 года, как в «Times» и в разных сельскохозяйственных газетах печатается ряд писем фермеров, дающих подробный расчет всех издержек по обработке их ферм, сопоставляющих эти издержки с их доходами от продажи земледельческих продуктов по их нынешним ценам и показывающих, что в заключение у них получается явный дефицит, — и что же? Поверите ли вы, что ни одному из этих специалистов, распространяющихся так много по поводу этих расчетов, не приходит в голову спросить себя: какой вид получили бы эти расчеты, если бы та расходная статья, которая именуется рентой, была во многих случаях вычеркнута из них совсем, а в других сокращена «самым чувствительным образом»? Но это — тот щекотливый пункт, которого никто не должен касаться. И хотя фермеры начинают уже не доверять шарлатанским лекарствам («nostrums»), предлагаемым им лэндлордами и преданными их интересам писаками («plumitifs»), тем не менее они все еще не осмеливаются стать в позу смелого мужества, ввиду того, что и сами они с своей стороны подвергаются нападкам деревенского «рабочего класса». Вообще тут заваривается славная каша».

Затем из письма от 19 февраля 1881 г.: «Я писал вам несколько времени тому назад, что крупный промышленный торговый кризис, через который прошла недавно Англия, протек на этот раз без обычного кульминационного финансового краха в Лондоне и что этот исключительный феномен объясняется только своевременным наплывом французских денег. В настоящую минуту даже английские рутинеры узрели наконец и открыто признали этот факт. Так, «Statist» (29 января 1881 г.) говорит: «Спокойствие и изобилие нашего денежного рынка в течение прошлого года было результатом чистой случайности, а именно того, что французский банк в самом начале осени решился допустить сокращение своего запаса золота с 30 млн. ф. стерлингов до 22 млн... Нет ни малейшего сомнения, что прошлой осенью мы едва-едва ускользнули от великой опасности» (!)

В примечании к письму от 12 декабря 1872 г. он говорит: «Во втором томе «Капитала», в отделе о поземельной собственности, я намерен заняться очень подробно русской ее формою».

В последнем полученном мною от него письме от 13 декабря 1881 г. он пишет: «Мой немецкий издатель сообщает мне, что требуется третье издание «К[апитала]». Это известие является в очень неподходящую для меня минуту. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье; а во-вторых, я желаю окончить как можно скорее второй том (даже в том случае, если бы мне пришлось издать его за границей). У меня есть теперь дополнительный стимул довести его до конца, а именно — чтобы поместить на первой же странице посвящение моей жене. Впрочем, как бы ни сложились обстоятельства, во всяком случае я условлюсь с моим издателем таким образом, чтобы ограничиться как можно меньшим числом изменений и прибавлений к 3-му изданию. Но, с другой стороны, я по-

требую, чтобы он отпечатал на этот раз только 1 000 экземпляров вместо обычных у 3 000. Когда эти 1 000 экз. будут проданы, я смогу внести в книгу те изменения, которые я внес бы теперь, если бы мои личные обстоятельства были иными».

Вот некоторые «изменения» (28 ноября 1878 г.). «Я... нахожу, что — за исключением тех изменений, которые должны быть сделаны переводчиком после сличения второго немецкого издания с французским — необходимо будет сделать еще лишь очень немного новых изменений, которые вы найдете далее в этом письме.

Первые два раздела («Товар и деньги») и «Превращение денег в капитал» должны быть переведены с немецкого оригинала».

В письме от 15 ноября 1878 г.: «1) Я желал бы, чтобы разделение на главы — то же относится и к их подразделениям — было сделано согласно с французским изданием.

2) Чтобы переводчик тщательно сверял второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений (хотя, правда, я был вынужден не раз, особенно в первой главе, делать изменение более плоским — ради удобств передачи его по-французски)».

На стр. 86, строка 5 снизу, нужно читать: «В действительности стоимость каждого отдельного аршина есть только овеществление части затраченного на совокупное количество аршин общественного количества труда».

В главе XVI французского издания (этого места не имеется в главе XIV немецкого издания) в прибавленном абзаце о Дж.-Ст. Милле (стр. 222, 2-й столбец, строка 12 снизу) следует читать: «Я всегда исхожу из предположения, — говорит он, — что существующий порядок вещей, который преобладает там, где рабочий и капиталисты составляют различные классы, и т. д.

Следующие два предложения, а именно: «Странная оптическая иллюзия, которая заставляет видеть всюду положение вещей, которое существует на нашем земном шаре только в виде исключения! Но пойдем дальше» — нужно вычеркнуть, а следующее предложение гласит: «Милль хочет верить, что нет никакой абсолютной необходимости, чтобы это было именно так — даже при таком экономическом порядке, при котором рабочие и капиталисты составляют различные классы».

Преданный вам

Н. Даниельсон.

15

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 13 ноября 1885 г.

Дорогой сэр!

Я получил ваши письма от 6 (18) и 9 (21) августа, когда жил на острове Джерси, и, согласно вашему желанию, немедленно послал вам письмо для издателя «Северного вестника». После того постоянный гнет неотложной работы все мешал мне обстоятельно ответить на эти письма, так же как и на письмо от 25 августа (6 сентября).

Я ничуть не сомневался, что II том доставит вам такое же удовольствие, как

*

и мне. Развитые в нем идеи действительно отличаются таким высоким уровнем, что обыкновенный, рядовой читатель не даст себе труда измерить всей их глубины или проследить их до конца. Таково в действительности отношение к ним в нынешней Германии, где историческая наука, со включением политической экономии, пала так низко, что едва ли она может пасть когда-либо еще ниже. Наши «катедер-социалисты» — со стороны их теорий — всегда были немногим больше, чем слегка филантропическими «вульгарными экономистами»; теперь же они спустились до уровня простых апологетов бисмарковского государственного социализма. II том поэтому навсегда останется для них запечатанною книгой. И разве это не прекрасный образчик того, что Гегель называет «иронией всемирной истории», когда мы видим, что германская историческая наука, самым фактом возвышения Германии на ступень первой европейской державы, низводится снова к тому жалкому состоянию, до которого она была доведена глубочайшим политическим унижением Германии после Тридцатилетней войны? Но это факт. И вот, германская «наука» таращит глаза на этот новый том, не будучи в состоянии понять его, но благоразумный страх перед последствиями мешает им раскритиковать его публично, и вследствие этого официальная экономическая наука соблюдает по отношению к нему осторожное молчание. Однако III том принудит их высказаться.

Касательно этого III тома скажу, что я окончил уже превращение неразборчивого оригинала в удобочитаемую рукопись. Три четверти его почти годны для печати в том виде, как он есть, но последняя четверть, а может быть и третья, потребуют много редакционного труда, а именно первый отдел (отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли), затем следующий отдел о кредите, а отчасти также и отдел о земельной ренте, не считая разных мало обработанных мест почти во всех других отделах. Последние два месяца я был вынужден заняться множеством других работ, сильно запущенных мною вследствие исключительного внимания ко II и III томам. Это будет продолжаться еще некоторое время, а затем, быть может, пересмотр английского перевода I тома, почти уже оконченного, займет меня еще на месяц; но после этого я снова приступлю к III тому и доведу это дело до конца. Возможно, что его придется выпустить в двух частях, так как он займет около 1000 страниц.

Очень благодарен вам за выписки из писем нашего автора от 1879 по 1881 г. Я не мог читать их без печальной улыбки. Увы! все мы так хорошо знакомы с этими оправданиями по поводу незавершения его труда! Всякий раз, когда состояние его здоровья делало для него невозможным двигать свой труд вперед, эта невозможность его сильно угнетала, и он, конечно, был чрезвычайно рад, когда мог найти хоть какое-нибудь теоретическое оправдание, почему его труд не может быть закончен. Все эти аргументы он приводил в свое время и мне, — они, повидимому, облегчали упреки его собственной совести.

Окончив III том и выбрав из остальных рукописей автора все, что пригодно для печати, я, вероятно, постараюсь собрать те частные письма автора, которые представляют научную важность, и в этом случае письма его к вам займут одно из первых мест. Так вот, когда это время наконец наступит, я непременно воспользуюсь вашим любезным предложением — предоставить в мое распоряжение копии с этих писем.

У меня часто является желание послать вам некоторые памфлеты и пр., а также новые переиздания прежних сочинений нашего автора и моих собственных, но я не знаю, насколько было бы безопасно адресовать их прямо вам. Вы очень обязали бы меня, сообщив мне, как следует поступать в таких случаях.

Надеюсь, что здоровье «нашего общего друга» может еще улучшиться, несмотря на дурные предсказания его врачей. Всякое известие о нем всегда будет встречено здесь с радостью.

Тот кризис, о котором говорит автор в своих письмах, был в самом деле исключительным. В действительности он продолжается еще и теперь. Вся Европа и Америка терпят от него по нынешний день, и отсутствие финансового краха есть одна из причин такой продолжительности. Но, конечно, главная причина кроется в несомненном и полном изменении состояния мирового рынка. С 1870 г. Германия и в особенности Америка стали соперниками Англии в сфере новейшей промышленности, и в то же самое время большинство остальных европейских стран настолько развили свои собственные мануфактуры, что перестали зависеть от Англии. Последствием всего этого было распространение процесса перепроизводства на гораздо более обширную область, чем в те времена, когда он ограничивался главным образом только Англией, а потому процесс этот принял вместо острого хронический характер, как мы это и видим теперь. Вследствие этой отсрочки грозы, очищавшей прежде атмосферу каждые десять лет, это непрерывное угнетенное состояние промышленности должно подготовить мало-помалу такой крах, который по своим размерам и силе превзойдет все, что мы когда-либо видели по этой части. И это тем неизбежнее, что и тот сельскохозяйственный кризис, о котором говорит автор, также продолжается до настоящей минуты и даже распространился почти на все европейские страны; и он должен продолжаться и далее, пока остается неистощенным девственный чернозем[1] западных американских прерий.

Истинно ваш

Ф. В. Р.

[1] Энгельс пишет это слово по-русски.

16

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 19 декабря 1885 г.

Милостивый государь!

Второй том готов. В настоящее время книга находится для просмотра в нашей цензуре. Мне частным образом сообщили, что цензор не хочет пропустить предисловие. Лучшая часть его — краткий очерк истории прибавочной стоимости и место, которое занимает наш автор, — является слишком красной в его глазах. Я думал выбросить несколько цитат из английских авторов. Но это его не удовлетворяет. Редактор, — говорит он, — слишком подчеркивает социалистические тенденции автора.

Как только кончится установленный законом срок, я пошлю вам несколько

экземпляров книги. Я с большим нетерпением жду выхода третьего тома. Второй том, по моему мнению, великолепен.

Желаю вам счастья в Новом году.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

17

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 8 февраля 1886 г.

Мой дорогой сэр!

Я получил ваши любезные письма от 18 (30) ноября, 19 (31) декабря, 26 (7) января и 8 (20) января, а также четыре экземпляра вашего перевода,[1] из которых один отдан в Британский музей, другой — полковнику,[2] а третий — хорошо вам известной даме,[3] также переведшей несколько трудов нашего автора на ваш язык. Если бы вы имели любезность послать еще один экземпляр нашему немецкому издателю Отто Мейснеру в Гамбурге, то вы этим очень обязали бы меня.

Я прочел ваше превосходное предисловие с большим удовольствием и очень внимательно. В подтверждение последнего уверения могу указать вам, что на стр. X, 17-я строка, наборщик, повидимому, пропустил одно слово. Не правда ли, что эту строку следует читать так: «что и переменная часть капитальной стоимости?»[4] Этот пропуск, конечно, не имеет большой важности для того, кто хорошо знаком с терминологией автора, но менее привычного к ней читателя он может, пожалуй, привести в замешательство.

Очень благодарен вам за ваши заметки по поводу экономического состояния вашей страны. Все такие вещи всегда очень интересуют меня. Последние 30 лет показали на примерах со всех концов света, в какое ничтожное время громадная производительная сила новейшей промышленности может быть пересажена даже в такие страны, которые были до того чисто земледельческими, и как быстро она пускает там прочные корни, причем сопровождающие этот процесс явления повторяются решительно повсюду. То, что вы говорите о расплате досрочными купонами, имело место по всей Германии лет десять или пятнадцать тому назад и может при случае повториться снова, но в особенности перед введением новой монетной системы эти жалобы на досрочные купоны, пущенные прежде всего в ход для расплат с рабочим, были, можно сказать, всеобщими. Быстрое развитие германских мануфактур переросло теперь эту стадию, и если этот факт и повторяется еще время от времени, то это является исключением, но пятнадцать лет тому назад он был правилом, в особенности в Саксонии и Тюрингии. Но мнение ваших экономистов, видящих в этом доказательство недостатка в средствах обращения — и это при наличности бумажного обращения и при падении стоимости бумажек, по крайней мере, на 36%! — может быть поставлено на одну доску только со взглядами американских гринбеккеров,[5] которые тоже ведь требовали усиленных выпусков бумажных денег, опираясь на то, что бумажки стояли уже наравне с золотом, а следовательно, очевидно, их выпускали в недостаточном количестве!

Я рад слышать, что «нашему общему другу» советуют перемену климата; полагаю, что его направят туда же, куда он и раньше посылался врачами и где

местные условия оказывались, повидимому, очень благоприятными для его здоровья. Во всяком случае это доказывает в моих глазах, что всякая опасность внезапного кризиса в его болезни уже миновала.

Наконец-то, я имею в своих руках всю рукопись английского перевода I тома [«Капитала»] и могу с будущей недели приступить к ее пересмотру. Как только я составлю себе понятие о том, когда этот пересмотр может быть окончен, я сейчас же заключу сделку с издателем. Переводчиков двое. Один — местный адвокат из наших друзей (он и вы — единственные два человека, знающие эту книгу вполне), но его профессиональные занятия не дозволили ему выполнить целиком эту задачу с желательной для нас скоростью, а потому доктор Эвелинг, муж самой младшей дочери автора, предложил свои услуги по этой части; но так как экономические теории, как и язык автора, не совсем привычны для него, то я знаю заранее, что выполненная им часть доставит мне больше труда. Во всяком случае, как только английский перевод будет достаточно обработан для печати, я сейчас же примусь снова за III том и доведу это дело до конца, не дозволяя никакой другой работе помешать мне в этом.

Здешний промышленный кризис идет к худшему, а не к лучшему, и люди начинают видеть все яснее и яснее, что промышленная монополия Англии приходит к концу. И действительно, — с выступлением Америки, Франции и Германии в качестве ее соперников на мировом рынке, с введением высоких таможенных пошлин, посредством которых другие страны с развивающейся промышленностью стремятся изгнать со своих рынков иностранные товары, — определение момента потери ею своей прежней монополии становится делом простого расчета. Но если одна великая промышленная страна-монополист вызывала кризис каждые десять лет, то что должно проистечь из совокупной деятельности четырех таких стран? Говоря приблизительно, мы должны теперь иметь кризис через каждые 10:4 лет, т. е., с практической точки зрения, один бесконечный кризис. Для нас-то это было бы только хорошо.

Истинно ваш

Ф. В. Гарт.

[1] Второго тома «Капитала». [2] П. Л. Лаврову. [3] Вероятно, В. И. Засулич. [4] Вся эта фраза написана Энгельсом по-русски. [5] Прозванных так из-за «зеленых спинок» (green backs) американских кредиток. [6] Писано по поводу каких-то неосновательных слухов того времени об изменении в благоприятную сторону дела Г. А. Лопатина и о завершении его простою административною ссылкой.

18

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 9 ноября 1886 г.

Дорогой сэр!

Все это время я был занят отделкою английского перевода I тома [«Капитала»], который — я надеюсь — будет готов через несколько недель, так как я прочел уже первую корректуру всего тома и мне остается теперь только прочесть вторую и третью корректуры последних десяти листов. Это был очень тяжелый труд, так как, в конце концов, ответственность за текст ляжет на меня.

Понятно, что все это время я не имел возможности заняться ничем другим, вследствие чего у меня накопилась куча других мелких работ, которые мне нужно сбыть с рук, прежде чем вернуться к III тому. Помнится, я уже сообщил вам, что я продиктовал его с оригинальной рукописи, чтобы придать ему удобочитаемый вид. Бо́льшая часть его не потребует для отделки значительного труда, но глава о превращении нормы прибавочной стоимости в норму прибыли и глава о банковом капитале, до некоторой степени и глава о поземельной ренте потребуют еще много работы. Я надеюсь справиться с этим делом в будущем году, но не сдам в печать ни одной строчки, пока не окончу обработки всего тома.

Что касается сбыта II тома, то по март 1886 г. он достиг 1 300 экземпляров.

Как только английский перевод выйдет в свет, я сейчас же пришлю вам экземпляр этого издания.

Обзоры II тома, появившиеся в немецкой прессе, были необычайно глупы. Один, написанный доктором Гроссом (Вена), был очень приличен по тону, но автор его просто идиот. Другой, написанный бреславльским профессором Лексисом, очень умен в своем роде; автор отлично понимает книгу и знает, что ему нечего сказать против нее, но он — так называемый «Streber» [карьерист], а потому прикидывается «вульгарным экономистом». Обзор этот помещен в «Hildebrand's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», XI. Band, 1885, 5. Heft (5. Dec. 1885).

Я, понятно, буду очень рад, когда выпущу, наконец, III том, потому что, как вы говорите, только тогда вся система автора будет понятна вполне, и многие глупые возражения, делаемые против нее теперь, падут тогда сами собою.

Искренне ваш.

Ф. В. Р.

19

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 22 января 1887 г.

Милостивый государь!

Я получил объявление об издании английского перевода «Капитала». Вы были так любезны, что прислали мне его. Это объявление вдвойне обрадовало меня. Во-первых, самый факт издания чрезвычайно отраден; во-вторых, я вижу, что третий том будет издан еще до конца 1887 г. Это последнее сообщение очень важно для меня. Я должен сознаться, что хотя имя автора пользуется большой популярностью у нас, однако исследования его понимают недостаточно ясно, так что даже среди его так называемых последователей вы можете встретить неправильное изложение его взглядов.

Вот почему я намерен изложить для широкой публики явления нашей экономической жизни в свете его теории, чтобы показать, куда мы идем. Вы знаете, что путь, избранный русским обществом в целом, очень опасен, что наши естественные богатства истощены и т. д.

Я еще не знаю в настоящее время, какая форма будет наиболее действительной для такого изложения, но я чувствую, что обязан сделать теорию нашего автора доступной возможно большей массе людей.

Но это намерение может быть исполнено только после выхода перевода всех томов.

Очень досадно, что английский перевод стоит так дорого. Книга не будет доступна для тех, для кого она, собственно, переведена.

Чрезвычайно интересно знать, что́ будут говорить об этом издании. Я слышал, что французское издание не находит читателей.

Посылаю вам 23 сказки сатирика Щедрина, где вы найдете обсуждение некоторых «проклятых» социальных вопросов. Я уверен, что многие из этих сказок доставят вам большое удовольствие (например, пятая — «Добродетели и пороки», вторая, четвертая, третья и т. д.).

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

20

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 19 февраля 1887 г.

Дорогой сэр!

Я был рад получению вашего письма от 22 (3) февраля, так как из него я увидел, что издатель — вместо того, чтобы послать вам экземпляр английского «Капитала» — отправил вам только объявление о нем! Таких неправильностей с его стороны было уже не мало, и они причинили уже нам много досады, а главное — неуверенности относительно того, что́ сделано и что́ — нет. Впрочем, я сейчас же, 12 февраля, послал вам по почте, заказным порядком, экземпляр английского перевода и надеюсь, что он дошел до вас благополучно. Я рад сообщить вам, что продажа книги идет чрезвычайно хорошо. Высокая цена первого издания представляет неизбежное зло, но так как книга стереотипирована, то через некоторое время будет выпущено второе, дешевое издание — по цене, равной приблизительно одной трети первоначальной. В настоящую минуту высокая цена книги не представляет здесь большой помехи ее сбыту, хотя в Америке она, может быть, до известной степени и препятствует ее распространению.

Я думаю, что вы сделаете хорошее дело, доказав публике вашей страны приложимость теории нашего автора к их условиям. Но, может быть, вам было бы лучше — как вы говорите и сами — подождать до окончательного завершения всего труда. Глава о ренте, — хотя и написанная ранее, чем автор получил возможность изучить русские экономические условия, хотя и не содержащая никакого упоминания о них, — все же совершенно необходима для вас. Я возьмусь за III том, как только справлюсь с другими накопившимися работами наиболее неотложного свойства. За исключением трех отделов, бо́льшая часть этого тома почти готова для печати.

Очень благодарен вам за «Сказки» Щедрина и непременно прочту их при первой возможности. В настоящую минуту мне мешает читать легкий конъюнктивит левого глаза, а русский шрифт всегда требует от меня усиленного напряжения зрения.

До настоящей минуты не появилось еще никаких рецензий на английское

издание. Профессиональные рецензенты, очевидно, не знают, что им делать с этой книгой и боятся обжечь себе пальцы.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

21

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 7 апреля 1887 г.

Милостивый государь!

Сегодня я высылаю вам письма [1] в двух пакетах. Будьте добры сообщить мне, получили ли вы их в исправности.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

Прилагаются 2 письма.

[1] Письма Маркса к Николаю —ону.

22

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 24 апреля 1887 г.

Дорогой сэр!

Пишу лишь несколько строк, чтобы поскорее сообщить вам о благополучном прибытии двух заказных пакетов с письмами, а также вашего письма от 7 апреля, извещающего об их отправлении. В сущности, вам не было нужды так торопиться с их доставкою, но все же я очень благодарен вам за то, что вы вверили мне эти драгоценные реликвии, которые я прочту с величайшим интересом и употреблю в дело там, где они окажутся полезными, сохранив подлинники для возвращения их вам по первому вашему требованию.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

23

[Николай —он Энгельсу].

Петербург, 11 декабря 1887 г.

Милостивый государь!

Несколько недель тому назад д-р Кейслер [Keussler] выпустил здесь заключительную часть (четвертый том) своего труда «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland» (по-немецки). Это единственный систематический труд, написанный на основании статистико-экономических исследований наших земств за последние десять лет. Так как они выпустили около 100 томов этих исследований, то не живущие в России почти не имеют возможности изучать их. Кейслер намерен вкратце изложить эти труды и дать картину крестьянской экономической жизни. Очень досадно, что он начал работать слишком рано, когда было выпущено всего каких-нибудь десять—двадцать томов земских статистических исследований («Сборники статистических сведений по... губер-

нии»). Он мог использовать их богатый статистический материал только в своих последних томах. Если вы намерены прочесть этот труд, я с удовольствием вышлю его вам.

Как вы вероятно слышали, наше правительство намерено поддерживать пришедшее в упадок дворянское землевладение; угадайте, какие средства оно употребляет?

Оно основало Государственный дворянский земельный банк. Здесь наши помещики за $1^1/_2$ года заняли из $5^3/_4\%$ 145 млн. руб. (на 4 млн. десятин), т. е. они должны давать из своего дохода около $8^1/_2$ млн. руб. в год. Основание банка принудило других помещиков уменьшить размер своего процента (от 7, $6^3/_4$ до $5^3/_4$); это уменьшение расширило их дела. В итоге это означает быстрое уменьшение средств наших помещиков и увеличение средств наших капиталистов. Чрезвычайно интересная поддержка, не так ли?

С другой стороны, рост населения, сопровождающийся уменьшением производства, принуждает наше крестьянство искать какие-нибудь добавочные источники увеличения своих доходов: они ищут работы в качестве поденных рабочих и т. д., конечно с очень низкой заработной платой, или же вынуждены арендовать добавочные участки земли по какой бы то ни было цене.

Для расширения крестьянской земельной собственности основан Крестьянский государственный земельный банк. Он дает возможность артелям или «миру» покупать имения и выплачивать их стоимость по частям в 24 или 36 лет. Этот банк функционирует уже около четырех лет. Основание его увеличило среднюю цену земельной собственности; для помещиков его операции чрезвычайно выгодны. Очень высокие ежегодные платежи — совершенно не соответствующие ежегодным доходам — заставляют покупателей продавать все бо́льшую часть своих продуктов (цена которых постоянно падает) или же принуждает их, с другой стороны, прекращать свои ежегодные платежи. Конечно, их участки отбираются, они теряют свои прежние платежи, а так как банк дает только 75% стоимости, то они теряют еще и 25%. Они, таким образом, совершенно разоряются.

Я буду очень рад получить известия о вас и о вашей работе. В каком состоянии находится третий том? Когда могу я надеяться начать перевод? Говорят, что немецкая литература о «Капитале» растет с каждым днем. Есть ли что-нибудь заслуживающее внимания между этими книгами и брошюрами? Как встречен был английский перевод, имеет ли он широкий сбыт? А что говорит английская критика?

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

24

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 5 января 1888 г.

Дорогой сэр!

Я переменил квартиру, и мой адрес теперь таков: M-rs. R[osher], Cottesloe, Burton Road, Kilburn, London. N. W. Номера нет никакого, потому что Cottesloe. это — название дома.

Я сейчас же заказал моему книжному поставщику сочинение доктора Кейслера. Если даже первые его томы покоятся на неполных материалах, то я достаточно знаком с трудами ваших земств, чтобы быть уверенным, что résumé этих трудов должно заключать чрезвычайно ценный материал и, будучи написано по-немецки, должно оказаться настоящим откровением для западных европейцев. Я приму все меры к тому, чтобы эти материалы были использованы.

Боюсь, что ваш дворянский земельный банк приведет к тем же результатам, к каким привели прусские земельные банки. Здесь дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило бо́льшую часть полученных денег на поддержание привычного образа жизни, на картежную игру, на поездки в Берлин и главные города своих провинций и т. п., потому что дворянство считало своим первым долгом — жить сообразно достоинству своего сословия («standgemäss»), а первым долгом государства — помогать им выполнять эту задачу. Таким образом, несмотря ни на какие банки, ни на какие громадные, прямые и непрямые, денежные подачки им со стороны государства, прусские дворяне находятся по уши в долгах у евреев, и никакое повышение ввозных пошлин на земледельческие продукты не спасет их. Я вспоминаю, как один хорошо известный русский из полунемцев, связанный незаконными узами с русским дворянством, находил, что эти прусские дворяне живут все еще слишком прижимисто. Прибыв «от того к другому берегу» и ознакомившись с их жизнью у себя дома, он восклицал: «Эти люди стараются копить деньги, тогда как у нас человека считают жалким скрягой, если он не тратит, по крайней мере, в полтора раза больше своего годового дохода». Если принципы русского дворянства действительно таковы, то я могу только поздравить их с их земельным банком.

Ваш крестьянский банк также кажется мне похожим на прусские крестьянские банки, и мне представляется почти непонятным, как это некоторые люди решительно не видят, что все новые источники кредита, предоставляемые к услугам землевладельцев (крупных или мелких), должны неизбежно повести только к их порабощению победоносными капиталистами.

Мои глаза все еще требуют бережного обращения с ними, но как бы то ни было я все же надеюсь через короткое время — скажем, с будущего месяца — снова приступить к работе над III томом; только, к несчастью, я все еще не могу пока дать никаких определенных обещаний относительно времени его окончания.

Английский перевод продавался и продается очень хорошо, пожалуй, даже изумительно хорошо для книги этого сорта и этого размера, так что издатель его просто в восхищении от своей спекуляции. Зато критики его стоят ниже — даже много, много ниже — обычного, среднего, и без того низкого уровня. Единственная хорошая статья появилась в «The Athenaeum», остальные же по большей части дают только извлечения из предисловия; те же, которые пытаются затронуть и самую книгу, оказываются невыразимо жалкими. Самой модной теорией считается здесь в настоящую минуту теория Стэнли Джевонса, согласно которой стоимость определяется полезностью, т. е. меновая стоимость—потребительной, а также, с другой стороны, пределом предложения (т. е. издержками производства), что есть просто непрямой и запутанный способ сказать, что стои-

мость определяется спросом и предложением. Вульгарная экономия везде и повсюду! Второй из наших крупных литературно-критических органов — «The Academy» — еще не высказался.

Продажа немецкого издания I и II томов идет очень хорошо. Появилось множество статей относительно книги и ее теорий. Из них сочинение Каутского — «Экономические учения Карла Маркса» — представляет подробный экстракт или, вернее, самостоятельное изложение этих теорий, очень недурное, хотя и не всегда вполне верное; я пришлю вам его. Затем, некий жалкий ренегат из евреев. Георг Адлер, приват-доцент Бреславльского университета, написал большущую книгу (заглавие ее я позабыл), чтобы доказать заблуждения Маркса, но это просто грубый и смешной памфлет, изданный с целью обратить на себя внимание министерства и буржуазии и показать собственную важность. Я просил всех моих друзей не упоминать о нем в печати ни одним словом. И в самом деле теперь всякий мелкий, бессильный субъект, чтобы создать себе рекламу, спешит напасть на нашего автора.

Парижские друзья усомнились в точности ваших печальных сообщений касательно «нашего общего друга». Не можете ли вы доставить тем или иным путем какие-нибудь подробности относительно постигшего его несчастья?

Прилагаю одну маленькую вещицу, изданную несколько лет тому назад.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

25

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 15 октября 1888 г.

Дорогой сэр!

Мне помешала ответить на ваши любезные письма от 8 (20) января и 3 (15) июня прежде всего слабость моих глаз, которая лишила меня возможности просиживать за письменным столом более двух часов в сутки и внесла, таким образом, полную путаницу в мою деловую корреспонденцию, а затем — моя поездка в августе и сентябре месяцах в Америку, откуда я только что вернулся. Моим глазам теперь лучше, но так как я обязан приняться немедленно за III том и окончить его, то я все еще должен быть осторожен с глазами, чтобы не повредить их чрезмерным трудом. А поэтому моим друзьям приходится извинить меня, если мои письма окажутся не слишком частыми и не слишком длинными.

Ваши рассуждения в первом письме — насчет отношения между нормою прибавочной стоимости и нормою прибыли — в высшей степени интересны и, без сомнения, очень ценны для группировки статистического материала, но это не тот путь, которым наш автор подходит к решению этой задачи. В вашей формуле вы исходите из предположения, будто бы всякий предприниматель удерживает в свою пользу всю ту прибавочную стоимость, которую он присвояет в процессе производства. Но, при таком предположении, торговый и банковый капиталы не могли бы существовать, ибо они не приносили бы никакой прибыли. Следовательно, прибыль предпринимателя не может представлять всей суммы прибавочной стоимости, извлекаемой им из своих рабочих.

С другой стороны, ваша формула, быть может, и пригодна для приблизительного исчисления состава различных капиталов в различных отраслях промышленности при условии общей и одинаковой нормы прибыли. Я говорю: быть может, потому что не имею в эту минуту под рукою материалов, которые дозволили бы мне проверить установленную вами теоретическую формулу.

Вы удивляетесь, почему политическая экономия в Англии находится теперь в таком жалком состоянии. Но то же самое мы видим теперь повсюду. Даже классическая экономия, — нет, даже самые вульгарные приверженцы и разносчики (Hausirburschen) свободной торговли встречают теперь лишь высокомерное презрение со стороны еще более вульгарных «высших» существ, занимающих ныне университетские кафедры политической экономии. И в этом виноват в значительной степени наш автор, который открыл глаза заинтересованным людям на опасные выводы классической экономии; и вот они находят теперь, что, по крайней мере в этой области, всего безопаснее не терпеть совсем никакой науки. И им удалось так хорошо ослепить обыкновенных филистеров, что в настоящую минуту имеется в Лондоне четыре человека, называющих себя «социалистами» и в то же время уверяющих, будто бы они совершенно опровергли теорию нашего автора, противопоставив ей учение Стэнли Джевонса!

Парижские друзья настаивают на том, что «наш общий друг» вовсе не умер, но я не имею никакой возможности проверить их сообщения.

Я прочел с большим интересом ваши физиологические рассуждения об истощении вследствие чрезмерно продолжительного рабочего времени и о количестве потенциальной энергии в форме пищи, требующемся для возмещения такого истощения. К словам Ранке, которого вы цитируете по этому поводу, я нахожу нужным сделать одну маленькую оговорку: если 1 000 000 килограммометров в форме пищи замещает только сумму развитой теплоты и исполненной механической работы, то такое количество пищи еще не может считаться достаточным, так как оно не возмещает траты мускулов и нервов; ведь для этого требуется не одна только тепло-производящая пища, но и белки, которые не могут быть измеряемы только в килограммометрах, так как животный организм не обладает способностью строить их прямо из элементов.

Я не знаю двух упоминаемых вами книг—Эдуарда Юнга и Филипса Бевана,— но в их утверждении, будто бы прядильщики и ткачи в Северо-Американских Соединенных Штатах получают от 90 до 120 долларов в год, должна скрываться какая-то ошибка. Ведь это составит около 2 долларов в неделю, номинально равняющихся 8 шиллингам, но по своей покупательной силе в Америке представляющих менее 5 шиллингов в Англии, а между тем на основании всего, что я слышал, заработки прядильщиков и ткачей в Америке номинально выше, а в действительности совершенно одинаковы с заработками их в Англии, вследствие чего они должны равняться приблизительно 5—6 долларам в неделю, соответствующим 12—16 шиллингам в Англии. Что же касается до данных Каутского, то он просто сделал ошибку, приняв доллары за фунты стерлингов, вследствие чего — при переводе их на немецкие марки — он множил не на 5, а на 20, и получил таким образом цифры вчетверо больше настоящих. Цифры, почерпнутые из данных десятого ценза (Compendium of the 10th Census of the U. S. 1880. Washington, 1883, p. 1124, Specific Cotton Manufacture), таковы:

Рабочие и служащие		174 659
вычитая конторщиков, управителей и пр.		2 115
	Одни рабочие	172 544
Из них: мужчин (старше 16 лет)		59 685
мальчиков (моложе 16 лет)		15 107
женщин (старше 15 лет)		84 539
девушек (моложе 15 лет)		13 213
		172 544

Всего 172 544 рабочих, получающих в общем 42 040 510 долларов заработной платы, т. е. по 243,06 доллара в год на человека, что хорошо сходится с моею вышеприведенною оценкою, так как более высокая заработная плата мужчин уравновесится в среднем выводе более низкими заработками девушек и мальчиков.

Чтобы показать вам, до каких глубин падения дошла экономическая наука, укажу на Луйо Брентано, издавшего лекцию о классической политической экономии (Лейпциг, 1888), в которой он провозглашает такие вещи: общая, или теоретическая, экономия ничего не стоит: вся сила лежит в специальной, или практической, экономии. Как в естествознании (!), мы должны ограничиваться лишь описанием фактов. Такие описания бесконечно выше и ценнее, чем все выводы a priori. «Как в естествознании!» Это неподражаемо! И это в век Дарвина, Майера, Джоуля, Клаузиуса, в век эволюции и превращения энергии!

Благодарю вас за номер «Русских ведомостей» с интересной статьею о вмешательстве правительства в статистические работы земств. Было бы очень прискорбно, если бы эти ценные труды были прерваны вследствие подобных вмешательств.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

26

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 27 марта 1889 г.

Милостивый государь!

Бесконечно благодарен вам за вашу посылку. Я попытаюсь поместить ваше предисловие в одном из наших журналов. Я был очень рад получить этот ваш маленький труд. Надеюсь, ваши глаза поправились.

Сегодня я видел одного из врачей м-ра Mutual.[1] Он говорит, что несколько месяцев тому назад м-р М. был так сильно болен, что всем говорили, что он умер, но теперь здоровье его в прекрасном состоянии.

Глубоко признательный вам

Ваш Н. Даниельсон.

Когда вам больше не нужны будут письма нашего автора, я позволю себе просить вас отослать их мне.

Пишу второпях.

[1] Mr. Mutual — очевидно Г. А. Лопатин, которого Маркс и Энгельс в переписке с Николаем —оном называли our mutual friend. Сведения о его здоровьи дошли из Шлиссельбурга.

27

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 4 июля 1889 г.

Мой дорогой сэр!

Я передал Лафаргу и Каутскому все, что вы имели любезность сообщить насчет их статей, напечатанных в «Северном вестнике». Вследствие этого Лафарг прислал мне статью — об эволюции собственности — с просьбой переслать ее вам, и просить вас передать ее редактору «Северного вестника» на обычных условиях относительно гонорара и пр. Итак, посылаю ее вам сегодня заказной бандеролью.

Сообщаемые вами известия о состоянии здоровья «нашего общего друга» очень утешительны и вполне согласны с тем, что мы слышали из других источников. Человек с такой несокрушимой натурой, наверное, преодолеет все испытания, а потому мы можем не терять надежды в один прекрасный день снова увидеть его здесь в полной силе его прежнего юношеского здоровья.

В продолжение трех последних месяцев III том лежал без всякого движения вследствие множества разнообразных и неизбежных помех; а так как летний сезон всегда представляет время усиленной праздности, то я боюсь, что мне едва ли удастся много поработать над ним ранее сентября или октября. Та часть его, в которой речь идет о банках и кредите, представляет значительные трудности. Руководящие принципы выражены и тут довольно ясно, но весь контекст ее таков, что предполагает у читателя хорошее знакомство с главными трудами из относящейся сюда литературы, как, например, с сочинениями Тука, Фуллартона и пр.; а так как этого обыкновенно не бывает, то здесь потребуется много пояснительных примечаний и т. п.

Кстати: у меня есть лишний экземпляр Фуллартона «О регулировании денежного обращения»,[1] — важнейшего труда по этому вопросу; если у вас нет этой книги, то я буду очень счастлив, если вы позволите мне прислать вам ее.

Последний отдел — о земельной ренте, — насколько я помню, требует только формального пересмотра, так что, как только отдел о банках и кредите будет окончен (а он занимает около трети всего тома), то работа над последней его третью (рента и разные роды дохода) не займет уже много времени. Но так как этот завершительный том представляет такое великолепное и совершенно неопровержимое произведение, то я считаю себя обязанным представить его публике в такой форме, в которой вся цепь аргументов выступала бы ясно и выпукло перед читателем, а при наличном состоянии оригинальной рукописи, представляющей просто первый набросок, писанный с частыми перерывами и оставшийся незаконченным, такая задача не очень-то легка.

Я хлопочу теперь над заключением сделки с двумя компетентными лицами, могущими, после надлежащей подготовки, расшифровать и переписать для меня содержание IV тома с авторской рукописи, которую мои глаза едва ли позволят мне разобрать и продиктовать самому. Если это удастся мне, если я научу их расшифровке этих рукописей, представляющих в настоящее время запечатанную книгу для всех, кроме меня, привыкшего к почерку и сокращениям автора, тогда и остальные рукописи его станут доступными для пользования, совершенно не-

зависимо от моей жизни или смерти. Я надеюсь, что эта сделка тоже может состояться нынешней осенью.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

Английский переводчик большей части I тома, мистер Мур, только что уехал в Африку, где он получил место главного судьи на территории, принадлежащей Нигерской компании. Таким образом, III том, — если не весь, то частью, — будет переводиться на берегах Нигера!

[1] John Fullavron, On the regulation of currencies etc., London, 1844.

28

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 10 июля 1889 г

Милостивый государь!

Спешу сообщить вам, что статья Л.[1] по всей вероятности будет помещена в «Северном вестнике». Так как я через две недели еду за границу — вероятно в Норвегию — и буду отсутствовать недель шесть — семь, то прошу вас прислать мне возможно скорее адрес Л., чтобы я мог послать ему чек (гонорар).

Глубоко признателен вам за ваше любезное письмо. Я очень обрадовался вашему предложению прислать мне экземпляр Fullarton'a «Regulation of currencies», тем более, что я незнаком с этим трудом.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Лафарг, Эволюция собственности (см. письмо Энгельса к Николаю —ону от 4 июля 1889 г.).

29

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 15 июля 1889 г.

Мой дорогой сэр!

Извините, что, по странному до смешного недосмотру, я не сообщил вам адреса Лафарга. Вот он: M-r Lafargue, 10, Avenue des Champs Elysées, Le Perreux, Seine, France.

Книга [Фуллартона], так же как и другое важное сочинение по этому вопросу, книга Тука, случайно имеющаяся у меня тоже в двух экземплярах, будут отправлены вам завтра.

Искренне ваш

Ф. В. Р.

30

[Энгельс Николаю —ону]

11, Burton Road, Kilburn, N. W.
Лондон, 5 декабря 1889 г

Дорогой сэр!

Тотчас по получении вашего письма от 14 (26) ноября я сообщил Лафаргу его содержание. Он отвечает, что сам уже написал вам, что он не получил

никакого письма от издательницы «Северного вестника», что он предлагает ей пять статей с правом поместить их все или какую-либо из них по ее желанию. Что касается выпуска некоторых мест из той статьи, которая находится сейчас в ее руках, то в письме к о м н е он не говорит ничего по этому поводу. Если и в письме к вам не содержится никакого ответа по этому пункту, то мне кажется ясным, что он предоставляет это усмотрению самой издательницы. Его адрес: P. Lafargue, 60, Avenue des Champs Elysées, Le Perreux, Seine, France.

Посылаю вам з а к а з н ы м порядком книгу Тука «Об основах денежного обращения», Лондон, 1844.[1] Я купил ее из вторых рук, т. е. уже подержанной, а потому вы найдете в ней заметки карандашом прежнего владельца, представляющие по большей части довольно туманный вздор; кроме того, в нее вложено несколько вырезок из старых газет, причем одна, относящаяся к кризису 1847 г., не лишена некоторого интереса.

За это время я успел изготовить четвертое немецкое издание I тома, находящееся в эту минуту в печати. Я внес в него два или три новых прибавления из французского издания и снова пересмотрел цитаты при помощи английского издания. Я прибавил также несколько собственных примечаний, из которых наибольшее значение имеет заметка о биметаллизме. Как только книга выйдет из печати, я немедленно вышлю вам экземпляр этого издания.

Искренне ваш

Ф. В. Р о ш е р.

[1] [T h o m a s T o o k e, F. R. S. An inquiry into the currency principle» etc., London, 1844.]

31

[Н и к о л а й —о н Э н г е л ь с у]

С.-Петербург, 18 декабря 1889 г.

Милостивый государь!

«Currency principle» Тука я получил в исправности. Сердечно благодарен вам за вашу любезность.

Очень приятно узнать, что четвертое издание «К[апитала]» скоро выйдет. Я очень рад, что вы прибавили несколько примечаний о биметаллизме. Такое утверждение, что «на мировом рынке господствует д в о й н а я мера стоимости, в золоте и в серебре», не согласуется с собственной теорией денег автора. Успех этой книги тем более приятен, что он является признаком определенного общественного течения. Это может служить некоторым утешением в той удушливой атмосфере, которую создают другие тенденции общественной жизни. Очевидно, существует партия, жизнь которой освещается идеями, и требование подавить человеческую мысль казарменными мерами («Кто не сочувствует казарменным идеям, мой враг и враг общества») не встречает «всеобщего» одобрения.

Здесь реакция усиливается везде... В течение последнего лета мы одним росчерком пера лишились наших выборных мировых судей и вместо них получили так называемых земских начальников, выбираемых губернаторами из среды дворянства. Их права в некоторых отношениях увеличились, так как они могут приговаривать к наказанию розгами. Говорят, что это вполне соответствует нашим национальным обычаям.

Чтобы усилить влияние дворянства, мы идем еще дальше. После акта об освобождении 19 февраля 1861 г. наши помещики заложили свои имения в частных земельных банках из 7% (включая и погашение). Около 30% частной земельной собственности было заложено. Наши помещики, благодаря экономическим условиям и главным образом благодаря крестьянскому землевладению, были лишены возможности лично вести хозяйство без больших затрат капитала. Кроме того, у них не было практических знаний. Таким образом, им приходилось сдавать свои земли в аренду крестьянам. Крестьянское хозяйство не может давать больших выгод помещикам, несмотря на высокую ренту, так как орудия и способы обработки являются чрезвычайно отсталыми. Помещики заявили, что они не в состоянии платить вышеупомянутых 7%. В недавно основанном Дворянском земельном банке им представился случай платить за свои займы около 6% (включая погашение); за четыре года задолженность увеличилась почти до 200 миллионов. Но сельское хозяйство не подвинулось ни на шаг вперед. Огромное большинство должников не уплатило ни копейки за четыре года существования банка. Сумма просроченных платежей возросла неимоверно. Правительство решило понизить размер процентов до $4^1/_2$%; чтобы получить средства для этой операции, оно сделало заем в 170 миллионов рублей (посредством выигрышного займа, 215 за 100)... В то же самое время делаются всевозможные усилия, чтобы объявить дворянские имения неотчуждаемыми...

Крестьянское землевладение не в лучшем состоянии. Здесь мы наблюдаем старую историю: экономические условия после 1861 г. побуждают землевладельцев сбывать все бо́льшую часть своих сельскохозяйственных продуктов на рынке; продукты их собственной домашней промышленности все больше уступают место продуктам капиталистической промышленности, но число «освобожденных рук» не соответствует числу рук, занятых на фабриках, так как число фабричных рабочих не увеличивается. Крестьянство само дифференцируется на два слоя: богатое меньшинство и впадающее во все бо́льшую бедность большинство. Чтобы положить конец этому процессу, — которому они всеми силами содействовали, — наши мудрецы считают настоятельной поддержку приходящей в упадок домашней промышленности, но не с целью дать возможность производителям потреблять свои продукты, а чтобы побудить их работать для рынка. Это сулит очень приятное будущее торговцам, так как при все растущей бедности производителей это даст им большие барыши.

Вы знаете, что каждый крестьянин, уплативший все выкупные платежи за свой надел, имеет право требовать выделения; таким образом, он становится частным собственником. Чтобы положить этому конец, наши экономисты настаивают на лишении крестьян права продажи своих земельных наделов, т. е. они желают прикрепить их к земле... Как видите, мы ведем борьбу не с болезнью, но с ее симптомами...

Я думаю, вы слышали уже о смерти Чернышевского.

Письмо Lf [1] я получил и тотчас же ответил ему.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Lafargue.

*

32

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 27, Мойка, 22 января 1890 г.

Милостивый государь!

В «Ежегоднике» Московского земства за 1889 г., который я послал вам, вы найдете интересную статью о крестьянском «кредите» и о мирских, общественных займах. Слово кредит там неправильно употреблено; вопрос, о котором там идет речь, скучен; вы не найдете там ничего о «кредите». Неправильное употребление терминологии не редкое явление в статистических исследованиях. В сборниках земства вы, например, встретите термин «рента», который там употребляется в совершенно другом смысле, чем в строго экономических исследованиях. Мы живем в переходный период. Барщина в юридическом смысле исчезла, но как экономический факт она является реальностью: крестьянин прежде работал три дня в неделю на себя и три дня на помещика; в настоящее же время он работает в имении помещика, получая около $^1/_4$—$^1/_2$ продуктов натурой. Плата натурой часто осложняется денежной платой; это — переходная форма к чисто денежной плате.

Наши статистики дают массу материала для исследования на основании фактов происхождения прибавочной стоимости, но те же самые материалы, с другой стороны, показывают, что аренда крестьянина, не будучи исключительным источником его дохода, увеличивает долю помещика, т. е. увеличивает его доход и цену земли. Но если помещик вздумает работать с помощью наемного труда, прибыль его будет значительно меньше средней прибыли в стране (повышенной ввозными пошлинами и т. д.); говорить о «ренте» в России абсурдно. Между тем в наших статистических сборниках вы всегда найдете исследования о «ренте». Точно так же в «Ежегоднике» есть статья о «кредите».

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

33

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 24 февраля 1890 г.

Милостивый государь!

Примите мои сердечные поздравления по поводу такого успеха [1] ваших идей. Это самый отрадный успех, так как он является как бы «лучом света в темном царстве», в котором мы живем.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Выборы в германский рейхстаг нескольких десятков (35) представителей рабочей партии (с.-д.).

34

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 17 мая 1890 г.

Милостивый государь!

Теперешний редактор и издатель «Северного вестника», Евреинова, продала его. Она не раз пыталась поместить статью Л[афарга] [1], но напрасно: наша цензура

слишком строга... Простите, что я со следующей почтой отошлю вам рукописи. Я не посылаю их непосредственно автору, так как я не уверен, что он получает мои письма. Я писал ему два раза, в марте и в апреле, в ответ на его любезные послания.

Вы знаете, что земские статистические исследования запрещены центральным правительством, но в то же самое время они производятся на Дальнем Востоке. В течение июня или июля будет издано подробное исследование о землевладении в Восточной Сибири; так как в нем будет помещено большое количество новых и интересных материалов, собранных по этому вопросу нашими опытными статистиками, я вышлю его вам при первой возможности.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

В этом месяце я перееду; мой новый адрес: С.-Петербург, 8, Большая Конюшенная, кв. 7.

[1] См. письмо от 10 июля 1889 г.

35

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 10 июня 1890 г.

Мой дорогой сэр!

Я получил ваши любезные письма от 18 декабря, 22 января, 24 февраля и 17 мая, а также и статью Лафарга, возвращенную ему обратно из редакции. Я сообщил ему, что вы писали ему дважды — в марте и апреле, — но не имеете пока положительных сведений о получении им этих двух писем. Его жена, находящаяся в эту минуту здесь, не могла сказать мне по памяти ничего положительного на этот счет. Она очень сожалеет о переходе «Северного вестника» в другие руки и просит меня передать вам от нее и ее мужа искреннюю благодарность за ваши любезные хлопоты в их интересах.

Что касается до четвертого издания I тома «Капитала», то я уже сдал в печать корректурные листы 39 — 42. Во всем томе будет менее 50 листов, так как шрифт на этот раз хотя и крупнее, но строчки теснее. Как только весь том окончится печатанием, я сейчас же вышлю его вам.

Я снял копии посредством пишущей машины со всех писем к вам нашего автора, так любезно предоставленных вами в мое пользование. Дело это было выполнено его младшей дочерью. Поэтому я могу вернуть их вам теперь же заказным письмом, если вы ничего не имеете против этого способа отправки.

Очень благодарю вас за ваши постоянные, интересные сообщения об экономическом положении вашей великой страны. Под гладкой поверхностью политического спокойствия в ней совершается такая же великая и такая же важная экономическая перемена, как и во всякой другой европейской стране, и наблюдать за ходом этой перемены представляет высокий интерес. Рано или поздно последствия этой экономической перемены разовьются и в других направлениях.

Мы слышали здесь с большим огорчением и сочувствием о смерти Н. Г. Ч[ернышевского]. Но, может быть, для него это было лучше.

Большое спасибо за ваши поздравления от 24 февраля; событие этого дня порадовало здесь не одного человека.[1]

Я был так чрезмерно занят, и мое зрение, хотя и улучшающееся, так сильно утомляется чтением русской печати, что я все еще не мог прочесть указанной вами статьи в «Ежегоднике», но я непременно сделаю это в первую свободную минуту. Неправильное употребление экономических терминов, на которое вы указываете, представляет обыкновеннейший недостаток во всех литературах. Здесь в Англии слово рента прилагается одинаково как к той наемной плате за землю, которую отсчитывает своему лэндлорду английский фермер-капиталист, так и к той плате, которую вносит за землю ирландский фермер-нищий, тогда как эта последняя представляет настоящую дань, слагающуюся главным образом из вычетов из его продовольственного фонда, зарабатываемого его собственным трудом, и состоящую лишь в самой ничтожной степени из настоящей ренты. Точно так же и в Индии англичане превратили поземельный налог, уплачиваемый ryot [крестьянством] государству, в «ренту» и вследствие этого — по крайней мере, в Бенгалии — превратили земиндара (сборщика налогов в пользу индийского государя) в лэндлорда, владеющего землей в силу номинального ленного пожалования от короны; точь-в-точь как в Англии, где корона тоже ведь считается номинальным собственником, лэндлорды, действительные собственники в силу юридической фикции, считаются лишь ленными ее владельцами по пожалованию от короны. Подобным же образом, когда в начале XVII века Ирландия была подчинена непосредственному господству англичан и когда английский юрист сэр Джон Дэвис, найдя здесь деревенскую общину с общим владением землею, переделявшейся периодически между членами клана, платившими известную подать главе своего клана, сразу же объявил эту подать «рентою». Также и шотландские лерды (laerds), т. е. главы кланов после восстания 1745 г., поспешили воспользоваться этим юридическим смешением подати, платимой им их сородичами по клану, с рентою, якобы уплачиваемой ими за возделываемую землю, для того, чтобы превратить всю территорию клана, его общую собственность, в свою личную собственность, в частную собственность лердов, потому что, — говорили их юристы, — если бы они не были лэндлордами, то как могли бы они получать ренту за эти земли? Таким образом, это смешение подати с рентою послужило основою для конфискации всех общинных земель в шотландских горных округах в пользу немногочисленных глав кланов, которые очень скоро согнали своих сородичей по клану с их земель и заместили их овцами, как это описано в «Капитале» — глава 24, 3 (стр. 754 третьего издания).

С глубоким почтением искренне ваш

Ф. В. Рошер.

[1] См. письмо 33.

36

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 18 июня 1890 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за ваше чрезвычайно интересное письмо и за статью от 10 июня. Я должен прибавить, что в начале 70-х годов, когда в наших журналах живо обсуждался вопрос об английской политике в Индии, касающейся

превращения землядаров в лэндлордов, в некоторых округах Закавказья сборщики податей были превращены в помещиков.

Я думаю, что Евреинова эмигрировала в Швейцарию.

Я с удовольствием сообщу вам те сведения об экономических условиях в России, какие вам желательны, но необходимо знать, какой вопрос вас больше всего интересует.

Вы правы, в России «происходит такой же большой и важный экономический переворот, как и во всякой другой европейской стране». Быстрота, с которой крестьянская домашняя промышленность, например, превращается в капиталистическую, и, как одно из последствий этого, необходимость для крестьян зарабатывать деньги, продавать по низким ценам земледельческие продукты и рабочую силу, приносит вред не только крестьянам, но и самим помещикам: 1) дешевый труд делает невозможным введение машин; 2) с продажей крестьянами продуктов по низкой цене земледелие становится все более и более невыгодным для помещиков.

Статистики московского земства производят важную работу: они исследуют средства крестьянского продовольствия. Заведующий статистическим бюро пишет мне, что они собрали в течение прошедшей весны «массу материалов для иллюстрации процесса, происходящего в крестьянском экономическом строе, его организации и его изменений. Имеются данные относительно продажи крестьянами своих продуктов и позднейшей покупки их ими».

Прошу вас прислать мне письма нашего автора[1] не в одном заказном письме, но в трех или четырех в течение двух или трех недель.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Письма Маркса к Николаю —ону, посланные им Энгельсу для снятия с них копий.

37

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, Большая Конюшенная, 8, кв. 7.
1 мая 1891 г.

Милостивый государь!

В моем последнем письме (от 20 января 1891 г.) я сообщил вам некоторые данные о росте экспроприации нашего крестьянства вследствие развития капитализма. Я показал, что бо́льшая часть средств существования, за исключением предметов питания, перешла в руки капиталистов и что крестьяне принуждены продавать все бо́льшую часть продуктов своего земледельческого труда для приобретения продуктов, которые они прежде производили сами. Другими словами — они должны не только прокармливать себя своим земледельческим трудом, но и одеваться и т. д. Для того, чтобы покупать, они принуждены предварительно продавать. Они могут продавать или самих себя, или продукты своего земледельческого труда. Так как они не могут ждать (ибо над ними стоят полицейские чиновники), они отправляются на рынок, где продают свой хлеб по низкой цене.

Наше «министерство земледелия» издало две важные книги: «О стоимости производства хлеба» и «О продажных ценах на землю». Известно, что возделывание

пшеницы на крестьянских «полях» постоянно уменьшается. Пшеница становится сортом зерна, возделываемого помещиками. Интересно проследить изменение цен крестьянских и помещичьих зерновых хлебов. Так как пшеница является самым важным видом зерновых хлебов в нашей экспортной торговле, так как на заграничных рынках ей приходится конкурировать больше всего с пшеницей других стран, т. е. с пшеницей, полученной посредством более производительного труда, то можно предположить, что цена ее должна упасть ниже цены других хлебов и в особенности ржи. Количество вывозимой ржи слишком ничтожно в сравнении со всем производством ее, так как этот вид хлеба составляет главную пищу нашего населения.

Посмотрим, что говорят факты. Следующие таблицы дают средние цифры за последние годы:

Средние цены, получаемые производителями					Колебания покупательной силы золота по отношению к русской пшенице (Лондон)	Цена золотого рубля (в бумажных деньгах) (Лондон)		
Осенью	Ржи	Пшеницы		Овса		Яровых	Пшеницы	Ржи
		Озимой	Яровой					
1881 г.	8,93	12,27	11,0	3,11	100%	1,51	100%	100%
1885 »	5,57	7,91	7,06	3,21	79%	1,59	63,4%	62,5%
1886 »	5,11	9,04	7,71	2,86	82%	1,147	69,4%	57,2%
1887 »	4,17	7,73	6,95	2,17	86%	1,306	62,6%	46,2%
1888 »	4,64	8,42	7,34	2,57	79%	1,524	66,1%	51,9%

Вы можете видеть, что обесценение наших бумажных денег, сопровождавшееся падением цен всех зерновых хлебов на английских рынках, оказывало сравнительно большее влияние на цену пшеницы. Покупательная сила золота по отношению к русской пшенице с 1885 г. постоянно поднималась, а цена пшеницы на наших внутренних рынках была скорее устойчивой. В 1888 г. цена поднялась на 5,6%, покупательная же сила упала приблизительно на 8%. Цена пшеницы в 1887 г. составляла 63% цены ее в 1881 г.; овса — 60%, ячменя — 59%, а ржи — только 46,2%. Цена земледельческих хлебов упала до $^2/_3$ ее первоначальной величины; крестьянские яровые хлеба потеряли $^2/_5$, а рожь больше половины своей предварительной суммы. В продолжение 1885 — 1887 гг., когда цена пшеницы была сравнительно устойчивой, цена ржи постоянно падала. В сравнении с предыдущим годом падение составляет 37,5%, 8,75%, 28%. В последнем (1888 г.) она поднялась.

Что касается крестьян, то они, понятно, не могут производить для себя своих средств существования (за исключением предметов продовольствия); они принуждены, чтобы приобрести средства для покупки необходимых им предметов и для уплаты податей, брать в аренду земли в соседних имениях, отдавая постоянно увеличивающуюся часть продуктов землевладельцу (за последние 10 лет эта часть увеличилась на 100%. См. земские статистические сборники). Но, с другой стороны, по окончании жатвы, они спешат продавать свои продукты, нуждаясь в деньгах для уплаты податей и для покупок, обесценивая таким образом свои продукты. Это падение цены хлебов оказывает влияние на сумму денег, уплачи-

ваемых за землю, маскируя, таким образом, увеличение реальной части, отдаваемой землевладельцам.

Рассмотрим теперь изменения покупательной цены земли: любопытно отметить колебания этих цен в районе культуры пшеницы и в районе культуры ржи. Цена земли в южных степях и в средней черноземной полосе поднялась в 80-х гг. на 52 — 62%; в северной полосе (черноземной) она упала на 9 — 23%. В северной полосе, т. е. в области культуры ржи, она не слишком сильно изменилась.

Рассмотрим теперь ближе те факторы, которые определяли цену земли. Если разделить Европейскую Россию на две части: северную (с культурой ржи) и южную (с культурой пшеницы, черноземную полосу), мы найдем, что в черноземной полосе рожь составляет $^2/_3$ озимых хлебов, а пшеница $^1/_3$ (в юго-западной части рожь — $^1/_3$; в северной части черноземной полосы, т. е. в Тульской, Рязанской, Тамбовской и т. д., — 88%). Яровая пшеница составляет 30% яровых хлебов; овес, ячмень и т. д. — 70% (на юго-западе пшеница — 46%, на севере — 2%). В северной полосе почти совершенно нет пшеницы.

Если мы разложим цену наших главных зерновых хлебов на их составные части, мы найдем, что цена сбора с десятины составляет:

Черноземная полоса

Озимое поле

	Постоянный капитал основной		Постоян. оборот		Переменный		Прибав. стоимость		Общая сумма
a. рожь	= 1,70	+	3,70	+	17,27	+	11,02	=	34,29 (× 66%)
b. пшен.	= 2,26	+	7,72	+	26,4	+	35,29	=	71,67 (× 34%)
A. $\frac{66a+34b}{100}$	= 1,88	+	5,06	+	20,7	+	19,34	=	46,91

Яровое поле

c. пшен.	= 3,22	+	9,05	+	21,13	+	56,42	=	65,22 (× 30)
d. овес	= 1,63	+	10,2	+	12,7	+	9,07	=	27,12 (× 70)
B. $\frac{30c+70d}{100}$	= 2,11	+	5,50	+	15,22	+	16,10	=	38,96

Оба поля

I. $\frac{A+B}{2}$	= 2	+	5,3	+	17,26	+	17,72	=	42,98

Оба поля в северной полосе

II. $\frac{A+B}{2}$	= 2,2	+	6,84	+	20,16	+	60,55	=	39,55

В процентах

$4,9 + 10,8 + 51,9 + 32 = 100; \frac{m}{v} = 62\%$

$3,1 + 10,8 + 36,8 + 49,3 = 100; \frac{m}{v} = 134\%$

$4 + 10,7 + 44,1 + 41,2 = 100; \frac{m}{v} = 93,43\%$

$4,9 + 13,9 + 32,4 + 48,8 = 100;$

$5,8 + 14,5 + 45,8 + 39.9 = 100;$

$5,4 + 14,2 + 39,1 + 41,3 = 100;$

$4,7 + 12,3 + 41,9 + 41,2 = 100; \frac{m}{v} = 98\%$

$5,5 + 17,2 + 50,7 + 26,4 = 100; \frac{m}{v} = 52\%$

Одна десятина в черноземной полосе дает 11,81 рублей; в северной полосе 7,03 $= \left(\frac{A+B}{3}\right)$. Конечно, отношение $\frac{m}{v}$ не дает действительной суммы, так как в нем не заключается торговой прибыли, т. е. львиная доля m выпущена. Но в моих предыдущих письмах соответственно приведены те же цифры. Отношение между прибавочной стоимостью в черноземной полосе и северной полосе составляет 17,72 : 10,55 или 167%; отношение между ценой земли 90 : 51 или 176%. В моих вычислениях я выпустил ячмень, более дорогой вид хлеба, чем овес: в степях сеют больше ячменя, чем овса, так как поземельные налоги выше.

Вы можете видеть, как низка производительность труда. В продуктах наших фабрик относительное количество ($m + v$) гораздо меньше; в производстве земледельческих орудий и в производстве машин оно составляет около 30 — 40%. в производстве бумаги — 25 — 30%, в прядильных и ткацких хлопчатобумажных фабриках — около 20%, на мукомольных фабриках — 13%, а в земледелии эта цифра поднимается до 85%. Ужасно жаль, что у меня нет таких же данных относительно других стран, особенно Англии и Соединенных Штатов. В «Report of the Secretary for Agriculture» я не нашел их. Некоторые отдельные цифры относительно английского земледелия дают сумму $m + v = 55 - 60\%$.

Крестьянские поля более истощены; орудия и рабочий скот у них гораздо хуже, чем у землевладельцев. Десятина помещичьей земли дает большее количество (15 — 25%) и лучших (более дорогих) продуктов, чем десятина крестьянского поля.

Земледельческий труд не может давать всех средств существования («от сохи не будешь богат, а будешь горбат»). Крестьянин принужден пополнять недостающее займами. От экономической зависимости от своих кредиторов они могут освободиться только при очень благоприятных обстоятельствах. Наиболее важным условием является обильный урожай. В «Ежегоднике Московского земства» за 1889 г. (стр. 110) мы находим интересный факт, что в продолжение зимы 1887 — 1888 г. крестьяне не должны были покупать средства пропитания в начале зимы, как в предыдущем году (1886 — 1887 г.), хотя урожай 1886 г. был гораздо обильнее. В 1886 — 1887 г. они уплатили свои старые долги и имели возможность оставить для себя гораздо бóльшую часть урожая 1887 г.!.. «Обильный урожай 1886 г. уменьшил необходимость заключения новых займов. Положение крестьян в продолжение 1887 — 1888 г. было гораздо более благоприятно, чем в предыдущую зиму благодаря гораздо меньшей продаже средств существования для уплаты долгов» (см. также «Ежегодник» за 1889 г.). Крестьяне делают по большей части займы в течение весенних месяцев; поэтому, чем обильнее урожай, тем меньше платят они кулакам за свои займы. Средний размер процентов, уплаченных ими, был в 1885 г. — 44%, в 1886 — 1887 г. — 51 — 62%, в 1888 г. — 52%, в 1889 г. — 46% («Ежегодник» за 1889 г., стр. 42). Несколько урожайных лет, последовавших друг за другом, дают им возможность удержать бóльшую часть его для себя. Они продают меньшую часть урожая. Цена не падает. С этой точки зрения можно отчасти объяснить следующий факт, который с первого взгляда является очень противоречивым. За самым плохим урожаем 1885 г. последовал хороший урожай 1886 и 1887 гг. Урожай 1887 г. был наиболее обильным. В 1887 г. цена ржи в сравнении с ценой ее в 1881 г. упала на 53,5%. Осенью 1888 г. после обильного уро-

жая она поднялась на 11%, а в 1889 г. она поднялась еще больше (на 20%). Цена овса и ячменя поднялась в 1888 г. на 17—18%, несмотря на то, что урожай яровых хлебов является главным источником для уплаты податей. Но такие благоприятные обстоятельства слишком случайны для того, чтобы иметь глубокое влияние на экономическую жизнь нашего крестьянства; влияние их слишком случайно в сравнении с влиянием длинного ряда других обстоятельств, враждебных благосостоянию крестьянства.

Что их благосостояние не слишком велико, доказывается той быстротой, с которой распространяется переселенческая горячка. Они переселяются из всех частей страны. Они переселяются в Бразилию, в Центральную Азию, на Амур, в Сибирь. Но кроме этих переселенцев с каждым годом увеличивается масса крестьян, ежегодно уходящих на заработки. Они отправляются главным образом в южные губернии: Новороссию, Крым, Кубань; некоторые каждый год отправляются в Центральную Азию... Этим постоянно увеличивающимся передвижением крестьян, отправляющихся искать работы, — этих дешевых рабочих, — отчасти можно объяснить увеличение доходности земледелия в Южной России, несмотря на падение цен зерновых хлебов, хотя в то же самое время остальные земледельческие орудия вытесняются усовершенствованными. Но в одном из моих предыдущих писем я дал вам уже некоторые сведения относительно конфликта между дешевым трудом и усовершенствованными орудиями.

Я уже говорил, что одним из многочисленных признаков современной коммерческой фазы (уменьшение производимых домашним трудом неземледельческих средств существования, отделение земледелия от ремесла, замена домашних форм производства, в самом строгом смысле этого слова, капиталистической формой — незачем упоминать о так называемых «кустарных промыслах», Hausindustrie в Германии; домашняя форма капиталистического производства наших экономистов и т. д., и т. д.) является рост процента аренды крестьянами помещичьих земель. Результатом является истощение почвы и передвижение культуры пшеницы к югу. Этим передвижением можно объяснить падение цены земли в северной части черноземной полосы (в Тульской, Рязанской, Орловской, Пензенской, Тамбовской губерниях).

К этому же ряду признаков следует прибавить улучшение цены наших бумажных денег; площадь отчуждения сильно увеличилась.

Любопытно отметить, что наша пресса, указывая различные благоприятные и неблагоприятные условия нашей экономической жизни, не хочет видеть коренной причины наших экономических неурядиц и старается разрешить этот вопрос исследованием о том, какой следует придерживаться экономической политики для содействия росту капиталистического производства — свободной торговли или протекционизма? Наша пресса не хочет видеть, что это — вопрос чисто капиталистический, что решение его в одном или в другом смысле зависит от прогресса в других странах (хотя, конечно, оно должно реагировать на экономические условия рабочего класса). Но по отношению к крестьянству вопрос, в конце концов, сводится к тому, в какой форме оно легче, быстрее и полнее может быть экспроприировано.

В моем последнем письме (20 января 1891 г.), приводя некоторые сведения о росте текстильной промышленности, я забыл упомянуть, что из (земских)

статистических исследований фабрик Московской губернии мы знаем, что 90 880 рабочих из общего числа в 104 000 человек (86%) заняты в текстильной промышленности, что более 58% общего числа заняты в хлопчатобумажной промышленности, что самыми большими заведениями являются хлопчатобумажные фабрики, что на 25 фабриках (из 1081) работает 36% общего числа рабочих (проф. Э р и с м а н, П о г о ж е в и Д е м е н т ь е в, Статистические исследования санитарного состояния фабрик Московской губернии. М., 1890, стр. 90 — 114).

Сообщите мне, улучшилось ли состояние ваших глаз? Мне ужасно досадно, что в русском издании второго тома предисловие было переведено с сокращениями. Цензурные затруднения, как я теперь думаю, не были непреодолимыми. В первой книжке «Юридического вестника» за 1891 г. помещен перевод из Родбертуса о нормальном рабочем дне («Briefe etc. von Rodbertus», herausgegeben von R. Meyer, Bd. II, pp. 552 — 575). В высшей степени интересная статья с несколькими хвалебными примечаниями переводчика (д-ра Герценштейна). Я послал короткую критическую заметку редактору. Если она будет напечатана, я пришлю вам экземпляр.

В вашем последнем письме (за июнь 1890 г.) вы спрашиваете меня, как вернуть письма м-ра Вильямса. Я тотчас же ответил вам. Возможно, что они отосланы, но я еще не получил их. Если они были посланы и потеряны, то это непоправимо. Вы очень обяжете меня, разъяснив мне этот вопрос.

В каком состоянии находится подготовка к печати третьего тома?

Искренне преданный вам

Н. Д а н и е л ь с о н.

38

[Н и к о л а й —о н Э н г е л ь с у]

Петербург, Большая Конюшенная, 8, кв. 7.
11 мая 1891 г.

Милостивый государь!

Очень вам благодарен. Восемь писем получены в целости. Я переехал. Сообщаю вам свой новый адрес: 8, Большая Конюшенная, кв. 7. Петербург.

Искренне преданный вам

Н. Д а н и е л ь с о н.

39

[Н и к о л а й —о н Э н г е л ь с у]

Петербург, 17 июля 1891 г.

Милостивый государь!

Очень обязан вам за вашу любезную присылку экземпляра «Наемного труда и капитала», тем более, что я очень беспокоился, не получая от вас писем. Теперь из того факта, что вы написали «Предисловие», я вижу, что слухи о плохом состоянии вашего здоровья, к счастью, оказались неверными.

Всегда преданный вам

Н. Д а н и е л ь с о н.

Мы накануне голода.

40

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 2 сентября 1891 г.

Мой дорогой сэр!

Сегодня я возвращаю вам еще шесть писем, т. е. все, что было писано вам Марксом до 1878 г. включительно. Остальные письма будут высланы вскоре.

Ваше предсказание насчет голода оправдалось даже слишком скоро. Здесь, в Англии, нам тоже предстоят тяжелые испытания. Жатва в общем казалась прекрасною, но дней десять тому назад, как раз к началу жатвы в наших южных округах, наступила ужасная погода, произведшая страшное опустошение и между сжатыми, и между несжатыми хлебами. Говорят, от 20 до 30 процентов жатвы сильно повреждено или совсем пропало. Есть лишь одна выгода, связанная с этим бедствием, а именно та, что оно делает невозможной какую-либо войну в продолжение ближайших двадцати месяцев, а при нынешнем состоянии всеобщих вооружений и взаимного недоверия, это — настоящее благословение.

Вы позволите мне возвратиться при другом случае к вашим крайне интересным сообщениям от 1 мая, а сегодня я нахожусь накануне отъезда, и главная цель этих строк заключается лишь в том, чтобы попросить вас посылать впредь ваши письма через г-жу Каутскую по такому адресу: M-rs Kautsky, 122, Regents Park Road, N. W. London.

Письма будут пересылаться мне нераспечатанными, а потому нет никакой надобности прибегать к двойным конвертам. Дело в том, что мне придется теперь очень часто отлучаться из Лондона, и я боюсь, чтобы письма, адресованные обычным способом, не затерялись, так как мне пришлось бы положиться в этом случае на сообразительность и аккуратность прислуги.

Мое здоровье в общем превосходно, но оно требует от меня однажды в год полнейшей праздности недель на восемь и основательной перемены воздуха. Морское путешествие всегда оказывается для меня самым лучшим лекарством. Если через месяц я буду чувствовать себя так хорошо, как я ожидаю, то я немедленно засяду за III том, который *должен* быть доведен до конца. Но, пожалуй, лучше не делать никаких обещаний касательно срока.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

41

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 21 сентября 1891 г.

Милостивый государь!

Очень благодарен вам за ваше письмо от 2 сентября. Возвращенные письма [1] получились в целости. Я очень рад, что ваше здоровье в хорошем состоянии. Из вашего последнего письма я могу заключить, что некоторые из моих писем потеряны. Так как в одном из них, именно в письме от 20 января 1891 г., я пытался показать вам рост нашей капиталистической промышленности за счет домашней в самом строгом смысле этого слова, так как этот факт может заинтересовать вас, я дам вам опять некоторые цифры из своих записей. Я попытаюсь показать

размеры превращения домашней текстильной промышленности (после земледелия наиболее важной для крестьянства) в капиталистическую, чтобы дать вам понятие о той быстроте, с которой ткацкий станок — после плуга наиболее важное орудие — переходит из избы в светелку, а затем на фабрику.

Несколько лет тому назад наши коммерческие и промышленные предприятия (за исключением акционерных обществ) были обложены чем-то вроде «подоходного налога» (А). Акционерные общества (за исключением железных дорог и обществ взаимного страхования от огня) платят 3% со своей прибыли (В). Отчет об этих налогах публикуется ежегодно министерством финансов. — Я заимствовал из этих отчетов некоторые цифры, показывающие развитие текстильной промышленности. Очень жаль, что во второй части (В. акционерные компании, обложенные 3%) мы не находим всей суммы производства, в этой части мы находим только сумму прибыли.

	1886 г.		1887 г.		1888 г.	
	Вся продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль
		(В тысячах рублей)				
По рубрике «А»	574 311	31 762	644 709	31 176	588 609	37 763
Текстильная промышленность	199 489	9 677	195 677	9 649	212 940	13 220

Но текстильная промышленность постепенно переходит в руки акционерных компаний. Чтобы дать вам понятие о росте этой отрасли промышленности, я покажу вам сумму ее прибыли:

Рубрика «В»	1886 г.	1887 г.	1888 г.
Общая прибыль всех акционерных компаний	24 829	23 033	39 816
Текстильная промышленность	11 216	13 447	24 070
	100%	119%	214%
А + В. Общая прибыль акционерных компаний и всех других	56 591	54 209	77 579
А + В. Текстильная промышленность	20 893	23 096	37 230
	100%	116%	180%
Отношение прибыли текстильной промышленности ко всей прибыли	36,9%	42,6%	48%

Можно предположить, что производство акционерных компаний не развивается так быстро, как их прибыль. Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим размер их прибыли. В «Вестнике министерства финансов» (18 ноября 1890 г. № 46) мы находим данные, касающиеся акционерных компаний Петербургского округа за 1884 — 1888 гг. В шерстяной промышленности петербургского округа средняя норма прибыли за пять последовательных лет составляла: 22%, 19%, 42%, 32%, 28%.

Шерстяная фабрика Торнтона дала в 1886 г. 66%.

В хлопчатобумажной прядильной мануфактуре прибыль составляла в 1886 г. 15%, 1887 г. 21%, 1888 г. 32%.

	В 1886 г.	В 1887 г.	В 1888 г.
В Невской прядильной мануфактуре	36%	38%	65%
В хлопчатобумажной ткацкой мануфактуре	5 »	13 »	18 »

В некоторых случаях она поднялась до 16 — 69%, 20 — 69%, 28 — 78½%.

Вы видите, что норма прибыли повышается абсолютно и относительно в России и в Петербургском округе. Рассмотрим теперь общую сумму продукции. Из отчетов, опубликованных в «Вестнике финансов», я извлек следующие детали:

	Продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль	Продукция	Прибыль
	(В тысячах рублей)					
Пять самых больших прядильных и ткацких компаний (акционерных)	25 386	1 804	27 605	2 785	34 513	3 601
В %	100	100	108,9	154	135,9	200
Прибыль трех крупных ткацких мануфактур (акционерных)		3 720		5 407		6 508

Отсюда видно: 1) что сумма прибыли в больших хлопчатобумажных мануфактурах сильно поднимается, 2) что она поднимается быстрее, чем производство, 3) что капиталистическое производство бумажных материй, в особенности на больших фабриках, растет быстрее, чем прибыль других отраслей текстильной промышленности (льняной, шелковой и пр.). Если норма роста прибыли крупных хлопчатобумажных мануфактур составляет 100:154 : 200%, то полотняных, шелковых и пр. составляет 100:111:130%; 5)[2] что необыкновенный рост текстильной промышленности еще раз подтверждает, что капиталистическое производство отнимает у большинства крестьянства всякую возможность самостоятельного хозяйства и принуждает меньшинство наниматься на фабрики в качестве наемных рабочих, чтобы производить материи, необходимые крестьянам для одежды. Прибыль хлопчатобумажных фабрик в 1886 г. составляла 23,6% всех прибылей, в 1887 г. — 24%; в 1888 г. — 34,6%. Прибыль всей текстильной промышленности, как мы видели, составляла: в 1886 г. — 36%; в 1887 г. — 42%; в 1888 г. — 48%.

Анализ отчетов этих фабрик показывает, что владельцы их не берут всей суммы прибыли в качестве дивиденда: часть ее они употребляют для расширения своих предприятий. На больших фабриках постоянная часть капитала растет быстрее остальных частей его, и сумма и норма прибыли больше, чем на мелких предприятиях, т. е. что расширение производства вызывает качественные различия. «Если количественное расширение вызывает качественное изменение, то одновременно с ростом капитала возрастает и норма прибыли» («Kapital», p. 642, note).

1) А н а л и з о р г а н и ч е с к о г о с о с т а в а капитала показывает, что постоянная часть капитала растет быстрее, чем обе части оборотного капитала; 2) а н а л и з ц е н т о в а р о в указывает, что с расширением производства во всякой отрасли промышленности постоянная часть [основной капитал] постоянного капитала и переменный капитал составляют относительно все меньшую часть в цене продукта; оборотная же часть постоянного капитала и прибавочная стоимость составляют все бóльшую часть. Составные части цены продуктов крупных хлопчатобумажных фабрик, состоят из: 1,6 части постоянного основного, плюс 72 постоянного оборотного, плюс 8 переменного, плюс 18,4 прибавочной стоимости — итого 100. (Мукомольные мельницы: 1,6 плюс 83,8, плюс 1,7 плюс 12,9 — итого 100.) Я убежден, что существует более тесная связь между составом капитала и относительной величиной составных частей товаров, но число

отчетов, которыми я располагаю, слишком незначительно для того, чтобы составить окончательное мнение об этом вопросе. 3) Эта отрасль промышленности имеет определенное преимущество пред другими, так как период труда и период обращения этих товаров короче, чем в других отраслях промышленности. Период обращения в этой отрасли равняется 5 — 7 месяцам, а та часть прибавочной стоимости, которую капиталист-производитель должен делить с купцом за капитал, авансированный ему на период обращения, сравнительно меньше, чем в остальных отраслях с более продолжительным периодом обращения.

Известно, что производитель и купец следующим образом делят между собой прибавочную стоимость:

Пусть сумма прибавочной стоимости будет M; капитал, авансированный производителем, — K_I; капитал, авансированный оптовым и розничным торговцами для оплаты части капитала, содержащейся в товаре производителя, соответственно, — K_{II} и K_{III} (за исключением их расходов в обращении; их не трудно прибавить); средняя норма полученной ими прибыли — n. Добавочный аванс K_{II} для «позолочения» прибыли $K_I - \frac{n^2}{10^2}$. Если средняя норма полученной ими прибыли n будет та же самая, мы получим:

$$M = \frac{K_I n + K_{II}\left(n + \frac{n^2}{10^2}\right) + K_{III}\left(n + \frac{n^2}{10^2} + \frac{n^3}{10^4}\right)}{100}.$$

С сокращением периода обращения капитал, авансированный купцами, и сумма прибыли уменьшатся, а сумма прибыли капиталистов-производителей увеличится. Так как на больших фабриках рабочее время, необходимое для производства, меньше общественно-необходимого, то капиталист-производитель даст купцу только такую часть произведенной его рабочими прибавочной стоимости, которая составляет среднюю норму прибыли купцов. Наша формула изменится в направлении увеличения доли капиталиста-производителя. Анализ органического состава капитала и анализ цен товаров нескольких фабрик в одной и той же отрасли промышленности подтверждают это утверждение.

Быстрый рост покровительственных пошлин на иностранные товары является одним из активных двигателей колоссального роста капиталистической текстильной промышленности.

Излишне прибавлять, что колебания роста капиталистического производства зависят от колебаний урожая. Самый лучший урожай за последние годы был в 1888 году. Производство текстильной промышленности достигло своей наибольшей высоты в том же году. В следующем году оно уменьшилось. Производство четырех крупных прядильных и ткацких хлопчатобумажных фабрик в 1888 году составляло 25 535 000 рублей; в следующем году оно составляло только 22 592 000 рублей.

У меня нет прямых данных для ответа на вопрос, является ли рост производства реальным фактом: можно сказать, что поднятие цен, являющееся результатом увеличения налогов, маскирует застой капиталистического производства. Этот фактор, без сомнения, оказал свое влияние на рост цифр, но есть другие

факты, показывающие, что само производство растет. Я уже говорил, что не вся сумма прибыли, получаемой большими фабриками, выдается в виде дивиденда, но что часть ее накопляется.

Например, Кренгольмская хлопчатобумажная мануфактура на водопаде Нарва была основана около 20 — 25 лет тому назад с капиталом в 2 275 000 руб.; В 1886 г. капитал ее достиг суммы в 6 105 000 руб.; часть его, 430 000 руб., была вложена в недвижимую собственность, наибольшая сумма в машины и здания (5 320 000 руб.). В 1887 г. прибавлены были новые машины на сумму в 780 000 руб., авансированный капитал возрос до 7 590 000 руб. В 1888 г. земельный участок — 430 000 руб., здания и машины — 6 200 000 руб. В 1889 г. — 430 000 руб; здания — 3 308 000 руб.; машины — 3 300 000 руб.; капитал — 9 381 000 руб. Если принять капитал 1886 г. за 100, то в 1887 г. он составит 126%, в 1888 г. — 146%, в 1889 г. — 153%. Таким образом за четыре года капитал увеличился больше чем на 50% без новых затрат. В 1886 г. вся сумма производства составляла 9 693 000 руб., в 1887 г. — 10 278 000 руб., в 1888 г. — 13 602 000 руб., в 1889 г. — 12 468 000 руб. Капитал шерстяной фабрики Торнтона (в Петербурге), основанной в 1860 г., увеличился с 2 миллионов до 10 миллионов и т. д.

Если мы вспомним, что самое большее расширение текстильной промышленности совпадает с хорошим урожаем, то мы должны будем сделать вывод, что после перехода из дома самостоятельного производителя на фабрику капиталиста производство освобождает массу рук и в то же самое время производит перемену в распределении продуктов земледельческого труда, предоставляя все бóльшую часть их капиталу; капитализация расширяется пропорционально величине урожая. Но, с другой стороны, уменьшение доли земледельческих продуктов рабочих лишает их возможности сделать свой труд более производительным, и фактически они продают свой продукт ниже стоимости, затрачивая больше рабочей силы, чем это общественно необходимо. Эта экспроприация происходит медленно, но неуклонно. В экономическом смысле жизнь их сжигается с двух концов: — как производителей и как покупателей. («Противоречие капиталистического способа производства; рабочие, как покупатели товаров, необходимы для рынка. Но продажа товаров... ограничена не потребительскими нуждами общества вообще, а нуждами потребления такого общества, в котором огромное большинство всегда бедно и должно всегда оставаться бедным».)

Но что делать при плохом урожае, как, например, в настоящем году? Наш капиталист привык получать все растущий доход; уменьшение его составляет несчастье для страны, и, как ревностный патриот, он требует... новых вывозных премий, которые, конечно, должны быть взяты с голодающего крестьянства. (Петиция съезда русских мануфактурных промышленников в Нижнем-Новгороде министру финансов.)

Я надеюсь, что вы будете в состоянии довести до конца ваше намерение издать III том.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

Письма Маркса. [2] Четвертый пункт в письме ошибочно назван пятым.

42

[Энгельс Николаю —ону]

29 октября 1891 г.

Дорогой сэр!

Когда ваше письмо от 21 сентября прибыло сюда, я путешествовал по Шотландии и Ирландии, и только сегодня я нашел время и досуг, чтобы ответить на него.

Ваше письмо от 20 января действительно пропало, о чем я сожалею вдвойне: во-первых, потому, что содержавшиеся в нем интересные сведения так долго не доходили до меня, а во-вторых, потому, что эта пропажа заставила вас взять на себя труд написать его для меня еще раз. Очень благодарю вас за это.

Die Züchtung von Millionären (разведение миллионеров), как выражается Бисмарк, повидимому, действительно идет в вашей стране гигантскими шагами. Такие барыши, какие обнаруживает ваша официальная статистика, просто неслыханны в наши времена в английских, французских и немецких текстильных мануфактурах. 10, 15, самое большое 20% средней прибыли — а в очень, очень исключительные годы преуспеяния 25 — 30% — считаются здесь *хорошей* прибылью. Только во времена детства современной промышленности некоторые предприятия с самоновейшими и наилучшими машинами, производившие свои товары с значительно меньшими затратами труда, чем требовалось социальными условиями того времени, были способны доставлять такие нормы прибыли. В настоящее время такие барыши создаются иногда только в удачных спекулятивных предприятиях, при эксплоатировании какого-нибудь нового изобретения, да и то в одном таком предприятии из ста, тогда как остальные оказываются по большей части жалкими неудачами.

Единственная страна, в которой такие или приблизительно такие прибыли возможны и в настоящее время, и притом в главных и постоянных отраслях промышленности, это — Северо-Американские Соединенные Штаты. Здесь покровительственный тариф, введенный после междоусобной войны, а теперь мак-кинлеевский тариф привели к подобным же результатам, а потому здешние промышленные прибыли должны быть, и действительно бывают, просто чудовищными. Тот факт, что это положение вещей зависит исключительно от тарифного законодательства, которое может неожиданно измениться во всякую данную минуту, вполне достаточен для того, чтобы помешать вторжению в эти отрасли промышленности *иностранного* капитала в сколько-нибудь обширных размерах (обширных по сравнению с размером вложенного в них отечественного капитала), а с этим вместе устраняется главный источник конкуренции и понижения прибылей.

Ваше описание перемен, произведенных этим ростом новейшей промышленности в жизни народных масс, а именно постепенной гибели домашних промыслов, покоившихся на *непосредственном потреблении продуктов самими производителями*, а затем мало-по-малу и тех промыслов, которые велись в расчете на скупщиков-капиталистов, — живо напоминает мне главу нашего автора «о создании внутреннего рынка», равно как и то, что имело место в большей части центральной Западной Европы между 1820 и

1840 гг. Французский и немецкий крестьянин-собственник живуч и долго борется со смертью; он упрямо прозябает еще два или три поколения в руках ростовщика, прежде чем достаточно созреет для того, чтобы продать окончательно свою землю и дом, по крайней мере в тех местностях, которыми еще не овладела вполне новейшая промышленность. В Германии крестьянство поддерживают на поверхности воды всякого рода мелкие кустарные промыслы, существующие за счет капиталистов, вроде производства трубок, игрушек, корзин и т. п. Крестьянин считает ни во что то досужее время, которое остается у него после обработки его маленького поля, а потому всякая копейка, получаемая им за добавочный труд в это досужее время, кажется ему чистым барышем; отсюда — разорительно низкие заработные платы и баснословная дешевизна продуктов таких промыслов в Германии.

У вас имеется сопротивление общины внешнему натиску (хотя мне сдается, что это сопротивление должно значительно ослабевать в постоянной борьбе с новейшим капитализмом), затем, у вас имеется лишний ресурс в аренде земель от соседних крупных землевладельцев, как это описывается в вашем письме от 1 мая; правда, эта аренда обеспечивает землевладельцу получение прибавочной стоимости, но в то же время она помогает продолжению прозябания крестьянина, его дальнейшему существованию как крестьянина; наконец, у вас имеются кулаки, которые — насколько я вижу — тоже предпочитают лучше держать крестьянина в своих когтях как предмет эксплоатации, чем разорить его раз навсегда и приобрести себе принадлежащую ему землю; из этого я заключаю, что русский крестьянин, — там, где он не требуется в качестве рабочего на соседнюю фабрику или в город, — тоже очень живуч и тоже долго и упорно борется со смертью, так что нужно долго и много колотить его, прежде чем он решится, наконец, умереть.

Громадные барыши, обеспеченные молодой русской буржуазии, и зависимость этих барышей от благоприятной жатвы, так хорошо выясненная в вашем исследовании, объясняют мне много вещей, которые иначе казались бы очень темными. Так, например, как должен был бы я растолковать себе нижеследующее утверждение, которое было прочитано мною сегодня утром в корреспонденции из Одессы в одну из лондонских газет: русские коммерческие классы, повидимому, находятся в настоящую минуту под властью одной господствующей идеи, а именно — что война является единственным действительным лекарством от того состояния угнетенности и отсутствия кредита, которым страдают в эту минуту все отрасли русской промышленности. Как должен был бы я понять и объяснить себе эту фразу, если бы я не знал этой полнейшей зависимости искусственно созданной тарифами промышленности от внутренних рынков, а следовательно и от характера жатвы в земледельческих округах, так как от нее зависит покупательная сила единственных приобретателей продуктов этой промышленности! А раз этот рынок ускользает вследствие плохого урожая, то что может быть естественнее для наивных людей, как не добиваться расширения рынка путем успешной войны?

Очень интересны ваши заметки по поводу того кажущегося противоречия, что у вас хорошая жатва не всегда необходимым образом означает понижение хлебных цен. Итак, когда мы изучаем реальные экономические отношения

в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII в., хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принял условия, господствовавшие в Эдинбурге и окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной! Ваш Пушкин уже знал это, как и то,

... почему
Не нужно злота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

В будущий понедельник я снова приступлю к III тому и надеюсь не отрываться больше от этого дела, пока не покончу с ним совсем.

Это письмо затянулось до сегодняшнего дня, 31 октября, вследствие случайного перерыва.

43

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 12 ноября 1891 г.

Милостивый государь!

Очень признателен вам за ваше любезное письмо и за брошюру.[1] Я очень рад, что место о русской сельской общине выпущено (стр. 51 второго издания); на Дону, на Кубани и в Сибири мы встречаем общины, состоящие из многих деревень (волостные общины). В северных губерниях (Олонецкой, Вологодской и др.) они были уничтожены правительством лет пятнадцать тому назад. Следы их находят в различных частях России. Дополнение о картелях, трестах (стр. 137) чрезвычайно важно, но я думаю, что оно чересчур кратко.

Возвращаюсь к своему последнему письму. Я в самом деле намерен был дать вам русскую версию «создания внутреннего рынка для промышленных классов» и показать, «как разрушается сельская домашняя промышленность, как происходит процесс отделения ремесла от земледелия и как только уничтожение сельского домашнего производства может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства». Мне хотелось обратить ваше внимание на особенность нашего положения; мы появляемся на мировом рынке, когда капиталистический способ производства с его техническим прогрессом является преобладающим. Вынужденная низкая производительность труда земледельческих рабочих, продукты которых, будучи выброшены на мировой рынок, обесцениваются прямо пропорционально производительности труда их соперников, и в то же самое время рост производительности пользующихся особенным покровительством отраслей промышленности, сопровождающейся небывало быстрым ростом технических усовершенствований, ускоряют процесс «отделения ремесла от земледелия»; крестьянин принужден отдавать все увеличивающуюся часть своего постоянно уменьшающегося количества продуктов, чтобы получить средства существования. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, крестьянство, впадающее во все бо́льшую бедность, и, с другой стороны, концентрирующуюся и прогрессирующую промышленность,

находящуюся в полной зависимости от непостоянства внутреннего рынка, т. е. от степени «отделения промышленности от земледелия и от производительности земледельческого труда». Поэтому большие прибыли наших промышленников зависят не только от покровительственных пошлин, но и от обилия урожая.

Чтобы показать вам, насколько неудовлетворительно наше потребление, мне надо только сравнить запасы всех зерновых хлебов в России и в Соединенных Штатах. Средним запасом за этот период (1888 г.) является 50 бушелей на одну душу, запас же настоящего года (1889) составит около 52 бушелей («Report of the Secretary of Agriculture for 1889», Washington, p. 207). Между тем в России мы имеем за эти годы 15,5 и 12,8 бушелей. Соединенные Штаты вывозят около 25% производимой пшеницы; мы вывозим около 70% пшеницы, 9,7% ржи, 25 — 30% ячменя и овса. Общее количество экспортируемой муки составляет около 25% всех производимых зерновых хлебов. Соединенные Штаты вывозят меньше 6 — 7%. Действительное потребление хлопка в Соединенных Штатах достигает 1 074 000 000 фунтов в 1888 — 1889 гг. (l. c., p. 254), а в России 346 миллионов пудов. («Торговля прядильными материалами в 1890 г.», «Вестник финансов» 6 октября 1891 г., стр. 8.)

Согласно этой статье, в русской хлопчатобумажной промышленности в 408 прядильных, ткацких и прядильно-ткацких фабриках работало 3 860 000 веретен и 94 000 станков. Надо еще прибавить, что, благодаря высоким пошлинам, вы на наших рынках не найдете заграничной пряжи, за исключением высоких номеров (№№ 60 — 100), которые не вырабатываются в России. В своем последнем письме я привел вам некоторые детали о Кренгольмской хлопчатобумажной мануфактуре (Нарва); теперь я могу прибавить, чтобы показать вам степень концентрации промышленности, что на этой фабрике работает 308 812 веретен (8% всего числа) и 2 112 станков. К сожалению, я не мог получить сведений о количестве рабочих. Рост нашей хлопчатобумажной промышленности побуждает нас поощрять развитие культуры сырого материала — хлопка (из американских семян). Для достижения этой цели заграничный хлопок был обложен пошлиной, и в придачу к этому плантаторы получают некоторые привилегии. В конце концов у нас налицо капиталистический способ производства... в Центральной Азии. Плантаторы хлопка процветают там.

Еще несколько слов об особенностях нашего рынка рабочих рук. Так как урожай 1889 г. скорее был неудовлетворительный, то фабриканты принуждены были сократить производство. «Прежде, — цитирую я вышеупомянутую статью из «Вестника финансов», — обыкновенно устанавливался такой порядок для установки заработной платы: один расценок с Пасхи по 1 октября, более высокий, а другой с 1 октября по Пасху, более низкий» — (так как известное число рабочих уходит домой для земледельческих работ; надо заметить, что рабочие, работающие на механических, ткацких станках, например, никогда не покидают фабрику на летние месяцы, так как они более «дисциплинированы», чем их товарищи, работающие на ручных станках); — «с Пасхи же 1890 г. часть фабрикантов оставила зимние цены, существовавшие до Пасхи, а часть установила расценки даже с понижением цены против зимних; с 1 октября 1890 г. вновь появились расценки с понижением цен, так что на некоторых фабриках в 1890 г. произошло

двукратное понижение цен, и против 1889 г. заработная плата значительно понизилась. Таким образом, сокращение работ» — (и заработной платы) — «несколько поддерживало цены на товары» («Вестник финансов», 6 октября 1911 г.).

Наши капиталисты не могут равнодушно видеть самостоятельных рабочих. В текстильной промышленности они победили. Их усилия направлены теперь на искоренение других отраслей крестьянской промышленности. Они пытаются уничтожить крестьянские каменноугольные копи, как, например, в Екатеринославской губернии (в Бахмутском, Славяносербском и др. уездах). Мы встречаем большие каменноугольные копи, прекрасно устроенные с технической точки зрения, управляемые специалистами, а рядом мы видим крестьянские копи, имеющие несколько ярдов в глубину, причем уголь поднимается посредством машины самого примитивного устройства, приводимой в движение рабочими или лошадьми. Но капиталистические предприятия являются нашим любимым детищем. Все. что они хотят, становится законом. Крестьянские копи игнорируются, они мешают благополучию любимого детища. Крестьяне не имеют технического образования, у них нет средств для объединения своих отдельных копей, но, тем не менее, существуют крестьянские копи. Замечательно, что в капиталистических копях мало местных рабочих; большинство рабочих из соседних губерний и из Центральной России. Условия труда поистине ужасны. («Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ.», Бахмутский уезд, Екатеринослав, 1886 г.).

Я извиняюсь за некоторые повторения в моем настоящем письме, но 1) я имею теперь возможность иллюстрировать некоторыми новыми фактами мое предыдущее письмо; 2) у меня есть сильное желание выяснить, насколько это в моих силах, причины настоящего плачевного состояния нашей страны и 3) показать, что сопротивление общины не слишком сильно в настоящее время и что очень легко совершенно его преодолеть.

Не стоит говорить об уничтожении лесов; вы знаете также, что в Центральной и Южной России около 80 — 90% крестьянских земель распахивается; вы знаете, что эти поля не удобряются и т. д., и т. д.; все эти факторы вместе с вышеупомянутыми — исключительно общественного характера, являются причинами обнищания нашего крестьянства и того положения, которое мы видим в настоящее время. Положение это ужасно. Крестьянин не ест хлеб; он поддерживает свое существование самыми невероятными суррогатами его; у него нет одежды, топлива, корма для скота. Тысячи лошадей убиваются для шкур. Есть места, где на 50 дворов вы найдете только одну лошадь и одну корову. «Чтобы не избаловать крестьян, не поощрять среди них лености», правительство дает хлеб только детям до 5 лет, женщинам и старикам старше 60 лет. Но нет работы (sic!). Для поддержания своего существования крестьяне продают все, что у них есть. Они перестали быть самостоятельными домохозяевами. Без орудий, без рабочего скота домохозяин уже не хозяин, и вот причина, почему нынешней осенью «люди с достатком посеяли, снимая землю у нуждающихся, которые не могли сполна занять своих земель в озимом клину, между прочим по слабости лошадей. Были и такие случаи, что спекулянты-крестьяне скупали за бесценок движимость у уходивших по паспортам, а также... за бесценок снимали землю озимого клина у тех из уходивших, кто оставлял озимое

поле незасеянным» (сообщения воронежского земства в «Вестнике финансов» № 42, 1891, 20 октября стр. 134).

Из различных губерний (Самарской, Казанской) сообщают о случаях голодной смерти. Что же будет зимой? Но так как уничтожение главного источника доходов не входит в наши планы, то мы организовали государственную помощь. А весной? Сила сопротивления общины перспективе голодной смерти уничтожена. Мы видим, что нынешний год даст сильный толчок тенденции, которая была довольно сильна, — к экспроприации огромной массы крестьянства и к окончательному разрыву экономических уз, ослабленных всеми нашими реформами и контр-реформами.

А фабрики?

Прошу вас передать мои сердечные поздравления вновь избранным депутатам.[2]

От всего сердца желаю вам быстро и с успехом закончить ваш труд.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Четвертое издание брошюры Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». [2] Во французскую палату депутатов.

44

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 20 ноября 1891 г.

Милостивый государь!

Опасения, высказанные в моем последнем письме (12 ноября) относительно возможного влияния нынешнего голодного года на сельскую общину, подтвердились. Прочитайте статистические исследования Красноперова — статистика самарского земства — «О формах крестьянского кредита в Самарской губернии», напечатанные в № 11 «Юридического вестника» за 1891 г. Вы получите экземпляр. В том же номере помещено извлечение из доклада, читанного в Московском статистическом обществе.

Статистические исследования Восточной Сибири, которые я обещал выслать вам, напечатаны в ограниченном числе экземпляров для частного ознакомления; я не имел возможности получить экземпляр.

Поздравляю вас с новой победою.

Пишу второпях.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

45

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 15 марта 1892 г.

Дорогой сэр!

Мне почти стыдно отвечать на ваши любезные и интересные письма от 12 и 21 ноября прошлого года. Но я был так сильно завален работой! К тому же

я нахожу, что писать при свете газа все еще вредно для моих глаз, хотя в других отношениях они продолжают еще служить мне довольно удовлетворительно. Итак, этот избыток работы и краткость дневного света во время нашей зимы пусть послужат мне извинением в ваших глазах.

Ваша страна действительно проходит теперь через очень важный период, полное значение которого трудно оценить в достаточной степени. Мне кажется из ваших писем, что вы смотрите на нынешний неурожай не как на несчастную случайность, но как на нечто необходимое и неотвратимое, как на один из неизбежных спутников того экономического развития, которое началось в России с 1861 г. Это также и мое мнение, поскольку я имею право судить из такой дали. С 1861 г. в России начинается развитие новейшей промышленности по масштабу, достойному великой страны. Во всем образованном мире давно уже созрело убеждение, что в настоящее время никакая страна не может занять приличествующего ей места в кругу цивилизованных наций, если она не обладает промышленными машинами, приводимыми в движение паровою силою, и если она не способна удовлетворять сама — по крайней мере, в очень значительной мере — всем своим нуждам по части мануфактурных товаров. И вот Россия принялась действовать, исходя из этого убеждения, и действовала все время с великой энергией. Что она окружила себя оградою покровительственных пошлин, это должно считаться лишь слишком естественным, так как английское соперничество принудило к такой политике почти все великие страны; даже Германия, где крупная промышленность успешно развилась при почти полной свободе торговли, присоединилась к общему хору и перешла в лагерь протекционистов, чтобы только ускорить тот процесс, который Бисмарк называл «die Züchtung von Millionären» («разведением миллионеров»). Но если Германия вступила на этот путь даже без прямой необходимости, то кто же может порицать Россию за то, что было для нее действительно необходимостью, раз она порешила итти путем новейшего промышленного развития?

До некоторой степени нынешнее положение вашей страны кажется мне представляющим не мало аналогий с положением Франции при Людовике XIV. И там также мануфактуры были приведены в состояние усиленного оживления покровительственной системой Кольбера; и там также, через 20 или 30 лет, пришли к убеждению, что национальная мануфактурная промышленность, при существовавших тогда условиях, могла быть создана только на счет крестьянства. Натуральное хозяйство крестьян было разрушено и замещено денежным; внутренний рынок был создан и в то же самое время вскоре был снова разрушен почти совсем, по крайней мере на время, путем этого же процесса: путем неслыханного насилия, с которым новая экономическая необходимость навязывала себя жизни, а также путем возрастания налогового обложения деньгами и людьми, ставшего неизбежным тогда вследствие введения постоянных армий и рекрутчины, все равно как в настоящее время оно неизбежно вызывается у вас в России введением системы всеобщей воинской повинности. И вот, как только наступили один или две неурожайных года, так тотчас же возникло по всей стране то состояние всеобщего расстройства, тревоги и недовольства, которое мы находим в описаниях Буагильбера и маршала Вобана.

Но тут есть также и громадная разница, а именно разница между старинною

«мануфактурою» и современною «крупной промышленностью», которая (со стороны влияния на крестьянина, на мелкого земледельческого производителя, владеющего собственными средствами производства) соответствует разнице между старинным, гладкоствольным, кремневым мушкетом 1680 г. и современным магазинным, малокалиберным (7,50 миллиметров) штуцером образца 1892 г. И кроме того, в то время как в 1680 г. мелкое земледелие все еще было нормальным способом производства, а аренда крупных имений только исключением — правда, все возраставшим исключением, но все же лишь исключением, — в настоящее время арендование крупных участков, с применением в хозяйстве разных машин, делается правилом и все более и более становится почти единственно возможным способом земледельческого производства, так что крестьянин в настоящее время, повидимому, оказывается осужденным на неизбежную гибель.

Вы помните, что сказал наш автор в своем письме по поводу статьи Жуковского? «Если Россия будет настойчиво итти по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то русская крестьянская община должна погибнуть». И вот мне кажется, что как раз теперь его предсказание начинает исполняться. Повидимому, приближается момент, когда — по крайней мере, в некоторых округах — вся совокупность старых социальных устоев русской крестьянской жизни не только теряет свою ценность для отдельного, индивидуального крестьянина, но становится для него просто кандалами, точь-в-точь как это случилось в прежние времена в Западной Европе. И я боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем уже с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом потеряны огромные шансы, но против экономических фактов нельзя ничего поделать. Курьезен тут только тот факт, что те самые люди у вас в России, которые никогда не устают восхвалять бесценное превосходство первобытных русских учреждений по сравнению с учреждениями гнилого Запада, эти же самые люди употребляют все усилия, чтобы разрушить эти первобытные учреждения и заместить их учреждениями гнилого Запада!

Но если русский крестьянин осужден превратиться современем в промышленного или земледельческого пролетария, то русский помещик, повидимому, тоже осужден на гибель. Поскольку простираются мои сведения, этот класс землевладельцев обременен долгами даже в еще большей степени, чем крестьянство, и вынужден распродавать понемногу свои владения. Между этими двумя сословиями протискивается, повидимому, в последнее время новый класс землевладельцев — деревенские кулаки и городские мещане, которым предстоит, быть может, стать отцами будущей русской земельной аристократии?

Неурожай прошлого года вынес все это на яркий дневной свет, и я совершенно согласен с вашим мнением, что скрывающиеся тут причины имеют вполне социальный характер. Что касается до обезлесения страны, то, наравне с разорением крестьянства, оно представляет в сущности одно из неизбежных жизненных условий буржуазного общества. Нет ни одной «цивилизованной» европейской страны, которая не ощущала бы его в свое время: Америка же,* — так же как, без

* В Америке я наблюдал его сам четыре года тому назад. Там сделаны и делаются великие усилия, чтобы бороться с его последствиями и исправить совершонные ошибки.

сомнения, и Россия — ощущает его в настоящий момент. Таким образом, обезлесение, в моих глазах, в своей существенной основе есть социальный фактор, так же как и социальный результат. Но в то же время это есть один из обыкновеннейших предлогов для заинтересованных сторон избегнуть порицания за экономические неудачи, сведя их к такой причине, за которую, повидимому, никто не может быть ответственен.

Неблагоприятный урожай, по моему мнению, только сделал очевидным то, что в скрытом состоянии имелось уже и ранее. Но он страшно ускорил совершающийся тут процесс. Нынешней весною, в момент посева, крестьянин будет бесконечно слабее, чем он был прошлой осенью, в момент осеннего сева, и он будет призван восстанавливать свои силы при условиях гораздо более неблагоприятных, чем прежние. Нищий, по уши в долгах, растерявший свой скот, что̀ может он поделать даже в тех местностях, где ему удалось перезимовать, не покидая своей деревни? Поэтому, мне кажется, потребуется ряд лет, чтобы вполне справиться с результатами нынешнего бедствия; и когда это будет достигнуто, Россия окажется совсем другою страною, чем она была даже 1 января 1891 г. А пока нам приходится утешать себя мыслью, что все это, в конце концов, должно послужить делу человеческого прогресса.

Прошлою осенью я послал вам маленькую книжку — «Происхождение семьи» и пр., четвертое издание. Я сдал ее заказным порядком и выставил мой адрес на обложке. Так как она не вернулась ко мне обратно, то я надеюсь, что вы получили ее.

Очень благодарю вас за множество высланных мне статей, материалов и журналов, — причем статья Менделеева оказалась особенно интересною, но, повторяю, благодаря массе тяжелого труда, я не могу как раз в настоящее время посвятить им все то внимание, какого они заслуживают. До какой степени я был завален дополнительной работой, вы поймете и сами, когда я скажу вам, что, начиная с Нового года и вплоть до настоящей минуты (обыкновенно, самое спокойное для меня время) я не имел возможности посвятить III тому ни одного момента! Ваши поздравления были переданы в Париж в свое время.

С наилучшими пожеланиями ваш

Ф. В. Рошер.

Что̀, все еще никаких сведений о «нашем общем друге»?

46

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 12 марта 1892 г.

Милостивый государь!

Простите, что я раньше не написал вам. Очень обязан вам за «Происхождение семьи». Она была прислана мне через месяц после того, как получилась в Петербурге. Я думаю, что русская публика будет ее читать.

Я очень обязан вам за ваше глубоко интересное и поучительное письмо от 15 марта, принимая во внимание, что вы так заняты в настоящий критический момент. Нынешнее бедствие является нашей собственной виной, все наши усилия

были направлены на «расширение нашей промышленности и торговли». Фактически торговля уже поглотила все сырье крестьянства: зерновые хлеба, дерево, лен, шерсть и т. д., и т. д.; затем мы начали «покровительствовать» нашей капиталистической промышленности, насажденной на развалинах экспроприированного крестьянства. Профессор Менделеев находится в первых рядах этих протекционистов.

Сравнение нашего экономического положения с положением Франции во времена Кольбера чрезвычайно правильно, но вы указываете на очень важное различие: на рост современного капитализма. Вы говорите: «Мне кажется, что потребуется ряд лет, чтобы вполне справиться с результатами нынешнего бедствия (неурожая); и когда это будет достигнуто, Россия окажется совсем другою страною, чем она была даже 1 января 1891 г. А пока придется утешать себя мыслью, что все это, в конце концов, должно послужить делу человеческого прогресса».

Последняя фраза не совсем ясна для меня. Рассмотрим факты. Для расширения нашей торговли мы хищнически истощали почву; наш климат изменился, реки наши обмелели и т. п. Вплоть до нынешнего бедствия мы «освободили» около 20 — 25% нашего крестьянства. Они бродят повсюду в поисках работы. Вы встретите их в Сибири, в Центральной Азии, в Закавказье, в Бразилии... Что им делать? Итти на фабрики? Но мы знаем, что количество рабочих, занятых в современной промышленности, постоянно уменьшается. Англия, например, с ее 44,75 миллионами веретен, т. е. более чем с половиной веретен всего мира, со своими рынками, обнимающими больше половины мира, занимает в текстильной промышленности только около 500 000 рабочих всех возрастов и обоих полов; сколько рабочих может поглотить до насыщения наш собственный в н у т р е н н и й р ы н о к? «Рабочие, как покупатели товаров, необходимы для рынка. Но как продавцов их собственного товара — рабочей силы — капиталистическое общество имеет тенденцию ограничить их минимумом цены» («Капитал» I, стр. 303). Наши крестьяне вынуждены продавать свои продукты по низкой цене, средства их существования уменьшаются в той же пропорции. Имея такие ограниченные потребности, оставив свои общинные наделы, они оказывают давление на рабочих на фабриках и т. д. В наших сельских столовых, организованных различными лицами, содержание ребенка обходится в м е с я ц от 75 копеек до 1 рубля, а взрослого около 1 р. — 1 р. 50 к. в м е с я ц, т. е. от $1^1/_2$ до 3 шилл. в м е с я ц. Вот наш исходный пункт; вот наш внутренний рынок. А в то же самое время мы достигли замечательного технического прогресса, т. е. число необходимых рабочих ограничено. Капиталистическая нация выходит из противоречия, указанного нашим автором, расширяя свои внешние рынки. А как нам выйти из этого противоречия? Подобно тому как невозможно представить себе капиталистическую фабрику, продукты которой рассчитаны исключительно на потребление занятых в ней рабочих, точно так же невозможна капиталистическая нация без внешних рынков. Настоящий момент в этом отношении, по моему мнению, чрезвычайно интересен и важен, потому что указанное нашим автором противоречие распространяется на мировой рынок: каждая нация напрягает все свои силы, чтобы отнять рынок у соперников: без рынка нет капитализма. А мы... мы также стараемся получить внешние рынки. Какими средствами? Посредством премий, т. е. посредством ограничения наших внутренних рынков. Одним словом, мы выступаем на

мировую арену в такой момент, когда усилия всех наших соперников напряжены до крайней степени, когда они принуждены удовлетворяться меньшей нормой прибыли. Английские хлопчатобумажные фабриканты экспортировали в 1891 г. на сумму около 60 миллионов ф. ст. своих продуктов, мы вывозим приблизительно на $1/_2$ миллиона. В Западной Европе капиталисты сами поняли, что народное образование — научное и техническое — играет важную роль в борьбе. Этот факт дает возможность рабочим относиться сознательно к общественным делам и выйти из кризиса без больших затруднений. Наша роль в этом отношении является чисто отрицательной. Мы закрываем двери наших учебных заведений, например нашего единственного сельскохозяйственного института (в Москве). Мы во всех отношениях идем назад. В этом причина, почему я не могу понять, каким образом все это «в конце концов послужит делу человеческого прогресса», — пока солнце взойдет, роса очи выест.

«Я боюсь, — говорите вы, — что нам скоро придется рассматривать общину, как мечту прошлого, и считаться в будущем с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом потеряны огромные шансы, но против экономических фактов ничего нельзя поделать». Конечно. Но мы имеем рядом различные факты, и факты экономического характера. Несколько дней тому назад я послал вам I том «Итогов статистико-экономических исследований России, произведенных земствами». Автор этого труда — В. В., или Василий Павлович Воронцов. Вы найдете там массу интересных фактов. Известно, что после 1861 г. разделы общинных земель были до известной степени прекращены, преимущественно в черноземной полосе; но по прошествии каких-нибудь 20 — 25 лет они опять возобновились даже в таких местностях, где этот акт общинной жизни был совершенно неизвестен. Есть масса случаев, когда частные землевладельцы отказались от своих прав в пользу общины и впоследствии получили свои наделы в качестве членов общины. Такие факты как бы противоречат тому, что я писал вам. Но факт остается фактом: около 20 — 25% крестьян принуждены искать работы вне своей общины. Остальные находят только один способ выйти из своего затруднительного положения — уравнение шансов борьбы. У нас есть, таким образом, два экономических течения: одно из них, это — народная форма хозяйства, которая стремится поддерживать большинство. Но не слишком ли уже поздно опираться на наши общинные традиции и привычки, имеющие такие глубокие корни, чтобы направить производство на удовлетворение народных потребностей, вместо поддержания капитализма, этого другого экономического течения? Все наши усилия направлены в сторону развития капитализма: на это тратится несколько сотен миллионов рублей. Однако все наши усилия потерпели неудачу. Доказательство — 1891 г. Разве нельзя изменить объект покровительства? Изменить «курс»? Разве современная промышленность возможна только на капиталистической основе? Мы видим борьбу между двумя способами производства: крестьянским, развитие которого сознательно задерживается, но которое имеет все шансы пустить более глубокие корни, а следовательно быть более прочным, и другим способом, совершенно искусственным, выращенным в теплице, выращенным на счет крестьянства, т. е. большинства народа, и, тем не менее, мы продолжаем *поддерживать* его и *покровительствовать* ему. Кажется, что наше любимое детище — капитализм — подрывает основы крестьянской промышленности,

но, не имея ни внешнего, ни внутреннего рынков, не имеет прочной почвы для своего развития. «Создается внутренний рынок, который тотчас же опять разрушается», как вы правильно выражаетесь. «Таким образом, потеряны огромные шансы» (в самом ли деле они потеряны?), «но против экономических фактов ничего нельзя поделать». Но фактически мы поддерживаем капитализм и покровительствуем ему.

Так как письмо это слишком длинно, я замечу только, что задолженность наших землевладельцев доходила на 1 января 1889 г. до 760 миллионов на 30,4 миллиона десятин, т. е. 32,7% общей суммы частной земельной собственности заложено: в северных и центральных губерниях от 1 до 26%, в южных и малороссийских губерниях — от 42 до 65% (Херсонской, Харьковской, Киевской). К 1 января 1892 г. задолженность увеличилась до 920 миллионов, т. е. в течение трех лет на 20%. Число заложенных десятин еще не опубликовано.

Хотя я написал такое длинное письмо, я знаю, что практически это, с моей стороны, праздная дискуссия, что вы совершенно правы. влиятельное меньшинство слишком заинтересовано в сохранении status quo. А теоретически? Куда мы идем? Продажа 4-го издания «К[апитала]» запрещена. Были ли там какие-нибудь прибавления или примечания? Печатание книги Каутского о нем было прекращено. Воспоминания Лаф[арга] о его тесте будут напечатаны в одном из наших журналах.

О «нашем друге» нет никаких известий.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

47

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 30 апреля 1892 г.

Милостивый государь!

Несколько времени тому назад я послал вам «Вопрос о рабочих» [1] Каблукова. Я послал его, чтобы показать вам, как близко подошел Каблуков к решению проблемы так называемой «депрессии» в земледелии Англии и причин жалоб фермеров и земледельцев на земледельческих рабочих! Исследовав различные причины этой депрессии, Каблуков приходит к заключению, что американская конкуренция не является ее главной причиной, что решения этого вопроса следует искать в сельскохозяйственном производстве как таковом, с неравномерным распределением труда в течение года. Таким образом он очень близок к решению. Он указывает на сельскохозяйственный кризис 1834 — 1837 гг., кризис, которому предшествовали обильные урожаи, и на кризис 1876 — 1878 гг., которому предшествовали плохие урожаи. Он указывает на развитие современной промышленности, отделившей ремесло от земледелия, освободив огромную массу рабочих, когда «сразу возник вопрос об избыточном населении» и конкуренция между рабочими достигла высшей степени интенсивности, а заработная плата упала до минимума. (Фр. Энгельс, «Положение» и т. д.; Каблуков, стр. 116). Но, в конце концов, Каблуков не видит кардинальных причин «депрессии», т. е. не видит того факта, что капитализм после отделения ремесла от земледелия, — превращая

земледельческих рабочих в «поденных рабочих, работающих у фермера лишь тогда, когда это необходимо, и поэтому целыми неделями не имеющих работы, особенно зимой» («Положение» и т. д., стр. 175), — лишил их заработной платы, достаточно высокой для того, чтобы на нее можно было существовать: так как они получают заработную плату за свое рабочее время, за время, создающее стоимость, т. е. за 50 — 60% всего их годового рабочего времени, то они могут покупать средства для своего существования только на 5 — 6 — 7 месяцев.

Другими словами, Каб[луков] не додумывается до тех выводов, которые могут быть сделаны из собранных им фактов, что *земледельческий труд*, не сопровождающийся никаким другим занятием, *не дает рабочему достаточных средств существования*.[1]

Сельскохозяйственный кризис 1834 — 1837 гг. показывает, что некоторое время необходимо «для капитала... чтобы все различия в обороте нивелировались». («Kapital», II, pp. 223 — 224.) Замечательно, что в Великобритании площадь, засеянная пшеницей, сократилась с 3,6 миллионов акров в 1874 г. до 2,388 — в 1897 г.

Во всех моих прошлогодних письмах я старался показать, что наше настоящее положение является результатом того же самого процесса отделения ремесла от земледелия; но в то время как в Западной Европе «капиталистическое производство разрывает старую связь, которая соединяла земледелие и ремесло в их младенчестве, создавая в то же самое время материальные условия для высшего синтеза в будущем, т. е. для союза земледелия и промышленности на основе более совершенных форм, которые обе приобрели в продолжение своего временного отдельного существования» («Kapital», I, p. 315 н. изд.), — мы не имеем подобного утешения; по крайней мере *разрушительное действие* растущего капитализма не дает экономического основания для осуществления такого союза.

Уничтожением старого общинного основания нашего общества, которое имеет глубокие корни в народном сознании, — уничтожением, сопровождающим искусственное насаждение капитализма, превращением всего крестьянского земледелия в домашнюю форму капиталистического производства; отделением ремесла от земледелия, сопровождающимся освобождением массы рабочего времени, необходимостью существования одним только земледельческим трудом, т. е. трудом, продолжающимся менее полугода и оплачиваемым за полгода; падающею производительностью такого труда, вызванною этим отделением; абсолютной зависимостью промышленности от такого непостоянного внутреннего рынка, — всем этим и огромным количеством подобных причин объясняется наше теперешнее безнадежное состояние.

По моему мнению, бо́льшая часть того, что говорит Каблуков, правильна, но он не видит корня вопроса. Вопрос может быть разрешен только теорией трудовой стоимости: ужасно жаль, что он не сделал этой попытки... Такое решение, кроме своей теоретической важности, имеет практическую ценность.

Искренне преданный вам

Н. *Даниельсон*.

[1] Н. А. *Каблуков*, Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. 1884.

48

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 18 мая 1892 г.

Милостивый государь!

Вчера я выслал вам II том «Итогов»[1]—«Крестьянская аренда». Вы увидите, что больше миллиона десятин частной земельной собственности снимается в аренду крестьянами; это составляет более 19% их собственной земли и от 30 — 45% (в северных губерниях) до 44 — 57% (в южных) всей возделываемой частновладельческой земли (стр. 80). В среднем больше 48%.

Так как средства существования крестьянства находятся во все большей зависимости от хлебопашества, то они арендуют всю землю, которую могут получить. Аренда прямо пропорциональна количеству земель и особенно (стр. 87) размерам частной земельной собственности.

В области аренды мы встречаем такую же самую борьбу между общественным и частным интересом, какая характеризует наше настоящее экономическое положение. В гл. IV вы найдете описание борьбы между арендой целыми общинами и индивидуальной арендой. Аренда общинами обеспечивает всех членов общин, индивидуальная только богатых. В тех местностях, где имеется много земель для аренды, мы встречаем общинную аренду (стр. 162 — 165); там, где их мало, преобладает индивидуальная аренда (стр. 170 — 175). Звеном, соединяющим эти две формы, является аренда товариществом более или менее богатых крестьян; таблица (стр. 295) дает относительную величину всех этих форм аренды, общинной, товарищеской и индивидуальной. Вы увидите, что в некоторых случаях аренда, уплачиваемая общиной, более чем вдвое превышает аренду, уплачиваемую частными лицами. Так как все крестьяне стремятся арендовать все земли, сдающиеся в аренду, то те, владения которых больше, которые имеют больше наделов в общинной собственности (те, которые имеют больше рабочей силы, больше скота и т. д., и т. д.), имеют возможность арендовать больше и достигнуть высшей ступени благосостояния (стр. 121 — 126 — 130), а эта более высокая ступень благосостояния дает им возможность аренды по более дешевой цене (стр. 301 — 305 — 307). Так, например, в одном из уездов Воронежской губернии (Новохоперском) крестьяне, не имеющие земли (наделов), арендуют 3, 8 десятины по 6 р. за десятину.

Владеющие	от 1	до 5	дес.	снимают	на хозяйство	4,4	дес.	по 7,20	с	дес.
»	» 5	» 15	»	»	»	6,5	»	» 5,92	»	»
»	» 15	» 25	»	»	»	9,8	»	» 5,62	»	»
»	» 25	» 50	»	»	»	18,5	»	» 4,69	»	»
»	более	50	»	»	»	71,5	»	» 3,37	»	»

(Из «Статистических исследований Воронежской губернии», т. IX, изданный несколько месяцев тому назад.)

Так как богатые крестьяне арендуют больше, они пользуются преимуществом своего положения: 1) для сдачи за более высокую цену части арендованной ими земли своим бедным соседям (стр. 174, *195 — 206*) и 2) для прямой эксплоатации наемной рабочей силы.

Вы увидите, кто от этого выигрывает. Сохранение плодородия почвы в этой борьбе не принимается в расчет. Преобладает краткий срок аренды (на один

урожай), многолетняя аренда уменьшилась. Количество аренд на один урожай обратно пропорционально размерам аренды (стр. 243 — 244).

Результатом всего этого является истощение почвы, с одной стороны, с другой стороны, — более быстрое расслоение крестьянства, «выделение богатого меньшинства из массы крестьян..., выбрасывающее за борт беднейшее большинство» (стр. 202).

Этот II том «Итогов», как вы увидите, содержит массу чрезвычайно интересных данных. Но если вы примете во внимание, что труд этот представляет докторскую диссертацию (автор состоит профессором политической экономии в Дерптском университете), то вы найдете в ней некоторые недостатки.

Не выяснен исторический и экономический порядок последовательности различных форм аренды: «испольщина», «скопщина» (или натуральная форма аренды), «испольщина», сопровождаемая различными работами, которые исполняются арендаторами в хозяйстве и в поле землевладельца, натуральная аренда, которая вытесняется денежной арендой, сопровождаемой различными работами, и, наконец, все следы независимости исчезают, и мы имеем чистую форму капиталистического производства с наемными поденными рабочими, т. е. когда в последней упомянутой форме остается работа, исполняемая рабочими, а заработная плата, выплачиваемая натурой (частью урожая), заменяется денежной формой заработной платы. Описание этих различных форм, затемняющих вопрос, имеет большое теоретическое значение как средство для выяснения происхождения стоимости и разделения всего рабочего времени на необходимое и прибавочное рабочее время. Автор не рассматривает этого важного вопроса.

Он не говорит также ничего о влиянии цены продуктов и распределения всей суммы продуктов между рабочими и землевладельцами.

Он подробно исследует, что́ должен о т д а в а т ь крестьянин, но он совершенно забыл сказать, что́ он п о л у ч а е т. Таким образом, как «итоги» труд его очень хорош, но с теоретической точки зрения он не сделал ничего для того, чтобы осветить вопрос, законы его являются чисто эмпирическими. На картограмме № 10 я привел числа, показывающие степень задолженности частного землевладения. Общую сумму этой задолженности я дал вам в своем последнем письме от 30 апреля.

Искренне преданный вам

Н. Д а н и е л ь с о н.

Прилагаю здесь интересный отчет, напечатанный в последнем номере «Вестника финансов» от 3 мая 1892 г., № 18:

О т ч е т Р у с с к о - а м е р и к а н с к о й к о м п а н и и р е з и н о в о й м а н у ф а к т у р ы в П е т е р б у р г е з а 1891 г.

Общая стоимость произведенных товаров	9 140 000 р.
За вычетом: сырья, заработной платы и т. д.	6 740 000 »
Прибыль	2 400 000 р.

Б а л а н с

Фабричные здания, машины и т. п.	3 017 000 р.
Наличные деньги	796 000 »

Должники	1 087 000	р.
Готовые товары	737 000	»
Сырье и т. д., и т. д.	2 804 000	»
	8 442 000	р.
Основной капитал	3 000 000	р.
Резервный капитал	2 457 000	»
Ценности (securities)	238 000	»
Фонд помощи рабочим и т. п.	210 000	»
Кредиторы	137 000	»
Прибыль	2 400 000	»
	8 442 000	р.

Из общей суммы прибыли 500 000 следует прибавить к резервному капиталу; счет дивиденда составляет 1 500 000; и т. д.

[1] Докторская диссертация Н. Карышева, Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт 1892 (второй том «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики»).

49

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 18 июня 1892 г.

Мой дорогой сэр!

Благодарю вас за ваши интересные письма от 24 марта, 30 апреля и 18 мая и приношу вам мои извинения за то, что я не отвечал на них раньше. Но я был чрезвычайно занят, и притом до такой степени, что не мог даже уделить ни одной минуты для третьего тома. Впрочем, я надеюсь вернуться к нему с будущей недели.

Я убежден, что оба мы совершенно согласны относительно фактов и даже относительно значения этих фактов, выражающих нынешнее экономическое состояние вашей страны. Но только мне кажется, что некоторые иронические выражения моего последнего письма были приняты вами в серьезном смысле и, в особенности, то, что я сказал о некоторых вещах, служащих, в конце концов, делу человеческого прогресса. Ведь в действительности нет ни одного факта в истории, который не послужил бы тем или иным путем делу человеческого прогресса, но только путь этот бывает иногда страшно окольным и кружным. То же может случиться и с нынешним экономическим преобразованием вашей страны.

Фактически я желал указать с особенною силою на то, что прошлогодний «неурожай» — употребляя официальное его название — вовсе не есть изолированное и случайное явление, а совершенно необходимое и неизбежное последствие всего развития России с окончания Крымской войны; что это есть результат перехода от общинного земледелия и патриархальных, домашних промыслов к современной промышленности; и что, по моему мнению, это преобразование должно, в конце концов, сделаться опасным для самого существования земледельческой «общины» и ввести капиталистическую систему даже в земледелие.

Я заключаю из ваших писем, что относительно этих фактов самих по себе вы совершенно согласны со мною; а что касается вопроса, нравятся ли они нам или нет, то это уж совсем другое дело! Ведь нравятся ли или не нравятся

нам эти факты, они все равно будут продолжать существовать. И чем полнее мы сумеем отрешиться от вопроса о наших симпатиях и антипатиях, тем лучше мы в состоянии будем судить о фактах и их последствиях.

Никто не может сомневаться в том, что нынешний внезапный рост новейшей крупной промышленности в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, правительственными субсидиями и т. п. То же самое имело место во Франции, где покровительственная система действовала уже со времен Кольбера, в Испании, в Италии, а с 1878 г. даже в Германии, хотя эта страна почти завершила свое промышленное преобразование, когда в 1878 г. она ввела у себя покровительственные пошлины с той целью, чтобы ее капиталисты могли принудить отечественных потребителей платить им за их товары такие высокие цены, которые дозволили бы им продавать эти же товары за границей по более низким ценам, чем собственные издержки производства. И американцы сделали у себя то же самое, чтобы сократить тот период, в продолжение которого американские мануфактуры достигнут возможности соперничать в равных условиях с Англией. Что Америка, Франция, Германия и даже Австрия достигнут со временем такого состояния, при котором они окажутся способными к успешному соперничеству с Англией на открытом мировом рынке (по крайней мере относительно большинства важнейших товаров), это не подлежит для меня никакому сомнению. Уже и теперь Франция, Америка и Германия сломили в известной мере промышленную монополию Англии, и это чувствуется здесь очень сильно. Но окажется ли и Россия способною достигнуть такого состояния? Относительно этого я имею свои сомнения, так как Россия, подобно Италии, страдает от недостатка каменного угля в наиболее удобных для промышленности местностях, а кроме того, как вы сами хорошо развиваете это в своем письме от 12 (24) марта, ей приходится бороться в совершенно отличных исторических условиях. Но затем мы должны поставить себе здесь еще другой вопрос: могла ли Россия в 1890 г. продолжать существовать и занимать свое положение в европейском мире только как чисто земледельческая страна, живущая исключительно вывозом зерна и покупающая за него все иностранные промышленные продукты? И я убежден, что мы с уверенностью можем ответить на этот вопрос — нет. Нация в 100 миллионов душ, играющая такую важную роль в истории мира, не могла, при нынешних экономических и промышленных условиях, продолжать пребывать в таком состоянии, в каком она коснела вплоть до Крымской войны. Введение паровых двигателей и рабочих машин, попытка изготовлять текстильные и металлические продукты при помощи новейших средств производства, хотя бы только для отечественного потребления, должна была быть совершена раньше или позже, но во всяком случае в какой-то промежуток времени между 1856 и 1880 гг. Если бы такая попытка не была сделана, то ваша отечественная патриархальная промышленность все равно погибла бы вследствие соперничества с английским машинным производством, и в конечном результате получилась бы Индия, страна экономически подчиненная великой центральной фабрике — Англии. Но даже Индия реагировала покровительственными пошлинами против наплыва английских хлопчатобумажных товаров; что же касается остальных британских колоний, то как только какая-нибудь из них достигала самоуправления, так сейчас же принималась ограждать свои местные мануфактуры против подавляющей кон-

куренции метрополии. Английские писатели, ослепленные отечественными интересами, никак не могут взять в толк, почему подаваемый Англией пример свободы торговли так упорно отвергается повсюду и вытесняется принципом покровительственных пошлин. Конечно, они просто не осмеливаются видеть, что эта — ныне почти всеобщая — покровительственная система есть просто более или менее разумное (а в некоторых случаях и безусловно глупое) средство самозащиты против этой самой английской свободы торговли, которая довела английскую промышленную монополию до ее наибольшей высоты. (Глупым, например, это средство является в Германии, которая стала великой промышленной страной при свободе торговли и где таможенное покровительство распространено теперь на земледельческие продукты и сырые материалы, что увеличивает издержки промышленного производства!) Я смотрю на это всеобщее обращение к покровительственной системе не как на простую случайность, а как на реакцию против невыносимой промышленной монополии Англии. Форма этой реакции, как я уже сказал, может быть неудачной, неподходящей и даже хуже, но историческая необходимость такой реакции кажется мне вполне ясной и очевидной.

Все правительства, хотя бы самые абсолютные, в конечном счете суть только осуществители (executors) экономических нужд данного национального положения. Они могут выполнять предлежащую им задачу разными путями, хорошо, худо или посредственно; они могут ускорять или замедлять экономическое развитие с его политическими и юридическими последствиями, но, в конце концов, они должны следовать за ним. Были ли те средства, с помощью которых осуществилась промышленная революция в России, наилучшими для своей цели, это совсем особый вопрос, обсуждение которого завело бы нас слишком далеко. Для моей цели вполне достаточно и того, если я могу доказать, что эта промышленная революция — сама по себе — была совершенно неизбежна.

То, что вы говорите касательно необходимых спутников таких громадных экономических перемен, совершенно верно, но оно прилагается в большей или меньшей мере ко всем странам, которые прошли или проходят через тот же самый процесс. Истощение почвы, — vide [смотри] Америку; обезлесение страны, — vide Англию, Францию, а в настоящий момент также Германию и Америку; изменение климата, обмеление и усыхание рек, вероятно, сильнее в России, чем в каком-либо ином месте, по причине равнинного характера страны, снабжающей водой эти громадные реки, и вследствие отсутствия альпийских запасов снега и льда, вроде тех, что питают Рейн, Дунай, Рону и пр. Разрушение старых условий земледелия, постепенный переход к капиталистической обработке обширных арендных участков, все это — процессы, которые завершились уже в Англии и в Восточной Германии и происходят в настоящее время повсюду. И мне кажется совершенно очевидным, что крупная промышленность в России убьет земельную общину, если только не произойдут раньше иные великие перемены, которые помогут сохранить эту вашу «общину». Весь вопрос в том, имеется ли еще в запасе время для такой перемены в общественном мнении России, которая сделала бы возможным привить к общине новейшую промышленность и новейшее земледелие и в то же самое время видоизменить самую общину таким образом, чтобы она могла стать подходящим и удобным орудием для этой новейшей промышленности и для перехода ее производства из капиталистической в социализированную

форму? Вы должны признать, что для того, чтобы провести даже в мысли такую перемену, должен сначала совершиться громадный прогресс в общественном мнении вашей страны. Найдется ли время для совершения такого прогресса, прежде чем капиталистическое производство, при содействии последствий нынешнего кризиса, подкопает «общину» чересчур глубоко (для ее позднейшего оживления)? Я ничуть не сомневаюсь в том, что во многих округах община оправилась от того удара, который она получила в 1861 г. (как это описано у В. В. [1]). Но будет ли она способна сопротивляться непрерывным ударам, наносимым ей промышленным переворотом, ежедневно подкрадывающимся к ней капитализмом, разрушением домашних промыслов, отсутствием общинных прав на пастбища и леса, переходом натурального крестьянского хозяйства в денежное, возрастанием богатства и власти «кулаков» и «мироедов»?

Мне нужно еще поблагодарить вас за те книги, которые вы имели любезность прислать мне, в особенности за Каблукова и Карышева. [2] В настоящий момент я до такой степени завален работой, что не имел возможности в течение шести месяцев прочесть целиком ни одной книги ни на каком языке; поэтому я берегу ваши книги до наступления моего времени отдыха, в августе месяце. То, что вы говорите о Каблукове, кажется мне совершенно верным, поскольку я могу судить, не прочитав самой книги. Земледельческий рабочий, не имеющий ни собственной, ни наемной земли, находит себе занятие только на известную часть года, и если ему платят только за эту работу, то ему приходится голодать все незанятое время, если только он не найдет какого-либо иного труда; но современное капиталистическое производство отнимает у него всякий шанс на такую вспомогательную работу, насколько это возможно. В Западной и Центральной Европе это затруднение преодолевается следующим образом: 1) Капиталист-фермер или землевладелец держит часть земледельческих рабочих круглый год на своей ферме и кормит их, насколько это возможно, собственными продуктами фермы так, чтобы свести действительные денежные расходы до наименьшей величины. Так делается в очень значительной степени в северо-восточной Германии и в меньшей степени здесь, в Англии, хотя здешний климат допускает выполнение значительной части земледельческих работ в зимнее время. Кроме того, при капиталистическом фермерстве имеется всегда много работ, производящихся на ферме даже зимою. 2) То, что требуется еще сверх этого для поддержания жизни земледельческого рабочего за время зимы, — но именно только для поддержания жизни, а не более, — довольно часто добывается трудом женщин и детей в новых отраслях домашней промышленности. (См. «Капитал», гл. 13, 8, d.) В таком положении находится дело на юге и западе Англии, а по отношению к мелкому крестьянству — в Ирландии и Германии. Понятно, что пока преобразование хозяйственной системы не совершилось еще вполне, а находится в процессе приспособления, пагубные следствия отделения земледелия от патриархальной, домашней мануфактуры выступают особенно поразительно, что мы как раз и видим у вас, в России, именно в данное время.

Это письмо и без того уже становится слишком длинным, чтобы я мог еще пуститься в подробности по поводу вашего письма от 18 мая, но мне кажется, что и в этом письме ваши факты доказывают разорение крестьянства и вместе с тем

истощение почвы, по крайней мере на некоторое время. Я совершенно согласен с вами в том, что оба эти процесса совершаются в настоящее время с непрерывно возрастающей быстротой. Если нынешняя система будет продолжаться и далее, то она должна будет завершиться разорением и помещиков, и мужиков и возникновением на их месте нового класса землевладельцев из буржуазных слоев. Но этот вопрос имеет еще одну сторону, и я боюсь, что ваш «Вестник финансов» не видит нужды много распространяться о ней. Эта сторона есть состояние государственных финансов. Последний парижский заем (1891) должен был принести 20 миллионов фунтов стерлингов. Заем этот был покрыт подпискою несколько раз, но здесь ходит слух, будто бы только 12 миллионов были действительно выплачены русскому правительству, а 8 миллионов так никогда и не достигли петербургского казначейства. Если это случилось во Франции после кронштадтских демонстраций, то что же должно случиться, когда начнутся переговоры о заключении следующего займа? А можно ли отложить надолго заключение этого нового займа после тех страшных жертв, которые были навязаны государственному казначейству последним неурожаем? Окажется ли Вышнеградский вторым Калонном и явится ли после него второй Неккер?

Искренне ваш

Ф. В. Рошер.

[1] В. В., «Крестьянская община», в I томе «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики». М. 1892. [2] Н. Карышев, Крестьянские вненадельные аренды. Эта книга представляет II том «Итогов экономического исследования России по данным земской статистики». Дерпт 1892; Н. А. Каблуков, Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. М. 1884.

50

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 7 июля 1892 г.

Милостивый государь!

Бесконечно благодарен вам за ваше любезное и чрезвычайно интересное письмо от 18 июня. Вы, конечно, правы во всех отношениях, когда говорите, что «чем полнее мы сумеем отрешиться от вопроса о наших симпатиях и антипатиях, тем лучше мы в состоянии будем судить о фактах». Конечно. Но что делать, когда сами факты таковы, что они ведут к разорению? Так как настоящее положение является результатом нашей прежней экономической политики, то очевидно, что происхождение его мы должны искать не в последнем десятилетии, а в десятилетии непосредственно после 1861 г. Этот факт удостоверяют все земские статистические исследования. А это было время сравнительно умеренных податей. Санитарные исследования фабрик Московской губернии, произведенные д-ром Эрисманом и другими, законченные в конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов, показывают огромный рост капиталистического производства и образование большого контингента постоянных фабричных рабочих (прежде рабочие во время сенокоса возвращались к себе в деревню). Это был период расширения нашего внутреннего рынка. Но тотчас же после этого наступила реакция. Так как крестьяне не имели никаких других средств, кроме своего земледельческого труда, то у них освобождалось множество рук. Бедность развивалась

все больше и больше. Прибыли фабрикантов сокращались. Подати увеличивались. Интересно отметить, что этот рост совпал с годами хорошего урожая. В 1887 и 1888 гг. были обильные урожаи. Очевидно, что этот рост принес обильные плоды фабрикантам. Если мы вспомним, что производство пшеницы в Соединенных Штатах в 1881 г. уменьшилось, что вывоз упал со 159 млн. бушелей в 1886 г., со 119 млн. в 1887 г. до 88 млн. в 1888 г.; что средняя вывозная цена с 0,75 долл. в 1887—1888 г. увеличилась до 0,897 долл. в 1888—1889 гг.; что это увеличение, в свою очередь, оказало влияние на цены в России (цена пшеницы поднялась в 1888 г. на 10%), — то станет очевидным, почему прибыль наших хлопчатобумажных фабрик достигла своего максимума в 1888 г. Интересно также констатировать, что такое совпадение условий повторилось в Соединенных Штатах в 1891 г. Небывало обильный урожай, сопровождаемый высокими ценами, даст с помощью тарифа Мак-Кинли небывалый толчок росту американского капитализма.

Вот несколько фактов, относящихся к росту нашей хлопчатобумажной промышленности. Капитал 14 фабрик на 1 января 1887 г. составлял 64 775 000 рублей. Из этой суммы 46 463 000 были вложены в здания и машины. Прошло четыре года; на 1 января 1891 г. капитал тех же самых 14 фабрик достиг 76 294 000 рублей (увеличение на 18%); часть, вложенная в машины и фабричные здания, доходила до 55 765 000 рублей (увеличение на 20%). Но этот необычайный рост капиталистической хлопчатобумажной промышленности находит свое объяснение, как вам уже известно, в хороших урожаях 1887 и 1888 гг. и других благоприятных обстоятельствах. Обратите внимание на следующие цифры:

	Годы					
	1886	1887	1888	1889	1890	1891 *
Общая стоимость всего урожая . . .	100%	109%	120%	100%	108%	73%
Стоимость урожая на крестьянских полях и сельскохозяйственных заработков крестьян на частновладельческих полях	100 »	104 »	114 »	97 »	102 »	? »
Производство 11 хлопчатобумажных фабрик	100 »	111 »	131 »	123 »	117 »	112 »
Прибыль на 17 хлопчатобумажных фабриках	100 »	172 »	224 »	184 »	157 »	107 »

Не следует забывать, что влияние обильного или неудовлетворительного урожая дает себя чувствовать в начале сельскохозяйственного года, наши же цифры относятся к календарным годам.

Средняя стоимость всего урожая (пшеницы, ржи, ячменя и овса) доходила в самый урожайный 1888 г. до 1 044 660 млн. рублей, между тем как в Соединенных Штатах эта стоимость за 1891 г. составляла 1 582 223 долл. или около 3 160 млн. рублей, т. е. в три раза больше.

Эти факты доказывают, какая тесная зависимость существует между нашим капитализмом и благосостоянием крестьянства и производительностью его земледельческого труда, но в то же самое время мы находим, что рост капитализма,

* Общее производство в Соединенных Штатах в 1887 г. достигло 75% среднего производства за 10 лет, и никто не думал о голоде.

ограничивая труд крестьян одним земледелием, лишая их всякого другого занятия, отнимает у них всякую возможность поднять производительность своего труда. Другими словами, капитализм своим ростом сокращает свой собственный рынок.

«Могла ли Россия, — спрашиваете вы, — в 1890 г. существовать и занимать свое положение в мире как чисто земледельческая страна, живущая экспортом своего хлеба и покупающая за него продукты иностранной промышленности?» И вы отвечаете: «нет». Конечно, вся моя аргументация ведет к тому же самому выводу. Подобно тому как во всякой другой стране рабочий, который работает только в продолжение части года, «получает плату только за этот труд и должен голодать все незанятое время», точно так же чисто земледельческая нация не может существовать только продуктами своего земледелия и должна — если не голодать все незанятое время — сократить свое потребление и продавать все бо́льшую часть своих земледельческих продуктов.

Донецкий район со своими обширными залежами каменного угля, железной рудой, каменной солью, ртутью, свинцом, медью, каолином и т. п., со своим овцеводством представляет, может быть, хорошую почву для основания шерстяной промышленности и т. д., но я опять спрашиваю, какое влияние могут оказывать эти отрасли промышленности на благосостояние земледельческого класса, на всю массу народа? Какое количество «рук» может это дать? Вы видели рост нашей хлопчатобумажной промышленности в течение четырех лет, а в то же самое время число «рук», занятых в 1887 г., увеличилось на **1,3%**, причем, вероятно, это было кажущееся увеличение, так как мужчины заменяются женщинами (что, например, имело место в Кренгольмской хлопчатобумажной мануфактуре: в 1875 г. там было 28% женщин, в 1887 г. — 51%; из общего числа рабочих, занятых в русской текстильной промышленности, в 419 448 человек мужчин было 249 883, т. е. 59,6%, женщин — 154 458, т. е. 36,8%; 8 894 мальчика, т. е. 2%, и 1,5% девочек). Что делать с огромной массой безработного населения? Кто будет покупать продукты? Где найти рынки? Условия в высшей степени неблагоприятны для нас при нашем выступлении на мировом рынке. Борьба за рынки достигла своего апогея, но рынки ограничены, а наш естественный рынок — Центральная Азия — не обладает достаточной ёмкостью; наши конкуренты вооружены знаниями, а мы невежественны. Я, конечно, далек от того, чтобы считать идеальным патриархальный способ производства; неподвижное производство фактически является регрессивным. Применение машин, конечно, неизбежно и наиболее желательно, но на мой взгляд форма производства, в которой употребляются паровые машины, не имеет солидного основания для своего роста. Наша промышленная область ограничена Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Петроковской и Варшавской губерниями, в остальных промышленных губерниях число рабочих не превышает 5 — 15 000. Все другие губернии являются рынками — Индией нашей центральной мастерской, Москвы, ее областью эксплоатации. Более чем вероятно, что крупная промышленность (la grande industrie) убьет сельскую общину, но вероятно последний день общины будет также последним днем крупной промышленности. Для нас это составляет вопрос жизни и смерти. Как он будет решен, я не знаю. Что трудности чрезвычайно велики, это не подлежит сомнению. Я думаю, что капиталистическая аренда по той же причине преодолеет их.

Есть экономисты, которые считают путь развития наших экономических условий весьма желательным, прогрессивным, так как он ведет к капитализму, представляющему неизбежный шаг к всеобщему благополучию. Покойный Н. И. Зибер, например, обыкновенно говорил, «что русского крестьянина следует выварить в фабричном котле», прежде чем он достигнет экономического рая. Эта идея имеет некоторых адептов среди наших экономистов. Вот причина, почему я принял всерьез вашу иронию. Мне кажется, что мнение Зибера ошибочно. Ведь можно сказать, что чем больше крупная промышленность в капиталистической форме приобретает почву, тем больше мы приближаемся к разорению. Разве можно себе представить, что вся страна станет ареной для эксплоатации ее горстью московских фабрикантов? Страна уже истощена. Вопрос не в том, лучше ли свободная торговля, чем протекционизм; когда мы намерены насадить крупную промышленность в капиталистической форме, то по этому вопросу не может быть двух мнений: покровительствуйте, покровительствуйте и покровительствуйте; но вопрос в том, может ли капитализм найти прочную почву для своего роста и является ли расширение нашей капиталистической промышленности действительно расширением народной промышленности, или же мы являемся свидетелями воображаемого роста, т. е. простого перемещения ее из рук производителей в руки капиталистов? А если так, то каких надо ожидать от этого результатов?

Все эти факты, как мне кажется, имеют такое значение, что я попытаюсь дать им доступную форму, чтобы изложить их в виде статьи.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

51

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 14 сентября 1892 г.

Милостивый государь!

Лет двенадцать тому назад я доказал, основываясь на данных нашей официальной статистики, что рост нашей хлебной торговли — и, как результат, нашего банкового и железнодорожного дела — происходит целиком за счет уменьшения потребления народа.

Если вы обратите внимание на развитие нашей капиталистической текстильной промышленности, — а вы знаете, как быстро она растет, — вы увидите чрезвычайно любопытное и интересное явление: она растет исключительно за счет домашней промышленности; сумма продуктов нашей домашней промышленности и продуктов, произведенных на фабриках, не только представляет неподвижную величину, но сумма эта уменьшается.

Это уменьшение суммы потребляемых товаров оказывает гораздо более сильное влияние на положение крестьянства, чем простое сокращение потребления хлебных продуктов, потому что с ростом капиталистического хлопчатобумажного производства и культуры хлопка в Центральной Азии мы замечаем не только уменьшение домашнего ткачества и прядения, но и прекращение культуры льна и пеньки, т. е. уменьшение одной из самых выгодных отраслей земледелия, с его последствиями — освобождением массы рабочих.

Потребительная сила всей нации насыщена этим продуктом, и развитие

более дешевой его формы означает падение его в другой форме: за увеличением числа товаров, произведенных капитализмом, следует уменьшение числа товаров *и сырья*, произведенных крестьянством; увеличение культуры хлопка в Центральной Азии сопровождается *более быстрым* сокращением культуры льна и пеньки русских крестьян.

Вот причина, почему я настаиваю на том факте, что рост капитализма производит такую революцию, которой мы не видели нигде в другом месте, и что если рост этот будет продолжаться, то это принесет разорение всему народу, так как он именно теперь разоряет его и доводит до голода.

	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
	(В тысячах пудов)					
Производство льна	17 187	16 700	16 259	19 245	17 620	15 787
Экспорт »	7 079	8 550	11 268	11 221	12 120	11 392
Внутреннее потребление	10 068	8 150	4 991	8 024	4 580	3 855
Хлопок ввезенный и собственного изделия	8 388	9 000	10 629	11 694	11 453	7 276 *
Внутреннее потребление хлопка и льна	18 454	17 150	15 610	18 718	15 953	11 311 *
	35 504				34 671	

Уменьшение всей площади культуры льна за десятилетний период «Вестник финансов» исчисляет в 20 процентов, площадь культуры пеньки еще больше сократилась.

Если вы хотите видеть результаты недостаточности средств производства, то посмотрите следующую таблицу.

	Сельское население в трех уездах Воронежской губ. в 1889 г.	Число смертей за три года 1887 — 1889 гг.	Процент смертности за три года	Процент смертности последн. группы = 100
Не владеют землей	15 010	1 439	9,392 %	148,6 %
Влад. 5 десят. земли	66 428	6 498	9,782 »	151,5 »
» 15 » »	223 263	20 437	9,16 »	141,9 »
» 25 » »	162 428	13 824	8,54 »	131,8 »
» 50 » »	110 433	8 752	7,956 »	123,2 »
» более 50 дес. земли	12 705	820	6,456 »	100 »
	590 267	51 770	8,77 %	

Вы видите, что крестьяне протестуют против невыносимых условий увеличением процента смертности.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

52

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 22 сентября 1892 г.

Мой дорогой сэр!

Итак, мы согласны пока хотя в этом одном пункте: что Россия в 1892 г. не могла существовать как исключительно земледельческая страна, что она должна была дополнять свое земледельческое производство еще и производством промышленным.

* Без Центральной Азии.

Так вот я утверждаю теперь, что промышленное производство означает в настоящее время непременно крупную промышленность, с приложением пара, электричества, самодействующих прядильных и ткацких станков и, наконец, с машинным производством самих машин. С того момента, как Россия ввела у себя железные дороги, введение всех этих новейших средств производства стало для нее предрешенным вопросом. Вы должны иметь возможность исправлять и чинить ваши собственные локомотивы, вагоны, железные дороги и пр., а чтобы делать это дешево, вы должны быть способны строить дóма все те вещи, которые вам придется исправлять и чинить. С того момента, как военное дело стало одною из отраслей крупной промышленности (броненосцы, нарезная артиллерия, скорострельные и магазинные ружья, пули со стальною оболочкой, бездымный порох и пр.), крупная промышленность, без которой все эти вещи не могут изготовляться, стала и для вас политической необходимостью. Все эти вещи не могут быть изготовляемы без высоко развитой металлургической промышленности, а последняя не может развиваться без соответственного развития всех других отраслей промышленности и в особенности текстильной.

Я совершенно согласен с вами, когда вы утверждаете, что началом новой промышленной эры для вашей страны следует считать приблизительно 1861 г. Крымскую войну действительно можно характеризовать как безнадежную борьбу нации с первобытными способами производства против наций с новейшими его формами. Русский народ прекрасно понял это. Отсюда этот переход к новым формам, — переход, сделавшийся неизбежным после освободительного акта 1861 г.

Но раз мы согласимся с этой необходимостью и неизбежностью перехода от первобытных методов производства, господствовавших до 1854 г., к новым его методам, начинающим господствовать теперь, то становится второстепенным вопрос о том, был ли выгодным или даже необходимым для государства этот тепличный процесс споспешествования промышленной революции путем покровительственных и запретительных пошлин, или же лучше было бы действовать тут как-нибудь иначе.

Эта тепличная атмосфера в области промышленности придала совершавшемуся тут процессу его острую форму, тогда как в противном случае он долго еще удерживал бы более хронический характер. Это обстоятельство втиснуло в краткий период каких-нибудь двадцати лет такое развитие, которое, при других условиях, заняло бы, может быть, шестьдесят лет или более. Но быстрота развития ничуть не повлияла на самую природу этого процесса, который, как вы говорите, ведет свое начало с 1861 г.

Одна вещь не подлежит сомнению: если для России действительно требовалась собственная крупная промышленность и если она твердо решилась иметь ее, то она не могла получить ее иначе, как при помощи хотя бы некоторой степени покровительства (как вы допускаете это и сами). С этой точки зрения вопрос о покровительстве становится только вопросом о степени, а не о принципе, самый же принцип был неизбежен.

И еще одна вещь столь же несомненна: если для России после Крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее лишь в одной форме, т. е. в капиталистической, а не в какой-либо иной. Ну, а вместе с этой формой она обязана была принять также

и все те последствия, которые обыкновенно сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах.

Так вот, я решительно не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии и Америке. Впрочем, в Америке условия земледелия и землевладения довольно своеобразны, что действительно вызывает некоторые различия.

Вы сетуете на медленность возрастания числа рабочих в текстильной промышленности по сравнению с возрастанием количества произведенных продуктов. Но то же самое имеет место повсюду, иначе откуда бы бралось чрезмерное изобилие «промышленного резерва»? («Капитал», гл. 23, отд. 3 и 4.)

Вы доказываете постепенное вытеснение мужского труда трудом женщин и детей. Но этого и следовало ожидать заранее («Капитал», гл. 13, отд. 3, а).

Вы сетуете, что товары машинного производства вытесняют продукты домашней промышленности и таким образом губят дополнительное, вспомогательное производство, без которого крестьянин не может жить. Но мы имеем в этом безусловно необходимое последствие капиталистической крупной промышленности: создание домашнего (внутреннего) рынка («Капитал», гл. 24, отд. 5), т. е. то, что происходило в Германии уже в мое время и на моих собственных глазах. Даже то, что вы говорите далее касательно того, что вторжение хлопчатобумажных товаров губит не только домашнее пряденье и тканье крестьян, но также и крестьянскую культуру льна, даже это имело место и в Германии между 1820 г. и нынешним временем. И вообще, что касается этой стороны дела, т. е. уничтожения домашней промышленности и тех ветвей земледелия, на которые она опирается, то мне кажется, что истинный вопрос стоит здесь так: русские должны были решить — будут ли их домашние мануфактуры уничтожены их собственной крупной промышленностью, или же это дело будет выполнено путем ввоза английских товаров. При участии покровительственных пошлин задача эта будет исполнена самими русскими; при отсутствии покровительства — англичанами. Мне лично все это кажется вполне очевидным.

Ваше исчисление, что общая сумма текстильных продуктов как крупной, так и домашней промышленности не возрастает, а остается тою же самой или даже уменьшается, не только совершенно верно, но было бы заведомо неверным, если бы вы пришли к другому результату. Пока русская промышленность ограничена своим внутренним рынком, ее продукты могут покрывать только внутреннее потребление, а это последнее может возрастать лишь очень медленно, и мне даже кажется, что, при нынешних условиях русской жизни, оно должно скорее уменьшаться.

Потому что одно из необходимых последствий развития крупной промышленности заключается именно в том, что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем того самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьянство не может жить. Крестьяне разоряются как крестьяне; их покупательная сила сводится до минимума, и пока они не обоснуются в новых условиях существования, в качестве пролетариев,

они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов.

Капиталистическое производство, будучи переходною экономическою фазою, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся очевидными лишь по мере его собственного развития. Это стремление — создавать себе рынок и в то же самое время разрушать его — представляет как раз одно из таких противоречий. Другое такое противоречие, это — то «безвыходное положение», к которому оно ведет и которое наступает скорее в стране без внешнего рынка, какова Россия, чем в странах, более или менее способных к соперничеству с другими на открытом мировом рынке. Это положение без всякого видимого исхода находит, однако, себе исход у последних стран в торговых потрясениях, в насильственном открытии себе новых рынков. Но даже и в этом случае попадают в новый тупик. Взгляните на Англию. Последний новый рынок, открытие которого для английской торговли могло бы вызвать временное возвращение процветания, это — Китай. Поэтому-то английский капитал так настаивает на постройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского земледелия и домашней промышленности, причем здесь это зло не будет даже уравновешено хотя бы в некоторой мере развитием собственной крупной промышленности, а потому сотни миллионов народа будут поставлены тут в полную невозможность жить. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал раньше и которая затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами. Этот новый соперник в области труда начнет соперничать с американским, австралийским и европейским трудом на основе китайских понятий об удовлетворительном уровне жизни, а, как известно, китайский уровень жизни есть самый низший из всех существующих в мире уровней. И вот, если вся система производства в Европе не успеет перемениться ранее наступления этого момента, то ей придется приступить тогда к этой перемене.

Капиталистическое производство непрерывно работает над своей собственной гибелью, и вы можете быть уверены, что то же самое оно будет делать и в России. Оно может произвести (а если продолжится достаточно долго, то даже несомненно произведет) коренную аграрную революцию, — я разумею революцию в условиях землевладения, которая разорит и помещика, и мужика и заместит их новым классом крупных землевладельцев, вышедших из деревенских кулаков или из городских мещан-спекулянтов. Во всяком случае, я убежден, что почтенные консерваторы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день страшно изумлены неожиданными последствиями их собственных дел.

Истинно ваш

Ф. В. Рошер.

53

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 3 октября 1892 г.

Милостивый государь!

Сердечно благодарю вас за ваше последнее письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Нельзя не согласиться почти со всем его содержанием.

Поражение 1854 — 1855 гг. показало недостатки нашей экономической струк-

туры. Акт освобождения 1861 г. был естественным выходом. Такова была точка зрения, которой придерживались все наши публицисты в шестидесятых годах. Некоторые из наших экономистов и публицистов, видя, куда ведет капиталистическая форма производства, пытались найти другой путь для нашей страны. Они были убеждены, что Россия, вместо того, чтобы уничтожать свою сельскую общину, как хотят этого либеральные экономисты, «должна, не испытывая мучений капиталистического строя, усвоить все плоды его, развивая свои собственные исторические данные». Пред нами было два пути, но мы предпочли пойти по пути, проложенному Западной Европой, и мы отказались от наших исторических данных. И после этого (превратив вероятно добрую часть — миллионы — крестьян в пролетариев) мы вступили в лоно капиталистического строя, чтобы испытать неумолимые законы этого строя.

Наши экономисты и автор цитаты были убеждены, что возможно избежать опасности «мучений этого строя». Исторические основания были достаточно прочны и приспособлены к новой социальной структуре, которую они пытались построить на них. Наша сельская община представляет группу крестьян, владеющих сообща известной площадью земли. Но каждый из членов ее самостоятельно возделывает свой надел. Были попытки выполнять некоторые работы сообща. Вы можете встретить подобные попытки даже в самые последние годы. («Итоги», т. I, стр. 580 — 586.) В наших артелях подобные общественные работы приобрели сравнительно высокую степень социализации — это относится главным образом к рыбной ловле и охоте.

По вашему мнению, у нас не было выбора, мы вынуждены были пойти по тому пути, по которому шла Западная Европа. Вся наша экономическая история с 1861 г. подтверждает ваше мнение. Мы находимся на пути к капитализму. Все капиталистические законы, которые были констатированы и изложены с такой ясностью и с такой гениальностью в «Капитале», развернулись со всеми своими последствиями — если можно так выразиться — во всей своей наготе. Все капиталистические отношения выражены здесь с такой беспощадной силой, что результаты их ясны каждому, кому не лень следить за фактами.

Через 30 лет этот строй привел к кризису. Не к кризису производства, не к денежному или какому-нибудь частичному кризису, но к кризису, который подрывает все наше социальное и экономическое существование. Капитализм не в состоянии найти выход из него. Вы видели, что капитализм освободил несколько миллионов рабочих и что он дал работу едва ли одному миллиону, что, истощив плодородие почвы, обезлесив большие пространства земли, высушив источники всех рек, он положил начало своим собственным кризисам — кризисам, которые не повторяются каждые 10—15 лет, как это было в Западной Европе; они не являются хроническими, как в последние 15 лет, но основой наших кризисов является истощение почвы, повторяющееся периодически каждые 3—4—5 лет, кризисов, зависящих от полного подчинения человека природе; кризисов, которые подчиняют капиталистическую форму производства метеорологическим явлениям и т. д.,* которые с каждым годом становятся все менее постоянными

	Отклонение от среднего урожая к максимуму	минимуму
* 1870 — 1877 гг.	34,6%	35,2%
1883 — 1890 »	26,2 »	25,9 »

и в последней инстанции превращают само капиталистическое производство в анархическое; кризисов, которые проявляются все с большей остротой, так что за последний год мы видим 24 миллиона населения, или 40% всего населения Европейской России, доведенных этим строем до голода.

Конечно, мы не можем найти новых фактов, отличных от тех, которые действуют в Западной Европе; в полной наготе экспроприации и эксплоатации населения, в беззащитности последнего от действия «неумолимых законов» в нашем полу-«изолированном состоянии» я черпаю убеждение, что мы достигли критического периода в нашей экономической истории.

Вы говорите, что это кажущееся безвыходное положение находит выход в других странах в торговых потрясениях, в насильственном открытии новых рынков. У нас нет такого выхода. Россия принуждена найти выход в своих собственных экономических учреждениях, она не может найти никаких внешних рынков; кроме того, ее освобожденное население слишком многочисленно.

Недостатки всей капиталистической формы производства так очевидны, влияние ее так разорительно для всей страны, что русское общество принуждено найти какой-нибудь выход, как в 1853 — 1855 гг., а выхода этого можно искать только в развитии тех основ, которые мы унаследовали от нашей прежней истории.

«Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно и разрушительно, пока мы не понимаем их и не считаемся с ними. Но раз мы узнали их [изучили их действие, направление и влияние], от нас самих зависит все более и более подчинять их нашей воле»... («Dührings Umwälzung etc.»).

Если наше общество не будет искать выхода и будет безмолвно смотреть на вырождение и смерть своих членов, оно будет лишено права жить, оно перестанет быть обществом и превратится в организм, находящийся в процессе разложения, организм, еще живущий настолько, чтобы видеть свое собственное вырождение и разложение.

Если я в своем письме упомянул о нашей покровительственной системе, то это потому, что я имел в виду привести вам данные о быстроте экспроприации наших крестьян при этой системе. «Система покровительства была искусственным средством фабрикации фабрикантов, экспроприации независимых рабочих». Очевидно, что свободная торговля и протекционизм означают свободную эксплоатацию и экспроприацию крестьянства или протекционную, вынужденную экспроприацию его. «Рука об руку с экспроприацией самостоятельного прежде крестьянства... совершается уничтожение сельской подсобной промышленности... только это разрушение может придать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, которые необходимы капиталистическому способу производства». А это разрушение, как вы видели, не может придать нашему внутреннему рынку «того расширения и той консистенции, которые необходимы капитализму».

Эта экспроприация приобретает все бо́льшую почву. Как вы видели («Юридический вестник», 1891, № 11) около 6,5% общинных земель всего сельского населения Самарской губернии заложены; это значит, что 6,5% их фактически находятся в руках кулаков.

Для помещиков у нас есть специальное учреждение, чтобы помочь им освободиться от продуктов своей земли. Я имею в виду Государственный дворянский

земельный банк. Около 42 — 43% частной земельной собственности заложено, а если мы исключим две или три губернии (Вологодскую, Вятскую, Олонецкую), где имеются большие железоделательные заводы, владеющие большими площадями не заложенной земли, * то относительная сумма заложенной земли достигнет до 45%. Эта задолженность наиболее тяжела, так как цены сельскохозяйственных продуктов падают.

Интересно отметить, что в среднем крестьяне черноземной полосы более задолжены государству (недоимки), чем крестьяне северной полосы. Если возьмем относительную сумму задолженности (т. е. пропорционально ежегодной уплате прямых налогов), то мы найдем, что в 1890 г. самая большая сумма была в Самарской губернии, она достигала 306% ежегодных платежей; в Уфимской — 249%, в Казанской — 202%, в Оренбургской — 245%. Эти пять губерний посетил голод.

Северная полоса уплачивает свои долги с «примерной аккуратностью» («Неурожай и народное бедствие»). Автор этого анонимного труда — товарищ министра финансов Ермолов. Не следует забывать, что эти недоимки «выколачиваются», как этот факт характерно назван самими крестьянами (Ермолов, стр. 156). Когда долги растут, то очевидно, что у населения нет средств для уплаты их. После этих четырех губерний, постигнутых голодом, на пятом месте мы находим Московскую губернию с суммой задолженности, которая достигает 117%, а на шестом — Нижегородскую с неудовлетворительным урожаем.

Этот факт находит свое объяснение в относительном числе рабочих, занятых фабрикантами. В Московской губернии их относительное число больше всего; оно составляет около 10% всего населения этой губернии. Московская губерния окружена семью губерниями с крестьянской задолженностью, не превышающей 16% (от 0,5 до 16%), а фабричное население их не превышает 2%.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

54

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 27 января 1893 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне еще раз вернуться к вашему последнему письму от 22 сентября 1892 г. Конечно, нечего и говорить о том, что способ производства в России должен быть изменен после Крымской войны, что крупная промышленность стала необходимостью. Но вопрос состоит в том, следовало ли создавать крупную промышленность в капиталистической форме? Но так как эта форма была

* В Пермской губернии некоторые собственники имеют около двух миллионов акров земли: Тагильский железоделательный завод Демидова, Верхне-исетский завод графини Стенбок-Фермор, Алапаевский завод наследников Яковлева и другие. 109 уральских железоделательных заводов имеют в своем владении около 38 миллионов акров, или 10 245 000 десятин. («Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности России за 1889 г. СПБ 1892».)

насаждена и достигла некоторой степени развития, то последствия — как вам известно — не замедлили проявиться в полной силе.

Вы говорите, что вы «решительно не видите, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии и Америке».

Я утверждаю, что различие заключается, во-первых, в том факте, что Россия является последней страной, которая выступила на арену капитализма, т. е. когда все рынки были уже захвачены другими, и, во-вторых, что она стала капиталистической, когда производительность труда достигла чрезвычайно высокой степени развития по сравнению с той, которую она заменила.

Эти две причины содействовали росту избыточного населения в небывалых размерах. Я придаю значение этому факту, но в моих предыдущих письмах у меня не было статистических данных для подтверждения моего мнения.

Несколько недель тому назад наше министерство земледелия издало важное исследование о «Наемном труде в земледелии». Мы видим, что в 50 губерниях Европейской России число незанятых рабочих составляет 5,5 миллиона. Но если мы примем в расчет, что от $^1/_2$ до $^3/_4$ годового рабочего времени земледельческого населения освобождается как результат капитализации домашней промышленности, то число избыточного населения придется увеличить более чем до 10 миллионов. А их семейства?

Этот рост сопровождается уменьшением общей суммы произведенной стоимости и еще более быстрым уменьшением суммы произведенной меновой стоимости.

Новизна нашего положения заключается в этих фактах и главным образом в небывалом росте числа безработных. Так как не может быть вопроса о том, где искать причины этого, то следовало бы преобразовать форму производства. Вы указываете на результаты, которых можно ожидать от завоевания Китая капитализмом. Но мы уже достигли такого положения, какое вы рисуете в будущем для Китая.

Заменить крестьян новым классом крупных земельных собственников значило бы освободить новые миллионы рабочих без всяких средств существования, т. е. разрушить наш внутренний промышленный рынок и осудить на голодную смерть миллионы безработных. Выход должен быть найден, как после Крымской войны. Состояние голода для целого народа не может стать постоянным явлением. Есть много торговцев и т. п., которые довольны народным голодом.

Примите мои лучшие пожелания к Новому году.

Н. Даниельсон.

55

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 24 февраля 1893 г

Мой дорогой сэр!

Простите мое долгое молчание. Оно было недобровольно. Мне нужно было сделать усилие — последнее и величайшее усилие — чтобы окончить III том этой зимой и весною. Для того, чтобы достигнуть этой цели, я должен был воспретить себе всякий посторонний труд и отказаться даже от всякой корреспон-

денции, кроме безусловно необходимой, а иначе ничто не удержало бы меня от продолжения беседы с вами по поводу такого в высшей степени интересного и важного вопроса.

В настоящее время я уже окончил — за исключением кое-каких чисто формальных исправлений — редакцию V отдела (банки и кредит), наиболее трудного из всех как по степени разработки самого предмета, так и по состоянию оригинальной рукописи. Теперь у меня остаются еще только два отдела, составляющие около $^1/_3$ всего тома, причем один из них — о земельной ренте — посвящен тоже очень трудному предмету, но зато относящаяся сюда рукопись, насколько я помню, гораздо более закончена, чем рукопись V отдела, а потому я все еще не теряю надежды справиться с своею задачею в отведенное мною на это время. Великая трудность состояла в том, чтобы обеспечить себя тремя-пятью месяцами безусловной свободы от всяких перерывов, так, чтобы посвятить все свое время V отделу, и вот эта-то трудность может считаться теперь счастливо преодоленной. Работая над этим томом, я часто думал о том громадном удовольствии, которое он доставит вам, когда появится, наконец, в свет. Я буду высылать вам отдельные листы по мере их выхода, как я это делал со вторым томом.

Maintenant revenons à nos moutons. [Ну, а теперь вернемся к прерванной беседе.]

Повидимому, мы согласны во всех пунктах, за исключением одного, который вы затрагиваете в обоих ваших письмах от 3 октября и 27 января, хотя каждый раз с иной точки зрения.

В первом письме вы спрашиваете: была ли та экономическая перемена, которая с 1854 г. стала совершенно неизбежною, переменою такого рода, которая, по самой своей природе, должна была не содействовать дальнейшему развитию исторических учреждений России, а, наоборот, подрывать их в самом их корне? Или, говоря иными словами, не могла ли русская сельская община быть взята за основу нового экономического развития России?

А 27 января вы выражаете ту же идею в такой форме: крупная промышленность сделалась необходимостью для России, но было ли неизбежным, чтобы она развивалась непременно в капиталистической форме?

Хорошо. В 1854 г. или около того Россия тронулась с места со своей сельскою общиною, с одной стороны, и с необходимостью в крупной промышленности — с другой. Так вот, если вы примете во внимание все состояние вашей страны, каким оно было в этом периоде, видите ли вы там хоть какую-нибудь возможность привить крупную промышленность к крестьянской общине, и притом в такой форме, которая, с одной стороны, делала бы возможным развитие крупной промышленности, а с другой — подняла бы эту первобытную общину до уровня социального учреждения, далеко превосходящего все то, что мир видел до сих пор по этой части? И это в то время, когда весь европейский Запад все еще продолжает жить под властью капиталистического режима? Что касается меня, то мне кажется ясным до очевидности, что такая эволюция, превосходящая все, что нам известно из предыдущей истории, требовала для своего осуществления совсем иных экономических, политических и интеллектуальных условий, чем те, какие имелись в то время в России.

Несомненно, что земельная община и, до некоторой степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые, при известных условиях, могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. Я вполне подписываюсь под письмом нашего автора по поводу статьи Жуковского. Но и по его мнению и по моему, первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличности некоторого толчка извне, — в изменении экономической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало. Наш автор, в своем известном предисловии к известному старому манифесту, в январе 1882 г., отвечая на вопрос о том, не могла ли бы русская община послужить отправным пунктом для нового, более высокого социального развития, выразился так: «Если изменение экономической системы в России совпадет с изменением экономической системы на Западе так, чтобы обе они пополняли друг друга, то современное русское землепользование может явиться исходным пунктом нового общественного развития».[1]

Если бы мы, люди Запада, двигались поживее в деле нашего собственного экономического развития; если бы мы оказались способными опрокинуть капиталистический режим лет десять или двадцать тому назад, ну тогда Россия имела бы еще перед собою время, чтобы сократить путь прогресса и остановить стремление ее собственной эволюции в направлении к капитализму. К несчастью, мы движемся слишком медленно, и те экономические последствия капиталистической системы, которые должны привести ее к критическому пункту, только начинают развиваться в настоящее время в различных окружающих нас странах: в то время как Англия быстро утрачивает свою промышленную монополию, Франция и Германия приближаются к промышленному уровню Англии, а Америка обещает изгнать их всех с мирового рынка как по части промышленных, так и по части земледельческих продуктов. Перемена экономической политики Америки, в форме введения хотя бы относительной свободы торговли, наверное довершит гибель английской промышленной монополии и убьет в то же самое время промышленную вывозную торговлю Германии и Франции, а затем должен наступить кризис — tout ce qu'il y a de plus fin de siècle.

А пока у вас община все больше и больше увядает, и нам остается только надеяться, что переход к лучшей системе на Западе совершится достаточно скоро, чтобы спасти, — по крайней мере, в некоторых, более отдаленных местностях вашей страны, — те учреждения, которые при этих новых обстоятельствах могут оказаться призванными для осуществления великого будущего. Но факты суть факты, и мы не должны забывать, что число благоприятных шансов этого рода становится с каждым годом все меньше и меньше.

Что касается остального, то я охотно соглашаюсь с вами в том, что, исходя из того факта, что Россия есть последняя великая страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью, а также из того обстоятельства, что она есть в то же время страна с несравненно более многочисленным крестьянским населением, чем где бы то ни было, мы должны признать, что потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, должно оказаться здесь, уже в силу только этих двух обстоятельств,

гораздо более сильным и острым, чем в какой бы то ни было другой стране. Процесс замещения около 500 000 помещиков и около 80 миллионов крестьян новым классом землевладельцев буржуазного типа не может быть выполнен без страшных страданий и потрясений. Но история — пожалуй, самая безжалостная из всех богинь; она направляет свою победную колесницу по грудам трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» хозяйственного развития. А мы все, мужчины и женщины, все еще так глупы, что никак не можем набраться смелости, чтобы сделать какой-нибудь действительно прогрессивный шаг, пока нас не принудят к этому страдания, кажущиеся почти вне всякой пропорции с достигнутыми целями.

Всегда ваш

Ф. В. Р.

Пожалуйста, адресуйте г-же К[аутской], а не г-же Р[ошер].

[1] В оригинале курсивом и по-русски.

56

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 2 марта 1893 г.

Милостивый государь!

От души благодарю вас за то удовольствие, которое вы доставили мне вашим любезным письмом.

Я с радостью узнал, что главная работа по редактированию III тома окончена и что он скоро будет сдан в печать.

Допустим, что социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития унаследованной нами от нашего исторического прошлого формы производства. Но мне кажется, что в настоящее время, когда капитализм довел наши экономические условия до кризиса и когда он не в силах улучшить их, когда развитие капитализма находится в тесной зависимости 1) от метеорологических и других естественных условий, которые с течением времени все ухудшаются, 2) от постоянно сокращающегося внутреннего рынка как результата капитализации земледельческого дохода и домашней промышленности; когда рост нашей промышленной и земледельческой резервной армии, сопровождающийся постоянно растущей бедностью всего трудового населения, достиг угрожающих размеров, — тогда пора заменить эту форму производства такою, которая основана на реальных потребностях населения, а не на тех, которые могут быть выгодными.

На мой взгляд пора указать причины голода 1891 г.; пора, далее, показать, что с развитием капиталистической формы производства существованию всего народа грозит опасность, что следует искать путей для устранения этой угрожающей опасности.

Тем хуже для нас, если мы после Крымской войны не воспользовались уроком Западной Европы.

В настоящее время нам надо решить жизненную задачу: не пора ли изменить нашу экономическую форму производства, и если пора, — есть ли у нас

такое экономическое основание, на котором может быть построена новая форма, или же мы принуждены итти по пути, который неизбежно ведет к нашему разорению?

Вот та задача, которую я пытаюсь решить в книге, которая выйдет в этом месяце. Как только она будет напечатана, я пришлю вам ее.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

57

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 7 апреля 1893 г.

Честь имею послать вам экземпляр моей книги «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Вы не найдете в ней ничего нового. Я пытался показать читателям, что все наши экономические бедствия являются результатом новой формы производства, что развитие ее стремится сделать страдания еще более острыми и что пора набраться мужества для действительного прогресса, если мы не хотим превратиться в труп.

Простите, что я без вашего разрешения цитирую в предисловии (и в примечании на стр. 282) два места из ваших писем: они очень ярко изображают положение.

Прошу вас сообщить мне, когда вы надеетесь получить первый лист III тома. Я жажду воспользоваться вашим любезным обещанием и немедленно начать его переводить. Но если печатание не начнется до июля или августа, то я весной отправлюсь куда-нибудь на лоно природы.

Когда «Очерки» поступят в продажу, — книга через несколько дней будет послана «для просмотра», — я пришлю вам несколько экземпляров для ваших друзей.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

58

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 23 апреля 1893 г.

Милостивый государь!

Не подлежит сомнению, что наши экономические, политические и духовные условия после Крымской войны далеко отставали — как и в настоящее время — от требований нашей экономической реформы. Но условия, в которых мы живем, развивают силы, стремящиеся подорвать самые основы нашего экономического здания.

То обстоятельство, что Россия в нашем столетии является последней страной, захваченной капиталистической формой, лишает нас надежды воспользоваться положительной стороной этой формы. Я не представляю себе, как может произойти процесс замены «80 миллионов крестьян новым классом буржуазных землевладельцев». Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что процесс капитализации зе-

мледельческого дохода находится в полном развитии, но я не представляю себе, как в тот момент, когда будет достигнут критический пункт, когда доля крестьян в продукте будет сокращена до минимума, необходимого для поддержания их жизни, — как в настоящее время, т. е. когда человеческая рабочая сила дешевле каких бы то ни было машин, — как может произойти процесс замены огромной массы населения новым классом земельных собственников. Вследствие процесса экспроприации цена человеческой рабочей силы упадет под давлением массы безработных до такого уровня, который лишит новых собственников возможности применения каких бы то ни было машин. В хлопчатобумажной или в каменноугольной промышленности, например, наши капиталисты защищены пошлинами и премиями не столько против иностранной промышленности, сколько против крестьянской промышленности («Очерки», стр. 296, прим.).

Самые силы природы будут защищать, — как они делают это в настоящее время, — от несоответствия, от неприспособленности новой формы производства к требованиям всего общества.

А наше общество? Может ли оно остаться пассивным, когда такая неминуемая опасность будет угрожать самому его существованию? Голод 1891/92 года несколько разбудил нас. Наше общество не может оставаться в положении пассивного зрителя. Чего ему нужно, это — знания того, где искать причины наших несчастий и где лежит основание, на котором может быть построено здание нашего будущего благополучия.

Г-н Mutual[1] здоров: его родственники получили от него известия.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

Я послал вам несколько экземпляров «Очерков», они уже вышли.

[1] Г. А. Лопатин.

59

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 1 мая 1893 г.

Милостивый государь!

Вы любезно обещали мне прислать, когда они будут готовы, корректуры III тома.

Так как я уезжаю на несколько месяцев для восстановления своего здоровья, то позвольте мне сообщить вам, что я вернусь обратно около 8 (20) июля.

Преданный вам

Н. Даниельсон.

60

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 26 июля 1893 г.

Милостивый государь!

Примите мое сердечное поздравление с одержанной вами новой победой.[1] Надо надеяться, что такие же победы будут одержаны и в других странах.

Это была самая приятная новость, которую я узнал по своем возвращении сюда.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] Избрание 44 социал-демократических депутатов в германский рейхстаг.

61

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 17 октября 1893 г.

Мой дорогой сэр!

Когда я получил ваше письмо от 26 июля, сообщавшее о вашем возвращении домой, я сам собирался отправиться на два месяца за границу и только теперь вернулся из этой поездки. В этом и заключается причина моего долгого молчания.

Очень благодарен вам за несколько экземпляров ваших «Очерков»; три из них я отправил друзьям, способным судить о таких трудах. Я был рад видеть, что ваша книга вызвала значительное внимание и даже прямо-таки сенсацию, как она действительно того и заслужила. Между русскими, с которыми я встречался в последнее время, она служила главным предметом разговора. Не далее, как вчера, один из них пишет мне: «у нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России». В берлинском «Socialpolitisches Centralblatt»[1] Струве напечатал большую статью о вашей книге, и я должен согласиться с ним, по крайней мере, в том, что и для меня также нынешняя капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным последствием тех исторических условий, которые были созданы Крымской войной, способом изменения взаимных отношений земледельческих классов в 1861 г. и, наконец, общим политическим застоем во всей Европе. Но Струве решительно не прав, когда он сравнивает положение России с положением Соединенных Штатов с целью опровергнуть то, что он называет вашим пессимистическим взглядом на будущее. Он говорит, что бедственные последствия новейшего капитализма в России будут побеждены с такою же легкостью, как и в Соединенных Штатах. Он совершенно забывает при этом, что Соединенные Штаты представляют новое, буржуазное государство с самого своего начала; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто буржуазное общество, тогда как в России мы имеем основной фундамент первобытно-коммунистического характера, так сказать, предшествующее цивилизации Gentilgesellschaft (родовое общество), — правда, рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, над которым оперирует и действует капиталистическая революция (потому что это — действительно социальная революция). В Америке денежное хозяйство вполне установилось более столетия тому назад, тогда как в России натуральное хозяйство было еще недавно чуть не общим правилом почти без всякого исключения. Поэтому всякому должно быть ясно, что в России занимающая нас перемена должна иметь гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке.

Но при всем этом мне все же кажется, что вы видите вещи в более мрачном свете, чем это может быть оправдано фактами. Несомненно, что переход от первобытного, земельного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасного перелома внутри общества, без исчезновения целых классов и их превращения в другие классы; а какие громадные страдания, какая растрата человеческих жизней и производительных сил необходимо предполагается такими переменами, это мы видели уже — хотя и в меньшем масштабе — в истории Западной Европы. Но от этого еще очень далеко до полной гибели великого и высоко одаренного народа. Быстрое возрастание народонаселения, к которому вы так привыкли, может приостановиться, беззаботное обезлесение, в соединении с экспроприацией старых помещиков, так же, как и крестьян, может причинить колоссальную растрату производительных сил; и все же, после всего этого, население более чем в сто миллионов душ доставит в конце концов очень значительный отечественный рынок для очень почтенной к р у п н о й п р о м ы ш л е н н о с т и; и у вас, как в других местах, дело кончится тем, что вещи придут понемногу в равновесие, — конечно, если капитализм продержится достаточно долго в самой Западной Европе.

Вы сами признаете, что «социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития той формы производства, которую мы унаследовали из нашей прошлой истории». Я пошел бы еще дальше и сказал бы, что ни в России и ни в каком другом месте невозможно развить из первобытного земельного коммунизма какую-либо более высокую социальную форму, если эта более высокая форма н е с у щ е с т в у е т у ж е в действительности в какой-либо другой стране и не служит, таким образом, как бы образцом для подражания. Так как эта более высокая форма — всюду, где она исторически возможна — является необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого им социального дуалистического антагонизма, то она никак не может развиться прямо из первобытной земельной общины, иначе как в виде подражания примеру, уже существующему в каком-либо другом месте. Если бы Запад Европы был достаточно зрел в 1860 — 1870 гг. для такого преобразования, если бы это преобразование было предпринято тогда Англией, Францией и пр., — ну, тогда русские были бы действительно призваны показать, что может быть сделано из их «общины», которая в то время оставалась еще более или менее нетронутой. Но Запад пребывал в застое и даже не пытался произвести такого преобразования, а капитализм, напротив того, развивался все быстрее и быстрее. Итак, России не оставалось никакого иного выбора, кроме следующего: или развить свою «общину» в такую форму производства, от которой ее отделяло еще много промежуточных исторических ступеней и условия осуществления которой не созрели еще тогда даже на Западе, — задача, очевидно, невозможная, — или же развиваться в направлении капитализма. Спрашивается: какой путь могла избрать Россия, кроме последнего?

Что касается «общины», то она остается возможною только до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь в ничтожной степени. Как только эти различия станут большими; как только некоторые ее члены станут должниками-рабами других, более богатых членов, — община не может долее жить. Афинские кулаки и мироеды перед появлением Солона разрушили

афинский род (gens) с такою же неумолимостью и беспощадностью, с какими кулаки и мироеды разрушают вашу общину. Я боюсь, что это учреждение уже осуждено на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе. Великая нация, подобная вашей, переживет всякий кризис. Не существует ни одного великого исторического бедствия, которое не уравновешивалось и не вознаграждалось бы каким-либо историческим прогрессом. Только modus operandi [способ действия] постоянно изменяется. Que les destinées s'accomplissent! [Пусть предопределенный жребий исполнится!]

Ваш Ф. В. Р.

Как только III том поступит в печать, я озабочусь немедленной высылкой вам готовых листов по мере их отпечатания.

[1] III. Jahrgang, № 1, Oct. 2, 1893.

62

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 3 ноября 1893 г.

Милостивый государь!

С чувством глубокого сочувствия следил я за вашим триумфальным путешествием. Было в высокой степени приятно видеть признание ваших огромных заслуг со стороны тех, интересам которых вы посвятили свою жизнь.

Сердечно благодарю вас за ваше любезное письмо. Я получил от Петра фон-Струве его статью в «Sozial-politisches Centralblatt».

Вы не встретите в России никого, кто стал бы отрицать, что изменение наших экономических основ было неизбежно после Крымской войны. Нельзя также отрицать, что «способ изменения аграрных условий в 1861 г.» был одной из причин усиления развития капиталистической формы производства в России. Экономическая перемена была неизбежна. Допустим, что нельзя было пойти по другому пути, хотя, как вам известно, были экономисты, которые настаивали на развитии «сельской общины», «чтобы она могла, не претерпевая всех мучений этого строя (капиталистического), усвоить все плоды его, развивая собственные исторические данные».

Рассмотрим последствия. Горсть рабочих, меньше $1^1/_4\%$ всего населения, производит все, что необходимо для всего населения (кроме пищи). Они производят количество, превышающее покупательные средства населения. Мы не знаем, что̀ делать с излишними продуктами. Мы ищем внешних рынков, а в то же самое время есть миллионы, в буквальном смысле миллионы безработных рабочих, лишенных самого необходимого. Г-н фон-Струве говорит, что историческая миссия капиталистической формы производства в России «состоит в нивелировании этого различия 80 — 40%», т. е. разницы между процентом земледельческого населения в Соединенных Штатах и в России. Я спросил бы его, где найти рынки для продуктов труда скажем 3% населения, т. е. двойного числа его настоящего количества. По моему мнению, не может быть пустых разговоров об увеличении числа неземледельческих рабочих до 30 — 40% населения. Посмо-

трите, пожалуйста, на факты. В 1866 г. население Европейской России составляло 66,2 миллиона, в 1890 — около 92 миллионов. Число фабричных рабочих в первом случае составляло около 829 000, а в последнем — 1 178 000, т. е. в первом случае 1,95% всего населения работало на фабриках, а в последнем — 1,28%... Таковы факты.

Вы говорите, что, в конце концов, население более чем в сто миллионов составит очень значительный внутренний рынок для весьма внушительной «grande industrie» («крупной промышленности»). Конечно. Но наш внутренний рынок суживается, он сжимается вследствие капитализации промышленности. Даже в настоящее время наше земледельческое население принуждено продавать больше, чем возможно, своих продуктов для покупки необходимых ему продуктов крупной промышленности. В результате этого мы видим истощение почвы, меньшую производительность земледельческого труда, излишек рабочей силы, падение ее цен и препятствие к введению более интенсивной культуры почвы.

Тот факт, что капиталистическое употребление машины определяется «разностью между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы», является причиной того, что употребление машин, благодаря дешевизне нашей рабочей силы, ограничено больше, чем где бы то ни было, потому что «разница между ценой машины и ценой замещаемой ею рабочей силы» гораздо больше, чем где бы то ни было. Мы можем употреблять такие машины, которые уничтожают эту разницу, т. е. такие, которые наиболее поднимают производительность труда, т. е. наиболее дорогие: примером служат наша хлопчатобумажная и наша мукомольная промышленность. В этом причина того, почему дешевизна нашей рабочей силы оказывает такое особенное влияние на рост нашей крупной промышленности. Вам известно, что кроме иностранной конкуренции нашим капиталистам приходится бороться также против конкуренции самостоятельных производителей. Против иностранной конкуренции мы воздвигли высокую стену таможенных пошлин. «Внутренний враг» должен быть побежден организацией производства в самых широких размерах. Сомнительно, например, можно ли гденибудь найти фабрику, подобную Кренгольмской мануфактуре с ее 400 000 веретен, 2 200 станков и 4 000 рабочих, или подобную Шейблеровской мануфактуре в Лодзи с ее 6 500 рабочими, или Никольской мануфактуре Морозовых и т. п. Из седьмого отчета Министерства труда в Вашингтоне видно, что самое большое число веретен в хлопчатобумажной промышленности достигает 75 000, а станков до 460. (Wash. 1892, pp. 24 — 25). То же самое в меньшей степени можно сказать относительно наших мукомольных мельниц в сравнении с мельницами Будапешта и Минеаполиса. (Одна русская мукомольная мельница на Волге дает около 1 800 000 пудов; в Будапеште около 1 680 000, а в Минеаполисе около 4 миллионов пудов. (10th Annual Report of Fiat and Co. Minneapolis, pp. 85—87.)

Интенсивность труда у нас гораздо ниже интенсивности американского труда. Наши ткачи следят за двумя, редко за тремя станками, а в Соединенных Штатах, повидимому, нет ткачей, следящих за тремя станками, обыкновенно один ткач следит за 4, 5, 6, даже 8 станками (7th Report of Comm: of Labour, V. I, p. 370). Этого обстоятельства не следует упускать из виду, когда мы

говорим о возможности увеличения числа рабочих на наших фабриках: пожалуй, теперешнее число слишком велико...

Совсем другое дело в земледелии. Более интенсивной культуре мешает американская конкуренция. Мы видим, что в Англии, в стране с наиболее интенсивной культурой, площадь посева пшеницы за четырнадцать лет уменьшилась больше чем на 51 процент (с 3 890 000 акров в 1879 г. до 1 897 000 в 1893 г.). Одной из главных причин этого уменьшения является американская конкуренция.

Если мы вспомним, что в Аргентине за последние десять лет площадь посева увеличивалась ежегодно приблизительно на 200 000 акров, что в настоящее время там распахивается только 12,5 миллионов акров и что там имеется около 240 миллионов акров прекрасной пахотной земли, что по способу производства пшеницы фермы Аргентины очень близки к фермам Северной Дакоты («tenanza»-farms) и т. д., вспомним, как все эти обстоятельства понижают стоимость сельскохозяйственных продуктов, то найдем, что для наших «кулаков» и «мироедов» выгоднее эксплоатировать крестьянство не в качестве землевладельцев, а в качестве торговцев: они держат уже население в своих руках и, как торговцы, извлекают выгоду из всего, — они извлекли пользу даже из голодного 1891 г.

Хотя процесс концентрации крестьянских земель в руках кулаков продолжается, я все же не могу себе представить, как может совершиться процесс замены «80 миллионов крестьянства новым классом буржуазных земельных собственников». В настоящее время этот процесс только невыгоден им. «Население более чем в сто миллионов может составить очень значительный внутренний рынок». Вы знаете в то же самое время, что общая сумма текстильных продуктов крупной промышленности и домашней промышленности не увеличивается, но остается постоянной и даже уменьшается.

«Пока русская промышленность ограничена внутренним рынком (а где найти внешний рынок?), ее продукты могут покрывать только внутреннее потребление». Вы прибавляете, что «это последнее может возрастать лишь очень медленно, и мне даже кажется, что при повышенных условиях русской жизни оно должно скорее уменьшиться». На стр. 179 «Очерков» вы найдете факты для иллюстрации тесной зависимости капиталистического производства от сельскохозяйственного. Из недавно изданных статистических данных за годы 1888 — 1891 вы можете видеть, что общая сумма прибыли акционерных хлопчатобумажных фабрик составляла в 1888 г. 17,8 млн. руб., в 1889 г. — 21,4 млн. руб., в 1890 г. — 13,8 млн. руб. и в 1891 г. — 7,9 млн. руб. Так как голод 1891 г. есть результат социальных причин и главным образом капитализации промышленности, то отсюда следует, что капитализация создает препятствие для своего собственного роста.

По моему мнению, положительная сторона капиталистического способа производства — прогрессивная сторона его — не соответствует его отрицательной стороне: прогрессивная сторона действует на очень ограниченную часть всего населения, между тем как отрицательная сторона с «ее ужасными страданиями и растратой человеческих жизней» действует на огромное большинство его. Так как развитие его задерживается его собственным ростом, то из этого следует, что мы должны искать другого выхода из современного экономического положения;

мы напрасно стали бы ждать развития высшей формы как необходимого следствия капиталистического способа производства и созданного им социального дуалистического антагонизма.

Возможно ли предположить, что урок 1891 г. пройдет даром? То, что имело место в голодный год, есть смягченная форма того, чего мы можем ждать в будущем. Он не имел никакой творческой силы. Каким уроком послужил нам этот год? Тем, что этим бедствием мы обязаны форме производства. Что надо делать, чтобы избавить себя в будущем от повторения бедствия? Говорят, что подобное бедствие не только неизбежно, но в будущем оно будет иметь более острый характер. Из него нет выхода, и в недалеком будущем предстоят ужасные мучения и растрата человеческих жизней; и в конце концов, когда из этой формы производства — которая является непосредственной причиной этих страданий и т. п. — разовьется социальный антагонизм, созданный ею, мы можем надеяться увидеть развитие высшей формы. А если капиталистическая форма производства не в состоянии создать дуалистического антагонизма в той форме, в какой мы видим ее в Западной Европе? Если рост этой формы создает препятствия для ее собственного роста?

Очевидно, что «события поразительно аналогичные, происходящие в другой исторической среде, приводят к совершенно различным результатам». Результаты роста капитализма в стране с высокой культурой и в стране с зачатками культуры совершенно различны. В первом случае этот рост ведет к образованию организованной силы, силы, сознающей свое влияние; в последнем же случае, он дезорганизует всю социальную производительную организацию; он ведет к огромной растрате человеческих жизней и производительных сил, так как он дает работу сравнительно все уменьшающейся части населения, части совершенно ничтожной, и в то же самое время он понижает экономические условия всего населения в такой степени, что само общество чувствует необходимость принять меры (1891), которые могли бы привести к удовлетворению действительных потребностей существования.

Я резюмирую. Наш внутренний рынок есть функция нашего производства. Продукта труда почти 1,25% всего населения совершенно достаточно для удовлетворения потребностей всего населения. Производительность земледельческого населения — главного рынка капиталистического производства — уменьшается сравнительно довольно быстро. В то же самое время она уменьшается и абсолютно. Как результат этого — с капитализацией промышленности — средства удовлетворения его потребностей также уменьшаются. В огромном количестве освобождаются рабочие силы. В то же самое время очевидно, что наша сельская община при разлагающих условиях теряет свою силу сцепления: она еще не разложилась благодаря общим интересам большинства ее беднейших членов. Богатое меньшинство недавно приобрело помощь в законодательстве. Вы знаете, что недавно установлен минимальный срок переделов общинных земель в двенадцать лет.

Отрицательная сторона процесса капитализации несравненно больше, чем его положительная сторона. Капитализм создает такие большие препятствия своему собственному росту, что переход к высшей форме этим путем является невозможным.

Вы говорите: «Вы видите вещи в более мрачном свете, чем это может быть оправдано фактами». Но в то же самое время вы утверждаете, что переход от первобытной земельной общины к капиталистическому индустриализму не может произойти «без ужасного перелома внутри общества», сопровождаемого «громадными страданиями и растратой человеческих жизней». «Но от этого еще очень далеко до полной гибели великого и высокоодаренного народа». — Хотя русский мужик беден действительно, беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить и — что всего хуже — беден сознанием своей бедности (Салтыков-Щедрин «Письма из провинции») и хотя экономический процесс последнего времени не только не уменьшил этой бедности, но привел к голоду 1891 г., тем не менее я никогда не думал о разорении всего населения как о результате всех неблагоприятных экономических условий, но, повидимому, дальнейшее развитие капиталистической формы производства при данных условиях ведет к разорению,— повидимому это заключение подтверждается фактами, собранными в «Очерках»,— но в то же самое время я думаю, что русский народ, несмотря на бедность сознанием своей бедности, найдет выход из этого безвыходного положения.

Можно, конечно, сказать, что законы капиталистического производства, если оно станет преобладающей формой, непреодолимы. Без сомнения. Но в то же самое время законы органической человеческой жизни, лежащие в основе человеческого существования, еще более сильны.

«Быстрый рост населения может быть задержан», говорите вы. Конечно. Мы видим очень поучительный пример этого факта в Московской губернии, в которой население почти неподвижно, если не уменьшается. Факт уменьшения населения не является новостью. Время, когда Россия вошла в семью европейских держав (1678—1710), характеризуется огромным уменьшением населения. Общее уменьшение его доходило до 19,5%, в Архангельской губернии оно уменьшилось на 40%, в Ингерманланде на 40,5%, в Смоленской губернии — на 21,2%, в Московской губернии — на 24,5% и т. д. (П. Милюков, Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПБ. 1892, стр. 267 — 268). С этой точки зрения в этом нет ничего нового: количество страданий и растрата человеческих жизней будут увеличиваться — и только.

Возможно, что более высокая форма производства, изображенная в «Очерках», не может развиться непосредственно из «сельской общины». Главная задача «Очерков» состояла в указании того, что действительная трудность заключается в установлении характера и происхождения общественной неурядицы, когда это уже произошло. Лечение не слишком трудно, и пред лицом собранных фактов единственный путь, который нам остается, по моему мнению, это — изучить наши экономические условия и искать другого выхода из них. Но нам приходится удовлетвориться сознанием, что все к лучшему в сем лучшем из миров и что нам надо направить свои усилия к тому, чтобы развить экономические формы, которые были и теперь являются источником всех наших экономических бедствий, как это делает г-н П. фон-Струве.

Я был очень рад, узнав от м-ра Хиля [Каблукова], которого вы видели в

Швейцарии, что единственное, что вам осталось сделать для III тома, это окончательная редакция и заключительная глава.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

Из 1 500 напечатанных экземпляров «Очерков» 900 уже продано.

Видели ли вы когда-нибудь высококультурную нацию в состоянии гипноза?

Разрешите привести вам изложение взглядов нашего «известного» ученого и идеолога плутократии, профессора Менделеева, списанное из официального издания: «Фабрично-заводская промышленная и торговая Россия». Изд. Департамента торговли и мануфактур для выставки в Чикаго. СПБ. 1893. Введение проф. Менделеева (стр. 48). «На этой русской дешевизне рабочих» (сравним с Англией!) «может основаться множество важнейших и важных промышленных предприятий, которые могут соперничать... с соответственными предприятиями Запада. Достижение этого результата тем вероятнее, чем более в цене продукта участвует рабочая плата. А так как соревнование и экономический социальный прогресс стремится довести цену всех товаров до того, чтобы она наиболее приближалась к сумме, выплачиваемой рабочим, т. е. так как капитал дешевеет (т.е. $\frac{m}{v} = \frac{m}{k}$), то промышленная будущность с внешней стороны несомненно принадлежит странам, обладающим условиями дешевизны жизненных припасов, а потому и сравнительно дешевой рабочей платой. Россия же этими условиями запаслась не только на текущее, но и на далеко предстоящее время. Если это однажды будет понято русским народом во всей полноте в такой же мере, как правительством, промышленные успехи России должны быстро последовать, и есть много поводов думать, что современность представляет переход к этой предстоящей эпохе жизни России».

Так говорит мировой ученый.

4 ноября 1893 г.

63

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 23 ноября 1893 г.

Милостивый государь!

Прилагаемая таблица является иллюстрацией того, что́ я говорил в своем последнем письме. 11 фабрик производят 60% всех текстильных изделий и получают 60% прибыли, 64 хлопчатобумажных фабрики производят 77% всех бумажных текстильных изделий и получают 83% всей прибыли этой отрасли промышленности.

Отношение прибыли к общей сумме производства больше в крупных и мелких заведениях, чем в средних.

Рост прибыли гораздо больше роста производства.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[Источники к пунктам таблицы:]

2 и 7) «Свод данных о фабрично-заводской промышленности России».

СПБ. 1891 и «Исторический очерк обложения торговли и промыслов». СПБ. 1893.

4) «Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 г.». СПБ. 1892 и «Исторический очерк» и т. д.

[Следует таблица.]

64

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 30 января 1894 г.

Милостивый государь!

Примите мою сердечную благодарность. Я прочел с величайшим интересом.[1] Очень жаль, что я не знал о вашем намерении. Имеется масса новых статистических данных. Два тома наших статистических изданий (английский перевод), касающихся промышленности и земледелия, посланы вам.

Я не хочу беспокоить вас, так как вы слишком заняты подготовлением III тома, хотя есть нечто не совсем ясное для меня.

Я с величайшим нетерпением буду ждать обещанных корректурных листов по мере их выхода, чтобы тотчас же начать перевод, так как я с радостью прочитал в газетах, что «Vorwärts» сообщает, что первые листы III тома уже сданы в печать.

Последние экземпляры «Очерков» распроданы в ноябре. Из того факта, что такие скучные книги с множеством таблиц и статистических цифр читаются, вы можете заключить, что публика интересуется нашим экономическим положением. Надо прибавить, что экономические вопросы горячо обсуждаются в периодической печати и в частных кружках.

Я думаю, что III том выйдет очень кстати для освещения самых «проклятых вопросов».

Перевод превосходной книжки «О происхождении семьи, частной собственности и государства» уже печатается. Некоторые страницы не пропущены, как, например, стр. 186—188; 8 строк 179 страницы, вся 180 страница и 8 строк 111 страницы.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

Печатаются некоторые экономические исследования, например, г-на Петра фон-Струве и других.

[1] Очевидно «Послесловие к ответу П. Н. Ткачеву», появившееся в сборнике «Internationales aus dem Volksstaat», вместе с перепечатанным вновь «Ответом Ткачеву» («Soziales aus Russland»).

65

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 24 февраля 1894 г.

Милостивый государь!

Позвольте мне иллюстрировать фактами тенденцию развития нашей крупной промышленности, как она проявилась в два периода: 1) от 1865 до 1880 года

и 2) от 1880 до 1890 года; второй период является периодом сильного покровительства.

Можно было бы ожидать, что во втором периоде относительное число рабочих на фабриках и стоимость произведенных ими товаров увеличилась гораздо больше, чем в первом периоде.

Таблицы дают вам ответ.

Из этих таблиц вы можете видеть, как отличаются условия нашей экономической жизни от того, что мы видели в Западной Европе, как мало оправдывается утверждение г-на П. фон-Струве, что «миссия» нашего капиталистического производства заключается в увеличении относительного числа рабочих на фабриках; влияние его очень глубоко, но оно в гораздо большей степени является отрицательным, чем положительным; его положительное влияние, как вы видите, имеет тенденцию уменьшаться.

Одной из задач моих «Очерков» было доказать этот факт. Надо прибавить, что с 1865 по 1890 год число рабочих, которые были заняты в отраслях промышленности, обложенных акцизом, уменьшилось с 186 000 до 142 000, т. е. на 22,4%.

Я с величайшим интересом прочел заключение вашего предисловия.[1]

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[Следует таблица.]

[1] Очевидно предисловие к сборнику «Internationales aus dem Volksstaat».

66

[Энгельс Николаю —ону]

122, Regent's Park Road N. W.
Лондон, 12 марта 1894 г.

Мой дорогой сэр!

Сегодня я посылаю вам заказным порядком 1 — 6-й листы третьего тома (до 96-й страницы), которые содержат бо́льшую часть первого отдела. Дальнейшие листы последуют за этими по мере того, как они будут попадать в мои руки.

На ваши письма от 4 и 23 ноября, а также и на только что полученное письмо от 24 февраля, отвечу при первой возможности.

Искренне ваш

Ф. Э.

67

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 20 мая 1894 г.

Милостивый государь!

Осмеливаюсь спросить вас, посланы ли мне 7-й, 8-й и следующие листы. Если они посланы и потеряны, это будет тяжелой утратой для меня. Шесть листов получено и переведено.

«Происхождение семьи» и т. д. имеет огромный успех. Ужасно жаль, что перевод сделан небрежно.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

68

[Энгельс Николаю —ону]

Лондон, 1 июня 1894 г.

Мой дорогой сэр!

На прошлой неделе я выслал вам 7 — 16-й листы III тома и надеюсь, что вы получили их. Они были сданы заказным порядком и имя отправителя (L. K. [1]) было выставлено на обороте бандероли.

Я рад слышать об успехе ваших «Очерков» и надеюсь, что новое издание их уже поступило в печать. Я был бы очень рад, если бы мог найти немецкого переводчика для этой книги, но, к несчастью, большинство переводов с русского на немецкий исполняется женщинами, которые обыкновенно оказываются не особенно хорошо подготовленными для передачи экономических трудов.

Премного благодарен вам за высылку русского перевода «Происхождения семьи» и пр. Перевод, поскольку я успел просмотреть его, показался мне очень хорошим, да и цензура, повидимому, обошлась с моей книжкой очень снисходительно.

Листы III тома посланы вам несколько поздно, но это вина издателя, который очень долго задерживал их. Чтение корректуры такой книги, как эта, представляет очень тяжелый труд. Вы найдете в посланных вам листах решение вопроса о том, каким образом различные нормы прибавочной стоимости выравниваются в одну и ту же среднюю норму прибыли, а также изложение закона, согласно которому норма прибыли стремится непрерывно понижаться, и, наконец, объяснение того способа, посредством которого торговый, или купеческий, капитал участвует в распределении прибавочной стоимости. Все это заканчивается на листе 21-м, с которого открывается V отдел: распадение прибыли на процент и «предпринимательский доход», о денежном капитале вообще, банки и кредит. Этот отдел заполняет целую треть книги и стоил мне более труда и хлопот, чем все остальное. Последняя треть книги состоит из отдела VI: поземельная рента, и отдела VII: три рода дохода: рента, прибыль (процент), заработная плата.

В настоящую минуту уже весь оригинал находится в руках типографа, и я только теперь вижу, какая громадная масса невыполненных работ скопилась у меня на руках за это время, так как ради окончания III тома я откладывал в сторону решительно все, что не было безусловно необходимым для данной минуты. Это обстоятельство да послужит мне извинением за то, что я не возвращаюсь сейчас к некоторым экономическим вопросам, обсуждавшимся ранее в нашей с вами переписке. Мне сдается, что в эту минуту у обоих нас полны руки дела, а потому обоим нам удобнее отложить обсуждение этих вопросов до другого времени.

Искренне ваш

Л. К.

Отчеты о промышленности и земледельческом развитии России (выставка в Чикаго) получены мною. Примите мою сердечную благодарность за них. Они действительно очень полезны, особенно при сопоставлении с вашими «Очерками».

[1] Инициалы Луизы Каутской, секретаря Энгельса.

69

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 7 июня 1894 г.

Милостивый государь!

Тысячу раз извиняюсь за беспокойство, которое я доставил вам. Я слишком хорошо знаю, какую огромную работу вы делаете и что вы завалены делами.

Не получая листов, я предположил, что они задержаны полицией. Предположение мое оправдалось. Я не получил девяти (7 — 16) посланных листов... Больше четверти века я с нетерпением ожидал выхода этого труда, и когда ожидание, наконец, исполнилось, у меня отнимают возможность испытывать удовольствие от изучения этого труда и лишают этой возможности наше общество. Возможно, что она [полиция] отошлет вам обратно эти листы...

Если я их получу, я немедленно извещу вас.

Искренне благодарен вам за тот интерес, который вы проявляете к «Очеркам». Мне казалось, что книга эта имеет интерес исключительно для России. Если вы думаете, что книгу стоит перевести, то вероятно самым подходящим человеком для этого будет один из друзей Mr. Mutual'я (я не знаю его лично), некий д-р Идельсон (Д. М.), хорошо знакомый с экономическими вопросами. Он пишет в английских, американских, немецких и русских медицинских журналах.

Литературный псевдоним его Смирнов.

Адрес его: Берн, д-ру Идельсону, Neugasse, 16.

Все 1 000 экземпляров первого издания «Происхождения» распроданы с месяц тому назад. Из этого факта вы не должны сделать вывода, что печатается новое издание. Наоборот — из того факта, что книга читается, вы можете заключить, что чтение ее не будет дозволено. Такова же участь «Очерков».

Очень благодарен вам за вашу любезность. Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

70

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 11 июня 1894 г.

Милостивый государь!

Я только что получил на мой запрос ответ следующего содержания: «Почтовая контора еще не получила никакой заказной бандероли, адресованной г-ну Н. Д.».

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

71

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 15 октября 1894 г.

Милостивый государь!

Сердечно благодарен вам за вашу любезность. Я только что получил 7 — 28-й и 1-й листы в целости.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

72

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 12 ноября 1894 г.

Милостивый государь!

Несмотря на то, что вы очень заняты, я позволю себе написать вам несколько слов.

Некий г-н П. фон-Струве, который подверг критике «Очерки» в «Social-politisches Centralblatt» и в «Braun's Archiv», выпустил «Критические заметки», книгу, в которой он высказывает некоторые взгляды, по моему мнению противоречащие фактам и теории. Он утверждает, например, что, несмотря на уменьшение количества пищи на одну душу населения, наша промышленность может процветать и т. п.

Вы знаете, что у меня нет времени отвечать ему, но мои друзья настаивают на необходимости такого ответа.

Очевидно, г-н фон-Струве не знает того факта, что все отрасли промышленности (в особенности в такой стране, как наша) так тесно связаны между собой, что уменьшение расходов на пищу, например, является признаком уменьшения расходов на одежду и т. д. Этот факт прекрасно подтверждается исследованиями министерства труда, Seventh Report, vol. II, Tables, pp. 2008 — 2012.

Процент затрат на различные цели в нормальных (2 562) семействах по предметам затрат

	Доход ниже 200 долларов	Доход 500 - 600 долларов	Доход 900—1000 долларов	Доход всяких размеров
Квартирная плата	15,48	15,05	14,96	15,05
Отопление	7,07	5,63	4,00	5,01
Освещение	1,01	0,97	0,74	0,90
Одежда	12,82	15,27	16,84	15,31
Пища	49,64	43,84	34,34	41,05
Все другие расходы	13,98	19,14	29,12	22,68

Разрешите мне привести в моем ответе некоторые факты и мнения, которые вы так любезно сообщали мне. Например: «Исчисление, что общая сумма текстильных продуктов как крупной, так и домашней промышленности... не только совершенно верно, но было бы заведомо неверным, если бы вы пришли к другому результату». Затем, как оно (в Англии и Западной и Центральной Европе) преодолело трудности «земледельческих рабочих, которые находят работу только на часть года и получают плату только за эту работу».[1] И еще другие факты, имеющие меньшее значение.

Если мне можно будет цитировать письма, назвав автора, я буду вам очень обязан.

Простите мою навязчивость, но короткое да или нет вполне достаточно.

Я не нахожу слов для выражения того удовольствия, которое я испытывал при чтении и перечитывании листов для изучения наиболее интересных и важных исследований.

Искренне преданный и обязанный вам

Н. Даниельсон.

[1] Цитаты из писем Энгельса от 22 сентября и 18 июня 1892 г.

73

[Энгельс Николаю —ону]

41, Regent's Park Road N. W. Лондон, 24 ноября 1894 г.

Мой дорогой сэр!

Я получил ваши любезные письма от 7 и 11 июня, от 15 октября и 12 ноября.

Из работ Струве мне известна только его статья в «Braun's Centralblatt», а потому я ничего не могу сказать касательно тех утверждений, которые он мог высказать при каких-либо других случаях. Если в моих письмах вы найдете какие-либо ф а к т ы, которые покажутся вам полезными для вашего возражения, то вы можете воспользоваться ими как вам будет угодно. Но что касается моих **м н е н и й**, то я боюсь, что ваши оппоненты,— если не сам Струве, то другие представители русской прессы, могут воспользоваться ими таким образом, который совсем не оправдывается их действительным смыслом. Мои русские друзья чуть не ежедневно и еженедельно пристают ко мне с просьбами выступить с моими возражениями против русских журналов и книг, в которых слова нашего автора подвергаются не только ложным истолкованиям, но и неправильной передаче, причем эти друзья уверяют, что моего вмешательства будет достаточно, чтобы привести дело в надлежащий порядок. Но я неизменно отклоняю все такие предложения потому, что не могу, не покидая настоящего и серьезного труда, дозволить втянуть себя в полемику, происходящую в отдаленной стране, на языке, на котором я все еще не могу читать так свободно, как на лучше известных мне западных языках, и в литературе, от которой в лучшем случае доходят до меня лишь случайные обрывки, по которым мне решительно невозможно следить за спором сколько-нибудь настойчиво и близко во всех его фазах и подробностях. Повсюду есть люди, которые, заняв известную позицию, ничуть не стесняются, ради ее защиты, прибегать к искажению чужих мыслей и ко всяким нечестным уловкам, и если это имело место по отношению к трудам нашего автора, то я боюсь, что и со мною обойдутся не лучше и, таким образом, принудят меня вмешаться в спор ради защиты сначала других, а потом и себя самого. В самом деле, если бы мои мнения, высказанные в частных письмах, появились в русской прессе с моего согласия, то я не имел бы никакого оправдания в глазах моих русских друзей — здесь и на континенте, — которые настойчиво побуждают меня к деятельному вмешательству в русские споры с целью исправить мнение того или другого писателя по тому или другому пункту. У меня не будет тогда никаких веских отговорок для отклонения подобных предложений, так как они всегда будут в праве сказать мне: но вы у ж е в м е ш и в а л и с ь однажды в русские споры; вы должны сознаться, что данный случай так же важен, как и случай с г. N., а потому обойдитесь с нами, пожалуйста, так, как вы обошлись с ним. И тогда мое время перестанет быть моим, а мое вмешательство в русские споры все же окажется в конце концов весьма неполным и малоуспешным.

Вот те причины, которые принуждают меня, к моему глубочайшему сожалению, просить вас не настаивать на вашем желании цитировать мои **м н е н и я** или, по крайней мере, приводите их н е к а к м о и.

Постараюсь выслать продолжение того, что вы уже получили. Истинно ваш

Л. К.

74

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 1 декабря 1894 г.

Милостивый государь!

Вы очень обязали меня, разрешив мне привести те факты, которые вы в разное время любезно сообщили мне.

Мои ответы в нашей полемике основаны главным образом на фактах, и мнения, как бы авторитетны они ни были, играют в них в сущности подчиненную роль, иначе центр тяжести следовало бы перенести с почвы фактов на почву теории.

Вот причина, почему я просил вас разрешить мне привести факты, главным образом такие, которые относятся к экономическому положению Западной Европы.

Что же касается вашего мнения о наших экономических условиях, то у меня не было и нет намерения приводить их, тем более, что я надеюсь, что рано или поздно, когда время позволит вам и когда будет закончен ваш более серьезный труд, вы дадите нам возможность услышать ваше веское мнение, и тогда я попрошу у вас разрешения прислать вам все необходимые факты, данные, статистические исследования и т. д., какие вы пожелаете.

Ваше имя, конечно, не будет упомянуто.

Мне кажется, что в III/1 томе самые важные главы 8 и 9 — 10?

Примите уверение в моей преданности.

Н. Даниельсон.

«Теория народонаселения Маркса дополняет, но не опровергает теории Мальтуса — таково наше мнение», говорит г-н П. фон-Струве[1] (стр. 184) — и в этом надо искать главную причину наших экономических бедствий.

[1] «Критические заметки».

75

[Энгельс Николаю —ону]

41, Regent's Park Road N. W.
Лондон, 9 января 1895 г.

Мой дорогой сэр!

Ваше письмо от 1 декабря получено мною исправно. Что хочет сказать Струве, говоря, что Маркс дополняет теорию народонаселения Мальтуса, а не опровергает ее, этого я не понимаю. Мне кажется, что заметка о Мальтусе — в I томе, примечание 75 к гл. XXIII, 1 — должна была показаться достаточно ясною для каждого. Кроме того, я решительно не вижу, каким образом кто бы то ни было может говорить о дополнении теории Мальтуса в настоящее время, когда мы знаем, что теория эта покоится на утверждении, что население постоянно давит на средства существования, между тем как пшеница продается сейчас в Лондоне по 20 шиллингов за квартер, т. е. более чем на половину дешевле средней ее цены с 1848 по 1870 г., и когда, по всеобщему признанию, средства к существованию давят теперь на население, которое недостаточно велико, чтобы потребить их! И если в России крестьянин вынужден продавать тот хлеб, который

он должен был бы есть сам, то, конечно, он делает это не под давлением размножившегося населения, а под давлением сборщика податей, землевладельца, кулака и пр. Поскольку мне известно, низкая цена аргентинской пшеницы имеет большее влияние на бедствия земледелия по всей Европе, включая сюда и Россию, чем что бы то ни было другое.

Я только что услышал, что один из ваших петербургских ученых получил официальное уведомление, что он может получить III том без всяких помарок, если самолично обратится за ним в цензурное ведомство. Я счел не бесполезным сообщить вам этот факт на тот случай, что он может побудить вас дать мне какие-нибудь особые указания насчет доставления вам остальных листов этого тома, которые я держу наготове для вас.

Истинно ваш Л. К.

Обратите, пожалуйста, внимание на перемену номера дома.

76

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 29 января 1895 г.

Высокоуважаемый сэр!

Позвольте мне еще раз поблагодарить вас за вашу любезность. Я только что кончил обе части III тома. Совершенно верно, что в этом томе некоторые главы так же важны, как некоторые главы I тома. Трудно указать более важные отделы. Но в первой части III тома, по-моему, самыми важными и новыми являются главы, где исследуется средняя норма прибыли; во второй — где разбирают законы ренты. В конце концов все главы весьма интересны и поучительны.

Чтение отдела о ренте вызывает горькое чувство у русских читателей, когда мы узнаем из предисловия, что автор намерен был разработать этот отдел на основании русских данных. Не сохранились ли у редактора какие-нибудь заметки автора по вопросу о том, что он предварительно намерен был сделать? Какого рода факты должны были быть использованы? Если он слышал что-нибудь от автора о его плане и т. д., он оказал бы большую услугу исследованию нашего экономического положения, ответив на эти вопросы в коротком примечании в дополнение к предисловию (стр. IX) к русскому изданию.

Так как перевод и печатание этой книги не могут быть закончены раньше, чем через 10—11 месяцев, то это в высшей степени желательно, так как дало бы случай написать то, что мы знаем об этих вопросах.

Общество должно быть очень благодарно редактору, и его можно поздравить с окончанием теоретической части этого колоссального труда.

В высшей степени вероятно, что этот III том завершит ту революцию в теоретической экономии, которую произвело издание I тома.

В книге г-на фон-Струве вы найдете много непостижимых вещей. Так как книга эта широко распространена, то совершенно необходимо написать критический очерк о ней.

Примите уверение в искренней преданности вам

Н. Даниельсон.

77

[Энгельс Николаю—ону]

41, Regent's Park Road, N. W.
Лондон, 5 марта 1895 г.

Мой дорогой сэр!

Мне очень прискорбно сообщить вам в ответ на ваше любезное письмо от 29 января, что в бумагах нашего автора не оказалось никаких заметок касательно его взглядов на положение земельной собственности в России и его выводов и заключений по этому предмету. Все, что я нашел по этой части, были просто многочисленные и обширные выписки из русских источников,— статистических и вообще экономических, — выписки, даже не пересыпанные на этот раз, в противность всегдашним привычкам автора, его собственными замечаниями и рассуждениями.

Я влагаю в этот конверт письмо, полученное для вас из Берлина, причем упоминаемый в нем г. Э.[1] просит меня прибавить следующие сведения: несколько времени тому назад г. Э. получил от доктора Люкса, пишущего по экономическим предметам, запрос: заслуживают ли ваши «Очерки» перевода на немецкий язык, и если да, то не согласен ли г. Э. посодействовать чем-нибудь изданию такого перевода? На это г. Э. ответил, что он был бы очень рад увидеть немецкий перевод этой книги и что он не только согласен рекомендовать Дицу издать ее, но охотно напишет о ней статью в «Neue Zeit», в которой укажет на важность результатов ваших исследований, но в то же самое время заявит, что он не совсем согласен с некоторыми из заключений, к которым вы пришли. При этом г. Э. прибавил, что он, Э., не имеет никакого права разрешать или не разрешать перевода этой книги, а потому посоветовал будущему переводчику, другу доктора Люкса, обратиться за дозволением прямо к вам. Чтобы избежать всякой нескромности, г. Э. настаивал, чтобы это письмо было послано вам через его посредство.

Говорят, что переводчик — проживающий в Берлине молодой русский — вполне способен выполнить этот труд (так говорит жена доктора Люкса, русская родом), а сам доктор Люкс обещал просмотреть немецкий текст, чтобы обеспечить достоинство языка. Говорят также, что переводчик сам занимается экономическими предметами, а потому не чужд содержанию вашей книги.

Прилагаемое письмо, повидимому, исходит из *уверенности заранее* в вашем согласии, которое как бы уже дано; по крайней мере я не нахожу в нем никакого следа формальной просьбы к вам по этому поводу. Я знаю, что *некоторые* из молодых русских держатся того мнения, что такая просьба есть чистая формальность, в которой нет никакой необходимости, но не таково мое мнение; а потому, если вы склонны вообще вступить в переговоры с г. К. по поводу его предложения, то мне кажется, что легкий намек в этом направлении мог бы принести молодому человеку только пользу.

Что касается меня лично, то я не знаю ничего о предполагаемом переводчике.

Если вы пожелаете отправить ваш ответ г. К. через меня, то я озабочусь, чтобы он сейчас же был направлен дальше.

Искренне ваш

Л. К.

[1] Т. е. сам же Энгельс.

78

[Николай—он Энгельсу]

Петербург, 10 марта 1895 г.

Милостивый государь!

Не нахожу слов, чтобы поблагодарить вас за ту высокую честь, которую вы оказываете мне.

Несмотря на то, что вы так заняты, вы находите достаточно времени, чтобы взять на себя чрезвычайно неблагодарный труд написать статью об «Очерках».

Сердечно благодарен вам.

Ужасно досадно, что не осталось никаких указаний нашего автора относительно его взглядов о положении земельной собственности в России.

Хотя моя статья [1] уже напечатана, я не получил еще экземпляров. Как только они будут получены, они немедленно будут высланы вам. Вместе с тем я напишу вам.

Прилагаю письмо переводчику.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] «Апология власти денег как признак времени». Ответ Николая-она Струве помещенный в «Русском богатстве» за 1895 г., №№ 1, 2.

79

[Николай—он Энгельсу]

Петербург, 30 марта 1895 г.

Милостивый государь!

10 марта я послал вам ответ с сердечной благодарностью за высокую честь, которую вы оказываете мне. Я приложил к нему письмо к переводчику. Так как постоянная пересылка писем ему и от него причинила бы вам слишком много хлопот (а он желает иметь некоторые добавления и поправки), то гораздо проще было бы сноситься с ним непосредственно, но я не знаю ни его имени, ни адреса.

Вместе с этим письмом посылаю вам статью, помещенную в январском и следующих номерах «Русского богатства». Первая и вторая книжки за 1895 г. только что получены мной. Я воспользовался вашим любезным разрешением и привел факты, которые вы любезно сообщили мне.

Как я уже писал вам, имя автора, согласно его желанию, не было упомянуто; но к моему величайшему сожалению, в одном месте (стр. 171) — которое показывает, как в Западной Европе преодолевают затруднения земледельческих рабочих, не имеющих работы в продолжение зимних месяцев — имя автора было упомянуто редактором — вопреки моей прямой просьбе и без моего ведома.

Это обстоятельство мне крайне неприятно, но я надеюсь, что это не причинит никакого вреда автору или какой-нибудь неприятности ему, так как в этом месте приведены исключительно факты, и факты, относящиеся к экономической жизни Англии и Германии, а не России.

Максим Ковалевский в своих литературных воспоминаниях, напечатанных в одном из наших русских журналов, в «Русской мысли» № 1, 1895 г., говорит, что К. Маркс получил письмо от Чарльза Дарвина с извещением о получении

I тома его великого труда. Ковалевский прибавляет, что К. Маркс чрезвычайно ценил это письмо. Я думаю, что это единственный известный факт о сношениях двух величайших мыслителей нашего века. Вот причина, почему я беру на себя смелость просить вас сообщить мне, было ли это письмо где-нибудь напечатано и как можно познакомиться с его содержанием. Оно не помещено в «Life and Letters of Charles Darwin» (in 3 volumes).

Если у вас будет свободное время просмотреть присланную вам статью, то позволяю себе просить вас просмотреть таблицу (стр. 9 и 11 в той же статье), взятую из отчета министра труда в Вашингтоне. По-моему, это очень важная таблица. В ней показаны относительные расходы американских рабочих, соответственно с суммой получаемой ими заработной платы, или, переставляя вопрос, она показывает относительную сумму продуктов, необходимых различным группам населения или различным нациям пропорционально сумме их богатства. Так что, если мы имеем перед собой сумму некоторых видов потребительных стоимостей, потребленных нацией в различные периоды, то из этой таблицы вы можете судить о сумме других видов потребительных стоимостей, потребленных, требовавшихся или произведенных в тот же период.

Вы можете себе представить, как мне важно знать ваше ценное мнение о том значении, которое я придаю этой таблице, и о тех выводах, которые я делаю из ее содержания. Возможно, что я ошибаюсь, а в таком случае мне очень важно знать, в чем состоит моя ошибка.

Простите мою навязчивость и примите уверение в моей искренней преданности

Н. Даниельсон.

В номере посланного вам «Вестника финансов» вы найдете интересные факты о земледельческих артелях и отчеты некоторых наших крупных хлопчатобумажных фабрик — Кренгольмской и Морозовской (Владимирской губ.).

В последней книжке (IV, 1894) Braun's Archiv есть статья Вернера Зомбарта о III томе, а в номере от 22 февраля 1895 г. Braun's Centralblatt — Конрада Шмидта по тому же самому вопросу.

80

[Николай —он Энгельсу]

Петербург, 20 мая 1895 г.

Милостивый государь!

Я не знаю, намерен ли редактор издать немецкий перевод «Очерков». Если у него такое намерение есть, то необходимо сделать кой-какие изменения и добавления, которые по моему мнению имеют некоторое значение.

Одно или два из них я прилагаю здесь.

Я пришлю также некоторые данные для объяснения противоречия, которое на первый взгляд кажется необъяснимым: каким образом с ухудшением экономического положения нации может расти общественный доход? Если нация, — говорят нам, — в состоянии вынести тяжесть обложения, которое с 700 миллионов в течение десяти лет возросло до 1000 миллионов, и если в то же самое время общественные доходы превышают общественные расходы, то можно сказать, что это есть признак роста экономического благосостояния народа.

Анализ статистических данных показывает, что из народных карманов, несмотря на рост бюджета, берут такую же сумму, если не меньше. Это зависит:

1) От того факта, что в общественный бюджет включены суммы, которые были уже взяты, но прежде они составляли самостоятельные бюджеты а) общественных учреждений и б) частных железных дорог, находящихся в настоящее время в руках государства.

2) С ростом производительной силы рабочих и с понижением цен товаров фиск увеличивает косвенное обложение (иностранных товаров посредством таможенных пошлин, отечественных товаров посредством акциза) до таких размеров, что сумма цен продуктов плюс акциз (или таможенные пошлины) не изменяется, в некоторых случаях даже уменьшается, так что первый фактор уменьшается, а второй увеличивается, но с понижением уровня экономического положения народа уменьшается способность потребления товаров.

Интересно отметить, что рост таможенных пошлин больше роста акцизных сборов. Это значит, что «цветущее» состояние наших финансов в гораздо большей степени следует приписать росту производительности рабочего населения за границей, чем у нас.

Я думаю, что факты не оставляют ни малейшего сомнения относительно этого абсурдного результата.

Какое странное отношение критики к III тому. Немец, так же как и русский («Русская мысль», III, 1895),[1] совершенно не обращает внимания на V отдел книги. За массой фактов она [критика] не видит наиболее поучительного — в особенности для русских — теоретического исследования вопроса.

Я не знаю, какой отдел этого тома является самым лучшим и поучительным.

Искренне преданный вам

Н. Даниельсон.

[1] С. Н. Булгаков.

81

[Энгельс Николаю —ону]

41, Regent's Park Road N. W
Лондон, 4 июня 1895 г.

Мой дорогой сэр!

Я не совсем здоров в настоящее время (хотя болезнь моя и несерьезна), а потому принужден ограничиваться в деле переписки лишь безусловно необходимым.

Я препроводил г. Конову присланные вами дополнения и изменения и попросил его переписываться впредь непосредственно с вами, для чего и сообщил ему ваш адрес. Его же адрес: Andrei Konow, Augsburgerstrasse, 37, III, Berlin.

В надежде иметь вскоре возможность сообщить более благоприятные сведения о себе, остаюсь искренне ваш

Л. К.

М. А. БАКУНИН О СВОИХ ОТНОШЕНИЯХ К КАРЛУ МАРКСУ

Предисловие

Из многочисленных писаний Бакунина, касающихся вопроса об отношениях его к Карлу Марксу, мы помещаем ниже два документа: 1) незаконченную рукопись «Мои личные отношения к Марксу» и 2) письмо к Ансельмо Лоренцо. Документы эти в высшей степени характерны и позволяют судить о том, как сам Бакунин понимал смысл конфликта, вспыхнувшего между обоими крылами I Интернационала.

Оригиналы обоих документов находятся в руках известного биографа Бакунина, Макса Неттлау, и известны нам в той форме, в какой они были опубликованы им в литографированной биографии знаменитого анархиста и в немецком издании его сочинений. Возможно, что отдельные страницы обоих документов имеются еще среди тех многочисленных бумаг Бакунина, которые находятся в распоряжении Неттлау и им окончательно не разобраны и не приведены в систему. Но и в том отрывочном виде, в каком они доступны нам в настоящее время, они дают немало материала для суждения по занимающему нас вопросу.

Скажем несколько слов о манускрипте «Мои личные отношения к Марксу».

Рукопись известна в отрывке, занимающем 23 страницы, из них четыре пустых. Состоит она из следующих отрывков: 6 а — d (4 страницы), 7 а — d (4 стр.), 8 а — b (2 стр.) — все это составляет первую часть рукописи до слов «нелепую клевету». Продолжение имеет два варианта. Первый — отрывок 9 а — b (2 стр.): он приведен у нас в примечании. Второй вариант состоит из отрывков 8 c — d (2 стр.), 9 а — d (4 стр.) и 10 а (1 стр.), всего 7 страниц: он дан у нас в тексте в виде второй части рукописи от слов: «Я кое-что знаю об этом» и до конца. В таком именно виде рукопись напечатана Неттлау в третьем томе немецкого издания сочинений Бакунина. Отличаются оба варианта друг от друга тем, что в первом из них Бакунин по обычной своей манере отвлекается в сторону от основной темы и, заговорив о М а д з и н и, начинает подробно рассказывать об его отношении к Интернационалу, но затем, спохватившись и заметив, что это грозит далеко увести его от главного вопроса, круто обрывает и возвращается к прерванному изложению своих отношений с Марксом. Но и в этом виде рукопись осталась незаконченной и несвободной от пробелов.

Заглавие рукописи дано самим Бакуниным. Начинается она отрывком 6 а, а кончается отрывком 10 а. И вот на обороте последнего отрывка, на пустой странице Бакунин надписал: «Rapports personnels avec Marx» и «Pièces justificatives № 2».

Нужно заметить, что среди бумаг Бакунина, находящихся у Неттлау, имеется еще одна рукопись в $30^1/_2$ страниц, относящаяся к тому же периоду и трактующая о том же вопросе (разногласия в Интернационале), которая озаглавлена «Оправдательные документы № 1». Она начинается почти теми же словами на той же шестой странице: «Генеральному совету объявлена война. Но не пугайтесь, дорогие дру-

зья, — существование, сила и действительное единство Интернационала от этого не пострадают». На 9-й странице этой рукописи говорится об еврейском антураже Маркса и притом почти буквально в тех же выражениях, как и в рукописи «Мои личные отношения к Марксу», о солидарности Маркса с Ротшильдом и пр. Здесь, как и в письме против Гесса 1869 г., а также в письме к Альберу Ришару 1870 г., В. Либкнехт объявляется евреем. Но в то время как «Оправдательные документы № 2» говорят главным образом о Марксе как личности и о персональных взаимоотношениях между ним и Бакуниным, «Оправдательные документы № 1», поскольку можно судить по отрывку, опубликованному Максом Неттлау на стр. 580 и в примечаниях 2599 и 2674, посвящены главным образом изложению постановлений Сонвильерского конгресса и историческому очерку деятельности Генерального совета. Но что оба эти документа теснейшим образом связаны между собою, это не подлежит ни малейшему сомнению.

Эта связь обоих документов позволяет с достаточным приближением установить дату составления рукописи «Мои личные отношения к Марксу». Она написана после Лондонской конференции Интернационала, состоявшейся 17 — 23 сентября 1871 г., и после Сонвильерского конгресса швейцарских анархистских (горных) секций, происходившего 12 ноября того же года и выработавшего знаменитый сонвильерский циркуляр. Популяризации этого циркуляра и посвящены были многочисленные писания Бакунина того периода и в частности его послания к испанским и итальянским единомышленникам. К категории этих посланий и относится рукопись «Мои личные отношения к Марксу», которая, таким образом, была вероятно составлена в конце 1871 г. Была ли она закончена, представляет ли имеющаяся в нашем распоряжении рукопись черновик, впоследствии дополненный и обработанный, или же ее постигла участь многих других бакунинских писаний и она так и осталась в фрагментарном виде, мы пока судить не можем.

Равным образом мы не можем сейчас сказать ничего определенного о ее назначении. Судя по оглавлению, она должна была составить приложение к какому-то другому, более обширному и основному документу. Но что это был за документ, можно только гадать. Возможно, что в мысли Бакунина это был второй выпуск его брошюры «Мадзини и Интернационал», к которому рукопись «Мои личные отношения» и должна была составить одно из приложений (этот второй выпуск брошюры против Мадзини в свет не появился). Не исключена возможность и того, что в рассматриваемый момент Бакунин не отказался еще от мысли закончить свое «Исповедание веры русского социалиста-демократа», которое он так неудачно начал своим письмом в «Réveil» против Морица Гесса в 1869 г. и к которому предполагал дать ряд приложений, в том числе и статью о личных отношениях с Марксом. Но и эта брошюра не увидела света, а впоследствии материал ее вошел в первый и тоже единственный выпуск «Государственности и анархии», отчасти же был использован в тоже незаконченной книге «Кнуто-германская империя». Но возможно также, что, судя по обращениям «Мои дорогие друзья» и т. п., эта рукопись представляет одно из многочисленных не предназначавшихся к печати директивных писем Бакунина, которые направлялись им в то время к своим последователям, — в данном случае, повидимому, итальянским, — чем и объясняется частое упоминание о Мадзини и о его полемике против анархистов.

Рукопись «Мои личные отношения» была написана Бакуниным на французском языке и почти целиком опубликована Максом Неттлау на страницах 82—83, 92, 125, 128, 147, 166, 172, 355, 358, 368 — 371, 580 — 581 и в примечаниях 538, 781, 822, 976, 989, 1142, 1198 — 1202, 1845, 1862, 2676 его литографированной биографии Бакунина. Затем Неттлау напечатал эту рукопись на стр. 204 — 216 третьего тома немецкого издания сочинений Бакунина (Michael Bakunin, «Gesammelte Werke», Band III., 1924, Berlin). Мы даем перевод с оригинального французского текста, пополняя его переводом с немецкого тех немногих мест, которые опущены у Неттлау в его рукописной биографии Бакунина.

* * *

Письмо к Ансельмо Лоренцо во многих пунктах дополняет рукопись о личных отношениях к Марксу. Нам известны целиком или в отрывках три редакции этого письма (по словам Гильома, их было четыре). Первая — полная — была написана 24 апреля 1872 г.; она коротка и состоит из ряда вопросов, которые Бакунин задает Лоренцо, ездившему на Лондонскую конференцию в качестве испанского делегата, относительно тех обвинений, какие выдвигались на конференции против юрцев и в частности лично против Бакунина. Затем последовали еще две редакции письма, оставшиеся незаконченными (одна из них датирована 7 мая и в отрывках приводится ниже). По мере писания письма Бакунин менял и расширял его план, включив в него и характеристику Маркса, и рассказ о своих личных отношениях к нему, и факты из истории Интернационала, в частности из истории раскола в романской федерации (в Женеве и Юре). Таким образом получилась последняя редакция письма, законченная 9 мая и датированная 10 мая (копия ее была 16 мая отослана Гильому). Письмо было переслано адресату через барселонских альянсистов, но дошло до него только 15 августа, а ответил он Бакунину только 24 августа. Ответ Лоренцо носил уклончивый и сухой характер. Отказываясь играть роль «доносчика», он не давал Бакунину никаких определенных указаний и, уклоняясь от принципиального спора, употреблял такие выражения, которые Бакунин мог даже счесть для себя оскорбительными (ответ Лоренцо в выдержках напечатан у Неттлау, стр. 590, и у Гильома в «L'Internationale», т. II, стр. 293). Во всяком случае, если Бакунин, обращаясь с запросом к Лоренцо, действительно имел в виду получить материал для непосредственного обращения к Генеральному совету, то к моменту прибытия ответа Лоренцо такое обращение было все равно уже невозможно, так как к тому времени успела выйти брошюра «Мнимый раскол в Интернационале», в которой Генеральный совет открыто объявил Альянсу войну.

Оригинал письма к Лоренцо затерялся в Испании; копия, посланная Гильому, была последним, вероятно, уничтожена во время сожжения им своих бумаг. Но в бумагах Бакунина Неттлау нашел черновики этого письма. Из них первая редакция опубликована им полностью на стр. 589 биографии Бакунина; отрывки промежуточной, вероятно третьей редакции, датированной 7 мая, опубликованы им на стр. 358, 359, 360, 377 и в примечаниях 823 и 1199; наконец отрывки из последней редакции письма даны Неттлау на стр. 306, 317 — 320, 346, 377, 419, 499, 577, 586 — 588, 610, 672, 690 литографированной биографии Бакунина. Полностью письмо до сих пор не известно, да и те незаконченные черновики, которые имеются в распоряжении Неттлау, также не опубликованы им целиком. Письмо было написано по-французски.

Но даже в том неполном виде, в каком это письмо нам сейчас известно, оно представляет документ значительного интереса. По общему содержанию оно является как бы комбинацией обоих названных выше «Оправдательных документов» № 1 и № 2. Оно полнее рукописи «Мои личные отношения к Марксу», поскольку касается их принципиальных расхождений не с одной лишь догматической, но и с исторической стороны (борьба женевских часовщиков с строительными рабочими, роль Н. И. Утина и т. п.). Вместе с тем оно дает некоторые материалы и о тайном Альянсе, подтверждая в числе прочих документов его непрерывное существование в Испании (подробно см. об этом в тт. III и IV нашей работы о Бакунине).

Ю. Стеклов.

I. Мои личные отношения к Марксу

...Но пусть это вас ничуть не пугает. Этот конфликт не только не вредит существованию, развитию и расширению Интернационала, но, напротив, способствует его дальнейшему упрочению, еще больше уточняя его принципы и цели. [1] Этот конфликт был столь же неизбежен, как неизбежен был конфликт в рядах итальянской демократии, отделивший вас теперь от мадзинистов. Ведь вы убеждены, что ваш разрыв, разрыв подавляющего большинства итальянской демократической партии с мадзинистским меньшинством или сектой этой партии не только не повредил, но и поведет лишь к ускорению развития этой партии во все более народном, свободном и неминуемо социалистическом направлении, усиливая ее духовную и действенную мощь, а значит и увеличивая число ее преданных и серьезных членов.

Равным образом мы убеждены в том, что мощный протест, поднимающийся ныне в Интернационале против наших собственных мадзинистов, будет способствовать его более сильному и более правильному развитию. Ибо и у нас имеется своя мадзинистская [группа], задерживавшая наши успехи, мадзинистская не в религиозном смысле (ибо она так же атеистична, как и мы), а в смысле ее авторитарных тенденций.

Это — старая история: власть портит людей, даже самых умных, даже самых преданных. А, разумеется, такие люди, как Маркс и Энгельс и некоторые другие немцы, господствующие ныне в лондонском Генеральном совете, это — люди преданные и умные. Они оказали величайшие услуги Интернационалу, но не в качестве членов Генерального совета. Роль Генерального совета, как это и должно быть в интересах самой свободы развития Интернационала, крайне ограничена нашими общими статутами, а его денежные средства, довольно значительные на бумаге, но ничтожные в действительности, до сих пор не позволяли ему выполнять даже тех обязанностей, которые налагаются на него этими статутами и резолюциями конгрессов. Следовательно, если Интернационал так сильно развился и вырос за несколько лет, то это приходится приписать не деятельности Генерального совета, которая по необходимости была ничтожной, а справедливости и положительным качествам его принципа, являющегося не чем иным, как обдуманным и вернейшим выражением самых заветных, глубоких и страстных стремлений пролетариата всех стран. Таким образом, не в качестве членов Генерального совета, бессильного юридически и фактически, названные мною люди оказали огромные услуги Интернационалу, а своей пропагандой и личной работой.

Маркс, это — человек огромного ума и сверх того ученый в самом широком и серьезном смысле этого слова. Это — основательный экономист, в сравнении с которым Мадзини, экономические знания которого весьма поверхностны, может быть назван разве школьником. Далее Маркс страстно предан делу пролетариата. В этом никто не вправе сомневаться, так как он служит этому делу в течение почти тридцати лет с непоколебимым постоянством и верностью. Этому делу он посвятил всю свою жизнь. Мадзини, нынешнее бессилие которого ищет утешения в ядовитости несправедливых оскорблений. фантастических измышлений и клеветы, утверждает, будто Маркс действует только под влиянием ненависти, а не любви. Но нужно же понять, что глубокая. серьезная. страстная любовь к людям всегда сопровождается ненавистью. Нельзя любить справедливость, не чувствуя вражды к неправде, любить свободу, не испытывая вражды к власти, любить человечество. не чувствуя ненависти к духовному и моральному источнику всякого деспотизма. к безнравственной фикции небесного владыки, господа бога. Нельзя любить угнетенных, не ненавидя угнетателей, значит нельзя любить пролетариат, не ненавидя буржуазию. Маркс любит пролетариат, поэтому он ненавидит буржуазию. Нельзя в течение тридцати лет с страстной преданностью служить делу, не любя его, и только враждебная предвзятость клеветы может позволить себе отрицать любовь Маркса к делу пролетариата.

К этим крупным и бесспорным заслугам присоединяется и то, что Маркс был инициатором и главным вдохновителем при основании Интернационала.

Таковы его заслуги. Ну-с, а всякая медаль имеет свою оборотную сторону, всякий свет имеет свою тень, а всякая человеческая личность имеет свои недостатки. Вот почему никогда не следует вручать власть над великим народным коллективом ни отдельному лицу, как бы оно ни было гениально и украшено добродетелями, ни какому-либо меньшинству, каким бы разумным и благомыслящим оно ни было; ибо по закону, присущему власти как таковой, всякая власть неизбежно влечет за собой злоупотребление властью, а всякое правительство, даже избранное всеобщим голосованием, неминуемо стремится к деспотизму.

Итак, у Маркса есть свои недостатки. Вот они:

1) Он обладает недостатком всех профессиональных ученых: он — д о к т р и н е р. Он безоговорочно верит в свои теории и с высоты этих теорий презрительно взирает на весь мир. Как человек ученый и умный, он, разумеется, имеет свою партию: кучку друзей, слепо ему преданных, которые клянутся его словами, думают его мыслями, хотят того, чего он хочет, — словом, боготворят его и преклоняются перед ним и этим обоготворением развращают его и уже в значительной мере его развратили. Он дошел до того, что самым серьезным образом считает себя папой социализма или, вернее сказать, коммунизма, ибо по всей своей теории он — авторитарный коммунист, стремящийся, подобно Мадзини, хотя и с другими мыслями и с гораздо более реальной и земной манерой, чем Мадзини, к освобождению пролетариата путем централизованной мощи государства.

2) С этим обожествлением самого себя в лице своих абсолютных и абсолютистских теорий в Марксе, как естественное последствие, соединяется ненависть не к одним только буржуа, но и ко всем тем, даже к революционным социалистам, которые осмеливаются ему противоречить и исповедывать идеи, отличные от его теорий.

Явление удивительное в человеке столь умном и столь глубоко преданном, объяснимое только полученным им воспитанием немецкого ученого и литератора, а в особенности его еврейской нервной натурой, — Маркс чрезвычайно тщеславен, но тщеславен до нечистоплотности и до сумасшествия. Если кто-нибудь имел несчастье самым невинным образом задеть его болезненное тщеславие, всегда щекотливое и всегда чувствительное, то Маркс становится его непримиримым врагом, и тогда он считает допустимыми все средства и в действительности пускает в ход самые постыдные и самые недопустимые приемы, чтобы погубить его в общественном мнении. Он лжет, он выдумывает и старается распускать на его счет самые грязные клеветы. Таким образом Мадзини в этом отношении был прав, когда говорил об отвратительном характере Маркса. Но я прошу вас, дорогие друзья, хорошенько заметить, что и сам Мадзини, несмотря на природное величие его духа, фатально побуждаемый растущею беспомощностью, в своей последней полемике тоже прибегал приблизительно к таким же приемам против своих противников.

Дело в том, что Мадзини и Маркс, столь несхожие во всех иных отношениях— и разница между ними далеко не всегда оказывается к невыгоде Маркса, — находятся под влиянием одной и той же страсти: политического честолюбия, носящего религиозный характер у одного, научного доктринерства — у другого, потребности управлять, воспитывать и организовывать массы сообразно своей идее. У Мадзини, высокое личное бескорыстие, чистота и величие духа которого общеизвестны, дело идет о стремлении к торжеству его идей, его партии, его апостолов; у Маркса, у которого инстинкты гораздо менее бескорыстны, чем у Мадзини, мы наблюдаем страстное стремление к торжеству своих идей, к торжеству пролетариата, но вместе с пролетариатом и его собственной особы. Таким образом честолюбие носит более возвышенный и особенно более бескорыстный характер у одного и более личный у другого. Но как одного, так и другого оно приводит к одинаковым поступкам.

Зло заключается в стремлении к власти, в любви к управлению, в жажде господства. Маркс сильно заражен этой болезнью.

3) Для этого его теория оказывается очень подходящей. Глава и вдохновитель, если не главный организатор партии немецких коммунистов, — в общем он — плохой организатор, обладая скорее талантом раскалывать путем интриг, чем талантом организовывать, — Маркс является авторитарным коммунистом и сторонником освобождения и новой организации пролетариата посредством государства, следовательно сверху вниз, умом и знаниями просвещенного меньшинства, натурально исповедующего социалистические убеждения и осуществляющего, для блага невежественных и тупых масс, законную власть над ними. Это — приблизительно та же политическая система, что и у Мадзини, только программы здесь различные. Этим отчасти объясняется их взаимная глубокая ненависть и их одинаковая неспособность воздать должное друг другу. Они не только отделены друг от друга своими идеями и программами, но они одновременно являются соискателями на ту же власть. Ибо оба они — один для своих идей и для своих апостолов, другой для своих идей и для самого себя — не довольствуются надеждой взять в один прекрасный день в свои руки власть над собственной страной, но мечтают о мировой власти, о мировом

государстве: Мадзини — с помощью Италии, сначала устроенной по его идее, а затем становящейся царицею мира; Маркс — с помощью Германии, немецкой расы, которая, по его мнению, должна возродить мир. Мадзини является истинным итальянцем (italianissimo), а Маркс пангерманистом до мозга костей.

Между ними имеется различие, которое целиком говорит в пользу Мадзини; Мадзини любит своих верных друзей, своих апостолов больше, чем самого себя, он чрезвычайно терпим, иногда даже слишком терпим по отношению к ним и настолько благороден, что готов от глубины души прощать несправедливость, обиды, грехи своих друзей против него самого как личности. Чего он не прощает, так это измены своей религии, своим божественным идеям...

Маркс любит свою собственную особу гораздо больше, чем своих друзей и апостолов, и никакая дружба не может у него устоять против самой незначительной царапины, причиненной его тщеславию. Он охотнее простит измену своей философской и социалистической системе; он сочтет эту измену доказательством глупости или, по меньшей мере, умственной отсталости своего друга, а это доставит ему удовольствие. Не видя в нем больше соперника, способного с ним сравняться, он, пожалуй, даже станет любить его еще сильнее. Но он никогда не простит никому личной обиды: его нужно боготворить, поклоняться ему, чтобы снискать его любовь; по крайней мере, бояться его, чтобы быть терпимым им. Он любит окружать себя ничтожествами, лакеями, льстецами. Тем не менее в его ближайшем окружении имеется несколько выдающихся людей.

Но в общем следует сказать, что в интимном кружке Маркса наблюдается очень мало братского чистосердечия. Напротив, здесь царят задние мысли и дипломатия. Это нечто вроде глухой борьбы и молчаливого компромисса между отдельными самолюбиями. А там, где замешалось тщеславие, для братства не остается уже места. Каждый держится настороже, так как каждый опасается быть в свою очередь принесенным в жертву и раздавленным. Весь кружок Маркса представляет своего рода взаимный договор составляющих его тщеславцев. Маркс является там главным раздавателем почестей, но вместе с тем и всегда коварным и вероломным, никогда не чистосердечным и открытым зачинщиком гонений на людей, которые его затемняют, которые имели несчастье не выказать ему всего того почтения, какого он от них ждал.

Раз по его приказу начата травля, она не останавливается ни перед какой низостью, ни перед какой гнусностью. Сам еврей, он собрал вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но особенно в Германии, целую кучу еврейчиков, более или менее интеллигентных, интриганов, пронырливых, спекулянтов, какими все евреи являются повсюду, торговых или банковых агентов, литераторов, политиканов, газетных корреспондентов всех направлений и всех цветов, одним словом — литературных маклеров и вместе финансовых маклеров, стоящих одной ногой в банковом мире, а другой в социалистическом движении и усевшихся задом на немецкую повседневную прессу, — они захватили в свои руки все газеты, и вы можете себе представить, какая из этого получается мерзопакостная литература.

Так вот, весь этот еврейский мир, образующий эксплоататорскую секту, народ-кровопийцу, тощего прожорливого паразита, тесно и дружно спаянный не только поверх государственных границ, но и поверх всех различий в

политических убеждениях, — этот еврейский мир ныне в значительной части своей служит, с одной стороны, Марксу, а с другой стороны — Ротшильду. Я уверен, что, с одной стороны, Ротшильды ценят заслуги Маркса, а с другой стороны — Маркс чувствует инстинктивное тяготение и глубокое уважение к Ротшильдам.

Это может показаться странным. В самом деле, что может быть общего между коммунизмом и высшим банковым миром? А вот что! Дело в том, что коммунизм Маркса стремится к мощной централизации государства, а там, где имеется государственная централизация, в настоящее время необходимо должен иметься центральный государственный банк. А там, где существует такой банк, паразитическая еврейская нация, спекулирующая на народном труде, всегда найдет средства к существованию...[2]

Как бы там ни было, факт тот, что наибольшая часть этого еврейского мира находится в распоряжении Маркса, особенно в Германии. Ему нужно только указать на лицо, подлежащее травле, и на того сейчас же польется дождь оскорблений, самых грязных выдумок, смешных и гнусных клевет со страниц всех газет, социалистических и несоциалистических, республиканских и монархических. В Италии, где чувство взаимной деликатности и уважения к человеку, по крайней мере формально, так строго соблюдается, трудно составить себе представление о мерзком тоне и о поистине гнусном характере специфической полемики немецкой прессы. Эти литераторствующие евреи отличаются особенностью в искусстве низких, гнусных и вероломных инсинуаций. Редко они нападают с открытым забралом, но они инсинуируют: «они слышали», «говорят, будто», «это, может быть, и неправда... но тем не менее»... — а затем они швыряют вам в лицо самую нелепую клевету.*

Я кое-что знаю об этом по собственному опыту. Маркс и я — старые знакомцы. В первый раз я встретил его в Париже в 1844 г.[3] Я тогда был уже эмигрантом. Мы были в довольно приятельских отношениях. Маркс был тогда гораздо более крайним, чем я, да и теперь он, если не более крайний, то несравненно ученее меня. Я

* [За этим шел первый вариант продолжения на двух страницах, где Бакунин начал было говорить о первоначальном отношении Мадзини к Интернационалу. Но затем он, видимо, изменил план своей работы и перешел к вопросу о своих личных отношениях к Марксу, как видно из текста. Приводим эти две страницы первого варианта:]

«Если бы для иллюстрации этого потребовались факты, то в доказательствах личного и иного характера не было бы недостатка.

Такова полная истина о Марксе, рассматриваемом со всех сторон, хороших и плохих, положительных и отрицательных.

Посмотрим на его реальные заслуги перед Интернационалом. Мадзини ошибается, признавая его отцом Интернационала. Это общество не вышло из головы или воли одного или нескольких лиц, а из недр самого пролетариата. Матерью его является н и щ е т а, а отцом — ч е л о в е ч е с к о е п р а в о р а б о ч е г о. Маркс был только его главным и весьма удачливым акушером. Это само по себе было уже достаточно крупной услугой человечеству, ибо рождение того ребенка-великана, который носит имя Интернационала, было далеко не легким делом, — тем более, что Мадзини, проживавший тогда в Лондоне, не преминул пустить в ход все завоеванное им влияние, чтобы помешать этому рождению или, точнее, чтобы извратить его. В частности, он предложил крестить новорожденного в свою веру и дать ему в крестные теологию и буржуазию. Маркс же положил в его основу требование э к о н о м и ч е с к о г о р а в е н с т в а, главного базиса всякого иного равенства, международную организацию природной силы пролетариата в стороне от буржуазии и в о з м у щ е н и е, родоначальника и творца всякой свободы.

Но факт, о котором Мадзини в пылу своих нападок и клевет против Интернацио-

тогда и понятия не имел о политической экономии, и мой социализм был чисто инстинктивным. Он же, хотя и был моложе меня, уже был атеистом, ученым материалистом и сознательным социалистом. Именно в это время он вырабатывал первые основания своей настоящей системы. Мы довольно часто встречались, потому что я очень уважал его за его знания и за страстную и серьезную преданность делу пролетариата, хотя к ней всегда примешивалось личное тщеславие; я жадно искал беседы с ним, всегда поучительной и остроумной, если только она не вдохновлялась мелкой злобой, что, к сожалению, случалось очень часто. Однако между нами никогда не было полной близости. Этого не допускали наши темпераменты. Он называл меня сентиментальным идеалистом, и был прав; я называл его мрачным, тщеславным и вероломным человеком, и тоже был прав.

В 1848 г. мы разошлись во мнениях. И я должен сказать, что прав-то был скорее он, чем я.[4] Он незадолго до того основал секцию немецких коммунистов в Брюсселе и в Париже.[5] И в союзе с французскими коммунистами и некоторыми английскими он, при помощи своего друга и неразлучного сотоварища Энгельса, создал первый международный союз коммунистов различных стран в Лондоне. Там он вместе с Энгельсом от имени этого Союза составил в высшей степени замечательное сочинение, известное под заглавием «Коммунистический манифест».

Я, опьяненный революционным движением Европы, больше занят был отрицательной, чем положительной стороной этой революции, т. е. больше разрушением существующего, чем построением и организацией будущего.

Однако был пункт, в котором я был прав против него. Как славянин, я стремился к освобождению славянской расы из-под немецкого ига посредством революции, т. е. посредством разрушения империй российской, австрийской, прусской и турецкой и посредством переустройства народов снизу вверх, путем их собственной свободы, на основе полного экономического и социального равенства, а не си-

нала остерегается упоминать, но который не подлежит сомнению, заключается в том, что в промежуток между 1862 и 1864 гг. он несколько раз предлагал, то через посредство своих агентов и в частности и через именуемого Вольфом[6], то через нескольких английских рабочих, на которых он непосредственно влиял, той группе французских, бельгийских, английских, немецких и итальянских рабочих, которые обсуждали принципы будущего Интернационала, свою программу. Мадзини предложил им ту же политическую, анти-социалистическую и замаскированно теологическую программу, которая впоследствии сделалась программой того жалкого выкидыша, того несчастного и немощного предприятия, провалившегося и мертворожденного, которое называется Республиканским союзом.[7]

Маркс противопоставил ему свою программу: она была принята, а программа Мадзини отвергнута. С этого момента Мадзини держался совершенно в стороне от всех событий в Интернационале, и все, что он теперь о нем рассказывает, свидетельствует о его глубоком и постыдном невежестве в этом вопросе; и это невежество тем постыднее, что выступает в клеветническом одеянии.

«Прежде чем приступить к писанию о Международном товариществе, — говорит Мадзини, — я собрал из всех доступных мне источников все устные или письменные заявления его влиятельных участников. Поступайте так же по отношению к нам».[8]

Казалось бы, перед подобным заявлением, сделанным таким человеком, как Мадзини, надлежало бы преклониться. Но вот в № 31 того же журнала в статье Мадзини вы находите следующее примечание:

«Кто желает ознакомиться с документами, лежащими в основе этой беглой исторической заметки, пусть прочтет «Международное товарищество [рабочих]».[9]

лою власти, какой бы революционной она себя ни называла и какой бы разумной ни была на деле.

Уже тогда наметилось различие в системах, которое нас ныне разделяет, — на этот раз вполне сознательно с моей стороны. Мои идеи и мои стремления должны были сильно не понравиться Марксу. Во-первых, потому, что они принадлежали не ему; затем потому, что они противоречили его авторитарно-коммунистическим убеждениям; наконец, потому, что в качестве немецкого патриота он всегда отвергал, как отвергает и ныне, право славян на освобождение от немецкого ига полагая в настоящее время, как и тогда, что немцы призваны цивилизовать их, т. е. германизировать добром или силою.[10]

Чтобы наказать меня за дерзкое стремление к осуществлению идеи, отличной от его воззрений и даже противоположной им, Маркс отомстил мне тогда посвоему. Он редактировал выходившую в Кельне «[Новую] Рейнскую газету». И вот в одном номере этой газеты я прочитал корреспонденцию из Парижа, в которой говорилось, будто госпожа Жорж-Занд, с которою я некогда был знаком, сказала кому-то, что Бакунина следует остерегаться, так как весьма возможно, что он является чем-то вроде русского агента.

Это обвинение свалилось на меня неожиданно, как камень на голову, в тот самый момент, когда я находился в разгаре революционно-организаторской работы, и на несколько недель совершенно парализовало мою деятельность. Все немецкие и славянские друзья от меня отшатнулись. Я был тогда первым русским, замешавшимся активно в революцию. И мне не приходится вам указывать, какое чувство привычного, традиционного недоверия испытывает с первого момента всякий западный человек, когда слышит о русском революционере. Поэтому я сначала написал г-же Жорж-Занд.

Она поспешила ответить мне, прислав мне копию письма, отправленного ею в редакцию «Рейнской газеты», сообщение которой она самым формальным и резким образом опровергала. Я находился в Бреславле и послал одного, друга-поляка в Кельн с требованием торжественного и полного отказа от выдвинутого против меня обвинения. Маркс взял обратно сказанное в газете, возложив ответственность на промах парижского корреспондента и заявив, что газета поместила эту корреспонденцию во время его отсутствия; что он слишком хорошо знает меня, чтобы хотя на одну минуту и т. д., и т. п., присовокупив ряд комплиментов и уверений в дружбе и почтении. Тем дело и кончилось.[11]

Я встретился с ним несколько месяцев спустя в Берлине.[12] Общие друзья заставили нас обняться. И тогда во время полушутливого, полусерьезного разговора Маркс сказал мне: «Знаешь ли ты, что я стою сейчас во главе тайного коммунистического общества, настолько дисциплинированного, что если бы я сказал одному из его членов: «Убей Бакунина», он бы тебя убил?» Я ответил ему, что если его тайное общество не имеет другого дела, кроме убийства неугодных ему людей, то оно является просто обществом подхалимов и смешных хвастунов.[13]

После этого разговора мы не встречались до 1864 г.

В 1849 г. я был арестован, судим и приговорен к смертной казни в Саксонии. Был выдан Австрии в 1850 г., так как саксонский король не хотел никого казнить, несмотря на то, что оба моих сотоварища (Реккель и Гейбнер) и я — все трое отказались просить помилования.[14] Осужденный и приговоренный к смерти

в Австрии, я в 1851 г. был выдан России, так как Австрия обещала саксонскому королю не предавать меня смерти — обещание, которое Россия должна была снова дать тому же саксонскому королю, который, будучи страстным ботаником, не был, как видите, злым человеком.[15]

В России я просидел шесть лет в крепости и в 1857 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал в 1861 г. через Японию, Тихий Океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек и Нью-Йорк. В конце декабря 1861 г. я прибыл в Лондон.

Я встретил там моих соотечественников Герцена и Огарева и через них познакомился с Мадзини. И вот что Герцен, Огарев и Мадзини мне рассказали:

В то время как я далеко не веселился в немецких и русских крепостях и в Сибири, Маркс и К° распространяли во всеуслышание, разглашали и печатали против меня в английских и немецких газетах самые гнусные слухи вроде того, что неправда, будто я заключен в какой-нибудь крепости, что, напротив, император Николай встретил меня с распростертыми объятиями, предлагая мне все удобства и удовольствия жизни, и что я провожу время в обществе изящных женщин, распиваю шампанское и т. д., и т. п.[16]

Это было гнусно, но это было также и глупо...

Впрочем, они были достаточно наказаны — и я обязан вечной признательностью Мадзини и его благородному другу, поляку Ворцелю,[17] главе польской демократии, за то, что они решительно приняли мою сторону, когда я отсутствовал и лишен был возможности защищаться лично.

Как только я прибыл в Лондон, в одной английской газете, редактируемой неким Уркартом, полусумасшедшим туркофилом, было помещено сообщение, что русское правительство послало меня, очевидно, для занятия шпионским ремеслом. Я отозвался в другой газете, требуя, чтобы анонимный клеветник себя назвал, пообещав ответить ему не с пером в руке, а рукой без пера. Он зарубил себе это на носу, и меня оставили в покое.[18]

Весь 1862 год я провел в Лондоне, естественно не стараясь встретиться с Марксом.[19] В начале 1863 г. я поехал в Швецию, чтобы там работать над подготовкою русской революции, которая должна была прийти на помощь польской; я принял также участие в морской экспедиции, которая должна была высадить нас на польском побережье. Преданные капитаном парохода, который должен был нас туда доставить, мы лишь с величайшим трудом могли уйти от преследовавшего нас русского военного судна.[20]

В конце 1863 г. я возвратился из Швеции в Лондон, а оттуда выехал через Бельгию, Францию и Швейцарию в Италию с рекомендательным письмом Мадзини и моего старого друга Аурелио Саффи ко всем их друзьям. Я побывал на Капрере, где имел честь познакомиться с генералом Гарибальди.[21]

Эту зиму и часть лета я провел в Тоскане, а в августе 1864 г. через те же страны вернулся в Швецию. В октябре я снова возвратился в Лондон. Тогда-то я получил от Маркса записку, которую я храню до сих пор и в которой он спрашивал меня, желаю ли я принять его на следующий день у себя. Я ответил ему, что согласен, и он пришел.[22] Между нами произошло тогда объяснение: он поклялся мне, что всегда сохранял по отношению ко мне чувство искренней дружбы и глубочайшего уважения. Я знал, что это — неправда. Но у меня действительно не было по отношению к нему никакого злопамятства. Вдобаво

возобновление знакомства с ним меня сильно интересовало еще в другом отношении. Я знал, что он много содействовал основанию Интернационала. Я читал манифест, который он написал от имени временного Генерального совета, манифест, который был замечательно серьезен и глубок, как и все то, что выходит из-под его пера, когда он не ведет личной полемики.[23] В конце концов мы расстались по внешности большими друзьями, но я все же не сделал ему ответного визита.[24]

Я вернулся во Флоренцию, где провел всю зиму и откуда весною 1865 г. переехал в Неаполь. Там я оставался вплоть до сентября 1867 г., времени первого конгресса Лиги мира и свободы в Женеве.

Мы обменялись с Марксом несколькими письмами, а затем мы снова потеряли друг друга из виду.[25]

Как раз во время конгресса Мира в Женеве [26] старый коммунист Филипп Беккер, подобно Марксу один из основателей Интернационала и его друг, во всяком случае на немецкий манер, т. е. готовый при первом удобном случае ошельмовать и погубить его; если это можно сделать без риска скомпрометировать себя, передал мне от Маркса первый том, единственный до сих пор появившийся, в высшей степени серьезного, ученого, глубокого, хотя и несколько отвлеченного труда под заглавием «Капитал».

Тут-то я и совершил колоссальный промах. Я забыл написать Марксу благодарственное письмо. Несколько месяцев спустя...[27]

[Здесь рукопись обрывается.]

II. Письмо к Ансельмо Лоренцо

1. Первая редакция письма

Локарно, 24 апреля 1872 г.

Дорогой гражданин,

Наши барселонские друзья [28] сообщили мне, что после Вашего возвращения в Лондон, где Вы присутствовали в качестве делегата на сентябрьской конференции, Вы, в ответ на запрос этих друзей, сказали им: «Если Утин [29] говорил в Лондоне правду, то Бакунин — негодяй. Если же то, что он говорил, неверно, то Утин — не что иное, как низкий клеветник».[30] Позвольте, гражданин, выразить Вам мое изумление и мое сожаление, что, будучи приятелем моего друга Фанелли, [31] который первый сообщил Вам сведения обо мне, Вы не сочли нужным обратиться к нему с теми же словами и попросить у него объяснений на мой счет немедленно же после Вашего возвращения из Лондона. Таким образом, я ознакомился бы с этими низкими клеветами, жертвой которых я, повидимому, сделался в Лондоне и содержания которых я таким образом не знаю и до сих пор, по прошествии шести месяцев... Шесть месяцев клеветы, остающейся без ответа, это — огромный срок...

Как бы то ни было, зло сделано и, как говорит пословица, лучше поздно, чем никогда. При нынешних обстоятельствах я полагаю, что я не могу предпринять ничего лучшего, как обратиться прямо к Вам через посредство наших общих друзей. Хотя я никогда не имел удовольствия встречаться с Вами, я знаю через нашего друга Фанелли, что Вы — честный, справедливый, добросовестный и искренний

человек. Поэтому я в праве рассчитывать, что Вы соблаговолите ответить мне со всей братской прямотой, которую я в праве от Вас ожидать, на следующие вопросы:

1) Какие обвинения г. Утин выдвинул против меня, и в каких выражениях он их сформулировал?

2) Перед кем он их формулировал? — Был ли г. Утин моим единственным обвинителем, я чуть не сказал, клеветником?

3) Не принимали ли активного участия в этих клеветах гражданин Маркс и его приятели?

4) Были ли они сформулированы на пленарном заседании конференции или же в частных беседах?

5) Один ли я подвергался обвинениям и клеветам, и не выдвигали ли тех же самых или иных обвинений против моих друзей, Джемса Гильома, Адемара Швицгебеля или других членов Юрской федерации, и каковы были эти обвинения? [32]

6) Как Утин и Маркс представили все это дело о расколе среди интернационалистов юрских и женевских? [33]

7) Женевский делегат Анри Перре, несомненно, не оставался в стороне от всей этой лжи, которую распространяли на мой счет? [34]

8) Каковы были заключения и резолюции конференции по отношению ко мне, а также по отношению к Юрской федерации?

Одним словом, дорогой гражданин, я жду от Вас всей правды и со всеми возможными подробностями.

Я в праве требовать ее от Вас в качестве друга Фанелли и в качестве члена Альянса. Прошу Вас только в Вашем ответе не говорить ни слова об Альянсе, потому что Альянс — это тайна, которую ни один из нас не в праве разглашать, не совершая предательства.[35]

Поэтому я прошу Вас не называть меня альянсистом и обращаться ко мне, как к простому члену Интернационала, в том ответе, которого я жду от Вас, ибо я должен Вас предупредить, что я использую его как базу для обвинения моих клеветников в свою очередь. Давно уже пора положить конец всем презренным и низким интригам, не имеющим другой цели, кроме установления диктатуры марксовой шайки на развалинах Интернационала.

Жду вашего ответа.

Альянс и братство.[36] М. Бакунин.

2. Отрывки из промежуточной редакции письма

Гражданину Лоренцо, делегату Испанской области Международной ассоциации рабочих на последней конференции в Лондоне

Локарно, 7 мая 1872 г.

...С 1849 по 1861 г... Маркс и его товарищи, по большей части немецкие евреи, как и он, занимались тем, что распространяли на мой счет в Лондоне самую возмутительную клевету. Мой земляк и друг Александр Герцен, Ворцель и Мадзини заставили их извиниться...[37]

...Когда я... в 1861 г. приехал в Лондон, я услышал об этом факте из уст Мадзини и Герцена. И вот почему я не хотел возобновить своего знакомства с Марксом..

...В это время я совершил огромный промах. Я не поторопился поблагодарить его [Маркса за присылку I тома «Капитала»] и расхвалить его за это действительно замечательное произведение. Когда старый Филипп Беккер, который знает его давно, узнал, что я забыл это сделать, он тогда же сказал мне: «Как, ты до сих пор ему не написал? Ну, так Маркс тебе этого никогда не простит!» Я все-таки не думаю, чтобы это было причиной возобновления враждебных действий против меня со стороны Маркса и марксистов. На это имеется причина более серьезная, чисто принципиальная, но эта причина, смешавшись со старыми личными мотивами, дала начало гнусной травле, которой я в настоящее время подвергаюсь с их стороны...

...Я знаю, что уже в 1870 г. он [Маркс] в письме рекомендовал Утину разыскать и собрать все возможные документы, способные доказать все мое недостойное поведение; я знаю, что Утин, чрезвычайно польщенный и довольный этим поручением, пустился во все тяжкие, привел в движение небо и землю, чтобы раздобыть кое-что; я знаю, что с помощью разных улик им удалось сочинить целый ряд обвинений против меня, которым сами они придают так мало веры, что до сих пор не посмели опубликовать ни одного.[38] В течение двух лет я все это знал и молчал. Сейчас скажу, почему...

Вы знаете, гражданин, что при всяком удобном случае они изображают меня в виде главы школы в Интернационале, которую они называют анархической. Это честь и бесчестие, которых я никогда не заслужил. Я — не философ и не изобретатель систем, вроде Маркса. Я также не то, что называют ученым, и никогда у меня не было смешной претензии сравнивать свои недостаточные, неполные и из вторых рук позаимствованные знания с его образованием, которое действительно колоссально. Никогда я не выступал в виде главы партии или школы, и с тех пор, как я стал членом Интернационала, т. е. с 1868 г., я всегда считал своей честью быть рядовым интернационалистом. Моя единственная заслуга заключается в том, что я страстно предан принципам, которые я считаю правильными, и что я отстаиваю и пропагандирую мои убеждения со всей энергией, на какую я способен. Ничто и никто не могли до сих пор меня отвратить от них, и я надеюсь, что до моего последнего издыхания ничто и никто меня от них не отвратит.

Заклятый враг государства и всяких государственных учреждений, как экономических, так и политических и юридических, равно как и религиозных; враг вообще всех патриотических форм, благодетельной опеки, осуществляемой сверху вниз образованным меньшинством над народными массами; убежденный, что действительное экономическое освобождение масс, великая народная свобода и организация справедливости и равенства, одним словом, — полное и всестороннее очеловечение человеческого общества несовместимы с существованием государства, я с 1868 г. начал пропагандировать принцип уничтожения государств в недрах самого Интернационала.

Но я занимался этим не один. Целый ряд очень дорогих и очень интимных друзей, как швейцарцев, так и итальянцев, испанцев и французов, столь же убежденных, как и я, проповедывали те же самые принципы, с тем же самым пылом, а часто и с бо̀льшим красноречием и успехом, чем я. Я никогда не выступал в качестве вождя, и никто никогда не думал меня признавать таковым, кроме наших противников, которые, выставляя меня в таком виде, хотели нанести оскорбление моим друзьям и вместе с тем мне.

Это было оскорблением по отношению ко мне, раз принцип, убежденным защитником которого я являюсь, прямо стремится сделать эту ненавистную роль вождя невозможной, разрушая в корне все то, что порождает господство и эксплоатацию человека каким бы то ни было существом — божественным или человеческим. С моей стороны выступать в роли вождя или стремиться стать таковым было бы ужасающим лицемерием. Это — оскорбление для тех, другом которых я считаю за честь быть, так как отводит им роль низших и подчиненных. И, прошу вас этому верить, это — оскорбление совершенно напрасное, ибо дружба и уважение моих друзей ко мне немедленно превратились бы в презрение и ненависть, как только они заметили бы во мне хотя бы тень какого-либо поползновения к господству. Если и есть глубокое чувство...

[Здесь рукопись обрывается.]

3. Отрывки из последней редакции письма

Гражданину Лоренцо, делегату от Испанской области Международной ассоциации рабочих на последней конференции в Лондоне.

Локарно, 10 мая 1872 г.

...Я уже сказал вам, что никакая ложь, никакая клевета, никакая низость, исходящая от г. Утина, не могли бы меня удивить: одержимый честолюбием и тщеславием, с которыми может сравняться только его ничтожество; с устами всегда преисполненными напыщенных слов, которые он заучил наизусть и которые он повторяет, как попугай; с громким голосом и патетическими жестами, но с абсолютно пустым сердцем, полным самолюбия, и с головой, неспособной понять и развить ни одной мысли; переметная сума, не знающая срама; бесстыдный лгун; низкий трус, когда он не чувствует за собою поддержки, но обретающий невероятное, чисто еврейское нахальство, когда за ним стоит сильная толпа; непостоянный, лживый и фальшивый, как поддельное украшение; низкопоклонствуя перед всем, что кажется ему влиятельным и блестящим; льстя пролетариату грубым проявлением лицемерного унижения и почтения; меняя, наконец, принципы, как перчатки, смотря по требованиям обстановки и момента, — это жалкое ничтожество не имеет другой силы, кроме своего медного лба, своей бесстыжей совести, своего бесспорного таланта к интриге и десятка тысяч франков ренты, которые доставляют ему выгодное положение среди реакционной партии, господствующей ныне в женевском Интернационале...

Некогда в женевском Интернационале существовали две партии: строительные рабочие, почти сплошь иностранцы, в особенности французы и савояры, и так называемая «Фабрика». Последняя, состоящая исключительно из рабочих, являющихся женевскими г р а ж д а н а м и, охватывает различные отрасли часовой промышленности. Строительные рабочие гораздо более многочисленны, а вместе с тем и гораздо более бедны, чем часовщики; зарабатывая не более $2^1/_2$ — $3^1/_2$ франков и очень редко 4 франка в день и работая самое большее 9 месяцев в году, они являются настоящими пролетариями и, по крайней мере, по инстинкту, а также по положению — настоящими революционными социалистами. В добрые времена Интернационала, единственными основателями которого они сначала

были, и вплоть до конца 1869 г. они на всех общих собраниях Ассоциации постоянно голосовали за резолюции, проникнутые чисто социалистическим и интернационалистическим духом, против вожаков «Фабрики», которая в настоящее время. к сожалению, почти неограниченно господствует над ними.

«Фабрика», как я сказал, состоит исключительно из кровных женевцев. В качестве граждан они пользуются всеми политическими правами и весьма этим гордятся, а этого достаточно, чтобы обратить их в орудие партии женевских буржуазных радикалов, орудие, правда, чрезвычайно шумное и достаточно надменное. но тем более слепое. Вожаки «Фабрики» весьма охотно готовы играть роль и занимать политические посты, а это тщеславие буржуазных рабочих весьма ловко эксплоатируется вождями радикальной партии. В качестве буржуазных рабочих они естественно исповедуют буржуазный социализм и чрезвычайно враждебно относятся к социализму народному, эгалитарному, анархическому или открыто революционному. Это, впрочем, объясняется тем обстоятельством, что многие из этих рабочих, зарабатывающих от 7 до 15 франков в день в отрасли промышленности, обслуживающей роскошь, очень мало могли бы выиграть от социального переворота.

Реакционные тенденции женевской «Фабрики» явно проявились в августе и в сентябре 1869 г. во время избрания делегатов на Базельский конгресс и обсуждения его программы. Пелисер Фарга,[39] бывший очевидцем и свидетелем борьбы, которую нам пришлось выдержать по этому поводу, сможет рассказать вам это дело в подробностях. Секции «Фабрики» дошли в своей наглости до того, что обратились с крайне императивным ультиматумом к строительным рабочим, угрожая расколом в случае, если те не согласятся вычеркнуть из программы конгресса двух основных вопросов: о коллективной собственности и об отмене права наследования. Что рабочие — женевские граждане — хотели исключить оба эти вопроса, это совершенно естественно. Во-первых, эти вопросы задевали их буржуазно-социалистические инстинкты, а во-вторых, сохранение этих вопросов в программе и разрешение их в революционном смысле сделали бы невозможным их союз с буржуазными радикалами. Но при всем том их претензия диктовать решения большинству была все-таки наглостью с их стороны. Это мы и разъясняли строительным рабочим, заявив им, что мир и согласие, конечно, прекрасные вещи, но только тогда, когда они основаны на свободе и на взаимном уважении всех, а не на подчинении их другим, — все равно, составляют ли первые большинство или даже меньшинство. Мы одержали победу[40]; но с того времени вожаки «Фабрики» прониклись неутолимой ненавистью к моим друзьям и особенно ко мне.

Эти вожаки всегда преследовали две цели, которым мы постоянно сопротивлялись и с которыми я никогда не переставал бороться, пока я оставался в Женеве, т. е. до Базельского конгресса исключительно.[41] Первая из этих целей сводилась к юридическому и фактическому установлению во всех секциях женевского Интернационала дискреционной и в некотором смысле тайной правительственной власти комитетов и, как ее неизбежного спутника, действительного принижения и подчинения массы интернационалистов. С точки зрения их честолюбия их расчет был совершенно правилен. Они всегда терпели поражения на общих собраниях, где, отстаивая истинные принципы Интернационала и поддерживаемые революционным

инстинктом масс, мы имели перед ними преимущество. Поэтому они стали открыто уклоняться от участия в народных собраниях, предпочитая им полузакрытые собрания комитетов. Гораздо легче привлечь на свою сторону несколько десятков членов этих комитетов, воздействуя на честолюбие одних, на тщеславие других, наконец на жадность третьих, чем навязать народной массе жалкие и узкие идеи. Благодаря своей настойчивости и благодаря небрежности, не свободной от самонадеянности и слабости, некоторых из наших прежних союзников, в настоящее время впавших в полное бездействие, вожаки «Фабрики» после моего отъезда из Женевы добились своей цели. В настоящее время вся деятельность женевского Интернационала сосредоточилась в комитетах: и результат этой победы не заставил себя долго ждать: получилась деморализация и дезорганизация секций, сделавшихся орудием в руках буржуазных радикалов.

Вторая цель, которую преследовали вожаки «Фабрики» и с точки зрения которой осуществление первой должно было служить средством, сводилась по существу к установлению полной солидарности Интернационала с национальной политикой женевских буржуазных радикалов. Это то, что в Женеве, в немецкой Швейцарии и в Германии называется закономерным и необходимым участием пролетариата в политических вопросах и конфликтах буржуа. Марксисты упрекают нас в стремлении к воздержанию от политической борьбы, ложно изображая нас в виде каких-то аркадских, мирных и отнюдь не революционных социалистов. Говоря это о нас, они сознательно лгут, так как лучше кого бы то ни было знают, что мы также рекомендуем пролетариату заниматься политическим вопросом; но что проповедуемая нами политика, вполне народная и интернациональная, а не национальная и не буржуазная, ставит себе задачею не основание или преобразование государств, а их разрушение. Мы говорим — и все, что мы наблюдаем сейчас в Германии и в Швейцарии, подтверждает наши слова, — что их политика, стремящаяся к преобразованию государств в якобы народном смысле, может привести лишь к новому порабощению пролетариата в пользу буржуазии. В самом деле, что мы видим в Женеве? Г-н Гросслен, корифей, великий оратор и главный вожак «Фабрики», заседает сейчас в качестве депутата в Большом совете и произносит там красивые речи, окрашенные чрезвычайно робким, буржуазным социализмом, тогда как действительная власть остается сосредоточенной исключительно в руках буржуа, сила которых тем более возросла, что Интернационал в настоящее время сам сделался их игрушкой.

Таким образом в настоящее время, но только на этом условии, существует теснейший союз между радикальным правительством и женевским Интернационалом, совершенно утратившим социалистический характер, но зато приобретшим характер весьма политический. И Маркс действовал совершенно правильно, когда избрал именно Женеву местом для ближайшего конгресса. Это прежде всего увеличит марксистское большинство на почтенную цифру 32 женевских делегатов, содержание которых не будет стоить ни копейки секциям и которые под влиянием Гросслена, А. Перре и Утина все будут горой стоять за Маркса; а для поддержки этой шайки будет иметься высокое покровительство правительства и улюлюканье женевского населения, восстановленного против нас. [42]

Заранее можно предсказать, что конгресс кончится страшным скандалом. Но, несмотря на это, мы пойдем туда для защиты принципа революционного со-

циализма, и мы твердо убеждены в том, что там окажется с нами импозантное меньшинство, состоящее из испанцев, итальянцев, французов и бельгийцев, и что это меньшинство спасет и свободу, и самое существование Интернационала...

...В сентябре* 1870 г., после провозглашения республики в Париже, орган Юрской федерации «Солидарность»[43] выпустил прокламацию к рабочим-интернационалистам всех стран, призывавшую их всех выразить не платоническую, а революционную и активную симпатию к Франции, которая снова сделалась отечеством революции.[44] Федеральное правительство Швейцарии пришло в величайшее волнение. Оно полагало, что этот комитет способен сильно скомпрометировать Швейцарию в глазах завоевательной и победоносной Германии. Поэтому оно сделало представление невшательскому правительству, которое находилось тогда и находится еще и сейчас в руках буржуазных радикалов, естественных союзников женевских буржуазных радикалов, которые за последние два года, как я уже Вам рассказал, сделались господами женевского Интернационала. Невшательские буржуа, которые давно уже пылали ненавистью к нашему другу Джемсу Гильому, редактору «Солидарности», за то, что он сын государственного советника, человек умный, образованный, возымел преступную дерзость предпочесть открывавшейся перед ним блестящей буржуазной карьере скромное и разорительное служение революционному социализму в рядах Интернационала, и за то, что в нашей газете он имел смелость развивать принципы, прямо противоположные буржуазному радикализму и патриотизму, — так вот эти невшательские буржуа, на сей раз пришпоренные еще выговором федерального правительства и собственным страхом, обрушились на него с настоящим бешенством. Они угрожали сломать его станки, отобрать у его типографии все заказы нескольких друзей,** и некоторые разъяренные буржуа хотели даже его убить. Вы знаете, что никто не может сравняться по свирепости с испуганным буржуа.

Все это, впрочем, было совершенно естественно и в порядке вещей. Невшательские буржуа действовали так, как должен действовать всякий буржуа. Но что было возмутительно, так это то, что газета «Равенство», официальный орган Романской федерации в Женеве, редактируемый г. Утиным под непосредственным руководством Совета этой интернационалистической федерации, приняла сторону буржуазных радикалов против интернационалиста Гильома. Она обрушилась на него и на его манифест самым гнусным образом; и, не ограничиваясь этой выходкой, без сомнения с целью угодить своим высоким и могущественным покровителям — буржуазным радикалам женевского кантонального правительства,*** Федеральный совет Женевской области обратился к швейцарскому федеральному правительству с протестом, в котором он решительно дезавуировал этот неуместный манифест, столь раздраживший и напугавший господ буржуа...[45]

.... Но вернемся к моей драгоценной особе. Вся моя заслуга, если здесь есть какая-нибудь заслуга, заключается в том, что я всегда был страстно предан принципам, которые я считаю верными; что я всегда проповедывал их со всей энергией, на какую только способен, и что я никогда не давал себя отклонить от них никаким личным или иным влияниям.

---

* [В рукописи по ошибке написано: «в августе.»]

** [В рукописи здесь стоит лишнее слово «так как».]

*** [В рукописи написано по ошибке «центрального».]

Убежденный враг государства и всех как экономических, так и политических, юридических и религиозных государственных учреждений, враг вообще всего того, что на языке доктринерской породы называется благодетельной опекой, осуществляемой в какой бы то ни было форме мыслящим и, разумеется, бескорыстным меньшинством над массами, убежденный, что экономическое освобождение пролетариата, широкая свобода, действительная свобода личностей и масс, и всеобщая организация человеческого равенства и человеческой справедливости, одним словом — что очеловечение людского стада несовместимо с существованием государства или с какой-либо другой формой авторитарной организации, я с 1868 г., времени моего вступления в Интернационал в Женеве, открыл крестовый поход против самого принципа власти и начал публично проповедывать уничтожение государств, уничтожение всех правительств, всего, что называется господством, опекой и властью, в том числе, без сомнения, и так называемой временной революционной диктатуры, которую якобинцы Интернационала, последователи или не-последователи Маркса, рекомендуют нам в качестве переходного средства, по их словам, абсолютно необходимого для упрочения и организации победы пролетариата. Я всегда думал и в настоящее время думаю более, чем когда-либо, что эта диктатура, замаскированное восстановление государства, никогда не в состоянии будет привести к иным результатам, кроме как к парализованию и убиению жизненности и силы народной революции.

Вот принципы, которые я проповедывал, но этим делом занимался не я один. Много очень интимных и дорогих друзей, швейцарцев, французов, итальянцев, испанцев, не говоря уже о бельгийцах, развивших эти принципы в особенно научной форме, проповедывали их одновременно со мною и с гораздо бо́льшим красноречием и успехом, чем я.

На Базельском конгрессе, благодаря несомненному совпадению этих принципов с инстинктами пролетариата, мы одержали, можно сказать, полную победу не только над парижскими прудонистами, идеалистами и доктринерами, запоздалыми проповедниками буржуазного социализма, Толенами и Ланглуа, ныне изменившими Интернационалу, но и над авторитарными коммунистами школы Маркса. Вот чего Маркс и его сторонники не смогут никогда нам простить, и вот почему немедленно после Базельского конгресса они предприняли против нас кампанию, которая ставит себе целью не более и не менее, как полное наше уничтожение.[46]

...Я имею основание предполагать, что это — дело рук г. Лафарга, зятя г. Маркса и чрезвычайного комиссара Генерального совета в Испании.[47]

...Вы хорошо видите, что между партией Маркса и нашей лежит целая пропасть. И когда я говорю Вам о нашей партии, прошу Вас верить, что речь вовсе не идет о моей партии. Попытки всячески представить меня как главу партии также составляют один из возмутительных приемов наших противников. Они хотели бы придать вопросу личную постановку, чтобы тем легче его затушевать. Они изображают нас, изображают меня в виде какого-то склочника, который, желая создать себе положение в Интернационале, не останавливается перед внесением раскола в его ряды, а моих друзей, принципы и убеждения которых я считаю за честь разделять, представляют в виде бессознательных орудий моего честолюбия.

Этот прием, основанный на двойной клевете, лживость которой они сами очень хорошо сознают, не лишен известной ловкости, но он гнусен. А самое замечательное и, я бы сказал также, самое бесстыдное во всем этом деле заключается в том, что как раз люди, которые уже по своей теории склонны к культу власти и вождей и которые не упускают ни одного случая, чтобы не провозгласить себя последователями Маркса, «своего учителя», своего законодателя и своего руководителя, — именно они смеют бросать такое обвинение людям, которые неустанно проповедуют устранение вождей и низвержение всех авторитетов, как официальных и правительственных, так и мнимо-революционных.

Но если уже речь зашла обо мне, то я хочу раз навсегда объясниться на мой собственный счет. Во время полемики в итальянских газетах, дружественной или враждебной, но всегда приличной, полемики, в которой я сознательно избегал до сих пор лично принимать участие, равно как во время нечистоплотной и злобной полемики в немецких газетах, я достаточно изображался в виде крайне честолюбивого человека, одушевленного горделивою и тщеславною претензиею выступить в Интернационале в качестве соперника Маркса. Это — совершенная неправда. Никогда мне и в голову не приходило выступать в качестве антагониста Маркса. Верно, что в вопросах, связанных не с самыми принципами справедливости и равенства, а с их осуществлением, равно как с организацией народных сил посредством Интернационала, я провожу систему идей, диаметрально противоположную идеям Маркса. Но никогда, решительно никогда я не выступал в качестве его антагониста, а еще менее в качестве его соперника...

Я Маркса знаю давно, и хотя я глубоко сожалею о некоторых действительно отвратительных недостатках его характера, вроде его крайней недоверчивости, ревности, обидчивости и склонности к самообожанию и неумолимой ненависти, выражающейся в самых возмутительных клеветах и жестокой травле всех тех, кто, в общем разделяя те же тенденции, что и он, имеет несчастье не соглашаться с его специфической системой и особенно с его личным верховным руководством, считать которое единственно разумным и единственно спасительным приучили его обожание и, так сказать, идолопоклонническое и слишком слепое повиновение его друзей и учеников, — констатируя все эти недостатки, часто портящие то добро, которое он способен делать и которое он делает, я всегда все-таки ценил, — и целый ряд товарищей могут в случае нужды это засвидетельствовать, — я всегда отдавал полную справедливость действительно замечательному уму и образованию Маркса и его непоколебимой, активной, предприимчивой и энергичной преданности великому делу освобождения пролетариата. Я признавал и признаю его колоссальные заслуги перед Интернационалом, одним из главных основателей которого он был, что̀ на мой взгляд дает ему величайшее право на славу. Наконец, я и до сих пор думаю, что было бы серьезной потерей для Интернационала, если бы Маркс, потерпев неудачу в своих честолюбивых проектах и в осуществлении своих практических идей, в достоинствах которых он без сомнения убежден, но которые нам кажутся чрезвычайно плохими, захотел лишить нашу великую Ассоциацию помощи своего ума и своей деятельности, столь благодетельной для ее дальнейшего развития. Но все это ни в каком случае не говорит в пользу превращения Интернационала в слепое орудие Маркса, и я, не колеблясь, заявляю,

что если бы пришлось выбирать между его доктриной и его отставкой, я предпочел бы его отставку.

Я был бы просто смешон, если бы возымел когда-либо мысль сравнивать мои заслуги с его заслугами. Я всегда был простым рядовым членом Интернационала, весьма преданным, весьма верным, но абсолютно не имеющим никакого другого права на его признательность, тогда как Маркс был одним из самых умных его инициаторов и отцов. Я признаю это вполне искренно. Но да будет мне в то же время позволено выразить желание, чтобы великий ум Маркса помог ему наконец понять то, что отцы обыкновенно плохо понимают, а именно, что с того момента, как ребенок подрос, его нужно освободить от всякой опеки, как открытой, так и замаскированной.

С моей стороны было бы столь же смешно равнять мои знания, весьма недостаточные и во всяком случае почерпнутые из вторых рук, с действительно обширнейшей и глубокой эрудицией Маркса. Перед этой эрудицией я охотно склоняюсь, однако не принимая ее слепо. Я очень уважаю науку, — подлинную науку, — положительную науку, и я буду ее еще больше уважать, когда она сделается всеобщей наукой, наукой народа. Но всеми силами души я протестую против господства ученых...

Возвращаясь к моей собственной особе, которую припутали к вопросу против моей воли, я раз навсегда заявляю, что так как я никогда не изобретал никакой системы, ни даже того, что называют новой идеей, я не имею ни малейшего права на звание вожака или г л а в ы в теоретическом смысле этого слова. А что касается его практического смысла, то оно ко мне еще менее приложимо, ибо для того, чтобы быть вождем, нужно иметь возможность командовать, по крайней мере, несколькими солдатами. А за мною нет ни одного. Поэтому я никогда не был вождем, кроме как в воображении или, скорее, в злой интуиции моих клеветников. Никогда я не выступал в роли вождя среди своих друзей, и никогда они не признали бы меня таковым, — ни меня, ни кого-либо другого. Ибо снова повторяю Вам: если есть среди нас общее и господствующее настроение, так это глубокое отвращение ко всему тому, что называется господством и господином, опекой и опекунами; и я могу Вас уверить, что доверие товарищей, их личная дружба и уважение, которые я считаю моими драгоценнейшими сокровищами, быстро превратились бы в презрение и ненависть, если бы они заметили во мне хотя бы тень честолюбия, кроме стремления работать вместе с ними и на равных с ними правах для общего дела...

...Циркуляр, в составлении которого я не принимал ровно никакого участия, ни прямого, ни даже косвенного, так как я не присутствовал на конгрессе в Сонвилье, но к которому я всецело примкнул, когда прочитал его.[48] А так как Вы ничуть не заинтересованы в извращении его смысла и цели, Вы должны были признать, что, меньше всего замышляя создать новый центр на-ряду с уже существующим в Лондоне, он не имел другой цели, кроме введения последнего в рамки и ограничения его полезною, но весьма скромною задачею Центрального бюро статистики и сношений. Нужно быть крайне недобросовестным, чтобы обвинять в честолюбии рабочие секции, которые, протестуя против власти центров и объявляя беспощадную войну проклятому принципу авторитета во всех его возможных проявлениях, нападают на самые основы, на которые до сих пор могли опираться все

честолюбивые и властолюбивые стремления, как коллективные, так и личные. Юрский циркуляр далеко не остался безрезультатным и достиг своей цели, так как он вызвал во всех странах европейского континента, кроме Германии и нескольких стран, терпящих морально германское иго, ряд манифестаций, столь открыто направленных против диктатуры лондонского Генерального совета, что последний, получив должное предостережение, ныне клянется на всех перекрестках, что никогда не мечтал выходить из скромных границ, начертанных для него нашими общими статутами...

...Ни Маркс, ни Генеральный совет никогда ничего не делали для того, чтобы насадить и распространить организацию и принципы Интернационала в Италии. Все, что там сделано в этом направлении, обязано исключительно энергичной и неутомимой деятельности членов того Альянса социальных революционеров, которому он и его друзья объявили столь жестокую войну за то, что он смеет отвергать все правительственные системы, даже его собственную. Нужно, впрочем, признать, что революция Парижской Коммуны еще в большей степени, чем пропаганда Альянса, вывела итальянский пролетариат из его вековой спячки и пробудила в нем социалистические идеи, которые до тех пор были ему не знакомы...

[Здесь рукопись черновика обрывается.]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет о конфликте между марксистским и бакунистским крылами в Интернационале, принявшем форму открытой борьбы после Лондонской конференции 1871 года и конгресса горных швейцарских секций в Сонвилье.

[2] Отдельные антисемитские выходки встречаются у Бакунина уже в 40-х и в начале 60-х годов, а с конца 60-х годов открывается эра его антисемитских писаний, начавшаяся с письма в «Réveil» против Гесса в октябре 1869 г.

[3] Впервые Бакунин познакомился с Марксом в марте 1844 г. во время первого посещения Бакуниным Парижа. С июля того же года Бакунин поселился в Париже и тогда ближе сошелся с Марксом.

[4] Очевидно, Бакунин имеет в виду расхождение по вопросу о «демократическом легионе», во главе которого Гервег собирался вторгнуться в Германию. Мысль эта была подсказана поэту прусским полицейским агентом Борнштедтом В отличие от Маркса, который решительно высказался против этой авантюры в марте 1848 г. в Париже, Бакунин поддерживал Гервега, что впоследствии признал своей ошибкой. Об этом он говорит во втором выпуске «Кнуто-германской империи», в свое время не увидавшем света (см. Bacounine, Oeuvres, т. III, стр. 12): «В этом вопросе, как я теперь думаю и откровенно это высказываю, правы были Маркс и Энгельс: они лучше понимали общее положение дел. Но они нападали на Гервега с развязностью, присущей их нападкам, а я горячо защищал против них Гервега, отсутствующего в Кельне. Inde ira». Кстати, из этих слов Бакунина как будто вытекает, что он встречался с Марксом в Кельне (где он побывал в середине апреля 1848 г.). Прибавим, что в рукописи «Мои личные отношения» повторяются многие места из цитируемых и следующих за ним примечаний к второму выпуску «Кнуто-германской империи», писавшемуся в начале 1871 г. Обычный писательский прием Бакунина.

[5] Повидимому, имеются в виду так называемые коммунистические корреспондентские комитеты. Из них брюссельский был основа , вероятно, Марксом в 1846 г., а парижский — Энгельсом, повидимому, тогда же. Указание Бакунина на роль Маркса в этом деле подтверждает точку зрения Рязанова, высказанную им по поводу организационной работы Маркса в книге «Маркс и Энгельс», стр. 84 сл.

[6] Впоследствии выяснилось, что секретарь Мадзини Вольф был провокатором.

[7] Мадзинистский Республиканский союз был основан в 1866 г. из существовавших прежде организаций, носивших название «священной фаланги».

Имеется в виду статья Мадзини в № 38 «Roma del Popolo» от 16 ноября 1871 г., в которой Мадзини открыл поход против Интернационала и в частности против Бакунина. Как известно, этой статьей Мадзини воспользовался Энгельс, чтобы отгородиться от Бакунина письмом, напечатанным в № 43 мадзинистского журнала (см. мою книгу о Бакунине, т. IV, стр. 479—480).

[9] Цитата взята из статьи Мадзини «L'Internazionale. Cenno storico,» II, напечатанной в № 31 «Roma del Popolo» от 28 сентября 1871 г.

[10] Разногласия по вопросу о судьбах славянских народов действительно играли немалую роль в спорах между Бакуниным и Марксом-Энгельсом. Статья Энгельса

«Демократический панславизм», напечатанная в «Новой рейнской газете» от 14 и 15 февраля 1849 г. (русский перевод в книге «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции», Гиз, 1926, стр. 258 — 277), резко критиковала воззвание Бакунина к славянам. Группа Маркса всегда подозревала Бакунина в скрытом панславизме, тогда как Бакунин подозревал ее в стремлении насильственно навязать славянским народам буржуазную цивилизацию Германии.

[11] Корреспонденция из Парижа, о которой говорит Бакунин, появилась в «Новой рейнской газете» 6 июля 1848 г. 9 июля Бакунин написал Жорж-Занд и одновременно протестовал против клеветы письмом от 9 июля, напечатанным в № 151 бреславльской газеты «Allgemeine Oder-Zeitung». Этот протест был перепечатан «Новой рейнской газетой» 16 июля (до получения ответа Жорж-Занд). Опровержение Жорж-Занд было помещено в «Н. Р. Г.» 3 августа. Передано оно было в газету через поляка Косцельского. Подробности см. в моей книге о Бакунине, т. I, стр. 289 сл.

[12] Не несколько месяцев, а несколько недель: Бакунин встретился с Марксом в Берлине в конце августа 1848 г.

[13] Этот разговор мало вероятен. Маркс никогда не был охотником до романтических кинжалов.

[14] Повидимому, это утверждение Бакунина неточно. Уже в письме Герцена к Мишле 1851 г. («Михаил Бакунин») содержится намек на подачу осужденными прошения о помиловании («Сочинения» Герцена, т. VI, стр. 483). А в докладе аудитора Франца австрийскому военному суду прямо говорится о том, что смертный приговор был смягчен саксонским королем вследствие прошения о помиловании (повидимому, поданного всеми осужденными). Доклад Франца опубликован в № 3 «Красного архива» и в «Материалах для биографии Бакунина», Гиз, 1923, т. I, стр. 59 — 86.

[15] Показать меру своей доброты коронованный ботаник не успел, так как скончался в 1854 г., а его сынок продержал в тюрьме Гейбнера до 1859, а Реккеля до 1862 г.

[16] Это утверждение Герцена и Мадзини, а за ними и Бакунина оказывается плодом недоразумения. Как показал Рязанов («Очерки по истории марксизма»), автором клеветнических нападок на Бакунина в английской газете «Morning Advertiser» 1853 г. был не Карл Маркс, а английский консерватор Френсис Маркс, не имевший с первым ничего общего кроме фамилии. Действительный же Карл Маркс пытался поместить в этой газете письмо, в котором протестовал против этой бессмысленной клеветы, но безуспешно. См. мою книгу о Бакунине, т. I, стр. 448 сл.

[17] Ворцель, Станислав (1799 — 1857) — известный польский революционер, одно время глава Демократической централизации за границей.

[18] Здесь Бакунин не приписывает прямо этих нападок внушениям Маркса и К°, что он делает в цитированном месте «Кнуто-германской империи», где он говорит, что эти статьи были «очевидно написаны или инспирированы... вождями немецких коммунистов» (изд. «Голос труда», М. 1919, стр. 140). Речь идет о статейке, кажется, того же Френсиса Маркса в газете «The Free Press» от 5 марта 1862 г., снова объявлявшей Бакунина агентом русского правительства. Ответ Бакунина от 12 марта был направлен не в газету, а одному из членов депутации «Рабочего комитета», приславшего Бакунину приветственный адрес: этот член депутации обратил внимание Бакунина на клеветническую статью «The Free Press». Он же впоследствии поместил в журнале «Working Man» от 1 апреля 1862 г. статью «Бакунин в Лондоне», направленную против клеветы уркартистов. Что под влиянием россказней Герцена и Мадзини Бакунин искренно приписывал и статью «The Free Press» Карлу Марксу и его окружению, видно из письма его к А. Руге от 13 марта 1862 г. (Arnold Ruge's Briefwechsel, 1876, т. II, стр. 218 — 219, и у меня в т. II, стр. 15 — 16). В действительности Маркс никакого отношения к этой кампании не имел. Напротив, как мы теперь знаем из его переписки с Энгельсом, они рады были побегу Бакунина, а Маркс даже ждал его визита (Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx, т. III, стр. 41 и 50).

[19] Ясно, что Бакунин не захотел встретиться с Марксом вследствие внушенной ему Герценом и Мадзини уверенности в том, что Маркс руководил клеветнической против него кампанией.

[20] Речь идет о так называемой экспедиции Лапинского, закончившейся полной неудачей.

[21] Из Швеции Бакунин вернулся в Лондон не в конце года, а в середине октября. В декабре он находился уже в Швейцарии, в Италию приехал 11 января 1864 г., а с 19 по 22 января провел у Гарибальди на Капрере.

[22] Свидание Бакунина с Марксом состоялось 3 ноября 1864 г. Как видно из письма Маркса к Энгельсу от 4 ноября (Briefwechsel, т. III. стр. 191 — 192), Бакунин произвел на него хорошее впечатление и между прочим обещал отныне не участвовать ни в каком движении кроме социалистического. А из рассказа Маркса в «Конфиденциальном сообщении» Генерального совета, посланном в Германию, явствует также, что Бакунин взял на себя обязательство работать в Италии для Интернационала, но обещания не выполнил. Обо всем этом Бакунин не упоминает ни словом ни в данном рассказе о свидании, ни в том, который содержится в его брошюре «La Théologie politique de Mazzini et L'Internationale», 1871, стр. 46.

[23 — 24] Манифест, о котором говорит Бакунин, это — «Учредительный адрес» Интернационала. Как показал Рязанов, Бакунин не мог читать в Лондоне этого документа, который к 3 ноября не был еще опубликован. Вероятно, он познакомился с ним только по возвращении в Италию, куда этот документ был послан ему Марксом («Архив» Грюнберга, т. V, стр. 184).

[25] За три месяца после свидания Маркс послал Бакунину три письма. Бакунин ответил только на третье письмом от 7 февраля 1865 г., в весьма дружеском тоне. Затем, повидимому, переписка их прекратилась вплоть до 22 декабря 1868 г., когда Бакунин обратился к Марксу с известным письмом (напечатанным впервые в «Neue Zeit» от 6 октября 1900 г.), в котором называл себя учеником Маркса и т. п. Но на это письмо Маркс уже не ответил, так как выступления Бакунина сначала в качестве члена ЦК буржуазной Лиги мира, а затем в качестве основателя международного Альянса, явного соперника Интернационала, успели возбудить подозрение Маркса.

[26] Этот конгресс происходил 9 — 12 сентября 1867 г.

[27] О том, что произошло «через несколько месяцев», рассказывается в письме к Лоренцо: ясно, что речь идет о приписываемых Бакуниным И.-Ф. Беккеру словах о том, что Маркс никогда не простит ему молчания о его книге.

[28] Алерини и Фарга Пелисер, члены барселонской группы Альянса.

[29] Утин, Николай Исаакович — участник студенческих волнений осенью 1861 г. в Петербурге, член общества «Земля и воля», эмигрировал в 1863 г.; познакомившись с Бакуниным еще в Лондоне, снова встретился с ним в Швейцарии, где в 1868 г. они совместно выпустили первый номер «Народного дела»; вследствие принципиального несогласия с анархизмом Утин разошелся с Бакуниным и, будучи последователем Чернышевского, принял в Интернационале сторону Маркса и вел ожесточенную борьбу с влиянием бакунистов в романской Швейцарии. В 1869 г. сделался редактором газеты «Egalité» после ухода оттуда Бакунина. В 1878 г. подал прошение о помиловании и вернулся в Россию, где больше общественной деятельностью не занимался. Утин был предметом особенной ненависти Бакунина, который касается его в большинстве своих писаний после 1870 г. Специальная работа Бакунина «Интриги г. Утина» осталась незаконченной и опубликована в чикагском журнале «Голос труженика», январь — февраль 1925 г.

[30] В своей книге «El proletariado militante», стр. 322, Лоренцо рассказывает, что по возвращении из Лондона он в частном письме к барселонским товарищам употребил такую фразу. «Если то, что Маркс говорил о Бакунине, верно, то последний — негодяй; если это неверно, то негодяй — Маркс: середины нет — настолько тяжелы обвинения, которые я слыхал». Кто здесь прав — Бакунин, говорящий об Утине, или Лоренцо, называющий Маркса, трудно решить. Но не забудем, что Бакунин писал свое письмо по горячим следам, тогда как Лоренцо составлял свою книгу через 20 лет после описываемых событий. Поэтому можно скорее допустить, что в свое время Лоренцо в письме к барселонцам говорил именно об Утине как об обвинителе Бакунина. Но впоследствии Лоренцо о мелкой фигуре Утина мог забыть, тогда как крупная фигура Маркса,

у которого он кстати в Лондоне останавливался, врезалась ему в память, и он при составлении своих воспоминаний невольно напутал.

[31] Фанелли, Джузеппе (1828 — 1877) — архитектор и инженер; с юных лет был причастен к революционному движению; принимал участие в римских боях 1848 — 1849 гг., в предприятии Пизакане, в походах Гарибальди, в польском восстании; в 1866 г. был избран членом итальянского парламента; деятельный участник тайных обществ Бакунина с 1865 г., он в конце 1868 г. предпринял по поручению Бакунина поездку в Испанию, где и основал первые секции Интернационала и Альянса.

[32] Этот вопрос показывает, что Бакунин хотел узнать, нападали ли на него в Лондоне только за дело Нечаева или и за тайный Альянс.

[33] Раскол в Романской федерации произошел на конгрессе в Лашодефоне 4 апреля 1870 г., после чего анархистские секции, преимущественно юрские, образовали отдельную организацию, ставшую скоро во враждебные отношения к Генеральному совету.

[34] Анри Перре сначала был членом Альянса, но в 1870 г. разошелся с Бакуниным и стал одним из злейших его врагов.

[35] Лоренцо, подобно многим другим испанцам, не сразу разобравшимся в деле, был членом испанского Альянса и членом федерального комитета Интернационала, но в 1872 г., с обострением внутренней борьбы, отошел от дел.

[36] Приветствие между членами тайного Альянса («Союза интернациональных братьев»).

[37] Это — уже новая версия, наводящая на мысль, что о попытке Маркса поместить в «Morning Advertiser» письмо с протестом против клеветнической кампании уркартистов (см. прим. 16), Бакунин кое-что слыхал, но опять-таки в извращенном виде. Правда, протест Головина, Герцена, Ворцеля и Мадзини, намекавший на причастность к клевете немецких коммунистов, появился раньше и собственно и спровоцировал Маркса на вмешательство в эту полемику, но утверждение Бакунина тем не менее ни на чем не основано и несомненно внушено ему россказнями Герцена. Характерно, что о выступлении в его защиту И. Головина Бакунин умалчивает, не желая связывать свое имя с именем автора «Русского нигилизма», репутация которого в кругу Герцена стояла невысоко.

[38] Здесь речь могла итти как о происках Бакунина, связанных с Альянсом, так и о действиях его в связи с делом Нечаева. Лондонская конференция определенно дала Утину поручение собрать материалы по делу Нечаева, в котором Бакунин, по мнению Генерального совета, узурпировал имя Интернационала.

[39] Испанский альянсист, приезжавший на Базельский конгресс Интернационала.

[40] Победа была несовсем полная: от Женевы на Базельский конгресс были избраны два альянсиста (Броссе и Хенг) и два их противника (Гросслен и Анри Перре). Кроме того от женевской секции Альянса, не входившей в Романскую федерацию, послан был испанский альянсист Гаспар Сентиньон. Но выдвинутый бакунистами вопрос об отмене права наследования был все же внесен в повестку Базельского конгресса и чуть было не получил на нем положительного решения.

[41] Базельский конгресс происходил с 6 по 12 сентября 1869 г. После конгресса Бакунин прожил еще в Женеве несколько недель и 30 октября выехал оттуда в Локарно, где и поселился.

[42] Базельский конгресс постановил созвать следующий съезд Интернационала в Париже в 1870 г. Но преследования со стороны бонапартовской полиции сделали это невозможным, и решено было созвать конгресс в Майнце. Однако вспыхнувшая франко-прусская война помешала осуществлению и этого плана. Условия, созданные на континенте Европы войной и Парижской Коммуной, допускали созыв конгресса только в Швейцарии или в Голландии. Он и состоялся в последней (Гаагский конгресс 1872 г.).

[43] «La Solidarité» под редакцией Гильома начала выходить в Невшателе с апреля 1870 г. как орган анархистских секций, отколовшихся от Романской федерации и впоследствии принявших название Юрской федерации.

[44] Это анонимное воззвание «Манифест к секциям Интернационала», составленное Гильомом и Гаспаром Бланом (лионский альянсист, приятель Альбера Ришара),

*

было опубликовано 5 сентября 1870 г. отдельным листком в виде приложения к № 22 «Солидарности» и разослано во Францию и Германию. Неизвестно от кого исходившее и призывавшее интернационалистов к определенным действиям, это воззвание вызвало недовольство Генерального совета.

[45] Статья Утина «Манифест мистификатора» была помещена в «Egalité» от 12 сентября. Она высмеивала воззвание, утверждавшее, что французский народ стал господином своей судьбы при власти буржуазного правительства национальной обороны, а главное протестовала против того, что отдельные лица позволили себе выступить от имени всего Интернационала, не дожидаясь решения его центрального органа. Впрочем, в статье были и оппортунистические мысли (она целиком перепечатана в «Записке Юрской федерации», стр. 178 — 181). Федеральный Комитет обратился не к правительству, как пишет Бакунин, а к бернской газете «Bund» (как говорит Гильом, официозу правительства) с заявлением, подписанным генеральным секретарем Комитета Анри Перре и отклонявшим всякую солидарность с манифестом неизвестных лиц, лишенных де ясного представления о принципах и целях Интернационала.

[46] Базельский конгресс высказался огромным большинством за установление коллективной собственности на землю вопреки возражениям прудонистской группы Шемале, Мюра, Толен и пр.): за эту резолюцию голосовали как коммунисты, так и анархисты. «Победу» Бакунин одержал по другому вопросу — об отмене права наследования, ибо резолюция Генерального совета по этому вопросу была отвергнута большинством, тогда как резолюция комиссии (в бакунистском духе), хотя и не была принята, но добилась относительного большинства (32 голоса против 23 при 13 воздержавшихся и 7 отсутствовавших). Этот исход голосования действительно обеспокоил Маркса.

[47] Речь идет о корреспонденции, напечатанной в брюссельской газете «Liberté» от 5 мая 1872 г. и действительно принадлежавшей П. Лафаргу. Прибыв в Испанию в конце 1871 г., Лафарг быстро убедился в существовании там тайной организации Альянса, наложившей руку на местную организацию Интернационала. Его корреспонденции в «Liberté» от 28 апреля и 5 мая 1872 г. были посвящены разоблачению закулисной работы Альянса.

[48] Речь идет о «Циркулярном обращении ко всем федерациям Международного товарищества рабочих», принятом в Сонвилье съездом юрских секций 12 ноября 1871 г. в ответ на постановления Лондонской конференции. Этот «Сонвильерский циркуляр» отвергал единую программу и тактику Интернационала и отрицал всякую власть за Генеральным советом, против которого отныне анархистские секции выступили открыто.

Э. ПЕЛУЗО

МАДЗИНИ И БАКУНИН

(По поводу книги Нелло Росселли) [1]

I

Уже при основании «Молодой Италии» в первой половине XIX века Мадзини составил проект создания рабочих организаций. Главная цель Мадзини заключалась в том, чтобы использовать эти организованные силы для борьбы за национальное единство. Но до 1848 г. рабочее движение в Италии существовало лишь в скрытом состоянии. Итальянский пролетариат выступил на политическую арену во время мартовской революции. С этого времени Мадзини становится руководителем рабочего движения, и в продолжение почти двадцати лет рабочие массы Италии шествуют под мадзинианским знаменем, на котором начертан девиз: «Dio e popolo» («Бог и народ»).

Историю этого движения до периода его упадка описал молодой историк Нелло Росселли [1] в книге, озаглавленной «Мадзини и Бакунин», снабженной подзаголовком «12 лет рабочего движения в Италии, 1860 — 1872». Росселли приурочил свое исследование к двум датам: 1860 — 1872, но в своей книге он восходит к еще более раннему времени, к самому возникновению рабочего движения. Но что означают эти две даты?

В 1860 г. Пьемонт, с помощью Гарибальди, отнимает у Бурбонов южную Италию. Хотя единство Италии еще не было оформлено, — фактически оно уже существовало. Одновременно с формированием национальной буржуазии начинает развиваться и пролетарская масса. Современный промышленный рабочий мало-по-малу вытесняет ремесленника. Но бо́льшая часть рабочей массы, не утратившая еще ремесленного характера, организует свои союзы на основе взаимопомощи. Тем не менее диференциация ее как класса все усиливается. Все более и более углубляются контрасты между рабочей массой и новой буржуазией, в интересах которой она до сих пор действовала.

Рабочие сознают, что для самозащиты им следует сперва организоваться в национальном масштабе, и как только до них донеслись слухи о возникновении I Интернационала с его повелительным лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — они массами вступают в его ряды, ища в международной солидарности пролетариата более сильной поддержки в своей борьбе. Между 1864 — 1872 гг. загорелась борьба за гегемонию в рабочем движении. Прибывший в

[1] Nello Rosselli, Mazzini e Bakunin. 12 anni di movimento operaio in Italia (1860 — 1872). Torino, Bocca, 1927.

Италию Бакунин оспаривает у Мадзини арену, на которой последний до тех пор полновластно хозяйничал; за несколько лет до смерти Мадзини борьба между ним и Бакуниным все более и более разгорается, а затем Маркс и Энгельс выступают как против Бакунина, так и против Мадзини.

Росселли очень подробно излагает период «Мадзини — Бакунин», но бегло касается более важной эпохи, эпохи борьбы I Интернационала на два фронта: против мадзинианской — правой и против бакунистской — так называемой левой. Он с мельчайшими подробностями описывает возникновение рабочего движения в Италии.

До издания либеральной конституции 1848 г. учреждение рабочих союзов не разрешалось. Первый из этих союзов — Общество типографщиков в Турине — возник почти одновременно с революцией, а вскоре, как грибы, стали расти и другие союзы. Как только право рабочих организоваться в союзы было признано законом, буржуазия стала стремиться к тому, чтобы ввести это новое движение в определенное русло, подчинить его своему контролю и руководить им. Тогда началось ожесточенное соревнование между различными политическими партиями. Для того, чтобы захватить руководство движением в свои руки, консерваторы не нашли ничего лучшего, как свести социальную проблему к проблеме обыкновенной благотворительности; умеренная партия неохотно соглашалась на некоторые уступки и пыталась, насколько можно, затушевать социальный вопрос. В качестве одного из решений вопроса об улучшении экономического положения умеренные проповедывали рабочим бережливость. Это могло казаться насмешкой при тех ужасных условиях, в которых тогда приходилось жить рабочей массе. Средняя плата за $11^1/_2$-часовой (иногда даже 14-часовой) рабочий день составляла 1,2 — 1,5 лиры. Клерикалы, сознавая всю важность рабочего движения, пытались слить его со своим движением, чтобы усилить клерикально-реакционный блок против нового итальянского правительства. Мелкая буржуазия, этот колеблющийся и, часто, паразитический элемент политической жизни, пыталась, с одной стороны, отстранять «чернь» от всякой политической деятельности, а с другой (мадзинианская партия) хотела эксплоатировать эту крупную политическую силу для достижения своих собственных целей. Победа оставалась за этой последней тенденцией, пока на политической сцене не появились сперва Бакунин, а затем I Интернационал.

Таким образом, «Обязанности человека» стали для рабочего класса библией, из которой он узнавал о своих правах, но в особенности о своих обязанностях (между прочим об обязанности давать себя эксплоатировать). Но события вскоре выяснили бессодержательность мадзинианской доктрины.

Объединение Италии еще не закончилось, как повсюду на полуострове разразились социальные конфликты, которые приняли вскоре очень острый характер. В городах начались забастовки, в деревнях—разбои. Рабочий класс повсюду восстает против угнетения нового правительства, которое оказалось «хуже прежнего».

Таким образом, мадзинианская теория социальной гармонии подвергалась со всех сторон нападениям, и в то же время бакунизм наносил серьезные удары партии Мадзини, вступившей в период разложения. Наконец, благодаря Коммуне и несколько запоздалому влиянию I Интернационала в Италии,

сознательнейшая и активнейшая часть итальянского пролетариата откололась от сторонников «сотрудничества классов».

Мадзини упорно боролся против «вредных и иностранных влияний». Росселли подробно описывает этот последний период жизни Мадзини. Он говорит о стараниях Мадзини добиться руководящей роли в I Интернационале, о роли, которую он заставил играть провокатора Вольфа (роль эта еще не вполне выяснена), посланного им в качестве делегата на собрание Генерального совета, который должен был обсуждать устав (1864 г.). Он излагает также ряд попыток итальянских рабочих союзов принять участие в международном движении; он «объективно» рассматривает теоретическую полемику между Мадзини и Бакуниным и, между прочим, упоминает о роли Гарибальди, действовавшего в пользу Интернационала, об его последнем расхождении с Мадзини.

Римский конгресс 1871 г. был последней попыткой Мадзини объединить итальянские рабочие ассоциации на основах «Patto di fratellanza» («Братского договора»). Это была последняя Пиррова победа идеолога итальянской мелкой буржуазии. Через год Мадзини умер, в последний раз выступив в «Roma del Popolo» против Коммуны, Бакунина и Интернационала.

II

Автор книги, Нелло Росселли, — молодой итальянский историк. Он родился в Риме в 1900 г., а в 1922 г. получил ученую степень во Флоренции. Эта книга — его первая серьезная работа. Он один из главных сотрудников римской Школы новой и современной истории, и в настоящее время он пишет «Историю дипломатических сношений между Англией и Италией» в эпоху борьбы за объединение Италии. Второй том «Истории рабочего движения в Италии», который «будет продолжать изложение, прерванное на 1872 г., чтобы довести его по крайней мере до порога XX столетия», — как сказано в предисловии к книге «Мадзини и Бакунин», — уже готов. Кроме того, Росселли опубликовал ряд исследований об экономической организации итальянских коммун в средние века. По своим политическим взглядам он—демократ и, как мы полагаем, не примыкает ни к одной из политических партий. Осенью 1929 г. фашистское правительство отдало приказ об аресте Нелло Росселли в качестве заложника, после того как брат его, профессор Карло Росселли, бежал с острова, на который он был сослан как антифашист. Только после большого шума, поднятого английской либеральной прессой, Муссолини выпустил его на свободу. Такова его политическая физиономия.

Как историк, Росселли,— скажем это теперь же,— не марксист, и, хотя он старается дать добросовестную работу, произведение его страдает от этого недостатка.

Период, над которым работал Росселли, а именно эпоха возникновения национальной буржуазии и вместе с тем итальянского пролетариата, очень важен для истории рабочего движения. В это время происходила борьба трех направлений, оспаривавших друг у друга гегемонию над пролетариатом, находившимся еще в эмбриональном состоянии: мадзинианского, бакунистского и марксистского.

Макс Неттлау в своем очерке «Bakunin e la I Internazionale in Italia»

(«Бакунин и I Интернационал в Италии»), напечатанном в «Архиве Грюнберга» (стр. 275) и в недавно вышедшем издании на итальянском языке (Женева, 1928 г.), изучил более подробно этот период, уделяя особое внимание деятельности Бакунина в Италии (1864—1872). Обе эти книги дополняют одна другую, но не исчерпывают предмета. Но еще не написана история Интернационала в Италии, еще нет изложения деятельности Маркса и особенно Энгельса, который был секретарем для Италии при Генеральном совете. Ни Неттлау, ни Росселли, писавшие об Интернационале и его деятельности, не сумели и не могли как следует осветить эту деятельность.

Росселли заявляет, что он будет строго объективен, но на самом деле оказывается чрезвычайно субъективным. Он дает хороший критический анализ рабочей программы Мадзини: принцип частной собственности остается неприкосновенным; в основе этой программы лежит союз между трудом и капиталом. Он признает утопичность стремления Мадзини побудить работодателей выплачивать более справедливое вознаграждение за труд, предлагать рабочим объединяться в трудовые ассоциации (производственные кооперативы), не принимая во внимание того, что заработная плата рабочих не позволяет им делать сбережений, необходимых для основания этих ассоциаций; воображать, что правительство (буржуазное) специальным налогом на доходы капиталистов доставит эти необходимые средства. Все это ребяческие мысли, несостоятельность которых очевидна для каждого, и она не ускользнула от Росселли. Существенно, что Мадзини, пропагандируя создание рабочих союзов, стремился создать солидную опору для достижения своей политической цели, а именно буржуазной республики. В своем письме к Рабочему союзу в Болонье (от 14 августа 1861 г.) он подчеркивает все материальные преимущества объединения Италии: его мысли можно резюмировать так: «сильная объединенная Италия будет способна завоевать новые рынки в долине Дуная, на Ближнем Востоке; разовьется итальянский империализм, но в то же самое время повысится материальное благосостояние рабочих». Росселли, не ограничиваясь изложением итальянского движения, описывает деятельность Мадзини в связи с его попыткой добиться гегемонии в рабочем движении всего мира; он описывает также роль агента-провокатора Вольфа, доверенного лица Мадзини, посланного им для участия в заседаниях, на которых было основано Международное товарищество рабочих, чтобы отстаивать там мадзинианские тезисы и способствовать принятию их в качестве устава Интернационала. Хотя Росселли не дает ничего нового в главе «Мадзини и возникновение Интернационала», он приводит все же очень интересные выдержки из итальянских газет, являвшихся тогда органами Интернационала. Кроме того, в его книге рассматривается роль итальянских эмигрантов в Лондоне, находившихся тогда под влиянием Мадзини. Мадзини потерпел в Генеральном совете поражение главным образом благодаря Марксу.

В продолжение этого периода — интенсивного развития Интернационала, Мадзини, повидимому, мало занимался им. Это заставляет Росселли предположить, что Мадзини на первых порах занял примиренческую позицию. В действительности Мадзини всегда был враждебен Интернационалу. Он старался замаскировать свое расхождение с Интернационалом, утверждая, что он расходится с ним не по вопросу о цели (хотя он был против «исключительных социа-

листических систем»), а только по вопросу о средствах, намеченных для достижения победы. Впрочем, Мадзини определенно говорил, что он против Интернационала вследствие его антибуржуазного характера. Пьер Леру подтверждает, что Мадзини ненавидел слово социализм: «Мадзини, Ледрю-Роллену... это слово [социализм] внушает отвращение... на их знамени написано слово солидарность» («La grève de Samarz», II, p. 254). Мадзини даже не позволил лондонским итальянцам перевести Учредительный адрес Интернационала (Nettlau, «Bakunine en Italie», p. 278). В своих инструкциях мадзинианским журналистам он предлагает избегать употреблять слово социализм, «которое, как все признают, имеет значение системы, притом системы, предлагающей неправильное разрешение проблемы, вызывая ненужную тревогу среди очень многочисленного класса». (Росселли, стр. 189.) Мало того, когда тот «опиум», который, как выражается Маркс, он давал итальянским рабочим, перестал производить желаемое действие, Мадзини сделался жандармом частной собственности и буржуазного общества и противился всякому революционному движению угнетенного класса. Таким образом, в 1868 г. он пытался подавить восстание, вызванное налогом на помол (macinato), потому что он якобы боялся, чтобы революция не уничтожила единство Италии. Но особенно усилилась ненависть Мадзини ко всякому революционному пролетарскому движению после Коммуны. Во время героической борьбы коммунаров он резко нападает на них, восставая против «той оргии ненависти, мести и кровопролития, которую перед лицом всего мира устроила Коммуна». И чем большее число итальянских рабочих переходит на сторону Коммуны и Интернационала, отходя от Мадзини, который, наконец, вполне сбросил с себя маску, — тем сильнее выражает он свою ненависть к Коммуне, первому сознательному восстанию пролетариата как класса. Тогда-то он основывает «La Roma del Popolo», орган, в котором он изливает всю накопившуюся у него желчь против Интернационала и Коммуны.

«Объективность» Росселли заставляет его объяснять контраст между Марксом и Мадзини, исходя из психологической «несовместимости их характеров и темпераментов». Несколько презрительные отзывы Маркса по отношению к Мадзини оскорбляют Росселли. Между тем Маркс и Энгельс в продолжение долгих лет изгнания в Лондоне имели возможность основательно изучить поборника итальянской мелкой буржуазии. Напыщенная пустота этого исполненного лицемерия «христианина», его стиль, напоминающий доминиканца, наивность его как конспиратора, контр-революционный характер его рабочей пропаганды — все в нем внушало отвращение Марксу и Энгельсу, делая его мишенью для сарказмов этих двух великих людей, этих испытанных революционеров.

Мадзини признает, что «душой Интернационала является Маркс... человек очень талантливый, но, подобно Прудону, сеющий раздор».

Но Росселли, обещавший быть объективным, ставит Мадзини выше Маркса. Он не только в моральном отношении становится на сторону Мадзини, но и защищает «его республику», римскую республику (1849 г.), отдавая ей предпочтение перед Парижской Коммуной. Таким образом, он попадает в категорию реакционных буржуазных историков, хотя и желает произвести впечатление, будто он к ним не принадлежит. «В Париже, — пишет он на стр. 280, — можно сказать, не было ничего, кроме слов и изъявления намерений, так что почти можно

утверждать, что римская республика 1849 г. проявила бо̀льшую заботливость об участи пролетариата и провела большее количество мер, имеющих социальный характер» (стр. 281.) Каждый историк, и в особенности историк итальянский, должен был бы знать, что̀ сделала для пролетариата мадзинианская республика. От лица, претендующего на звание историка, можно требовать и знания того, что̀ такое Коммуна. Если мы обратимся к «Собранию официальных документов Римской республики» (от 9 февраля до 2 июля 1849 г.), то мы увидим, что 4 апреля триумвират декретировал отвести здание, в котором помещалась инквизиция (Santo uffizio), для бедных семейств; что 24 апреля он отменил налог на патенты для занимающихся ремеслами; что 29-го того же месяца он решил выдавать ежедневное пособие хлебом и мясом семействам раненых или убитых в сражениях; что в течение мая месяца нуждающимся было роздано 2 380 римских пятифранковых монет (приблизительно 12 000 фр.); 5 июня триумвират приостановил продажу заложенных в ломбарде вещей за долги, не превышающие 150 франков; 3 июля 1849 г., когда французы уже вошли в Рим, и, следовательно, мадзинианская республика перестала фактически существовать, Мадзини приказал провозгласить на площади намеченные им основные принципы Римской республики, т. е. свой проект конституции. Между прочим он обещал «законами и учреждениями этой республики улучшить моральные и материальные условия жизни всех граждан» и возвещал, что собственность неприкосновенна. Кроме того, мадзинианская республика открыла для «державного народа» сады Квиринала и Ватикана, но через несколько дней поспешила их снова закрыть вследствие обнаружившихся злоупотреблений (!). Республика организовала карнавалы, молебны, маскарады. Эти меры, в сущности лишь благотворительные, которые могли бы исходить от всякого либерального или даже умеренно-консервативного правительства, заставляют Росселли ставить опереточную республику Мадзини выше Парижской Коммуны!

В III главе — «Возникновение Интернационала, Бакунин в Италии» — Росселли излагает историю основания I Интернационала, тщательно документируя ее. Росселли приводит протоколы Генерального совета. Эти справки послужили ему главным образом для выяснения роли Мадзини и, в частности, роли провокатора Вольфа в период формирования I Интернационала.

О Бакунине и его пребывании в Италии он не сообщает ничего нового. Можно даже сказать, что в большинстве случаев он пользуется материалами, заимствованными из книги Неттлау. Он их систематизировал, дав, таким образом, ясное изложение, весьма отличающееся от хаотического произведения биографа Бакунина. Росселли, анализируя политическую мысль Бакунина, утверждает, что центральной осью, вокруг которой вращаются все идеи Бакунина, является идея свободы: отсюда необходимость восстания против государства как чего-то безнравственного. Но он не выясняет, в чем заключается утопичность идей Бакунина.

Для Бакунина «главным злом является государство, а не капиталистическая система; следовательно, надо уничтожить государство. Наоборот, марксисты говорят: уничтожьте капитал, и тогда государство падет само собой; уничтожению государства должна предшествовать социальная революция; весь способ производства должен быть изменен. Бакунин, который выступает против государства, говорит, что ничего не следует делать для поддержания существования

государства, каково бы оно ни было: будь оно республиканским, монархическим и т. д. Поэтому **следует вполне воздержаться от всякой политики.** Достаточно вести пропаганду, сорганизоваться и, когда удастся, привлечь на свою сторону всех рабочих, т. е. когда большинство будет обеспечено, устраняются общественные власти, уничтожается государство, и вместо него организуется Интернационал. Этот грандиозный акт, которым начинается тысячелетнее блаженство, называется **социальной ликвидацией.** Все это звучит ужасно радикально и все это так просто, что все это можно в пять минут выучить наизусть». Так характеризовал политическую систему Бакунина Энгельс в своем письме от 24 января 1872 г. к инженеру Куно, основателю миланской секции. Росселли, давая подробное описание деятельности Бакунина в Италии, не сумел выявить идейный контраст между Мадзини и Бакуниным, с одной стороны, и Бакуниным и Интернационалом — с другой.

«Кратко резюмировать мысль Бакунина — дело не легкое, — говорит Росселли (стр. 154), — потому что Бакунину никогда не удается привести в подлинную систему мысли, которые он излагал в многочисленных статьях, — может быть, это происходило от безудержности его мысли или вследствие того, что ему мешали в этом превратности его бурной жизни».

И далее (стр. 368): «Бакунинская критика не лишена справедливости, потому что она энергично подрывает наивное доверие Мадзини к сотрудничеству буржуазии в деле эмансипации рабочих. Если проблема финансирования кооперативов ставится таким образом, т. е. в крайних терминах, то трудно выйти из формулируемой Бакуниным дилеммы, но слишком абсолютные дилеммы никогда не соответствуют действительности»..., и Росселли начинает защищать позицию Мадзини. По его мнению, превосходство Бакунина заключается в том, что он имеет над своим противником то легко достигаемое преимущество, которым сторонник крайних мер обладает по сравнению с реформистом. От выяснения вопроса об отношении Бакунина к Марксу, т. е. к Интернационалу, он отделывается фразой: «История отношений между Интернационалом и Альянсом есть история взаимного недоверия между Марксом и Бакуниным, каждый ревниво относится к влиянию другого» (стр. 288).

Неудивительно, что Росселли не понял главной причины успеха Бакунина в Италии среди деклассированной мелкой буржуазии, среди разоренных ремесленников, которые до сих пор были сторонниками Мадзини и Гарибальди. Если во главе этих рабочих союзов становится масса кондотьеров второго ранга, оставшаяся не у дел после объединения итальянского государства, то они делают это лишь для того, чтобы бороться против государства, против нового объединенного государства, от которого они ожидали всевозможных чудес (главным образом материальных), но которое их разочаровало!.. Эти «лидеры» рабочих союзов стоят за ниспровержение государства, но не за уничтожение капитализма. То были деклассированные бунтари, но не революционеры. Маркс и Энгельс очень хорошо понимали это и всеми средствами старались подорвать влияние Бакунина, становившегося между Интернационалом и итальянскими пролетарскими элементами, которые одни только были в самом деле революционными. «В Италии, к сожалению, крайне трудно войти в непосредственный контакт с рабочими. Эти проклятые бакунистские доктринеры — адвокаты, доктора и т. д. — повсюду заслоняют

рабочих и ведут себя, как будто бы они были естественными представителями рабочего класса. Там, где нам удается прорваться сквозь эту цепь бандитов и войти в непосредственные сношения с массами, все идет хорошо, и скоро все улаживается само собой. Но при отсутствии адресов это становится почти невозможным» (Письмо Энгельса к Куно от 7 мая 1872 г.).

Но труд Росселли всего слабее там, где речь идет об Интернационале. Книга его не только изобилует противоречиями, но он сознательно несправедлив как к людям, руководившим Интернационалом, так и к самому Интернационалу, поскольку последний является революционной организацией рабочего класса. Можно сказать, что Росселли сознательно пристрастен, потому что он пользовался архивами I Интернационала и изучал документы, имеющие отношение к итальянским секциям.

С одной стороны, он обвиняет Маркса в том, что последний «изображает в слишком невыгодном свете личность своего великого противника» (стр. 324); с другой стороны, он осмеливается писать (стр. 314): «Лондонский Генеральный совет был очень удовлетворен быстрыми успехами I Интернационала в Италии. Это удовлетворение легко понять, если принять во внимание, что официальная организация Интернационала решительно ничего не сделала для создания и для поддержки движения в Италии». 1 августа 1871 года Энгельс был назначен секретарем для Италии, которая до тех пор по желанию Мадзини, была почти совершенно изолирована от Интернационала. Но как только Энгельс берет на себя эту функцию, дела в Италии начинают итти по-новому. Правда, ему способствует импульс, сообщенный рабочему движению в Италии Коммуной. Но, независимо от этого, как он, так и Маркс работают изо всех сил, стремясь завоевать для I Интернационала итальянские секции. Вышеупомянутая трудность войти в непосредственные сношения с рабочими массами увеличивалась еще благодаря тому, что Интернационал не получал даже всех писем, посылаемых по его адресу итальянскими секциями: или потому, что они конфисковались итальянской полицией, или потому, что секции вообще не знали адреса Интернационала, а иногда даже и точного наименования Международного товарищества рабочих (!), — письма пропадали. Энгельс делал отчаянные попытки нелегальным образом доставлять секциям литературу, заворачивая ее в «буржуазные» газеты. Но эта уловка не всегда удавалась. Первый Интернационал отправлял также в Италию своих эмиссаров; самым способным из них был, без сомнения, Реджис, (Péchard), итальянский рабочий, эмигрировавший в Лондон и пользовавшийся доверием Генерального совета. С теми слабыми средствами, которыми располагал Интернационал, он делал сверхчеловеческие усилия, чтобы быть вездесущим. Так как в Италии не было марксистских журналистов, а газеты, являвшиеся органами Интернационала, вырастали повсюду, как грибы, то на Маркса и Энгельса сыпались заказы статей. Как ни заняты были оба друга, они все же часто выполняли предъявляемые к ним требования, тем более, что Маркс знал, что «Италия есть единственная страна, где пресса Интернационала приняла фигаристский характер. Достаточно бросить взгляд на каллиграфию секретарей этих мнимых секций, чтобы убедиться, что это — почерк коммерсантов или людей, хорошо пользующихся пером (продажных писак)». Энгельс не только

поддерживал прессу «Интернационала», но в полемике против Мадзини и Бакунина он помещал в буржуазной прессе написанные по-итальянски сообщения для восстановления фактов и опровержения утверждений Бакунина, которые могли бы быть приняты за выражение мыслей Интернационала. Бакунин, наоборот, довольствовался писанием очень длинных писем, наполненных советами, сообщениями, разъяснениями и адресованных к кому-либо из его итальянских друзей. Письма эти должны были затем переходить из рук в руки, соответственно его предварительным указаниям. Сохранившиеся черновики итальянских писем Энгельса являются доказательством его неутомимой деятельности в качестве секретаря для Италии. В начале 1872 г. итальянские секции еще не получили статутов и регламента I Интернационала. Первый неполный и неудовлетворительный перевод их был напечатан в «L'Eguaglianza» (Джирдженти), в «La Plebe» (Лоди) и в «Romagnuolo». В Равенну в конце 1871 г. и в начале 1872 г. Энгельс несколько раз по почте посылал статуты на французском языке, но они никогда не доходили. В одном из своих писем он жалуется, что у Интернационала нехватает средств, чтобы печататься по-итальянски. Что касается «Капитала», то, как только появились первые выпуски французского издания 1872 г. (издание Le Châtre), Маркс послал их Биньями в Лоди. В Лондоне он вел переговоры с коммунаром Ла Сесилиа относительно перевода «Капитала» на итальянский язык. К сожалению, Ла Сесилиа не выполнил взятого на себя обязательства, и первое научное издание «Капитала» появилось в Италии лишь через десять лет после этого. Успехи Интернационала в Италии были достигнуты после того, как Энгельс принял на себя руководство делами Италии. Через год после этого Кафиеро писал Энгельсу: «Интернационал завоевал всю Италию от Альп до крайнего утеса Сицилии. Как в Турине, так и в Катании развевается наше славное знамя». (Письмо к Энгельсу от 18 октября 1871 г.). Редактор газеты «L'Eguaglianza», G. Friscia, также писал Энгельсу, побывав в Палермо, Неаполе, Риме и Флоренции: «В этих городах ведётся громадная социалистическая работа, через год полуостров будет в наших руках. В Сицилии господствуем — мы. В одной только провинции Джирдженти у нас через несколько дней будет десять секций».

Даже принимая в расчет южную экспансивность авторов этих писем, все же нельзя отрицать, что Интернационал бесспорно приобрел в Италии популярность и авторитет.

В заключение следует сказать, что, несмотря на большие недостатки работы Росселли, заслугой последнего является то, что он попытался выяснить возникновение рабочего движения и, пользуясь газетами той эпохи, которые с каждым днем становятся все более и более редкими, особенно в Италии, дал картину зарождения и первоначального развития пролетарской борьбы в Италии.

Но история Интернационала в Италии пока еще не написана.

РЕЦЕНЗИИ

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Гоникман, С. Марксистско-ленинское мировоззрение и материалистическая диалектика. Краткий очерк. Изд. «Красная газета». Ленинград. 1930. Стр. 56.

Данная брошюра является вводной главой подготовляемой автором работы «Исторический материализм». Брошюра состоит из двух глав: глава первая: «Марксизм-ленинизм как мировоззрение», глава вторая: «Основные законы диалектики».

В первой главе автор останавливается прежде всего на составных частях марксизма-ленинизма. «Марксизм-ленинизм, — пишет он, — включает в себя следующие части:

Диалектический материализм — наша философия.

Исторический материализм — наука об общих законах общественного развития.

Политическая экономия — наука о законах развития производства, обмена и распределения в капиталистическом обществе, продолженная Лениным учением об империализме.

Научный социализм — наука о законах классовой борьбы в капиталистическом обществе, о диктатуре пролетариата и социализме как неизбежном результате этой классовой борьбы, дополненная и развитая Лениным «учением о пролетарской революции и переходном периоде» (стр. 8).

Далее автор указывает на то, что марксизм-ленинизм является мировоззрением, все части которого неразрывно связаны между собой, так что нельзя отбросить ни одну из них, не разрушая всего здания.

В этом разделе брошюры автор посвящает несколько страниц вопросу о взаимоотношении метода и науки, указывая на то, что каждая из составных частей марксизма играет «двойственную роль»: по отношению к выше стоящему члену она выступает как наука, по отношению к ниже стоящему члену она выступает как метод.

Метод и наука, — говорит автор, — не является чем-то взаимно исключающим друг друга: каждая общая наука для более частной науки является методологией. Марксизм, краеугольным камнем которого является диалектический материализм, претендует на «гегемонию» не только в области наук общественных, но и в области наук естественных. Предметом науки является движущаяся материя. «Наука, которая занимается общими законами развития, и есть наука, которая называется диалектическим материализмом» (стр. 25). И каждая общественная или естественная наука является исследованием того, как общие законы развития выражаются в данной специальной области.

В главе второй автор останавливается на законах диалектики: 1) перехода количества в качество и обратно, 2) единства противоречий, 3) отрицания отрицания. Эти общие законы диалектики изложены автором в достаточной мере ясно, исключение составляет лишь закон единства противоположностей, который автор называет единством противоречий, не учитывая того различия, которое имеется

между понятиями «противоположность» и «противоречие», различия, которое отмечали не только Гегель, но и Маркс, и Энгельс, и Ленин.

Недостаточно убедительно кажется нам сведение всякого противоречия к противоречию между формой и содержанием.

Спокойный, Л. Ф. Диалектический и исторический материализм. Популярный очерк. (Популярная библиотека марксизма.) Изд. «Прибой». Ленинград. 1930. Стр. 124.

Книга является попыткой популярного изложения основных проблем диалектического и исторического материализма и рассчитана на начинающего, мало подготовленного читателя. Из девятнадцати небольших глав книги десять посвящены изложению диалектического материализма. Надо отметить, что автор, стоящий в общем на правильной позиции, наиболее удачно справляется с изложением исторического материализма. Учение об обществе, производительных силах и производственных отношениях, о государстве и классовой борьбе изложено довольно ясно, однако есть и здесь недочеты: так, например, почему-то совершенно отсутствует учение о революции, не четко разрешен вопрос о роли личности в истории. Главы же, посвященные изложению основных проблем диалектического материализма, слабее. Например, говоря о формальной логике, автор совершенно не касается ее основных законов и недостаточно ярко оттеняет различие формальной логики от диалектической.

Критика механистического мировоззрения дана автором в общем правильно, но на современном споре с механистами автор почти не останавливается. Страницы, посвященные изложению Гегеля, страдают слишком большой популярностью за счет полноты и ясности изложения. Законы диалектики даны в очень сжатом виде и совершенно выпущен закон единства противоположностей, что является большим недостатком книги. Слабо освещен вопрос о диалектике в теории познания.

Иков, В. К. Эстетика Н. Г. Чернышевского. Издательство АХР. М. 1929 Стр. 67.

Автор имеет некоторые сведения об эстетических взглядах Чернышевского, значительно меньшие — об идеалистической эстетике, с которой боролся Чернышевский, и совсем небольшие о том, что фигурирует в книжке под именем «системы материалистического искусствоведения». Только крайней скудостью сведений можно объяснить ряд грубых ошибок, встречающихся в книжке Икова. Автор приписывает, например, Чернышевскому признание абсолютной красоты на том основании, что Чернышевский признавал существование «объективно-прекрасного». «Отстаивая эти верховные права живой действительности, — пишет Иков, — он [Чернышевский] утверждал вместе с тем и объективное существование прекрасного, т. е., другими словами, признавал его как некий абсолют [!], ценность в себе. Это было с современной точки зрения уступкой идеализму, ошибкой, из которой можно было сделать (и делали) выводы, идущие в совершенно другом направлении, чем того хотелось Чернышевскому» (стр. 18). Автор самым поверхностным образом смешивает «объективное» и «абсолютное». Диалектика сводится для него к признанию относительности и различия вкусов, к релятивистскому утверждению, что «поэзия мадригалов» также «законна», как и реалистический роман» (стр. 67).

Этим не исчерпываются бросающиеся в глаза недостатки книжки Икова; в ней есть, однако, и скрытые пороки. К ним относятся прежде всего многочисленные случаи заимствований без указания источника. Не говоря уже об использовании Плеханова, работы которого о Чернышевском давно стали «общим достоянием», укажем хотя бы на то, что автор безжалостно эксцерпирует работы таких авторитетов в области истории эстетики, как Л. Я. Зивельчинская. Иков переписывает даже ошибки и нелогичности своего источника. Так, на стр. 13 автор уверенно заявляет, что «Чернышевский первый приложил к эстетике философское учение Фейербаха». Это ошибочное утверждение взято со стр. 309 «Опыта марксистского анализа истории эстетики» Зивельчинской. Лучшее знакомство с немецкой литературой 1840-х годов, а равно

и с умственным развитием Белинского убедило бы обоих авторов в неверности этого положения.

На стр. 313 своего «Опыта», в связи с трактовкой «возвышенного» в диссертации Чернышевского, Л. Я. Зивельчинская пишет: «...Возникает вопрос, нужно ли вообще удержать категорию возвышенного в материалистической эстетике. Происхождение ее [очевидно категории] явно религиозно-этического порядка. Вся современная эстетика неустанно подчеркивает неразрывную связь категории возвышенного с этикой. Материалистической эстетике нет никакой надобности опираться на этику, так как [!] она может быть твердо обоснована на материалистической диалектике». Этим совершенно нелогичным умозаключением В. Иков умудряется оплодотворить целых три страницы, придя в конце концов к следующему варварски-невежественному выводу: «Самый существенный недостаток всей работы Чернышевского в том, что он все же сохраняет в своей теории искусства идею возвышенного. Ее включение в систему идеалистической эстетики было естественно, поскольку последняя была всегда связана в той или другой мере с тем или другим кругом религиозно-этических представлений и в них находила в последнем счете оправдание своим теоретическим взглядам на искусство. Материалистическая эстетика в такой связи с этикой не нуждается»... (стр. 25). Так творится легенда.

Löwenstein, Julius. Hegels Staatsidee. Ihr Doppelgesicht und ihr Einfluss im XIX Jahrhundert. Berlin. I. Springer. 1927. S. 183.

Левенштейн, Юлиус. Гегелевская идея государства. Ее двойственный облик и влияние в XIX веке.

«Гегелевская идея государства, так же как и другие учения, забытые в духовно скудный период, начиная с середины XIX века, теперь вновь оживают. В периоды духовного и политического кризиса легко возобновляются учения прежних завершенных эпох». Так читаем мы в «предварительном замечании» к этой книге. Книга эта принадлежит к огромному числу сочинений, написанных в течение последних лет под знаком «возрождения Гегеля». Автор утверждает, что тенденция обновления гегелевской философии чужда его работе в ее специальной области; даже размежевание с гегелевской философией избегается в этом исследовании и т. д. Однако в силу объективной принадлежности этого произведения к современному «возрождению Гегеля» в Германии эти уверения ничего не меняют. Автор поддается обычному самообману, если считает, что держится в строгих границах «чистого разума»: вся его концепция политической теории Гегеля основывается скорее на определенной философской интерпретации гегелевского мышления, и как раз эта интерпретация в целом связывает автора с направлением «нео-гегельянства».

Надо отметить, что книга Левенштейна в известной мере выше «нормального» уровня нео-гегельянских книг. Однако достоинство этого произведения, не взирая на многие частности, исключительно в исторической его части. Философское его содержание, как мы еще убедимся в дальнейшем, чрезвычайно слабо и полно ошибок в основных вопросах.

Книга находится под влиянием таких историков и философов, как Дильтей, Мейнеке, Розенцвейг и, пожалуй, Герман Геллер. Эту связь следует подчеркнуть особо. Хотя во многих частностях Левенштейн отклоняется от своих «предшественников», критикует их исследования и выводы, занимая особенно решительную позицию по отношению к неуклюжему и бессмысленному извращению гегелевской теории государства Германом Геллером («Hegel und der nationale Machtstaatsgedanke», 1921), все же он в основном разделяет общие предпосылки вышеуказанных авторов: Левенштейн лишь повторяет в «новом», «лучшем» варианте современную идеологически-политическую интерпретацию Гегеля, которая особенно защищается Мейнеке, в систематическом виде представлена Розенцвейгом и наконец приведена к грубой и абсурдной формуле Геллером. Поэтому Левенштейн неизбежно должен был вместе с относительными преимуществами исто-

рического рассмотрения и анализа, воспринять у своих «предшественников» и принципиальные — философские и методологичечие — нелепости и искажения образа Гегеля.

Огромное количество исторического материала, разработанного в этой книге, позволяет нам остановиться лишь на важнейших главах и основных проблемах. Книга состоит из двух частей, причем первая рассматривает «гегелевскую идею государства и ее двойственность», а вторая, бóльшая (из-за многочисленных подробностей), исследует «влияние гегелевской идеи государства в XIX веке». Важнейшие главы второй части посвящены интерпретации Гегеля как «философа реставрации», «левому гегельянству», «консервативному» толкованию Гегеля (Шталь), затем влиянию гегелевской теории государства в эпоху Бисмарка и наконец отношению марксизма к философии Гегеля.

Через всю книгу проводится все в новых и новых вариантах одна единственная, довольно простая основная мысль: мысль о «двойственности» гегелевской философии, т. е. об основном, неразрешенном противоречии гегелевской философии в целом и гегелевской философии государства в частности.

Но в чем же это противоречие?

«Быть может, противоречия могут быть разрешены, если попытаться подойти к понятию государства с точки зрения философии» (стр. 3). Так поступает Левенштейн во введении, озаглавленном: «Почему философия должна быть привлечена для уяснения идеи государства?»

Но из чего вытекает это философское рассмотрение? «В философии Гегеля нет ни одного важного логического понятия, которое не возникло бы из иррациональной почвы» (стр. 4). Однако этот всеобщий «иррационализм» проявляется в рациональной форме, в форме разумного мышления (и это является, вообще говоря, главным противоречием). Гегель, так формулирует Левенштейн, подчеркивает, «с одной стороны, сверхрациональный и сверхобъективный характер своей диалектической философии. Но, с другой стороны, у него недостает сознания того, что его спекулятивная философия и диалектическое доказательство не являются строго-логическими (logisch-stringent), но экзистенциально-достоверными (existentiell-glaubenshaft) (стр. 15 — 16). «Для Гегеля его философия была несомненно достоверной и для него лично истинной. Но органом своей философии он считает не одну лишь веру, но прежде всего разум... В этом состоит конечная раздвоенность его философии» (стр. 15). Эта мысль в отношении гегелевской теории государства высказывается в аподиктической форме уже в первых фразах книги Левенштейна: «Гегель объявляет государство действительностью нравственной идеи; очевидно под нравственным государством Гегель подразумевает царство божие на земле... Но против такого толкования его идеи государства говорит подчеркивание значения светской власти, земной ценности государства и войны» (стр. 3). Вся первая часть книги служит в конце концов лишь дальнейшим объяснением и обоснованием этой мысли о «лике Януса» гегелевского мировоззрения.

Можно было бы думать, что автор пытается изложить то, действительно существующее противоречие гегелевской философии, которое подчеркнул Фейербах в своей составившей эпоху критике, а именно то, что Фейербах называл «рациональной мистикой» Гегеля: противоречие между теологической формой и рациональным философским содержанием. Но автор делает другое «открытие». Двойственность гегелевской философии в целом и гегелевской теории государства в частности сводится Левенштейном к «личному переживанию» («persönnliches Erlebnis») Гегеля, к «иррационализму» исключительно личных настроений, к крайнему и глубочайшему субъективизму данного субъекта Гегеля. История развития гегелевской философии оказывается, таким образом, историей ряда «личных», внутренних опытов. (Слово «Erlebnis», сквозь которое, как через маску, просвечивает вся современная философия, почти непереводимо на русский язык. Мы передаем его словом «переживание».)

«То, что он, Гегель, почерпнул из личного опыта, он развивает как логическую необходимость и тем обеспечивает

преодоление личной необходимости. Насколько проникнута личным элементом его философия, обнаруживает самая «безличная» часть философии — логика»... (стр. 17). «Не звучит уже больше парадоксом, если после этого будет сказано: переход ступеней его системы истинен не потому, что он доказан логикой, а потому, что он доказан его жизнью» (стр. 18). В этой формулировке мы имеем своеобразный психологизм, характерный для всей книги. Левенштейн опирается здесь — совершенно некритически — на произведение Дильтея «Jugendgeschichte Hegels», но от воззрения Дильтея, связанного с его «наукой о духе», у Левенштейна остается только грубый результат: исторический психологизм.

С другой стороны, в главах об «историческом месте гегелевской идеи государства» и о «социологической основе немецкого идеализма» высказывается несколько интересных, исторически верных замечаний, и, что особенно важно, в этих главах совершенно разрушено обычное отождествление гегельянства и романтики, исторического мышления и реакционного и т. п. Здесь автор выказывает действительное понимание некоторых специфических исторических моментов, которые обосновывают особую позицию Гегеля в развитии классической философии. Но автор не смог преодолеть узких рамок психологистического идеализма; там, где он подкрепляет эту точку зрения «социологическим» образом мышления Макса Вебера, он еще больше углубляется в лабиринт психологизма: социологическое различение «гуманной (seelenhaften) буржуазии» (в классическую или «докапиталистическую» эпоху) и «бездушной» (seelenlosen), т. е. «испорченной» капиталистическим развитием буржуазии, является лишь одним из грубейших следствий метода, который в такой же степени может быть назван эклектическим, как и сознательно антимарксистским. Особенно характерны в этом отношении следующие мысли: «гуманный образ мышления», проповедывавшийся немецкими философами-классиками, не мог полностью «перечеканить» буржуазию; «такое влияние могло оказать лишь религиозное движение». Обратно, одно оно не служит выражением социального положения или даже идеологической надстройкой материальных интересов буржуазии, но обе силы — социально-экономическая и идеологическая — «взаимно влияют и проникают друг друга... И это возможно лишь в докапиталистическую эпоху, когда хозяйственная жизнь еще не развивается беспрепятственно, по своим собственным законам, но управляется религиозным или духовным «этосом»... Лишь немногие герои в состоянии..., независимо от великой традиции, найти в самих себе опору против вечных антиномий человеческого существования» и т. д. (стр. 68). Мы видим, как хорошо согласуется теория «немногих», «независимых» от традиции и общественного развития «героев» с психологией субъективного «переживания», и как гармонически сочетается, с другой стороны, «лик Януса» Гегеля с теорией «вечных антиномий человеческого существования». Само собой разумеется, что эта насквозь эклектическая концепция значительно ниже предмета своего исследования, так что она вообще не в состоянии постичь исторический и философский образ Гегеля. И понятно дальше, что на таком базисе должен быть бесплодным и односторонним «социологический» анализ классического века, а в еще большей степени позднейшего общественного развития вплоть до эпохи Бисмарка.

Мы видели, в чем коренится по мнению автора «двойственность» идеи государства у самого Гегеля: она «вообще является не созданием рассудка», а субъективной «философской экзистенции» Гегеля. «Если же эта идея государства, — продолжает Левенштейн, — рассматривается вне всей этой связи, то она необходимо должна быть неверно понята и в политическом отношении может быть использована справа и слева и должна, подобно лику Януса, смотреть в разные стороны» (стр. 43). Эта необходимость является действительной причиной двойственного толкования, двойственного «влияния» гегелевской идеи государства в различные эпохи и при различных друг другу противоположных направлениях XIX века. Левенштейн пытается вновь вскрыть во все новых видоизменениях этот «лик Януса» в идеолого-политическом развитии XIX века. Совершенно понятно, однако, что действительные объективные решающие причины двойственного «влия-

ния» гегелевской теории государства — в развитии вплоть до революции 1848 г. и т. д. — должно искать в другом, а именно в конкретных общественных основаниях той борьбы, в которой гегелевская философия использовалась, истолковывалась, видоизменялась, разлагалась и разрывалась на куски, то в прогрессивных, демократическо-радикальных целях, то во имя реакционных и апологетических интересов. Впрочем, Левенштейн не понимает, что с революцией 1848 г. в основном закончилась эпоха действительного политического действия и вместе с тем всеобщего разложения гегелевской философии; он не понимает, что известное произведение Гайма «Гегель и его время» создало новую эпоху, что памфлет Гайма дал идеологическое обоснование господствовавшей целый десяток лет традиции искажения и пренебрежительного отрицания гегелевской философии. И еще в меньшей степени понимает Левенштейн общественно-исторические основы этого поворотного пункта в «истории немецкого духовного развития». Но, с другой стороны, книга Левенштейна отличается тем, что она — в сущности снова по стопам Дильтея — исправила многие тезисы Гайма и очистила традиционный образ Гегеля от искажения его различных черт.

Особый интерес представляет последний отдел книги, трактующий о генезисе марксизма, в частности о расхождении молодого Маркса с философией права Гегеля. Многое здесь верно, хотя, например, философия Фейербаха в основном идеалистически искажается и изображается не как составившая эпоху критика Гегеля, но, наоборот, как «откровение» «внутренней истины» гегелевской философии (стр. 135 и сл.). Во всяком случае Левенштейн очень настойчиво подчеркивает особый, открывающий новую эру вклад молодого Маркса, т. е. его самостоятельную и плодотворную роль в развитии «от младогегельянства к социализму».

Но и здесь выводы, к которым приходит Левенштейн, чрезвычайно своеобразны. А именно, автор уверяет, что гегелевская двойственность повторяется в другой форме и у Маркса: «Таким образом, историческая концепция Маркса обнаруживает такую же двуликость, как концепция Гегеля: с одной стороны, она стремится к постижению «того, что есть» посредством конкретного созерцания, познает эмпирически, как ни одна другая, силы, направляющие судьбы современности...; с другой стороны, концепция эта впадает в построения, в которых (как она предполагает) она может выразить глубочайшую тайну, скрытую основу истории в форме закона». Эта «двуликость» заметна в генезисе марксизма, как и в «завершенном» диалектическом материализме. Даже каждое «отдельное исследование выявляет эту двуликость». Вслед за этими тезисами, более подробное «обоснование» которых здесь нельзя изложить, идет формула, передающая одним словом всю «тайну» и всю скрытую основу этой книги: «У Маркса, как и у Гегеля, причина («двойственности» этого «лика Януса») лежит в диалектическом методе» (стр. 145).

Изложение возвращается здесь к своему исходному пункту: там, где Левенштейн исследовал «двуликость» философии Гегеля, он исходил из положений, в которых Гегель формулировал как раз противоположность между диалектическим методом и абстрактно-рефлексивным.

Но лишь в «критике» материалистической диалектики Маркса высказывается наш критик, откровенно и грубо, чем для него является действительный объект «критики» и «отрицания» — это диалектика.

Обнаруживается, что автор ни в малейшей степени не понимает диалектики ни в ее идеалистически-гегелевской форме, ни в ее материалистически-марксистской концепции. Внутренняя сущность мышления Гегеля и Маркса остается для него тайной. «Лик Януса», о котором говорит каждая строка этой ценной (благодаря богатству исторического материала) книги, растворяется в мистическом тумане; то, что остается, является непостижимой «загадкой» диалектики — лицом сфинкса.

Отметим здесь также, что автор предполагает в будущем предпринять анализ «выдающегося значения Гегеля для истории политических идей в России».

Buchenau, Arthur. Hegels Bedeutung für Wissenschaft und Kultur der Gegenwart. «Japanisch-deutsche». Zeitschrift, 1929. 10 — 11. S. 238 — 248.

Бухенау, Артур. Значение Гегеля для науки и культуры современности.

В форме рецензии на изложение Гегеля Николаем Гартманном Бухенау (известный своими трудами о Канте) дает характеристику немецкого «возрождения Гегеля». Это изложение несомненно помимо воли автора вскрывает именно те стороны указанного «возрождения», которые указывают на все, что угодно, но только не на «возрождение» в прогрессивном смысле этого слова.

По мнению Бухенау философия находится под знаком «радикального пересмотра». Что в ней вновь оживает, так это «интерес к сокровенному..., метафизике». Соответственно этому учение об объективном духе не нуждается ни в каком оправдании. Так как с психологией, ориентирующейся на естествознание, «покончено», мы опять стоим в плоскости проблемы гегелевской феноменологии духа.

Однако, по Бухенау, в гегелевской философии есть составные части, к которым мы совсем не возвращаемся сейчас, к которым едва ли можно найти подход в наше время, это — идеализм, панлогизм и диалектика. О них Бухенау не известно, — являются ли они «сверхъисторичными».

Все же он того мнения, что за диалектикой нельзя не признать «сверхъисторического значения» постольку, поскольку ее нельзя заменить чем-нибудь другим равноценным. Так как он еще не нашел этого «другого», он согласен признать в ней объективную надобность, впрочем не зная, в чем она состоит. Диалектика, это — нечто «как бы божественное в человеческом мышлении, проявление вечного во временном и временно-обусловленном». Бухенау и вместе с ним все немецкое возрождение Гегеля отнимает у диалектики ее революционное, «разрешающее» содержание, говоря о ней, что она «никогда не может быть общей научной формой философии». «Диалектике обучиться нельзя... это художественное творчество... Она никогда не может сделаться общим достоянием, она остается привилегией гения, она каждому дается как небесный дар».

В согласии с этими доводами он примыкает к мнению Гартманна: «философия Гегеля вся до основания есть философия религии». Признание, имеющее за собой некоторую давность, так как уже в 1845 г. Маркс считал большой заслугой фейербаховское доказательство того, что гегелевская философия «исходит» из религии и теологии и есть ее «восстановление».

Hoffmeister, Iohann. Hegel und Creuzer. «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». 1930. 8. Jahrg. Heft 2. S. 260 — 282.

Гофмейстер, Иоганн. Гегель и Крейцер.

Одной из положительных сторон все возрастающей по мере приближения к юбилею новейшей литературы о Гегеле является выяснение эмпирических источников его философии, исследование многообразных отношений Гегеля к подчас незначительным людям конца XVIII и начала XIX века, собиравшим материал, из которого создалась грандиозная система абсолютного идеализма. Имя Крейцера знакомо читателям гегелевской «Эстетики». Для Гегеля, как и для Шеллинга, «Символика и мифология древних народов» Крейцера (1-е издание 1810 — 1812 гг.) служила неисчерпаемым собранием эмпирического материала. Но крейцеровское обобщение мифологических верований способствовало также выработке понятия «символического» у Гегеля. Оно возникло, по предположению Гофмейстера (стр. 265), в гейдельбергский период жизни великого идеалиста, — период непосредственного общения с Крейцером. Мнение Гофмейстера кажется правдоподобным, хотя само понятие «символического» не встречается в так называемой Гейдельбергской энциклопедии.

У Гегеля, как и у Крейцера, «символическое есть сущность мифологии». Но в своих философских воззрениях Крейцер подымался только до поверхностного шеллингианства. Ему мерещилось некое надъисторическое «высшее тождество», парящее

над разорванностью мифологии и религии во времени. В форме «первоначального монотеизма» это тождество служило также исходным пунктом для исторической концепции Крейцера. Гегель, напротив, видит исходный пункт в зависимости человека от природы, в неразвитости и абстрактности духа, неспособного еще произвести для себя созданной человеческим трудом конкретной формы. Несоразмерность формы и содержания есть как раз область символического. Исходный пункт для символики у Гегеля не «Urmonotheismus», как совершенное начало несовершенных исторических явлений, но «простая, лишенная духа, природа» (стр. 268). Гегель исключает «символику» из классического искусства. Ее область — архаическая формация вообще и особенно «азиатская» ступень развития духа. Это низведение символического с неба на землю, установление его исторической ограниченности отличает философию Гегеля. Вся предшествующая эстетика проникнута абстрактным двойственным разделением исторических эпох по противоположности «наивного» и «сантиментального», «прекрасного» и «возвышенного», «античного» и «современного», «классического» и «романтического» (стр. 276). Хорошо понимая, что доклассическая и послеклассическая эпохи в известном смысле соприкасаются, Гегель все же строго отделяет, так сказать, «первое» варварство от «второго», помещая между ними кратковременный период расцвета. Трехступенная историческая схема в основном отличает Гегеля и от Крейцера.

Выяснению этого отличия посвящена содержательная статья Иоганна Гофмейстера.

Федчишин, С. Естетика Гегеля. «Гарт» № 2, 8 — 9, 1928. Державне Видавництво Украiны.

Федчишин, С. Эстетика Гегеля. «Гарт» № 2, 8 — 9. 1928. Государственное издательство Украины.

Очерк Федчишина начинается с описания социальной обстановки, в которой возникла и развивалась философская мысль Гегеля. Опираясь на исторический анализ Меринга, автор рисует картину экономической отсталости Германии конца XVIII и начала XIX столетия. В этих неразвитых условиях философия Гегеля была выражением прогрессивных чаяний немецкого бюргерства, но выражением половинчатым и боязливым, как сама немецкая буржуазия (№ 2, стр. 78). Реакционную сторону системы великого идеалиста автор, чрезмерно обобщая отдельные положения Меринга, объясняет боязнью «нового революционного класса» — пролетариата (стр. 78).

Эстетика занимает одно из наиболее высоких мест в системе Гегеля. Искусство, это — свободное самосозерцание абсолютного духа, история странствований которого образует единственный предмет философии. С. Федчишин вкратце излагает биографию мирового духа, чтобы перейти затем к рассмотрению взглядов Гегеля на искусство, в связи с предшествующим развитием немецкой эстетической мысли. «Я не буду, — пишет автор, — останавливаться на эстетике Канта, которая нашла себе марксистского интерпретатора в лице А. Зивельчинской» (!?). К счастью, Шеллинг является еще не занятым участком ager publicus марксизма, и С. Федчишин прямо обращается к романтической философии искусства, уделяя мимоходом несколько фраз Шиллеру, Гердеру и Фихте (стр. 85).

Основным недостатком эстетики Шеллинга автор считает невнимание к конкретному искусству, замену его «в высшей степени абстрактной, какой-то космологической или космической схемой «искусства в себе» (стр. 88). Аналогии между отдельными элементами музыки, в которой Шеллингу слышался «прототипичный ритм природы», и различными формами движения небесных тел дают автору повод обнаружить свое умственное превосходство над знаменитым натурфилософом. Но при этом, как и следовало ожидать, С. Федчишин упускает из виду положительное содержание «космологической эстетики». Написанная, правда, «высоким стилем» (стр. 88) «Философия искусства» Шеллинга содержит по крайней мере ту совершенно правильную мысль, что искусство дает нам концентрированное, чувственное выражение диалектического движения природы.

Вдобавок автор статьи грешит утверждением, что эта «наиболее абстрактная из всех немецких эстетик» «не имела значительного влияния на широкие общественные

круги» (стр. 88). Как раз наоборот: философия искусства Шеллинга имела очень большое влияние на те общественные круги, которые в эпоху романтического движения вообще могли интересоваться философией и эстетикой. Этого влияния не избежала и русская общественная мысль: Галич, Надеждин проложили дорогу Белинскому.

Указав на различие систем Шеллинга и Гегеля, автор переходит к рассмотрению эстетической теории последнего. Этой центральной части очерка Федчишина нехватает духа системы, столь характерного для самого объекта изложения. Соглашаясь или не соглашаясь с решениями отдельных проблем у Гегеля, автор не касается «Эстетики» как целого, не разъясняет читателю ее внутренней структуры и не выражает своего согласия или несогласия с гегелевским принципом деления материала. Но указания на «глубокую социальность» (№ 8 — 9, стр. 101) некоторых взглядов Гегеля, на наличие в его системе «нескольких очень интересных суждений о сущности искусства» (стр. 104) и т. п. не могут заменить перевода всей «Эстетики» на язык материализма.

Критическая часть работы Федчишина заключает в себе несколько ошибочных выводов. Так, например, отвергая гегелевскую теорию превосходства искусства над природой, автор обнаруживает обычное непонимание этого вопроса. С материалистической точки зрения, — а мы должны читать Гегеля материалистически, — речь идет о различии между двумя ступенями одного и того же, ибо в конце концов и сила фантазии есть тоже сила природы, как говорит Фейербах. Но продукт человеческого творчества стоит, разумеется, выше естественного предмета, и в этом смысле красота искусства выше красоты природы.

В общем, несмотря на ряд недостатков, очерк Федчишина будет полезен украинскому читателю. Тем более, что, как справедливо указывает автор (№ 2, стр. 82), марксистская литература до сих пор уделяла мало внимания «Эстетике» Гегеля.

Ebbinghaus, Julius. Ludwig Feuerbach. «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». 1930. 8. Jahrg. Heft 2. S. 283 — 305.

Эббингауз, Юлиус. Людвиг Фейербах.

Статья Эббинггауза — одного из наиболее интересных представителей современного философского ложноклассицизма — заслуживает быть отмеченной. Автор критикует мировоззрение Фейербаха «справа», но при этом значительно возвышается над уровнем обычной трактовки предмета в буржуазной философской литературе. Эббинггауз не заменяет логический анализ понятий соображениями психологического или морального порядка, и это позволяет ему обнаружить некоторые действительно слабые места в теоретических взглядах автора «Сущности христианства».

Со своей последовательно-реакционной точки зрения Эббинггауз относится к этим взглядам отрицательно. Даже то обстоятельство, что коммунизм Фейербаха был лишь «банальностью», покрытой «мантией спекулятивного глубокомыслия» (стр. 300), вызывает раздражение у этого любителя последовательности. Двойственность мировоззрения Фейербаха, его попытка совместить атеизм и религию является главным предметом нападок Эббинггауза. Он находит в этом мировоззрении наследие гегелевского «примирения веры и знания». Правда, Фейербах обращается против «болтливой» и «заносчивой» веры гегельянствующих теологов, противопоставляя ей веру «тихую, непосредственную, жизненную, простую»... (стр. 289). Но в конце концов он сам пытается растворить эту веру в антропологическом объяснении религии, провозгласив «атеизм как истину самой религии» (стр. 293), сделав единственно возможной верой — веру в человека, как в познанную сущность всякой религии. Эту, так сказать, ученую веру Эббинггауз критикует в духе классического кантианства. Он видит недостаток Фейербаха, как впрочем и Гегеля, в отказе от признания принципиально обособленной от науки области веры, тогда как действительный недостаток обоих философов состоял в сохранении иллюзии религиозного верования в то, что является скорее отрицанием его, научным познанием основ религии. Отнюдь не в попытке исключительно рационального объяснения религиозных переживаний состоит ошибка Фейербаха, а скорее в том, что это объяснение не имеет у него исторического характера,

остается просто рациональным и поэтому незаметно переходит в истолкование и оправдание религии, своеобразную антропологическую теологию. Эббинггауз прав, поскольку он направляет свою критику против половинчатости антропологизма, но он делает характерную для его реакционного образа мысли ошибку, считая самую попытку устранить кантовскую теорию двух истин грехопадением немецкой философии.

Двусмысленный результат мировоззрения Фейербаха заложен, по мнению Эббинггауза, уже в антропологическом определении сущности религии. С одной стороны, человек «верит в то, чего он желает». Верующий представляет себе бытие, лишенное какой бы то ни было неудовлетворенности и нужды; он исходит, следовательно, из неудовлетворенности действительной жизнью, из страха перед окружающим, из чувства зависимости. Последние корни этого чувства Фейербах находит в отношении к природе. Но такая характеристика религии стоит в противоречии с учением о том, что предметом религии служит сам человек, как высшее для себя существо, как ens summum et independens (стр. 295). Является ли религия прославлением человека, или она есть свидетельство о его беспомощности? Эббинггауз не указывает, что в этой антиномии, которую Фейербах не в состоянии разрешить исторически, заключается, быть может, источник его социально-политического идеализма. Фейербах рассматривает человека то в его эмпирической нужде и несовершенстве, как «дурную жизнь» (выражение Чернышевского), то как совокупность всех совершенств — результат идеального «выравнивания в роде» (Маркс). Он не видит, что сама история производит нужду и зависимость, так же как она производит свободного человека.

Фейербах разрешает противоречие свободы и зависимости, соединяя человека и природу в абстрактном понятии «чувственности». Рядом остроумных сопоставлений Эббинггауз показывает, что Фейербаху присущ своеобразный «онтологический сенсуализм». Благодаря двусмысленному употреблению понятия «чувственный предмет» (и его производных), «разрешение онтологического вопроса о первооснове возможности сущего как такого» отодвигается в область чувства, страдания, любви и т. д. (стр. 298.) Коммунизм Фейербаха основан просто на том, что сущность человека лежит в его общности с другими людьми. Но если единичный субъект лишен этой сущности, то и из соединения многих субъектов никакой «сущности человека» не получится (стр. 300). На этот недостаток «коммунизма» Фейербаха указывали уже Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Сталкиваясь с искаженной и зависимой жизнью единичного человека, например пролетария в капиталистическом обществе, Фейербах стремится к восстановлению гармонии путем абстрагирования от единичных личностей, всеобщего выравнивания в «роде».

Но, повторяем еще раз, Эббинггауз критикует взгляды Фейербаха «справа». Он видит их недостаток в отходе от кантовской метафизики нравов и «трансцендентальной социологии» (стр. 301), т. е. в конце концов от теоретического отрицания всякого коммунизма вообще. С правильным чувством врага Эббинггауз делает Фейербаха ответственным за непонятные для «жителя Западной Европы» бури, творящиеся сейчас «на Востоке» (стр. 302). У Фейербаха отсутствует «государственный образ мышления», представление о том, что «нет ничего политически безусловно необходимого, кроме соблюдения согласия с идеей государства, посредством которой всякое противоборство сил в нем в форме борьбы за summum imperium исключено» (стр. 304). В большевистском непочтении к буржуазной государственной машине есть, таким образом, капля фейербахова меда.

Эббинггауз и на этот раз не ошибся. Действительно, Фейербах в противоположность другим представителям гегелевской школы выходит из рамок чисто государственного идеала в области социальной проблемы. Он делает попытку (правда, неудачную) перейти с точки зрения «гражданского общества» на точку зрения «человеческого общества». Самый аполитизм Фейербаха имеет не только отрицательное значение по отношению к «государственному образу мысли» людей, всецело охваченных политической мифологией. К последним принадлежит или таковым хочет казаться и ложноклассик Эббинггауз.

Rosenberg, Hans, Dr. Arnold Ruge und die «Hallischen Jahrbücher». «Archiv für Kulturgeschichte». XX. Band. Heft 3. S. 281 — 309.

Розенберг, Ганс. Арнольд Руге и «Галлеские летописи».

Рецензируемая статья относится к числу тех немецких работ, авторы которых в поисках основы для научной истории партийных группировок стараются привести историю возникновения немецких партий (и вместе с тем, разумеется, историю возникновения буржуазного либерализма и демократии) в тесную связь с «борьбой за мировоззрение». Самая задача — дать историю партии — неизбежно приводит к тому, что при этом делается попытка «социологического» обоснования, и поэтому экономическое развитие и классовые отношения поневоле хотя бы «затрагиваются» авторами. В рецензируемой статье Розенберг, посвятивший уже несколько работ идеологической истории возникновения либерализма, дает общий обзор деятельности Руге. Вывод автора, несмотря на все признание личных дарований и моральных достоинств Руге, таков: «Истощая себя в пустых угрозах, моральных протестах и революционных фразах, не сходя с пути «золотой середины» и в конце концов, в 1866 и 1870 гг., отрекшись «в культе победы» от самого себя и от своих старых идеалов национального демократического государства, немецкий либерализм перешел от «практики идеи», от застрявшей в абстракциях теории «Галлеских» и «Немецких летописей» к лозунгу: «спокойствие есть первая обязанность гражданина», между тем как Маркс и Лассаль перешли к революционизированию пролетариата» (стр. 306).

Для обоснования этого суждения автор пытается охарактеризовать философское развитие Руге в связи с политической борьбой 30-х и 40-х годов, причем центр тяжести переносится в изложение философской борьбы Руге. Тут мы находим отдельные вполне правильные замечания: таково, например, указание, подкрепленное весьма интересной цитатой из «Галлеских летописей» 1840 г., на поворот от Гегеля к Фихте, «от ленивой созерцательности гегельянства» к «фихтевской энергии», поворот, сопровождающийся открыто высказанным философским выводом о том, что гегелевская полемика против «долженствования» должна быть отброшена и заменена пропагандой «содержательного долженствования» (стр. 293). Подготовительная история этого поворота, эволюции от безусловной защиты Гегеля к тенденции «защитить Гегеля от него же самого» (стр. 292 — 293), тоже изложена достаточно интересно.

И, тем не менее, действительной картины идеологического развития Руге работа Розенберга дать не может. Не исходя из классовых отношений Германии как из отправного пункта, касаясь их только мимоходом и случайно, автор с самого начала составил себе искаженное представление о связи между идеологическими течениями и классовой борьбой. Поэтому он на первых же страницах противопоставляет идеализм классиков, базой которого была якобы политическая индиферентность высших слоев буржуазии, просвещению как «большому движению средних классов» (стр. 281—282), причем немецкий идеализм и «просвещение» оказываются абстрактно оторванными друг от друга, что̀ именно, ввиду важного значения Гегеля для Руге, делает невозможным правильный подход к предмету. Так же бесплодно бьется автор над задачей исторически правильно понять борьбу Руге против романтики. Он не в состоянии ни убедительно истолковать перемены во взглядах Руге (например, взгляд на протестантство как на романтическое явление после 1842 г. вместо прежнего взгляда на протестантство как на противоположность романтики) (стр. 299), ни дать правильную историческую и философскую постановку вопросу об отношении между просвещением и романтикой (центральный пункт в полемике Руге) (стр. 298, 301 — 303).

Таким образом, в теоретическом отношении статья Розенберга дает очень мало. Тем не менее она заслуживает внимания удачным подбором материала, освещающего определенную сторону в развитии Руге.

Löwith, K. L. Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. «Logos», Bd. XVII. 1928. S. 323 — 347.

Левит, К. Л. Фейербах и конец классической немецкой философии.

Как уже видно из самого заглавия, автор отправляется от известного сочинения Фр. Энгельса, но лишь для того, чтобы тотчас же эмансипироваться от него и вступить на почву «науки о духе». Сначала речь идет о «кораблекрушении классической философии в середине XIX века». Р. Гайм и В. Дильтей разделяли будто бы на этот счет взгляды Энгельса. «Ничем не демонстрируется перелом в истории философии так явственно, как позицией Фейербаха по отношению к Гегелю» (стр. 326). С Фейербаха начинается эпоха «оторванного от традиции» философствования, означающего, с одной стороны, «провал в идейную и методологическую примитивность», а с другой — попытку «преобразовать проблематику философии в соответствии с фактически изменившимся миросознанием новых поколений»; начинается работа над натуралистическим обоснованием духа, словом — возникает «не-классическая философия XIX века». Философия Фейербаха представляет собою первую выдающуюся попытку философствовать «наперекор Гегелю и против Гегеля» и, стало быть, против немецкого идеализма вообще (стр. 327). Далее автор вкратце рассматривает философское развитие Фейербаха, опираясь на изданную К. Грюном в 1874 г. «Переписку и литературное наследие». Странным образом «Предварительные тезисы к реформе философии» (из «Anecdota» 1843 г.) не фигурируют среди тех работ, которые автор приводит и разбирает в связи с вопросом о «разрыве Фейербаха с Гегелем». Разногласие между Фейербахом и Гегелем он пытается определить, как разногласие между антропологической и идеалистической концепцией «самосознания», и заканчивает свою статью «тезисами» об «оппозиции» Фейербаха по отношению к Гегелю (стр. 346 — 347). Критические соображения Энгельса о фейербаховской категории любви автор формально принимает; в то же время он находит что в деле антропологического обоснования сознания и духа «реакционный материализм» Фейербаха имеет гораздо меньше заслуг, чем философские достижения Э.-Ф. Гартмана, Каруса, Шопенгауэра и Ницше и — даже «не в последнюю очередь» — Фрейда (стр. 343 — 344). Если в заключение автор пишет, что «бессознательная инстинктивная история человеческого бытия» — т. е. предмет «философии бессознательного» и т. д. — является тем фоном, на котором «впервые приобретает свое истинное и неотменимое значение сознательная духовная история, выдвинутая классиками на первый план» (стр. 344), то он этим хочет, повидимому, подчеркнуть, что его исследование примыкает по своей тенденции к так называемому возрождению классической философии и идеализма.

II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Выгодский, С. Очерки по теории кредита К. Маркса. «Московский рабочий». 1929. Стр. 126.

Теория кредита не получила окончательной и систематической разработки в трудах Маркса и в марксистской литературе. Лишь в последнее время появились отдельные работы, старающиеся пополнить этот пробел. К их числу на-ряду с книгой И. Трахтенберга «Теория кредита» принадлежит работа С. Выгодского.

С. Выгодский ограничил свою задачу «освещением центральных проблем марксовой теории кредита». В этом и сильная и слабая сторона работы. Автор получает возможность сосредоточить внимание на основных вопросах кредита, не усложняя свое изложение другими вопросами, но, с другой стороны, ряд проблем интересных и актуальных не получают отражения в работе.

Основная посылка автора состоит в том, что для марксистского анализа кредита не существует вопроса об объекте кредита. «Своеобразие кредита, как особой категории политической экономии, заключается отнюдь не в особенностях его объекта, а в характере той социальной связи, овеществлением которой он является» (стр. 7). Объекты кредитной сделки — товар или деньги — не могут служить специфическим отличием кредита, различие нужно искать в социальной сущности кредита. «В отличие от акта купли и продажи, при которых товар от продавца переходит к покупателю

именно как товар [везде разрядка автора], деньги в свою очередь переходят к продавцу как деньги, — кредит представляет собой передачу товара либо денег [стоимости] как капитала. Ибо в отличие от купли и продажи здесь лишь одно лицо, т. е. кредитор, отчуждает стоимость, и лишь одно лицо, заемщик, получает стоимость... Капитал здесь становится предметом купли и продажи, — товаром, а процент выступает в качестве его цены» (стр. 8). Отсюда автор выводит те социальные отношения, носителем которых является кредит. Последний выражает связь между капиталом-собственностью и капиталом-функцией, — связь, в результате которой вся масса прибавочной стоимости распадается на две части: а) предпринимательскую прибыль и б) процент на капитал» (стр. 9).

Но к кредиту неприменимы простые отношения обмена; своеобразие процента как цены товара заключается в том, что он «не может быть выражением какой бы то ни было ценности, а является результатом деления прибавочной стоимости на две части»... (стр. 10). Отсюда вытекает, что в отличие от любой цены «процент определяется исключительно спросом и предложением» (стр. 11).

Из этой общей характеристики кредита вытекают три проблемы: 1) проблема количественного определения нормы процента, 2) вопрос о том, чем определяется спрос и предложение, и наконец 3) вопрос о том, нет ли существенных различий между денежным и товарным кредитованием, и каково движение спроса и предложения на тот и другой вид кредита.

В процессе качественного и количественного анализа процента автор раскрывает пути разрешения намеченных проблем. Общая зависимость нормы процента от нормы прибыли еще недостаточна, так как утверждение, согласно которому процент есть часть прибыли, характеризует его с качественной стороны, но ничего не говорит о норме процента, о ее величине. Качественная связь не исключает количественной самостоятельности. «Конкуренция между предпринимателями, представляющими в своей совокупности спрос на ссудный капитал, и капиталистами-собственниками, представляющими в своей совокупности предложение ссудного капитала, не может не оказать влияния на величину процента, независимо от величины прибыли» (стр. 15).

Автор подчеркивает, что «установление зависимости между средней нормой прибыли и процентом... явно недостаточно» (стр. 16). Процент имеет предел в норме прибыли, и потому необходимо выяснить, какими факторами определяется величина процента. «Спросом и предложением» денежного капитала в отличие от всех других форм капитала, отвечает автор словами Маркса.

На вопрос, чем определяется спрос и предложение денежного капитала, автор дает следующий ответ: «Не подлежит сомнению, что существует скрытая связь между предложением вещественного капитала и предложением денежного капитала, равно как и то, что спрос на денежный капитал определяется условиями действительного производства» (стр. 16).

Автор подчеркивает, что этим «положена основа понятия денежного рынка, как частного, в отношении к «кредиту, как более общему понятию»; «этим самым проблема процента и денежного рынка, где норма процента находит свою количественную определенность, становится проблемой воспроизводства» (стр. 17).

В этой части работы автор выделил центральную проблему, подчинив ей другие, и правильно наметил пути ее разрешения.

Третья и четвертая главы посвящены анализу коммерческого и банкового кредита. Начинает автор с коммерческого, желая путем исключения коммерческого кредита из факторов, определяющих норму процента, облегчить разрешение центральной проблемы.

Сущность коммерческого кредита автор видит «в перемещении какой-либо реальной ценности от одного лица к другому с получением эквивалента через некоторое время» (стр. 21). Товарное кредитование есть продажа товара в кредит, и потому «каждый держатель векселя до того момента, пока он не учитывает его или не расплачивается им за закупленный товар, представляет собой кредитора по отношению к тому лицу, от которого он получил вексель» (стр. 20). Из того, что «перемещение ценности»

совершается при помощи созданных участниками товарооборота кредитных документов (вексель, расписка)... вытекает необычайная эластичность этой формы кредита» (стр. 2). Чек не вносит ничего принципиально нового, и «коммерческий кредит, который раньше совершался между промышленниками непосредственно, сейчас проходит через банк... Чек служит таким же орудием авансирования капиталов промышленниками и купцами друг другу, как и вексель» (стр. 23).

Далее автор связывает коммерческий кредит с процессом воспроизводства. «Тот факт, что акту ссуды в данном случае предшествует продажа товара, не является чисто внешним, безразличным для характера кредита. Напротив, коммерческий кредит, с этой точки зрения, следует рассматривать как форму реализации товара, дебитор в данном случае получает в кредит не свободный капитал, ищущий прибыльного применения в чужом предприятии, а товар, ищущий реализации... Этот товар занят в процессе воспроизводства, находясь на той стадии, которая в капиталистической системе является наиболее критической» (стр. 28).

Автор подчеркивает значение этой характеристики коммерческого кредита в полемике с «господствующим мнением в политической экономии, согласно которому кредитор всегда представляет лицо, которому выгоднее поместить свои капиталы в чужие предприятия, чем применять эти последние у себя»... а также с определением «кредита как покупательной силы».

Приходится отметить, что аргументация автора в этом пункте страдает некоторой неопределенностью и недостаточной убедительностью; правильные выводы, делаемые им, остаются недостаточно обоснованными.

Исходя из того, что коммерческий кредит есть средство метаморфоза товаров, автор заключает, что «всякое предложение коммерческого кредита связано с реализацией товаров, как и всякий спрос на коммерческий кредит есть вместе с тем и спрос на товары» (стр. 34).

Чем же определяется спрос и предложение коммерческого кредита? «Как в период расцвета, так и в период кризиса, движение спроса и предложения коммерческого кредита обусловливается движением действительного производства. Те же самые условия, которые повышают спрос на товарный кредит, повышают и его предложение (в период расцвета). Точно также уменьшение спроса (в период кризиса) является результатом тех же факторов, которые обусловливают уменьшение предложения» (стр. 35).

Отсюда ясно, что «спрос и предложение коммерческого кредита не имеют прямого отношения к определению нормы процента» (стр. 35).

Автору не удалось в достаточной мере осветить роль коммерческого кредита в формировании денежного рынка, а потому осталось невыявленным, какая из форм кредита является определяющей и какая подчиненной. Благодаря этому разрешение вопроса о том, чем определяется норма процента, недостаточно убедительно.

Анализ банкового кредита Выгодский начинает с определения социально-экономического содержания понятия банкового кредита. «Под банковским кредитом следует понимать всякую ссуду денег независимо от того, совершается ли она посредством банка или без его посредства... Как бы ни была велика роль банковой концентрации денежного капитала, сущность банковского кредита заключается в ссуде денег» (стр. 41 — 42). И самая особенность ссуды денег заключается в том, что «ссуда, как особая форма обмена, превращает деньги в денежный капитал» (стр. 43).

Понятие денежного капитала, как формы капитала, отличается от понятия денежного капитала, как капитала, приносящего проценты. «В отличие от денег в процессе воспроизводства, ссуда денег превращает их в капитал, деньги становятся капиталом» (стр. 45).

Но между понятием денежного капитала в том и другом его значении существует внутренняя связь. «Простой акт ссуды не может превратить деньги в денежный капитал... Деньги могут стать объективно ссудным капиталом только потому, что в общем процессе воспроизводства они определяют собою одну из форм капитала».

Получившееся внешнее противоречие формулировок автор сглаживает указанием

на то, что «если с точки зрения той действительной функции, которую деньги выполняют в процессе воспроизводства, с одной стороны, и при ссуде — с другой, между ними существует различие, то с точки зрения капиталистического производства, как производства прибавочной стоимости, $Д - Д^1$ является лишь прелюдией другого процесса $Д - Т\left(\frac{\text{ср. пр.}}{\text{р. с.}}\right) - Д^1 - Т$»

Автор особенно подчеркивает значение того, что, с одной стороны, $Д - Д^1$ зависит от общего процесса воспроизводства, а с другой — представляет собою самостоятельный процесс, непосредственно определяющий норму процента. «Поскольку процесс образования процента представляет собой результат общественного отношения между денежным и промышленным капиталистом, его количественная определенность зависит от иных законов, чем те, которые определяют размер прибыли, как результат общественного отношения между трудом и капиталом» (стр. 49).

Каковы источники предложения денежного капитала? «Каковы бы ни были источники ссудно-денежного капитала или банкирского кредита, их сущность заключается в том, что они представляют собою свободный капитал, ищущий прибыльного применения» (стр. 57).

Какая связь существует между движением ссудного и действительного капитала? «Движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях размера процента, в общем протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала (стр. 60).

Изложенным заканчивается основная часть работы, остальные главы служат дополнением к развитым в ней основным положениям. Следует отметить, что автор привлекает к анализу только тот конкретный материал, которым оперировал Маркс, и не старается подкрепить свои выводы привлечением конкретного материала настоящего, более позднего времени.

III. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАПАДЕ

Grubb, Isabel. Quakerism and Industry before 1800. London. 1930. P. 192.

Гребб, Изабелла. Квакерство и промышленность до 1800 г.

Небольшая книжка Изабеллы Гребб дает очерк истории квакерства за полтораста лет его существования (с половины XVII до начала XIX века). Оригинальной и интересной попыткой автора является установление связи квакерства с развитием английской промышленности. За первой главой, в которой содержатся общие замечания о характере английской пуританской реформации и грандиозных переменах, пережитых в XVIII веке английской промышленностью, идут главы, относящиеся непосредственно к теме книги. II и III главы трактуют о квакерской теории и практике XVII века, остальные главы посвящены XVIII веку. В заключение приложен список главнейшей литературы вопроса и краткий предметно-именной указатель к тексту. Книга дает богатый и живой материал из жизни квакеров этой эпохи. Анализируя произведения выдающихся квакеров и постановления отдельных квакерских собраний, автор дополняет эти сведения источниками мемуарного характера, отзывами о «друзьях» со стороны не-квакеров, прослеживает историю отдельных квакерских фамилий, в которых проявились наиболее четко характерные особенности квакеров, как предпринимателей-промышленников. Основное впечатление, которое остается у читателя после прочтения книги, это — убеждение в полном перерождении квакерства в течение рассматриваемого периода: квакеры вначале представляли собой типично мелкобуржуазную группировку, к началу XIX века они выродились, развились в крупную буржуазию, промышленную и частью банковую, что должно было повлечь неизбежное расслоение в их среде, а также изменение в самой их идеологии.

Квакеры XVII века «не были людьми, имеющими дело с крупной промышленностью и финансами, едва ли и существовавшими в те дни в Англии» (стр. 44), замечает автор. Это были обычно мелкие торговцы или ремесленники, содержавшие свою семью личным трудом (стр. 108). Такое социальное положение ранних квакеров нашло себе яркое отражение в их идеологии. У всех квакеров проповедников XVII века характерно отвращение к богатству. Чрезмерное накопление богатств есть корыстолюбие и грех перед богом. Греховно наживать деньги и потреблять их в роскоши. Еще греховнее любить деньги ради самих денег (Вильям Пенн, стр. 39). Вильям Смит развивал взгляд на торговлю как на ремесло, как на заработок, но не как на средство к получению прибыли. Отсюда рекомендовалась полная честность в торговых делах и правило «справедливой цены» (стр. 34). Характерны постоянные советы жить умеренно, не предаваться роскоши в одежде и образе жизни (что «ведет к умеренности в деловых занятиях»), не делать долгов, «остерегаться расширения дел свыше своих способностей и уменья» (Дж. Фокс-младший, Лендли, Крисп и др., стр. 35 — 38). Большую роль в жизни квакеров с самого начала играла взаимопомощь, практиковавшаяся особенно широко в моменты правительственных преследований и конфискаций.

Но время шло, и квакеры сплошь да рядом, несмотря на свое как будто отвращение к богатству, богатели. Автор объясняет это явление двумя обстоятельствами. С одной стороны, квакеры, не допускаемые к участию в политической жизни, посвятили всю свою энергию торгово-промышленной деятельности (стр. 18). С другой стороны, их взгляды фактически не только не мешали их накоплению и успехам в делах, но, наоборот, чрезвычайно содействовали этому. «Эта выдержанность, порядочность, господство убеждения давали несравненное преимущество квакерам по сравнению с их конкурентами» (стр. 102). Конечно, это перерождение происходит не сразу. У идеологов квакерства первой половины XVIII века еще не мало мелкобуржуазных черт. По прежнему золотым правилом остается умеренность в делах и образе жизни. Бенжамен Кул (Coole), будучи сам уже крупным мануфактуристом, все же считает, что «большое дело не всегда самое лучшее, небольшое предприятие при достатке и хорошем ведении дела предпочтительнее» (1712 г., стр. 53). Но уже чувствуются и новые мотивы, особенно характерные для второй половины века. Выступления против богатства и требования наибольшей простоты в образе жизни становятся не столь яркими и частыми, как прежде. Из среды квакеров выделяются экономисты, развивавшие уже определенно капиталистические теории. Так, Джошуа Ги (Gee) написал памфлет о шерстяной промышленности в подлинно меркантилистическом духе (стр. 53). Многие квакеры выступали против высоких земельных рент и дороговизны хлеба, угрожающей чрезмерной эмиграцией, опасной для развития промышленности (С. Филиппс и др.). В 1797 г. лондонское годичное собрание квакеров как бы официально примирялось с капиталистической промышленностью, когда объявляло в особом послании «братьям», что «мы не осуждаем промышленность (имеется в виду крупная промышленность), мы считаем, что она не только заслуживает похвалы, но и необходима» (стр. 69). В последних главах автор набрасывает сочную картину захвата квакерами ряда отраслей промышленности, особенно металлургии, а также шерстяной промышленности, банкового дела и т. п. (стр. 151 — 165). На квакерских собраниях все заметнее происходит разделение на богатых и рядовых членов. Старые, рекомендованные еще в прошлом столетии правила становятся необязательными или обходятся косвенным путем, например, вопрос о присяге, отношение к войне (поставки на армию), честность в торговле и т. д. Многие разбогатевшие дельцы совсем порывают с квакерством, многие остаются в обществе лишь формально. Оставшиеся более верными прежним принципам квакеры-богачи дают любопытный образчик буржуазной филантропии. Таково в общем содержание книги.

К сожалению, интересная тема и богатый бытовой материал представлены автором в откровенно идеалистической форме. По сути дела он не подвергает классовому анализу рассматриваемые явления, и читатель сам вынужден делать из фактов социологические выводы. Автор же рассматривает общество квакеров прежде всего как религиозное общество, ставящее себе задачу осуществления на земле царства божьего и

установления всеобщего братства. Из этого принципа автор и пытается объяснить наиболее характерные черты квакерской идеологии. Так, по его мнению, именно идеей братства людей объясняется требование квакерами простоты в одежде и образе жизни. Тем же самым, думает он, вызывается и требование справедливого распределения богатства, как в смысле помощи бедным, так и в смысле воздержания от мотовства и роскоши, вредных для дела (стр. 24). Но так как автор не ставит своей задачей выяснения классовых корней квакерства, то для читателя остаются неясными многие существенные вопросы. Гребб много внимания уделяет, например, филантропической деятельности квакеров (см. главу VIII «Промышленная филантропия»). В некоторых местах автором удачно подчеркнут практический характер помощи квакерства бедным, например, устройство мастерских, «рабочих домов» для безработных квакеров, создание школ, связанных с обучением ремеслам и т. д. Но в целом характер всей этой филантропии получил расплывчатую форму, его буржуазно-классовое значение осталось не объясненным. Ссылка на сознание квакерами ответственности перед обществом является, конечно, далеко не достаточной. Самый образ разбогатевшего квакера получил в книге двойственный непримиренный характер. С одной стороны, это — предприниматель, промышленник, купец, банкир и в то же время филантроп, пользующийся всеобщим уважением даже со стороны неквакеров (автор старательно подобрал все хвалебные отзывы о квакерах, данные современниками вплоть до некрологов). Но наряду с этим выступают такие факты, как чрезвычайно яркая ненависть к квакерам со стороны широких слоев населения, выражавшаяся в попытках погрома богатых квакеров в голодные и кризисные годы (стр. 124 — 125). Из самого текста книги очевидно, что современники часто не усматривали принципиального различия между капиталистами-квакерами и не-квакерами. Автор вынужден выступать апологетом первых, но едва ли удачно. На стр. 163 Гребб пишет: «Многие разбогатевшие квакеры получили репутацию чрезвычайной суровости, граничащей с бессердечностью (inscrupulousness), в их финансовых делах с другими, но этим они обязаны своей крайней аккуратности с теми, кто не привык вообще к аккуратности» (!!).

Также неубедительным является подчеркивание автором демократичности квакерских собраний, даже в поздний период конца XVIII века и отсутствия в них каких-либо классовых антагонизмов (стр. 177 — 178). Это заявление противоречит другим местам книги, где рассказывается, например, о ломке этических воззрений квакеров, в связи с обогащением отдельных их представителей, и возникающих на этой почве спорах между богатыми (склонными поступиться строгостью прежних правил поведения) и мелкобуржуазными «братьями», сторонниками старых сурово-ригористичных норм (стр. 123, 127 и др.).

Несмотря на отмеченные недостатки, книга все же заслуживает большого внимания, давая богатый социально-бытовой материал из истории квакерства и освещая, таким образом, эпоху зарождения и развития в Англии промышленного капитализма.

Riffaterre, C. Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793 (29 mai — 15 août). Annales de l'Université de Lyon. Tome premier. 1912. P. 490. Tome second. 1928. P. 628.

Риффатер, С. Антиякобинское и антипарижское движение в Лионе и в департаменте Роны и Луары в 1793 г. (29 мая — 15 августа).

Во вступлении Риффатер подробно излагает программу лионских якобинцев, возглавляемых Шалье. Заслуживают внимания указания на связь между политическими и экономическими требованиями и данные относительно коммерческого кризиса в Лионе. По мнению Риффатера, обвиняя предпринимателей в том, что они усиливали безработицу, рассчитывая рабочих за посещение клубов, и в том, что они стремились возбудить сожаление о старом порядке, «партии преувеличивали политические причины безработицы. Негоцианты сократили заказы уже в начале августа 1792 г., потому что экономическое положение позволяло им это сделать. В первом полугодии

1792 г., может быть уже в 1791 г., в шелковом производстве имело место перепроизводство; затем рынки закрылись, и спрос уменьшился; так как магазины были переполнены, негоцианты сократили производство. Не подлежит сомнению, что в 1793 г. продолжается кризис, начавшийся в конце 1792 г.» (т. I, стр. 91). Чтобы доказать это, Риффатер цитирует письма лионских и немецких негоциантов и доклад Ролана (бывшего инспектора мануфактур в Лионе) Конвенту о положении промышленности. Однако Риффатер подчеркивает, что не только якобинцы, но и роландисты (в 1792 г.) утверждали, что негоцианты усиливали безработицу из ненависти к демократической революции.

Когда, после выборов в ноябре 1792 г., лионский муниципалитет стал якобинским, вожди якобинцев оказались бессильны смягчить экономический кризис. Риффатер отмечает основание муниципальной пекарни, которая, конечно, не могла удовлетворить спроса. Именно продовольственный кризис вызвал озлобление против скупщиков, спекулянтов и уверенность в существовании «огромного заговора против свободы». Поэтому вожди лионских якобинцев, еще в октябре 1792 г. не одобрявшие требования учредить революционный трибунал, начали поддерживать это требование. Возникла мысль о создании «революционной армии». Изложив конфликты между якобинским муниципалитетом и роландистским департаментом, Риффатер объективно и обстоятельно выясняет, что программа Шалье, вождя лионской бедноты, которому историки революции приписывают противоречивые фразы, по существу не была противоречивой: «Он хотел защищать республику и дать возможность существовать рабочему классу, который вследствие вздорожания продуктов получал голодную заработную плату: пусть рабочие станут солдатами республиканской армии, и пусть республика спасет их от нищеты» (стр. 28 — 29).

Затем Риффатер излагает дальнейшие мероприятия якобинского муниципалитета, реквизиции, обложение богатых и резкие конфликты при перевыборах мэра, агитацию в Центральном клубе и в его филиальных отделениях, «перманентность» якобинских революционных комитетов, обладавших весьма широкими полномочиями, озлобление умеренных. Успешное восстание последних повлекло за собой захват ими муниципалитета в Лионе 23 мая 1793 г., т. е. как раз накануне решительной победы якобинцев над жирондистами в Париже.

Риффатер детально характеризует господство умеренных в Лионе, антиякобинскую реакцию, «агонию клубов» и процесс Шалье. В следующих главах первого тома и во втором томе исследования Риффатера, который был подготовлен еще в 1914 г., но мог выйти только в 1928 г., всесторонне выясняются роль роялистов в лионском восстании и социальные причины продолжительности сопротивления Лиона войскам Конвента.

Риффатер изображает разрыв между Конвентом и Лионом как ряд недоразумений: лионское восстание сперва являлось лишь «муниципальной революцией», а затем Лион был вовлечен в движение против исключения жирондистских депутатов из Конвента, хотя он и «не желал порвать с Конвентом». Разрыв стал неизбежен благодаря бездарности и интригам комиссаров Конвента — Дюбуа-Крансе, Биротто и т. д., не сумевших использовать восторга, вызванного обнародованием конституции 1793 г., которую и в Лионе приветствовали как «благодетельный дар провидения» (т. II, стр. 621).

Риффатер подчеркивает, что монтаньяры в сущности не имели оснований негодовать на жирондистский федерализм, так как сами они неоднократно — в Марселе, в Монтобане, в Тулузе и во многих других местностях — осуществляли «якобинский федерализм», которому умеренные только неудачно подражали.

Лионские инсургенты не отдавали себе ясного отчета в своих стремлениях: «то они требовали разгона Конвента, то ограничивались требованием вернуть в Конвент исключенных из него жирондистов. Их федерализм был поверхностен» (т. II, стр. 620). Риффатер полагает, что это применимо и ко всей Франции, так как для того, чтобы положить конец мнимому федералистскому движению, Конвенту достаточно было вотировать «конституцию 1793 г.» Бестолковщина, царившая в антиякобинском

движении и отражавшая чрезвычайную неоднородность его элементов, объединяемых в сущности лишь паническим ужасом при мысли о якобинских репрессиях, хаотичность програм тогдашних умеренных, крайняя неустойчивость эфемерных группировок, произвольность традиционных этикеток, применяемых историками для обозначения тогдашних «партий», наглядно обнаруживаются из талантливо воспроизведенной Риффатером на основании тщательно изученных и добросовестно цитируемых им первоисточников, преимущественно рукописных, исторической действительности. Это обеспечивает труду Риффатера почетное место в ряду исследований, в которых французские историки революций, отрешившись, наконец от исключительного и всепоглощающего интереса к парижским событиям, выясняют, что на самом деле происходило в 1793 г. на местах. Риффатер дает конкретную картину социально-политической борьбы в Лионе, где, благодаря своеобразному развитию промышленности, социальный антагонизм был острее, чем в Париже. Для истории пролетарских и полупролетарских слоев Риффатер дает массу ценных и тщательно проверенных данных как относительно положения этих слоев, так и относительно их стремлений. Образ наиболее яркого из вождей тогдашней бедноты не только в Лионе, но и во всей Франции, трагически погибшего Шалье, обрисован у Риффатера яснее, чем у других историков.

Halbwachs, Maurice. La population et le tracé des voies à Paris depuis un siècle. Paris, les presses universitaires. 1928.

Хальбвакс, Морис. Население и планировка улиц в Париже за последние 100 лет.

Быстрая индустриализация нашего Союза выдвигает проблему перепланировки старых промышленных центров и постройки новых; требования жизни вызывают появление новой отрасли экономической географии — внутригородской географии, которая для уяснения законов внутригородского движения и выявления оптимального распределения производственных и культурных единиц в городе должна черпать материал как из анализа современной структуры городов и их экономики, так и из изучения истории развития и переустройства городов.

Поэтому рецензируемая книжка, которая, судя по ее заглавию и оглавлению, посвящена изучению с экономической точки зрения основательной перепланировки Парижа во второй половине XIX века, естественно вызывает интерес как историков, так и экономистов-практиков.

Однако после первых же страниц работы Мориса Хальбвакса, профессора социологии Страсбургского университета, начинаешь сомневаться, оправдает ли книга возбуждаемый названием интерес.

Сквозь научную оболочку легко рассмотреть политическую целевую установку работы. Ни слова не говорится о политической цели перепланировки Парижа — заменить переулки и кривые улицы, на которых удобно строить баррикады, прямыми, как стрела, проспектами, чтобы было удобно пушками подавлять восстания пролетариата, кроме того, перепланировка города естественно сопровождалась принудительным отчуждением недвижимого имущества парижских домо- и землевладельцев. Это нарушение права собственности в свое время вызвало горячую оппозицию наполеоновскому правительству, возглавляемую Тьером. Такие же нападки со стороны реакционных землевладельцев продолжались и позднее. Выступавший под знаменем социализма, Хальбвакс еще в 1909 г. взялся защищать эти мероприятия правительства. (M. Halbwachs, Les expropriations et les prix des terrains à Paris (1860 — 1900). Paris 1909. Рецензируемая книга является переработанным и дополненным вторым изданием первой части этой работы.) Теперь в обстановке обостряющейся борьбы буржуазии против коммунизма, Хальбвакс опять выступает на защиту авторитета государства, стараясь противопоставить «противозаконной» экспроприации, проповедываемой коммунистами, и совершонной в СССР, экспроприацию, вызываемую «потребностями всего общества». Через всю книгу, начиная с введения и кончая заключением, проходит, надоедливо повторяясь, одна и та же проблема:

можно ли считать перепланировку Парижа и «экспроприацию» недвижимости индивидуальным делом отдельных личностей или групп? Совершенно справедливо протестуя против тех историков, которые за личными актами не видят никаких общих законов, Хальбвакс, однако, проблему роли личности ставит крайне узко. «Чтобы считать индивидуальную инициативу строителей дорог и зданий реальной, нужно доказать, что она действовала независимо от социальных тенденций или против них» (стр. 12). Поставить проблему так — значит совершенно смазать вопрос о роли личности, правильнее сказать, совершенно отмахнуться от нее.

В противовес «методу историков» Хальбвакс, для выяснения изменения конфигурации Парижа, обещает изучать «экономические тенденции» и анализирует «земельную эволюцию города». Даже когда Хальбвакс выступал как социалист, он проявлял полное непонимание Маркса и марксизма. (См., например, M. H a l b w a c h s, La classe ouvrière et les niveaux de vie, recherches sur les bésoins dans les sociétés industrielles contemporaines. Paris 1913, стр. XIV.) В этой же работе он показал, что и вообще кругозор его, как экономиста, чрезвычайно ограничен. Изучая внутригородское движение, он совершенно упускает из виду, что Париж есть узел пересечения огромного количества торговых путей, что улицы города обслуживают циркуляцию людей и товаров между столицей и провинциями. Далее он совершенно отвлекается от железнодорожных и речных путей сообщения. Париж он рассматривает как замкнутое в себе целое, его улицы—как средства сообщения только для жителей города. Но и в этом замкнутом целом он не считает нужным нащупать экономические узлы движения, как-то: рынки, торговые улицы, крупные фабрики и заводы, он упускает из виду и центры развлечений. Только одно условие, определяющее уличное движение, признается нашим социологом — плотность населения того или иного квартала.

Разделяя пути сообщения (улицы) на обслуживающие общее движение и имеющие чисто местное значение, для первых определяющим интенсивность циркуляции он считает плотность населения конечных пунктов пути, для вторых — плотность населения прилегающих кварталов. Увеличение населения в тех или иных кварталах и знаменует «социальную потребность в проведении новых улиц, бульваров» и т. д. Анализируя составленную им таблицу движения населения по кварталам из года в год, он устанавливает, что накануне проведения новых путей сообщения в том или другом месте происходило соответственное увеличение населения, и таким образом доказывает, что выполнение проекта проведения новых улиц отражало реальные потребности, а следовательно не являлось индивидуальным творческим актом.

Стремясь все явления определить движением населения, само это движение он объяснить в общем не может, так как абстрагируется от всех явлений социально-экономического характера, как-то: диференциальной ренты, классового состава населения и т. д.; так что уменьшение населения в центральных районах (arrondissements) наш социолог объясняет исключительно сносом домов для проведения улиц и бульваров и появлением магазинов вместо жилых помещений. Между тем еще в 1913 г. он противопоставлял «бедные кварталы — богатым». (Les cahiers socialistes, № 3. M. H a l b w a c h s, La politique foncière des municipalités. Paris, 1913.)

Совершенно справедливо Хальбвакс рассматривает снос старых домов и замену их новыми как явление, подчиненное закономерности, однако он и здесь игнорирует амортизацию земельной ренты, высоту учетного процента и обращение капиталов; всю закономерность он сводит к вопросу о движении населения.

Период широкого применения принудительного отчуждения и сноса построек, в случае ускорения замены старых построек новыми, только отражает ускоренный темп движения населения. Однако метод подсчета нового строительства, применяемый Хальбваксом, совершенно неудовлетворителен. Принимая за единицу каждую новую постройку, каждое снесенное здание, не принимая во внимание его размеров, автор не в состоянии заметить качественных изменений и приходит к совершенно конфузным для него выводам, что и в периоды частого применения принудительного отчуждения и в периоды «естественного хода вещей» количество новых построек меньше, чем количество снесенных построек, несмотря на рост населения. Оговорки и необоснованные

поправки, вносимые им в его расчеты, не помогают скрыть краха его метода. Неудивительно, что часто из приводимых им рядов цифр следуют очень скудные выводы.

Таким образом дефекты методологии делают эту книгу практически бесполезной для экономистов. Для историка эта книга дает тоже слишком мало. Таблицы движения населения по кварталам Парижа за время с 1860 по 1901 г., любопытные сами по себе, вряд ли могут быть полезны исследователю, поскольку берется все население en bloc, без социального расчленения и поскольку не приводятся абсолютные цифры хотя бы за первый и последний год. Таблица количества принудительных отчуждений по годам и по районам может тоже послужить лишь общей ориентацией, для дальнейшей же разработки проще всего обратиться к тем же печатным источникам, по которым работал Хальбвакс: к «Gazette des tribunaux», к «Journal général d'affiches», к «Le Guide de foncier», опубликованному John'ом Arthur'ом в 1886—1888 гг., и к журналу «L'Economiste français», издававшемуся Paul Leroy-Beaulieu (1882 — 1892 гг.). Схематические планы Парижа (1855 и 1908 гг.), приложенные к книге, полезны указанием соотношения старых и новых кварталов и районов (arrondissements).

Наибольший интерес, пожалуй, представляет та часть дополнительной главы, в которой бегло рассматривается движение населения за время с 1861 по 1926 г. Методологические недочеты в значительной степени компенсируются свежестью материала, который позволяет читателю-марксисту видеть тенденции, не замечаемые страсбургским профессором социологии.

Guichen, vicomte de. Les grandes questions européennes et la diplomatie des puissances sous la seconde république française. Tome I, 600 p.; Tome II, 460 p. Paris. Attinger. 1925 et 1929.

Гишен, виконт. Великие европейские вопросы и дипломатия держав во время второй французской республики. Том I — II.

Виконт Гишен — автор длинного ряда трудов по истории Франции и международных отношений в Европе. Он участвовал в патриотическом коллективном труде «Histoire de la nation française», который выходил под редакцией Аното и вместе с полнотой и великолепием издания ставил себе целью консервативное «успокоение» и умеренность, выступая против экстремистов, сводящих всю историю новейшего времени к покушениям «бошей» на мировое господство. Гишен один из первых высказался против чрезмерных увлечений этого рода и написал на своем знамени «беспартийность, объективность, факты».

История является для него объектом моральных суждений. «Накопляя опыт, французская дипломатия давала образец медленного движения к прогрессу». Гишен вообще противник революций. Свой первый том он заканчивает так: «Мы будем считать себя счастливыми, если те, которые прочтут наше исследование, смогут понять все то зло, какое причиняют странам революции. Производя разрушение, они едва могут восстанавливать и всегда оставляют за собой полосу бедствий и развалин, которые целые поколения бессильны исправить».

Основная линия, проходящая через все труды Гишена, это — «подозрительность» Франции и глухая ненависть Европы к французской политике революции и демократии. Такое отношение держав к Франции в течение всего XIX века было чревато последствиями и послужило основой для целого ряда столкновений и недоговоренностей, которые создали впечатление французской агрессивности. Между тем истинная линия Франции, это — линия мира. Гишен ненавидит революционные организации, радикальную прессу, «красные заговоры» и все то, что «вводит общество в заблуждение». Он вычеркивает из французской истории все бури XIX века и реабилитирует Луи-Филиппа, которого даже буржуазная историография считает трусом. Для Гишена Лафайет — «патриарх беспорядка», но зато он чрезвычайно высоко ставит Казимира Перье и еще выше Гизо последних лет орлеанской монархии. Тьер охарактеризован веской фразой: «Я люблю революцию», откуда выводятся все его «политические колебания» и непонимание истинных задач Франции. Ложная репутация «очага революции»

была причиной многих французских неудач. Французская политика, это — «политика доверия», между тем как державы ведут «двойственную политику», в особенности Россия. Вообще «двуличная политика лежит в характере русских». Несмотря на это, франко-русский союз мог бы быть основой европейского мира, если б не резкие шаги Николая I, порвавшего с июльской монархией. Но хуже всех охарактеризована Пруссия. Прусская политика, это — помесь жестокости, узкого национализма и казарменной мертвечины. «Немцы — самая монархическая нация в мире». Английская политика всегда отличалась оппортунизмом, и самый яркий его представитель — Пальмерстон. Истинного лица Пальмерстона Гишену разглядеть не удалось.

Первый том посвящен периоду с конца 1847 по май 1850 г. Красной нитью проходит через изложение истории этого периода политика Николая I, для которого движение в Германии было бо̀льшим ударом, чем крах ненавистного ему Орлеана. Еще в 1840 г. Николай стоял на стороне объединения Германии под главенством Пруссии. Но «конституционные штучки» Фридриха-Вильгельма окончательно оттолкнули его от этого «короля баррикад». Хотя он не верил в возможность войны с Гогенцоллернами и делал патетические жесты, уверяя лорда Бломфильда осенью 1848 г. в том, что он «готов поддержать безопасность прусского трона», т. е. его «собственные интересы настолько совпадают с интересами Пруссии, что он не может допустить, чтобы они были принесены в жертву», тем не менее он натравливал мелкие немецкие государства на Пруссию и, подозревая Фридриха-Вильгельма в скрытой поддержке польского движения, решительно склоняется на сторону Австрии. В первом томе приведена чрезвычайно любопытная беседа Николая с австрийским послом графом Туном. «Откровенно признаюсь, — говорит Николай, — что в то время когда он [Фридрих-Вильгельм] был еще только королем, я сам ему советовал, видя, что все в Германии идет плохо, что сильный центр стал абсолютно необходим и что Австрия сама не желает занять место, которое ей приходится по праву, — я советовал ему сам, повторяю, стать во главе Германии не как узурпатору, а как правителю до тех пор, пока Австрия не сможет занять свое естественное место. Но теперь, когда он запачкал в грязи свою корону, когда он сделался королем улицы и вступил под покровительство сволочи, это слишком смешно!» Характерно, что венская революция заставляет царя меньше беспокоиться, чем германские события. «Преобразования сделались необходимы; к сожалению, вы слишком замедлили провести их добровольно»... Однако австрийское министерство состоит «сплошь из почтенных людей, которых вы не нашли на улице, как это было в Пруссии». Одно беспокоит Николая: «что касается Кракова, то не думают ли там установить свободный строй?» Узнав, что об этом посланнику ничего не известно, Николай заверяет его, что он «понимает силу обстоятельств, которым нельзя сопротивляться», но не может потерпеть «очага возмущения» в соприкосновении с друзьями поляками и в случае возникновения такового «перейдет границу именем императора Фердинанда». Далее у Гишена следует ряд глав, характеризующих дальнейшее развитие политических планов Николая I. Революционной опасностью он объясняет также поведение держав в шлезвиг-голштинском вопросе. Повидимому, в то время Пруссия и революция представляли для Николая одно и то же. Вопрос этот у Гишена не оттенен с достаточной ясностью. Маркс считал, что война в Шлезвиге была «показной войной» и что Россия заставила министерство Кампгаузена решиться на нее. Во всяком случае логика революции, поставившая, с одной стороны, вдоль границы сотни тысяч русских солдат, с другой — ожесточившая против России все левое крыло немецкого 1848 г., осталась для Гишена непонятной.

Революционная опасность в Германии заставляет Николая переменить свое отношение к Франции. Этому сильно способствовали июньские дни, и «личное обаяние Кавеньяка». Идея Гишена об устойчивом русско-французском блоке находит себе здесь историческое оправдание. Гишен тщательно цитирует слова Николая, обращенные к французскому представителю после выборов Луи-Наполеона. Царь заверяет генерала в своей «любви к Франции» и желании согласовать свою политику с политикой президента. Австрия также меняет свое отношение к Франции перед лицом прусской опасности.

Началом реакции Гишен кончает свой первый том. Второй том начинается свиданием в Ольмюце, на котором Николай заявил: «Февральская революция изменила мое мнение о Франции... Политические условия этой страны непохожи на другие страны Европы, и мы только можем требовать от нее правительства, консервативного внутри и соблюдающего договоры вовне. Президент дает нам эту двойную гарантию, и если он потерпит крушение, нам останется только сесть на лошадь и выступить вперед».

Русский царь понял во-время, что после июньских дней ему нечего бояться опасности со стороны Франции, даже несмотря на имя «Бонапарт», украшающее правительство республики. Гораздо более серьезным осложнением представлялась ему попытка объединения Германии. Но в Ольмюце он торжествовал. Шварценберг остался победителем, и контр-революция в Германии делала свое дело. Гишен не упускает случая «беспартийно» заметить, что после переворота 2 декабря 1851 г. президент уже не внушал такого доверия Европе. Но еще в 1851 г., в «золотой век» дипломатии второй республики, баварский министр иностранных дел фон-дер-Пфордтен не скрывал от французского агента в Мюнхене, что отказ Франции допустить высадку Кошута произвел в Германии «блестящее впечатление». Сравнивали поведение Франции с поведением Англии, и это сравнение еще более выделяло «выправление нашей позиции».

Несмотря на честь, которую европейская дипломатия воздавала республике «за ее умеренность, за продолжительную миротворческую деятельность вовне, за ее часто сопряженные с борьбой усилия умерить пыл народных страстей, призывы клубов и крайней левой революции», все-таки основное несчастие Франции XIX века продолжало действовать: Франция «оставалась подозрительной». Приводится письмо Радовица к жене в октябре 1852 г. «Во внешней политике король сильно преуспел в уничтожении старинного идолопоклонства перед Австрией... Но все эти факты, все осознание положения Пруссии в Европе и ее немецкого призвания, окончательно затмеваются страхом перед демократией, разросшимся до умопомешательства. Над всей европейской политикой господствует единственная идея: красная гидра. Для этой идеи жертвуют всем: честью, правом, разумом и бороться против нее невозможно. Это единственное, что дает возможность понять события от Лиссабона до Петербурга». Это письмо дает повод Гишену вздохнуть по поводу тяжкого наследия французской революции и первой империи, о которой тридцать лет не могли забыть при дворах Европы.

Но 1848 год вообще спутал карты. Правительства ссорились друг с другом ежечасно. Оккупация Валахии и Молдавии вызывает протесты Англии. Англия «скорбит» о французской оккупации Рима. Легитимная Россия ведет панславистскую агитацию в Турции и пр. Среди всего этого хаоса республика ведет политику «мудрейшую, благоразумнейшую, наиболее примирительную». Повидимому, идеалы Лиги наций не чужды Гишену, употребляющему в истории самые модные слова и не стесняющемуся усомниться в успехе германской республики 1918 г. на основании «прусского опыта XIX века».

Во втором томе заканчивается анализ немецких дел и шлезвиг-голштинского вопроса. Освещается итальянский вопрос, невшательский инцидент, история с княжествами и, наконец, переворот 2 декабря. Первые мирные шаги Наполеона были встречены в Европе с удовлетворением. Царь говорил наполеоновскому представителю Кастельбажаку по поводу англо-французской дружбы: «Я приветствую дружеские отношения обеих стран, но без «сердечного согласия» (entente cordiale): сердечное согласие нам наделало слишком много беспокойства!» Желание царя впоследствии исполнилось.

Впрочем, бонапартовская традиция не привела Францию к добру. «Вторая империя родилась в атмосфере неопределенности, шаткости». Давая общую оценку внешней политике республики, Гишен воздает ей хвалу: «Она показала себя на высоте своей задачи, на высоте миссии Франции, всегда готовой к жертвам, чтобы поддержать хрупкое здание всеобщего мира».

Этот «после-версальский» ханжеский пацифизм, это выхолащивание из фран-

цузской истории ее революционного содержания весьма типично: французская буржуазия тщательно заметает красные следы своего происхождения. Это — массовое явление во французской историографии послевоенного времени. Книга представляет собой ценнейший исторический труд по обилию материала. На протяжении тысячи страниц автор оперирует почти исключительно первоисточниками, взятыми из архивов Брюсселя, Лондона, Турина, Вены, Петербурга и архива министерства иностранных дел в Париже. Большинство из них до сих пор было неизвестно.

IV. ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

Щеголев, П. Е. Алексеевский равелин. Книга о падении и величии человека. Изд. «Федерация». М. 1929. Стр. 382.

Книга составлена из статей и очерков, печатавшихся в разное время в журналах и сборниках («Музей революции», «Звезда», «Былое», «Красный архив» и пр.) и даже выходивших отдельно, как брошюра «Таинственный узник» (о Бейдемане). В настоящее издание автор ввел некоторые частичные дополнения, которые кое-где вошли в текст (например в главе о Бейдемане добавлены глава VIII с запиской Потапова и глава XVI о последних годах Бейдемана), по большей же части даются в примечаниях. Но тех и других добавлений в общем немного.

Алексеевский равелин Петропавловской крепости, эта грозная политическая тюрьма, куда мстительные Романовы запрятывали своих наиболее опасных врагов, еще ждет своего историка. О пребывании в ней народовольцев рассказали в своих воспоминаниях некоторые из сидевших там в начале 1880-х годов, именно: Поливанов («Алексеевский равелин»), Тригони («Алексеевский равелин») и Фроленко («Милость»). Но это, конечно, не была история равелина. Не является такой историей и книга Щеголева, который напрасно впрочем пытается уверить читателя, что и не может быть истории «у каменного застенка, давившего своей жестокой неизменностью и неподвижностью». Книга говорит о некоторых сидельцах этой страшной тюрьмы и собственно не столько о них как об исторических деятелях, сколько об их пребывании в стенах этой темницы. Это естественно обусловливает ограниченную историческую ценность рассматриваемой работы автора, который притом, как известно, углубленному историко-социологическому исследованию предпочитает живой рассказ, зачастую переходящий в исторический анекдот — тоже, впрочем, законная форма исторического повествования, имеющая преимущество общедоступности и занимательности.

Книга состоит из пяти очерков: 1) «Любовь в равелине» — рассказывает о любовном приключении кн. С. Трубецкого в 1851 г.; очерк интересен разве в том отношении, что он характеризует лицемерие и мелочность Николая I, рассердившегося на то, что красавица Жадимировская предпочла ему Трубецкого, и за то посадившего более счастливого соперника в крепость; 2) «Страсть писателя» — рассказывает о пребывании в равелине Н. Г. Чернышевского и о выполненных им там за два года работах; 3) «Д. В. Каракозов в равелине» — повествует о тех физических и моральных пытках, которым безжалостные тюремщики подвергали и без того неуравновешенного человека, и о специально религиозной, священнической пытке, какая была применена к Каракозову с помощью протоиерея Полисадова: последний должен был довести несчастного больного человека до «ангелоподобного состояния», т. е. до такой степени невменяемости, при которой тот выдал бы все и всех (при этом бессовестный поп, маня своего пациента царствием небесным, обещал ему также помилование на земле, в чем его и обманул). Пытка поповскими увещаниями довела Каракозова до попытки самоубийства, закончившейся неудачно и не избавившей его от петли палача, к которой его заботливо вел палач и жандарм в поповской рясе; 4) «Таинственный узник» — излагает историю юноши-революционера М. С. Бейдемана, который за одни разговоры и мечтания посажен был «добродушным» Александром II навеки в равелин без суда (до революции 1917 г., открывшей тайники царских архивов, никто не знал, кто скрывался под номером этого таинственного узника, сидевшего в равелине с 1861 по

1881 в порядке административного распоряжения). Отметим кстати, что Щеголев, по нашему мнению, сильно преувеличивает влияние Герцена и Огарева на Бейдемана, пришедшего к мысли о необходимости народного восстания и цареубийства, как способа вызвать это народное восстание (стр. 153 и сл.). Мы усматриваем здесь скорее влияние писаний Чернышевского и Добролюбова, что косвенно вынужден признать и сам Щеголев (стр. 155), впрочем утверждающий на той же странице, что «в развитии взглядов Бейдемана на крестьянскую реформу «Колокол» сыграл большую роль». Это «Колокол»-то, проповедывавший компромисс с помещиками и царизмом, осуждавший революционную борьбу, возвеличивавший Александра II и вызвавший своею проповедью либеральных иллюзий протест кружка «Современника»! Говоря, что Бейдеман «продолжил» выводы «Колокола» из русских обстоятельств 1861 г., Щеголев этим самым в сущности признает, что в своих революционных планах Бейдеман шел совершенно самостоятельно от «Колокола» и продолжал традицию юного русского революционно-демократического движения, лучше всего выраженного тогда в пропаганде Чернышевского и Добролюбова. Наконец очерк пятый «С. Г. Нечаев в равелине (1873 — 1882)». Последний очерк, прежде печатавшийся в «Красном архиве», занимает больше половины всей книги и в сущности определяет ее характер. К этому очерку больше всего подходит и ее подзаголовок: «Книга о величии и падении человека». Ибо если жалкий авантюрист и предатель Мирский служит живым свидетельством падения бессильного двуногого существа, то Сергей Нечаев представляет тип политического деятеля, до конца верного своему долгу, не сгибающегося под грозою, не поддающегося торжествующему врагу и в самых, казалось бы, безнадежных условиях умудряющегося отыскать зацепку для новой борьбы, для нанесения врагам новых и неожиданных ударов. «Победителем равелина был пламенный революционер Нечаев. Он разрушил железную дисциплину, разложил тюремщиков. После войны, которую вел Нечаев в равелине, эта государева тюрьма утратила в глазах начальства прелесть тяжкой и давящей исключительности и стала ненужной. Равелин был упразднен». Так говорит Щеголев, основывая свой вывод на анализе неизвестного до тех пор архивного материала, главным образом архива Алексеевского равелина, попавшего в его руки после революции, произведенной большевиками.

Беспристрастные свидетельства архивов заставляют пересмотреть традиционное представление о характере Нечаева. Каковы бы ни были теоретические и практические промахи Нечаева, проявленная им после ареста революционная непреклонность, которой он остался верен до конца, действительно представляет нечто редкое в истории и невольно примиряет с его личностью, моментами возбуждая буквально чувство преклонения. Поведение его во время выставления к позорному столбу, где предаваемые гражданской казни обыкновенно не проявляли активного протеста, также является чем-то неслыханным в истории многострадального русского революционного движения. Когда его усаживали на позорную колесницу и палач стал привязывать его руки к скамейке, Нечаев стал кричать, обращаясь к присутствовавшим чиновникам: «Когда вас повезут на гильотину, то и вас будут вязать ремнями... Долой царя, долой деспотизм, да здравствует свобода!.. Позор новому русскому суду: это не суд, а шулерство». И всю дорогу, равно как и на эшафоте, он продолжал кричать: «Долой царя! Он пьет народную кровь. Да здравствует вольный русский народ!» и угрожал гильотиною врагам. Испуганный этой неугасимостью революционного духа, какую он встречал впервые, Александр II счел наиболее мудрым «заключить его навсегда в крепость», на что приговор суда не давал царю никакого юридического основания. Таким образом первым революционером, провозгласившим на улице «Долой самодержавие!» и притом в самой острой форме, был Нечаев.

Эта энергия, гордость, непримиримость, которых Нечаев продолжал держаться и в крепости, импонировали даже его врагам. Его держали на совершенно особом положении: с одной стороны, тщательно оберегая как самого опасного врага, а с другой — сплошь и рядом делая ему уступки, небывалые в этой исключительной тюрьме. В течение ряда лет начальнику III отделения еженедельно доставлялись бюллетени о здоровьи и времяпровождении Нечаева. В то же время Нечаев заставил свое строгое на-

чальство доставлять ему книги и письменные принадлежности. Нескончаемая война, которую неугомонный узник вел с правительством, после его дерзких писаний на имя царя закончилась рядом репрессий, в частности лишением его письменных принадлежностей и уничтожением всех его рукописей по приказу царя. Но Нечаев не утихомирился и не признал себя побежденным. Он сумел сделать то, чего никогда не случалось в истории политических тюрем. Бесправный и бессильный узник, он разложил приставленную к нему стражу, пробил себе дорогу к простому сердцу охранявших его солдат, подчинил их волю полностью своей, вступил в сношения с Исполнительным комитетом партии «Народной воли» и чуть было не ушел из равелина вместе с своей стражей и с заключенными товарищами! И только низкое предательство политического каторжанина Л. Мирского, осужденного на бессрочную каторгу за покушение на шефа жандармов Дрентельна и выдавшего правительству тайну Нечаева за мелкие поблажки вроде фунта табаку и фруктов рубля на два в месяц (!), разрушило этот план. После того абсолютно изолированный Нечаев, силы которого уже были совершенно подорваны долголетним заключением, недолго прожил и 21 ноября 1882 г. умер от водянки и цынги, явив миру своего рода единственный в истории по длительности и непримиримости революционный протест.

Повесть о гордой борьбе узника с подавляющим аппаратом угнетения и притеснения производит сильнейшее впечатление и будит лучшие чувства. Желательно было бы издать главу о Нечаеве, быть может в несколько сокращенном и переработанном виде, в большом количестве экземпляров и по дешевой цене для чтения молодежи, которую не мешает ознакомить с выдающимися образцами человеческого героизма и высоты духа.

Левин, Ш. М. Д. А. Клеменц. Очерк революционной деятельности. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан. М. 1929. Стр. 128.

Настоящая книжка, входящая в серию научно-популярной библиотеки, издаваемой Обществом политкаторжан, несомненно заполняет пробел в нашей исторической литературе, давая биографию одного из самых выдающихся семидесятников и представителей революционного народничества. Собственно о Клеменце существует уже, можно сказать, целая литература. Нет почти ни одной истории движения 1870-х годов, в которой о нем бы не говорилось. Равным образом почти нет мемуаров участников того периода, в которых Клеменцу не было бы отведено большее или меньшее место. Существуют наконец и воспоминания самого Клеменца, печатавшиеся в «Русском богатстве» в 1910 — 1911 гг., а затем изданные в 1925 г. отдельной книжкой под заглавием «Из прошлого».

Ш. Левин извлек из всего этого богатого материала основные факты и данные, которые позволили ему попытаться сделать первый набросок биографии этого замечательного человека.

Д. А. Клеменц был типичным представителем революционных разночинцев, выступивших на историческую арену в 1860-х годах, а затем сыгравших крупную роль в дальнейшем революционном движении в России. Родившись в 1848 г., Клеменц в 1867 г. поступил в Казанский университет, а в 1869 перевелся в Петербургский, который и окончил в 1871 г. Однако государственного экзамена Клеменц не сдал, так как с головой погрузился в революционное движение и примкнул к известному кружку чайковцев, в котором занял место, как мы выражаемся теперь, ответственного агитатора и пропагандиста. Клеменц вместе с Синегубом, Чарушиным и другими вел революционную пропаганду среди рабочих на Выборгской стороне, за Невской заставой и т. д. С помощью распропагандированных рабочих народники, в том числе и Клеменц, пытались перекинуть революционную пропаганду в деревню. Через одного из таких рабочих, Крылова, Клеменцу и удалось проникнуть в деревню, но по тогдашним полицейским условиям долго оставаться в народе он не мог. Рабочие организации в Петербурге были вскоре разгромлены, и имя Клеменца, как одного из главных революционных агитаторов, стало известно полиции. Однако арестовать его в то время не удалось. Клеменц скрывается из Петербурга и вместе с Кравчинским предпринимает

из Москвы экскурсию по деревням близлежащих губерний. Ходил он также по деревням с пропагандистом Антоновым, причем дошел до Орла, побывал в Симбирской и Саратовской губерниях, ходил по Волге, словом — занимался летучей или бродячей пропагандой, характерной для первого периода народнического движения. Клеменцу и здесь повезло. Большинство участников «хождения в народ» было захвачено, ему же удалось скрыться, и в конце 1874 г. он эмигрировал за границу, где и провел два года, по временам наезжая в Россию.

За границей анархистские взгляды Клеменца укрепились, и он стал одним из представителей тогдашнего бакунизма. Занимаясь наукой и литературой, Клеменц не оставлял и революционного дела. Так, он был одним из участников восстания балканских славян против Турции в 1876 г.; в 1875 г. задумал освобождение Чернышевского, для чего ездил в Сибирь; разработал план организации восстания на Урале; в Петербурге он в 1876 г. присутствовал при выработке народнической программы и сформировании «Земли и воли», но не принял в этом деле близкого участия. Весь 1877 год Клеменц провел в Швейцарии, сблизился с Жуковским, с Аксельродом и вместе с названными лицами в конце 1877 г. вошел в редакцию «Общины», выходившей в течение всего 1878 г., а летом 1878 г. вернулся в Россию, где стал одним из редакторов газеты «Земля и воля». Здесь Клеменцу пришлось несколько ослабить свой безусловный анархизм, который он излагал в «Общине», и стать на более реальную почву. Нам, кстати, кажется преувеличенным то расхождение между Клеменцом и правоверными народниками, которое пытается установить автор рассматриваемой книжки. Землевольцы сами были бакунистами и вовсе не так далеко стояли от анархизма, конечно пытаясь приспособить его к русской действительности. И то недовольство Клеменца «троглодитами», т. е. землевольцами, которое явствует из публикуемого в выдержках Левиным перехваченного письма Клеменца к Кравчинскому, относится не к теоретическим разногласиям, а к практическому способу действия, к организационным приемам землевольческого кружка и в частности группы А. Михайлова, определенные намеки на которые замечаются в этом письме («караульщики», «искусственно придуманный шифр», «ловля членов» и т. д.). Теоретически же Клеменц во время работы в «Земле и воле» ничем от других народников не отличался, да иначе как бы мог он быть редактором их органа?

25 февраля 1879 г., во время поисков народнической типографии, жандармы случайно напали на след неуловимого Клеменца. В то время роль его сильно преувеличивалась. Когда шеф жандармов Дрентельн с торжеством доложил царю об аресте Клеменца, Александр II был очень доволен тем, что в лапы охранки попалась такая птица, и написал на докладе: «Хорошо, что он наконец в наших руках. Авось через него узнаем имена других сообщников». Пока Клеменц сидел в тюрьме и пока велось следствие по его делу, началось террористическое движение. Соловьев стрелял в царя, а затем начались террористические выступления народовольцев. Предварительное следствие по делу Клеменца и других было закончено только к середине 1880 г.; предполагалось пять человек, в том числе и Клеменца, предать суду. Но так как дело затянулось еще на год и так как после убийства Александра II те преступления, в которых обвинялся Клеменц, начали представляться чем-то совершенно несущественным и второстепенным, царские министры Игнатьев и Набоков признали возможным закончить все дело в административном порядке, и Клеменц отделался административной высылкой на пять лет.

Вместо назначенной ему Якутской области он был водворен в Минусинск. Здесь в нем проявилась и взяла перевес вторая черта его натуры — склонность к науке. Начав работать в Минусинском музее, организованном местным деятелем Мартьяновым, Клеменц не только обогатил его археологическими коллекциями, но и, подробно изучив их, опубликовал в 1886 г. выдающийся труд «Древности Минусинского музея» Параллельно работе в музее он много делал и для Минусинского края, производя раскопки и археологические изыскания и изучая быт местного населения. Затем он занялся изучением Монголии, привлек к археологической и этнографической работе большую группу других политических ссыльных и завоевал себе имя в мировой науке.

В 1896 г., т. е. почти через 20 лет после ареста, Клеменц вернулся в Россию, но уже не в качестве активного революционера, а в качестве мирного ученого. Здесь он занял место хранителя, а затем старшего этнографа Музея антропологии и этнографии при Академии наук, а с 1902 г. перешел на должность заведующего Антропологическим отделением музея Александра III. Умер он 8 января 1914 г. в Москве, уже не будучи активным революционером, а лишь живым памятником некогда славных страниц революционного движения в России.

«Народная воля» в документах и воспоминаниях. Под редакцией А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова и В. В. Леоновича-Ангарского. Изд. Общества политкаторжан. М. 1930. Стр. 288.

К пятидесятилетию возникновения партии «Народной воли» кружком народовольцев намечен ряд изданий, из которых одним из первых вышел в свет данный сборник — хрестоматия по истории партии. В связи с возникшей в настоящее время дискуссией по вопросу об историческом значении партии «Народной воли», издание такого рода сборника исторических материалов как нельзя более кстати. Сборник дает возможность каждому интересующемуся историей «Народной воли» ознакомиться с важнейшими документами партии и программными статьями руководящих органов народовольческой печати. В сборнике помещены полностью следующие документы: «Программа Исполнительного комитета», «Подготовительная работа партии», «Устав», «Программа рабочих членов партии «Народной воли», «Устав местной Центральной группы», «Объявление об издании «Вестника Народной воли», программное «Письмо Исполнительного комитета Александру III», ряд прокламаций, выдержки из важнейших программных статей «Народной воли», «Рабочей газеты» и «Вестника Народной воли» и др., а также отрывки из мемуарной литературы. Сборник разбит на следующие одиннадцать отделов: 1) Возникновение «Народной воли» — составлен исключительно из мемуарных отрывков В. Н. Фигнер, А. В. Якимовой, Н. А. Морозова и А. В. Корбы-Прибылевой; 2) Программа и тактика — содержит исключительно выдержки из статей, помещенных в разных органах партии, двух программных документов — «Программа Исполнительного комитета» и «Подготовительная работа партии» и двух отрывков из воспоминаний В. Н. Фигнер («Как была выработана программа Исполнительного комитета» и «Народная воля») и «Речь Желябова на суде»; 3) Террористическая борьба — Объяснения на суде А. Д. Михайлова и 9 номеров разного рода воззваний и прокламаций Исполнительного комитета; 4) Организация: а) вводные заметки — Из воспоминаний В. Н. Фигнер; «Исполнительный комитет», б) Устав, выработанный на Липецком съезде, в) «Устав местной Центральной группы», г) Заявление Исполнительного комитета (№ 1 «Народной воли») и д) выдержки из двух передовых статей № 8 —9 и № 10; 5) «Народная воля» и крестьянство: отрывок из воспоминаний В. Н. Фигнер: «В народ не идут», Заявление группы народников из № 4 «Народной воли» и 8 номеров отрывков из статей «Народной воли»; 6) «Народная воля» и рабочие партии «Народной воли»; Уставы и инструкции Московской группы, Программы рабочих членов, 3 прокламации и отрывки из мемуарной литературы «Народной воли», «Рабочая газета» и историко-исследовательская статья Г. Валка: «Малоизвестная страница народовольческой «Рабочей газеты» (журнал «Каторга и ссылка», 1929, № 4); 7) «Народная воля» и войско, уставы организации, отрывки воспоминаний и две прокламации; 8) «Народная воля» и молодежь, 3 прокламации, отрывок из статьи № 5 «Народной воли» «О волнениях в Петербургском университете»; 9) «Народная воля» и национальный вопрос: а) Письмо Желябова Драгоманову, б) Из статей № 8 — 9 и № 4, «Народной воли» в) Соглашение с «Пролетариатом»; 10) «Народная воля» и западноевропейский социализм, включает 12 номеров, в том числе Письма К. Маркса к Н. К. Михайловскому, Письма Маркса и Энгельса к В. Засулич и др.; 11) Письма и завещания: а) Заявление Желябова, б) Из завещания И. И. Гриневицкого, в) Письмо С. Перовской к матери, г) Из речи Н. Е. Суханова на суде, д) Два письма А. Д. Михайлова, е) Завещание А. Д. Михайлова, ж) Завещание А. И. Баранникова и з) Завещание Ю. Н. Богдановича.

Материалы в отделах расположены в хронологическом порядке. Каждый из этих отделов снабжен кратким введением фактического и библиографического характера. В качестве приложений к сборнику даны: «Календарь Народной воли», представляющий летопись жизни партии от Липецкого съезда до ликвидации в 1896 г. Петербургской группы, «Летучего листка», «Народной воли» и краткий библиографический указатель литературы, содержащий 42 названия.

Отделы сборника, за исключением «Календаря» и библиографии, охватывают первый период партии с 1879 до 1886 г., т. е. время существования «Народной воли», как партии в общероссийском масштабе. В сборник кроме документов вошли (за исключением отдела X — «Народная воля» и западно-европейский социализм») и статьи и воспоминания самих народовольцев.

Существенных пропусков нами не замечено. Сборник составлен достаточно полно и интересно. Напрасно составители сузили свои задачи и дали материал о народовольцах только за 1879 — 1886 гг., благодаря чему народовольческие группы конца 1880-х и 1890-х годов нигде, кроме календаря, не отражены в сборнике. Между тем для освещения дальнейшей эволюции взглядов народовольцев документы этой эпохи были бы не безынтересны. Будем надеяться, что при повторном издании составители исправят это упущение. Отдел X, «Народная воля» и западно-европейский социализм», следовало бы пополнить еще некоторыми материалами. Устав «Народной воли» надо было дать не в вольной интерпретации Н. А. Морозова, а текстуально, как он опубликован Николаевским за границей. Стихотворное завещание Ю. Богдановича напечатано в III томе Собрания сочинений В. Фигнер, в новой более полной редакции, несколько отличающейся от обычного варианта, который помещен и в рецензируемом сборнике. Но III том сочинений В. Фигнер вышел почти одновременно со сборником.

В сборнике поражает обилие опечаток, которые потребовали даже специального вкладного листа с поправками. Из незамеченных редакцией ошибочных указаний отметим следующее: известный ответ Ф. Энгельса П. Н. Ткачеву был опубликован не в 1878 г., а в 1875 г.

«Народная воля» перед царским судом. (Труды кружка «народовольцев» при Обществе политкаторжан.) Изд. Общества. М. 1930. Стр. 165.

Кружок «народовольцев» открыл серию юбилейных изданий к пятидесятилетию партии «Народной воли» выпуском в свет книги ««Народная воля» перед царским судом». Предполагается издать ряд сборников и до 50 биографий-брошюр важнейших деятелей партии. Исторически юбилейной датой должно считаться 17 — 21 июня 1879 г. (Липецкий съезд, заложивший основу новой революционной организации) или 15 августа того же года, когда «Земля и воля» окончательно распалась на две самостоятельных организации: партию «Народная воля» и группу «Черный передел»; но, принимая во внимание, что период 1879 — 1 марта 1881 г. является эпохой расцвета боевой революционной деятельности партии, — нужно и эти годы считать юбилейными годами. В разбираемой книге напечатаны статьи о первых пяти народовольческих процессах: процесс 16-ти — октябрь 1880 г.; дело 1 марта 1881 г. и процессы 20-ти, 17-ти и 14-ти (В. Н. Фигнер) в 1882 — 1884 гг. Эти пять процессов образуют живую летопись истории «Народной воли», с момента ее зарождения на Липецком съезде до февраля 1883 г. — дня ареста последнего, оставшегося на свободе в России члена Исполнительного комитета — В. Н. Фигнер. Эти процессы отчасти коснулись и событий более ранних (убийство Мезенцева, покушения А. Соловьева на Александра II, убийство харьковского губернатора Д. Кропоткина и др.). Статьи написаны двумя участниками-ветеранами народовольчества — А. В. Якимовой и А. В. Прибылевым — главным образом по официальным материалам, корректированным с помощью личных воспоминаний и мемуаров других современников. Эти статьи, написанные очевидцами событий, представляют особый интерес и приобретают отчасти мемуарное значение. Конечно, к ним, как ко всякому роду мемуаров, нельзя предъявлять таких же требований, как к историческим исследованиям (т. е. социологического анализа и

оценки описываемых исторических событий). Через эти пять процессов прошли все члены Исполнительного комитета за исключением 10 человек, из которых А. Л. и Е. Д. Тихомировы и М. Н. Ошанина-Оловенникова эмигрировали; С. Н. Халтурин был повешен в Одессе за участие в убийстве военного прокурора Стрельникова; причастность остальных к Исполнительному комитету осталась неизвестной правительству, и они, за исключением М. Н. Оловенниковой, отделались административной ссылкой в Сибирь (О. С. Любатович, В. А. Жебунев, Г. Г. Романенко, В. С. Лебедев и С. В. Мартынов).

Из 73 участников пяти процессов были приговорены к казни 35 человек, из них казнено десять (А. А. Квятковский, А. К. Пресняков, А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков, Н. Е. Суханов и А. П. Штромберг) и погибли в тюрьмах и ссылке 24 человека. К пятидесятилетнему юбилею партии «Народной воли» из народовольцев первого призыва, участников процессов, живы двенадцать: Х. Г. Гринберг-Кон, М. В. Грязнова, А. П. Прибылева-Корба, П. С. Ивановская, Н. А. Морозов, А. В. Прибылев, В. Н. Фингер, Е. Н. Фигнер-Сажина, М. Ф. Фроленко, Л. В. Чемоданова, В. И. Чуйко и А. В. Якимова-Диковская, да печальной памяти осужденный советским судом предатель Ив. Окладский. Небольшая вводная статья А. В. Якимовой дает краткую историю событий, предшествовавших возникновению «Народной воли». Это введение, конечно, не критический, исторический очерк, а воспоминания активной участницы движения, и они отображают прошлое так, как оно запечатлелось в ее памяти, и поэтому от этого очерка нельзя требовать глубокого исторического анализа событий.

К книге приложен именной указатель, составленный по обычной формальной традиции русских словников, благодаря чему остались неустановленными фамилии 2 — 3 лиц. При такой системе обычно пропускаются не только отдельные клички, но и лица, упомянутые в форме личных местоимений, разные характеристики и определения в два-три слова и т. д.

Благовещенский, Н. В. Семидесятые годы на фабриках и заводах. «Земля и фабрика». М. — Л. 1929. Стр. 109.

Н. В. Благовещенский, забытый ныне писатель, был в свое время — в 1866 — 1870 гг. — довольно известной величиной и принадлежал к кружку радикального журнала «Русское слово», в котором он принимал самое близкое участие, а в 1864 — 1865 гг. был даже редактором этого журнала.

В данной книжке собраны разбросанные по старым журналам очерки из быта русского рабочего 1870-х годов: 1) «На литейном заводе», («Отечественные записки», 1873, № 4); 2) «На ткацкой фабрике» (газета «Неделя», 1870, №№ 19, 20, 21 и 29); 3) «На болоте». Картина нынешней обработки торфа («Отечественные записки», 1870, № 10) и 4) «Сельские фарфоровые заводы» («Отечественные записки» 1871, № 2).

Все эти вещи не были в свое время включены в изданные отдельным изданием в 1870-х годах сборники очерков. Невольно возникает вопрос: имеет ли смысл в наше время издавать отдельным изданием эти старые очерки, вытащенные на свет божий с пожелтевших страниц старых журналов, сохранили ли они достаточный интерес для современного читателя?

На этот вопрос приходится ответить утвердительно. Эти очерки дают яркую, живую картину положения русского рабочего на заре русского капитализма и несомненно прочтутся с большим интересом. Справедливо отметил в своем предисловии П. Щеголев главные достоинства автора. «Точный и тонкий наблюдатель, с тщательным вниманием приглядывался к бытовым условиям рабочего труда, со скупой трезвостью, без всякой романтики, почти с научной точностью описал в ряде очерков ужасающие условия труда, неимоверную эксплоатацию рабочего молодым хищником — русским капитализмом, буквально высасывавшим из рабочего все соки».

Автор остановился только на тех отраслях производства, в которых, по его мнению, были наиболее тяжелые условия труда. Он остановился на литейном заводе, на быте ткацкой фабрики, на торфяных разработках, на полных миазмами болотах

и на работе сельских фарфоровых заводов. (Эта отрасль промышленности уже совершенно исчезла в наше время.)

Всюду невероятная эксплоатация, ужасающие условия 12 — 14-часового рабочего труда, до смешного грошовая заработная плата, полное отсутствие всякого фабричного и санитарного надзора, ужасающие антигигиеничные условия труда — все это вместе взятое приводит к полуголодному нищенскому существованию сотни тысяч рабочих. Передать содержание очерков Н. В. Благовещенского значит их прочитать. Поэтому мы отсылаем читателя к самой книге.

По справедливому замечанию П. Щеголева, очерки Н. В. Благовещенского теснейшим образом примыкают к труду Н. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса».

V. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Крупенина, М. и **Шульгин, В.** В борьбе за марксистскую педагогику. Изд. «Работник просвещения». 1929. Стр. 186.

«Спорные вопросы марксистской педагогики», доклад **В. Шульгина** и прения на расширенном заседании коллегии Наркомпроса 3 декабря 1928 г. Изд. «Работник просвещения». 1929. Стр. 88.

Культурная революция поставила в порядок дня критический пересмотр всего того идейно-культурного наследия, которое оставляет нам буржуазия.

Одним из важнейших культурно-идеологических участков, овладение которым имеет большое политическое значение, является область воспитания, область переделки людей. Борьба марксизма на этом участке, если говорить прямо, есть борьбаза нового человека, за строителя социалистического общества. И нужно только жалеть, что широкая общественность мало обращает внимания на положение дел в области педагогики.

Рецензируемые сборники вводят нас в споры о предмете и методе педагогики.

Первый сборник составлен из статей В. Шульгина и М. Крупениной, руководителей Института методов школьной работы. Сборник, как указывает его название, посвящен борьбе за марксистскую педагогику. Авторы его ведут атаку против различных идеалистических, механистических и эклектических направлений в современной советской педагогике и резко порывают с тенденциями исключительно школьных методов воспитания. Свои педагогические воззрения они пытаются обосновать, исходя из общеметодологических предпосылок диалектического материализма. Особенно заостряют они внимание на вопросе о связи воспитательного процесса с общественно-политической жизнью. Авторы указывают на необходимость учитывать своеобразие переходного периода и его отражение на педагогике нашего времени. Чувствуется, что авторы сборника поставили своей основной задачей повернуть педагогику лицом к современной жизни, заставить ее итти в уровень с новыми веяниями эпохи, сделать ее орудием диктатуры пролетариата в деле переделки людей.

Но если авторам удалось отчетливо поставить вопрос о единстве между педагогикой и общественно-политической жизнью, то, с другой стороны, они оказались бессильными разрешить вопрос об отличительных признаках педагогики и педагогического процесса, как таковых. Что педагогику и воспитательные процессы нельзя изолировать от всей суммы общественно-политических и экономических факторов, формирующих социального человека, — этот тезис обоснован в статьях сборника полностью. Но в чем своеобразие педагогического процесса, чем отличается он от всех других общественных явлений, т. е., иначе говоря, каков предмет педагогики,— эти вопросы не получили разрешения в сборнике. Благодаря этому, насколько выгодно сборник отличается критической стороной, настолько значительны его недостатки в положительных формулировках. По правде сказать, положительные формулировки и определения педагогики и педагогического процесса в сборнике отсутствуют.

Теми же достоинствами и недостатками обладает и доклад В. Шульгина на расширенном заседании коллегии Наркомпроса от 3 декабря 1928 г., составляющий центр

второй рецензируемой здесь книги. Прения по поводу этого доклада, стенографическая запись которых также помещена здесь, лишь подчеркивают сильные и слабые стороны точки зрения руководителей Института методов школьной работы.

Мы не ставим сейчас своей задачей разбирать педагогические взгляды всех выступавших в прениях по докладу Шульгина. Прения сами по себе дают недостаточно материала, чтобы, исходя только из них, обсуждать позиции выступавших. Но они прекрасно характеризуют общее состояние педагогической дискуссии и известным образом оттеняют взгляды В. Шульгина и его соратников.

Таким образом, будет правильно, если мы здесь остановимся по преимуществу на характеристике взглядов В. Шульгина и М. Крупениной.

Попробуем общую характеристику рецензируемых книг, которую мы сейчас кратко изложили, подкрепить несколькими доказательствами, почерпнутыми из самих книг.

Основной удар авторы книг направляют против наиболее, пожалуй, распространенного течения, возглавляемого А. Калашниковым. Позиция А. Калашникова характеризуется тем, что он считает предметом педагогики сознательно-организованный педагогический процесс, т. е. по существу школьное воспитание. В своем выступлении на заседании коллегии Наркомпроса он говорил: «Итак, внутри необходимо-закономерного воспроизводства социального человека, которое мы условно называем неорганизованным воспитанием, поскольку приходится держаться в рамках педагогической терминологии, возникает и развивается процесс произвольного и целевого формирования человеческого поведения, которое мы называем организованным воспитанием, или педагогическим процессом» («Спорные вопросы», стр. 23).

Вот в ответ на такую постановку вопроса авторы первого сборника отвечают: «Но какая же цена этому воспитанию, этой науке о воспитании, если помимо нее, вопреки ей другие факторы в о с п и т ы в а ю т куда надежнее и прочнее? И что стоят крики этой науки о том, что она не желает признать «стихийного» воспитательного процесса, не желает включить его в предмет своего изучения, если он факт и если роль его колоссальна... даже для нее самой?» («В борьбе за марксистскую педагогику», стр. 8).

В. Шульгин и М. Крупенина в противовес сторонникам исключительно школьного воспитания ссылаются на известные слова В. И. Ленина о том, что «массы учатся на своем собственном опыте», что воспитывает не только школа, но воспитывает — и подчас более глубоко — партия, советы, профсоюзы, кооперация, воспитывает опыт в целом общественно-производственной и политической жизни. «Вот почему, — пишет В. Шульгин, — можно и нужно говорить о педагогике советов, о педагогике профсоюзов, о педагогике фабзаводской среды» («В борьбе», стр. 18).

Авторы ведут атаку и против другой тенденции в современной советской педагогике, пытающейся толковать воспитание как длительное планомерное воздействие одного или нескольких индивидов на других индивидов. Авторы справедливо указывают, что такая точка зрения переоценивает значение идеологического фактора в воспитании, упускает из виду воспитательное значение практического опыта масс, воспитательное значение среды и наконец забывают, что «воспитатель должен сам быть воспитан» (Маркс).

Учитывая большое воспитательное значение влияния среды, М. Крупенина посвящает этому вопросу специальную статью — «Методологические предпосылки изучения педагогики среды». Автор анализирует три фактора среды: 1) влияние производственно-трудового фактора, 2) влияние культурно-идеологического фактора и 3) влияние классового самосознания. Чувствуя, что такое деление искусственно, М. Крупенина оговаривается, что все три фактора среды представляют в жизни «синтетическое единство» и анализируются порознь в целях удобства изучения.

В ходе дискуссии авторы сборника «В борьбе за марксистскую педагогику» приходят к такому определению предмета педагогики: «Да, мы полагаем, что предметом изучения педагогики должно стать исследование всего процесса социального формирования человека, изучение организаций, методов и форм, в которых он развертывается

в условиях данной конкретной исторической эпохи и данной классовой среды, исследование всей суммы факторов, которые его определяют, закономерностей, которым он подчинен» (стр. 89).

Если мы просмотрим теперь речи выступавших по докладу тов. Шульгина на заседании коллегии Наркомпроса (см. сборник «Спорные вопросы»), то увидим, что никто прямо и открыто не отвергает установку докладчика на понимание педагогического процесса, как процесса широкого социального формирования человека. Некоторые из оппонентов, например тов. Пинкевич, пытались даже доказать, что весь спор носит чисто терминологический характер, от чего тов. Шульгин совершенно правильно отмежевался, заявив со всей определенностью, что спор идет о направлениях, о принципах, а не о словах.

Открыто оспаривать требование повернуть школу лицом к жизни, к современности, открыто спорить против того, что воспитание в переходную эпоху должно служить делу перестройки человеческого материала в духе строящегося социализма, — открыто спорить против этого никто, конечно, не решится. Никто не решится также оспаривать и то положение, что в формировании социального человека имеют значение и экономика, и политика, и классовый опыт масс. Поэтому спор переносится в другую плоскость: с одной стороны, оспаривается включение в педагогический процесс, как преднамеренно организованный процесс, тех факторов, которые действуют независимо от сознательной воли человека («стихийно»), а с другой — спор идет о взаимоотношении и удельном весе тех или иных факторов в воспитании (например, можно ли определить педагогический процесс как воздействие одних лиц на других). Весь вопрос, следовательно, сводится не просто к перечислению отдельных факторов, воспитывающих человека, а к определению особой закономерности воспитательного процесса, закономерности, посредством которой можно было бы точно определить предмет педагогики и отграничить ее от других наук.

Но здесь-то как раз и обнаруживается слабость позиции В. Шульгина и М. Крупениной. Их критика остра и метка. Но они не дают положительного точного определения педагогики. Предмет педагогики сливается у них с общественно-производственной и политической жизнью в целом. Они готовы впасть в ту ошибку, против которой предупреждал еще Ленин в статье «О смешении политики с педагогикой» (Ленинский сборник № 5, стр. 308 — 310). Там он указывает не только на то, что в политике есть элемент педагогики, но и на то, что политику нельзя сводить к педагогике. Политика остается политикой, хотя в ней есть нечто, воспитывающее массы. Педагогика должна привлечь политику к делу воспитания, но не противопоставлять себя политике, не замещать ее. Так как тт. Шульгин и Крупенина оттеняют только одну сторону, а именно, что «предметом педагогики должно стать исследование всего процесса социального формирования человека», и не выясняют своеобразие этого предмета, его отличие от общественно-политической деятельности, то и получается опасность растворения предмета педагогики в общественно-политической жизни в целом.

Это слабое место было использовано в выступлении почти всех основных оппонентов (см. «Спорные вопросы»).

Образно и метко это было отмечено в выступлении Луначарского, который сказал: «Когда я читал сочинения тов. Шульгина, мне все время чувствовался в них какой-то танцовальный темп. Я представляю себе т. Шульгина танцующим военный танец ирокезов, причем он хочет кого-то оскальпировать, и так как неизвестно кого, то каждый невольно хватается за собственную голову... Я должен сказать, что даже когда я в них [в сочинениях тов. Шульгина] разобрался, я не нашел, чтобы они были уж очень членораздельны. Но Рим был спасен гусями, которые загоготали как раз в тот момент, когда Риму угрожала опасность... Важно, что Институт методов школьной работы дал нам определенный сигнал» («Спорные вопросы», стр. 77).

Не отрицают и сами авторы, что они еще не дали точного определения предмета педагогики. Так, М. Крупенина пишет: «Вы хотите видеть разграничительные линии? Мы делаем это центральной проблемой нашего дальнейшего исследования: педаго-

гика, политика и экономика в их взаимоотношениях и биологические пределы педагогического вмешательства в процесс формирования человека, — такова наша тема. Правомерность и научную оправданность такой постановки вопроса нельзя оспаривать на том основании, что вопрос не разработан, границы не установлены. Их надо устанавливать, но сейчас еще задача состоит в том, чтобы установить точки соприкосновения, тесную взаимозависимость этих факторов [педагогики, политики, экономики]. Оспаривается именно это» («В борьбе», стр. 89).

Отсутствие точных положительных определений предмета педагогики роковым образом отражается на трактовке авторами всех вопросов. Во всех формулировках чувствуется недоговоренность, неясность, расплывчатость. И прежде всего неясно ставится вопрос о школе — о ее роли и месте в переходный период, о ее задачах и наконец о типе школы. И правильно в прениях (см. сборник «Спорные вопросы») М. С. Эпштейн указывает на игнорирование Шульгиным школы (см. стр. 75), на отрыв Института методов школьной работы от практики нашей современной школы (стр. 73), на неуменье теоретически обобщать богатый практический материал, на отсутствие теоретического продвижения вперед (стр. 74).

Н. К. Крупская отмечает ошибки тов. Шульгина в вопросе о политехнизме. Вместо того чтобы говорить о внесении элементов политехнизма в нашу массовую советскую школу, тов. Шульгин, говорит она, ставил вопрос только о политехнической школе, связанной с крупным производством. Здесь сказалась та же недооценка рядовой советской школы, ее задач, роли и места в социалистическом строительстве. Н. К. Крупская квалифицировала эту ошибку, как ультра-индустриализм (стр. 52 — 53).

Если принять во внимание, что в данное время вопрос о практической переделке людей в социалистическом духе имеет крупнейшее политическое значение, если не забывать при этом громадной роли рядовой массовой школы в деле воспитания молодняка, то для всякого будет ясно, какое политическое значение приобретают теоретические споры вокруг вопросов о предмете и методе марксистской педагогики, о способах и формах воспитания, о школе, ее типе и т. д. Понятно, что неточность и неясность позиций в этих вопросах недопустимы, ибо они ведут к ошибкам в практической области, где они приобретают уже непосредственно политическое значение.

В сборнике «В борьбе за марксистскую педагогику» имеется также несколько критических статей-рецензий на книги представителей откровенного идеализма, например М. М. Рубинштейна, и просто на халтуру (о книге А. Ф. Евстигнеева-Белякова «Воспитание в семье и школе», о книге Института по повышению квалификации Главсоцвоса «Содержание, методы и организация работы начальной школы»).

VI. ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI. [Из предисловия Д. Б. Рязанова].

I

Шестой и седьмой томы сочинений Маркса и Энгельса охватывают период от конца мая 1848 г. до начала июля 1849 г. Собранные в них статьи и материалы должны дать картину деятельности Маркса и Энгельса в эпоху революции 1848 — 1849 гг. не только как редакторов «Новой рейнской газеты», но и как революционеров-практиков.

До сих пор эта деятельность была известна главным образом по статьям Маркса и Энгельса, собранным в третьем томе изданного Мерингом «Литературного наследства Маркса и Энгельса».[1]

[1] «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 гг.). Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом, под редакцией и с предисловием Д. Рязанова». Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Госиздат. М. — Л. 1926.

Если и вообще издание Меринга отличается крайним субъективизмом, то наиболее субъективным и тенденциозным является именно третий том.

«В сущности говоря, — писали мы, — он представляет подбор и произвольную группировку статей Маркса и Энгельса, иногда значительно сокращенных. Уже первая обработка всех номеров «Новой рейнской газеты» показала нам, что Меринг, по тем или иным соображениям, пропустил не один десяток статей. Иногда эти соображения были чисто цензурного свойства. Так, знаменитая статья Маркса «Подвиги Гогенцоллернов», а также статьи, помещенные в течение последних дней существования «Новой рейнской газеты», которые несомненно были известны Мерингу, не могли быть перепечатаны в Германии в 1902 г., так как это навлекло бы на издателя процесс за оскорбление величества. И, опять-таки вследствие того, что приходилось считаться с «местными условиями», Меринг при своем выборе использовал «Новую рейнскую газету» за маленькими исключениями, но лишь постольку, поскольку она трактовала о н е м е ц к о й р е в о л ю ц и и. Совершенно опущен ряд статей Энгельса о Франции, Италии и Венгрии. Оставлены были без внимания также многочисленные статьи Маркса, имеющие огромное значение для оценки его роли в эпоху революции 1848—1849 гг.

Меринг отчасти и сам признает эти пробелы и свой «субъективизм» в выборе статей, которые должны «правильно осветить отношение газеты к важнейшим историческим событиям революционной эпохи». Он вынужден был поэтому «местами нарушить хронологический порядок, соединить под общими заглавиями, по большей части им самим выбранными, те статьи, которые имели историческую связь между собою, и присоединить к большим статьям те отрывки, которые иногда наиболее ярко отражали дух газеты, хотя бы даже они входили в состав статей, не имеющих значения в других отношениях».

Таким образом, на ряду с статьями, которые по содержанию являются точным или почти точным воспроизведением статей «Новой рейнской газеты», мы находим в собрании Меринга ряд статей, — например, «Министерство Кампгаузена», «Национальные революции» и др., — которые составлены из отрывков, выделенных Мерингом из разных статей, иногда совершенно произвольно, чтобы подогнать их под выбранное им общее заглавие.

Приведем один пример. Глава «Министерство Ганземана» скомпанована в собрании Меринга[1] таким образом. Она начинается статьей, которая и в «Новой рейнской газете» носит название «Министерство Ганземана». Она дана Мерингом без всяких сокращений (у него стр. 128 — 129, у нас стр. 267 — 268). Вторая статья — «Соглашательные дебаты» (у нас стр. 271 — 275) — сильно сокращена. Из пяти страниц даны только первые две (у нас стр. 271 — 272, у Меринга стр. 129 — 131). Из статьи «Аресты» (у нас стр. 276 — 278) взяты только начало (три строки) и заключение (шестнадцать строк). У Меринга эти два отрывка соединены на стр. 131. Из трех больших статей — «Законопроект о гражданском ополчении» — (20, 21 и 23 июля 1848 г.; у нас стр. 312 — 323) Меринг (стр. 132) взял полстранички из второй статьи (у нас стр. 319). Без сокращений дана статья «Законопроект о феодальных поборах» (у нас стр. 335 — 340, у Меринга стр. 132 — 138). Таким образом из 30 страниц Меринг выкинул около 20, оправдываясь тем, что он брал «те мелкие отрывки, которые иногда наиболее ярко отражали дух газеты».

Меринг подчеркивает, что он пропустил отдельные статьи, хотя они «вероятно, или даже без всякого сомнения, были написаны Марксом или Энгельсом». Это вполне понятно. Он был связан договором с Дицем, который предоставил в его распоряжение ограниченное количество листов. Только в академическом издании можно дать все статьи Маркса или Энгельса, несомненно или вероятно написанные ими. Мы тоже в настоящем издании даем не все статьи Маркса и Энгельса из «Новой рейнской газеты». Но не было никакой необходимости издавать статьи Маркса и Энгельса в таком произвольно подобранном и урезанном виде. Лучше было ограничить свой

[1] В русском издании под моей редакцией стр. 128—138.

выбор наиболее характерными и выдающимися статьями, но дать их целиком, без всяких пропусков.

Меринг «отказывается расследовать, какие из вновь печатаемых им статей написаны Марксом и какие — Энгельсом. Авторство некоторых отдельных статей, конечно, определенно установлено. Так, Марксу принадлежит статья о парижских июньских боях, между тем как статьи о венгерской революции и о демократическом панславизме принадлежат Энгельсу, который вообще разработал вопрос о венгерской революционной борьбе на столбцах «Новой рейнской газеты». Меринг совершенно верно замечает, что «вообще каждая ежедневная газета является в большей или меньшей мере продуктом коллективного творчества ее редакторов, особенно таких людей, как Маркс и Энгельс, которые в течение многих лет привыкли работать рука об руку».

Мы знаем, что в первое издание сочинений Ленина вошли газетные статьи, писанные не им, а другими сотрудниками. Так трудно в газете, в которой сотрудники хорошо сработались с редакцией, отличить статью главного редактора от статьи сотрудника, подвергшейся тщательной редакционной правке или, что еще труднее, дополненной некоторыми вставками, отличающимися всеми индивидуальными особенностями стиля редактора. Именно такие характерные черточки или стилистические особенности заставляют приписывать статьи сотрудников, в которые вкраплены такие вставки, самому редактору. Правда, такие статьи по существу являются уже продуктом не индивидуального, а коллективного творчества.

Еще труднее установить это авторство, когда речь идет о статьях таких писателей, как Маркс и Энгельс. Несмотря на все индивидуальные отличия стиля и манеры писания, во многих случаях, — именно потому, что Маркс и Энгельс обсуждали совместно ту или иную тему, — трудно определить, кто из них писал данную статью и кто делал только вставки и дополнения. Чаще всего главным автором являлся Энгельс, а Марксу принадлежали только вставки. Правда, имеются такие статьи, авторство которых можно приписать только Марксу. Обратимся опять к Мерингу. Отказавшись от исследования вопроса, кем именно написаны собранные им статьи, — Марксом или Энгельсом, — он все же позволяет себе сделать следующий вывод:

«Насколько я могу судить об этом, большая часть вошедших в этот том статей написана Марксом, некоторые из них, как мне кажется, не без непосредственного участия Энгельса, перо которого чувствуется, например, в некоторых частях статей о Польше».

Счастливая случайность помогла нам установить авторство статей о Польше. Они принадлежат не Марксу, а Энгельсу, хотя в них чувствуется и «непосредственное участие Маркса».

Сохранился экземпляр книги Адлера «Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland» с пометками Энгельса. Излагая взгляды «Новой рейнской газеты» на польский вопрос, Адлер приписывает статьи о Польше Марксу. Энгельс поправляет Адлера и ставит вместо фамилии Маркса — свою.

Если принять во внимание, что эти статьи Энгельса, по своим размерам, немногим меньше трети напечатанных Мерингом статей Маркса и Энгельса из «Новой рейнской газеты», то придется, в противоположность Мерингу, сказать, что бо́льшая часть напечатанных им статей написана не Марксом, а Энгельсом. Действительно, если сосчитать статьи, несомненно принадлежащие Энгельсу, то им написано чуть ли не две трети собранных Мерингом статей.

Мы знаем теперь, что Энгельс еще в молодые годы отличался необыкновенной литературной продуктивностью. Он был настоящим журналистом, умевшим быстро и легко писать на самые разнообразные темы. Но как раз статьи о польском вопросе показывают, что Энгельс умел в то же время, благодаря своим знаниям и прекрасной подготовке, писать не только скоро, но и основательно. Они показывают также, что не Марксу, а Энгельсу принадлежит в «Новой рейнской газете» большинство статей, в которых дается отчет о дебатах во франкфуртском и берлинском парламентах. Можно сказать, что именно он создал эти яркие и живые картины, в которых так отчетливо отображаются «дни и труды» обоих национальных собраний.

Все сведения, которые мы имеем о «Новой рейнской газете», показывают, что Энгельс был одним из самых, если не самым деятельным сотрудником «Новой рейнской газеты». Маркс, как главный редактор газеты, был вынужден много заниматься и другой работой, кроме писания передовиц. На нем лежала главная тяжесть организационной работы. Как и в старой «Рейнской газете», он был главным руководителем, распределял темы, следил, чтобы газета, не насилуя индивидуальности главных сотрудников, не подчиняя их одному и тому же шаблону, не жертвуя разнообразием, не подводя все под один ранжир, сохраняла, как политический орган, строгое единство. В этом отношении Маркс значительно превосходил Энгельса.

Когда Виктор Адлер жалуется Энгельсу, что организационная работа в редакции только что поставленной «Arbeiter Zeitung» отнимает у него столько времени, что он не успевает писать передовицы, Энгельс приводит ему в пример «Neue Rheinische Zeitung» и Маркса.

«Что ты пока не имеешь времени для писания передовиц, — пишет он Виктору Адлеру 9 января 1895 г., — вполне понятно. То же самое было с Марксом в «Новой рейнской газете». В течение первого месяца он написал только две статьи, а за первую четверть года — едва пять. Главный редактор вначале имеет очень много работы по части организации, а это и есть самое важное».[1]

Первая четверть года, это — июнь, июль и август 1848 г., а так как Маркс уехал из Кельна 22 или 23 августа — мы увидим сейчас куда и с какой целью — и вернулся только к 12 сентября, то оказывается, что от 1 июня до 13 сентября Маркс написал не больше пяти статей, т. е. из собранных Мерингом за этот период статей огромное большинство написано Энгельсом.

У нас есть еще одно любопытное свидетельство. Оно принадлежит Стефану Борну, старому соратнику Маркса и Энгельса, прежде одному из виднейших членов Союза коммунистов, а после профессору истории литературы в Базельском университете. В своих воспоминаниях, писанных пятьдесят лет спустя, когда Борну уже был известен отрицательный отзыв о нем Энгельса, он рассказывает о своем посещении редакции «Новой рейнской газеты». Борн приводит свой разговор с Энгельсом о положении дел в редакции.

«Энгельс, — во всяком случае главный работник редакции, ибо никто не обладал его способностью так легко писать, — отложил в сторону работу, чтобы, как в старое время, поболтать со мной или, вернее говоря, излить свою душу. Он не был доволен. Только Вильгельм Вольф, сын силезского крестьянина, который в «Новой рейнской газете» предъявил крупному феодальному дворянству родной провинции детальный перечень всех грабежей, совершонных им у подвластных ему бедных крестьян, — только этот Вольф нашел у Энгельса снисхождение... Но больше всего жаловался Энгельс на Маркса. «Он вовсе не журналист, — говорил он, — и никогда не станет им. Над передовицей, которую другой напишет в два часа, он корпит целый день, как будто речь идет о решении глубокой философской проблемы; он поправляет и оттачивает, и опять исправляет поправленное и из-за этой основательности никогда не бывает готов к сроку». Борн прибавляет, однако, что Энгельс «питал глубокое уважение к Марксу, превосходство которого он всегда признавал».[2]

Во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что Марксу принадлежит в «Новой рейнской газете» гораздо меньше статей, чем это казалось Мерингу. И не только в силу той особенности, на которую указал Энгельс в разговоре с Борном и о которой он мог говорить со старым товарищем как о факте, хорошо известном и Борну: Энгельс и после неоднократно журил Маркса — и устно, и письменно — за эту привычку «корпеть» над своими литературными работами. Но Энгельс знал, что Маркс и в «Новой рейнской газете» умел, когда этого требовала повелительная нужда, писать свои статьи достаточно скоро, хотя это и стоило ему огромного напряжения. Был период, и довольно продолжительный, когда вся тяжесть работы, не только организационной, но и литературной, лежала почти целиком на Марксе.

[1] V. Adler, Aufsätze, Reden und Briefe, Heft I., Wien 1922, S. 117.
[2] S. Born, Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig 1898. S. 198–199.

Но кроме организационной работы и руководства газетой была еще одна весьма важная, хотя и мало заметная работа, без которой немыслимо ведение серьезного политического органа. Это — работа правки статей всяких рядовых корреспондентов, редактирование хроники, общение с «читателем». В общем — опять-таки организационная работа, в которой больше всего помогал Марксу, как мы знаем опять-таки от Энгельса, Вильгельм Вольф.

«Его неустанное трудолюбие, — пишет Энгельс, — его скрупулезная, ничем не сбиваемая добросовестность имели для него в редакции, состоявшей из молодых людей, ту невыгоду, что другие позволяли себе иногда уходить на часок-другой, в полной уверенности, что «Лупус позаботится уже о том, чтобы газета была во-время готова». И я сам тоже принадлежал к их числу. Вот почему Вольф в первое время существования газеты меньше занимался писанием передовиц, чем текущей работой. Он, однако, скоро нашел способ использовать ее для самостоятельной деятельности. Под периодической рубрикой «Из империи» он группировал известия из немецких мелких государств и с несравненным юмором издевался над всей ограниченностью и филистерством правящих и управляемых как в государственных, так и в городских делах».

Самыми деятельными членами редакции после Маркса, Энгельса и Вольфа были Дронке и Веерт, который вел фельетон. Фердинанд Вольф не отличался особым прилежанием, а Фрейлиграт вступил в редакцию только в последний период ее существования. Но ни один из них не играл руководящей роли. Если не считать фельетонов Веерта и боевых стихотворений Фрейлиграта, идейное содержание которых составлял поэтический перепев статей Маркса и Энгельса, то все статьи, определяющие программу и тактику «Новой рейнской газеты», принадлежали Марксу, Энгельсу и Вильгельму Вольфу.

В специальной статье, посвященной Марксу и «Новой рейнской газете», Энгельс пишет:

«Конституция редакции сводилась к простой диктатуре Маркса. Для большой ежедневной газеты, которая должна выходить в определенный час и которая хочет проводить определенные взгляды, иная конституция и невозможна. К тому же для нас диктатура Маркса была чем-то самим собою разумеющимся, бесспорным, и все охотно принимали ее. Благодаря, главным образом, его проницательности и твердости его взглядов газета стала самым замечательным немецким органом революционных годов».

II

В этой же статье Энгельс рассказывает историю основания «Новой рейнской газеты». Он объясняет, почему он и Маркс, приступая к основанию в Германии большой газеты, не развернули сразу коммунистическое знамя. Главной причиной являлась отсталость и неподготовленность немецкого пролетариата. «Несколько сотен разрозненных членов Союза коммунистов оказались незаметными в огромной, приведенной внезапно в движение массе. И вот почему немецкий пролетариат появился впервые на политической арене как крайняя демократическая партия».

Это вовсе не значило, что Маркс и Энгельс отказались от своей коммунистической программы. Составляя сейчас же после того, как разразилась февральская революция, программу-минимум для Германии, они указывали, что осуществление выставленных ими требований лежит именно в интересах всей демократии — в *интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянского сословия.*

Правда, в эти требования входил и ряд мер, рассчитанных уже на переходный период от капиталистического общества к коммунистическому.

Вся Германия объявляется единой, нераздельной республикой. Всякий гражданин, достигший 21 года, получает активное и пассивное избирательное право. Народные представители получают вознаграждение, чтобы и рабочие имели возможность

заседать в парламенте. Всеобщее вооружение народа. Превращение в будущем армий в рабочие армий. Бесплатное судопроизводство.

На-ряду с этими политическими требованиями, осуществление которых должно было создать не политическое господство пролетариата, а только предварительные его условия, в интересах крестьянства и мелких арендаторов выставлялись следующие требования: отмена, без всякого выкупа, всех феодальных повинностей, оброков, барщины и т. д.; обращение в собственность государства всех имений, принадлежащих государям и крупным феодалам, всех рудников, копей и т. д.; на этих землях должно вестись хозяйство в крупном масштабе; проценты по долгам, лежащим на крестьянских землях, а равно и арендная плата уплачиваются государству в виде налога.

Программа предвидит ряд требований, осуществление которых должно ослабить господство денежных капиталистов. На место всех частных банков выступает государственный банк. Государство сосредоточивает в своих руках все средства транспорта: железные дороги, каналы, пароходы, гужевые дороги, почту и т. д. В вознаграждении всех государственных чиновников не устанавливается никаких различий, кроме прибавки на семью. Полное отделение церкви от государства. Ограничение права наследования. Введение усиленного прогрессивного налога и уничтожение налогов на предметы потребления. Всеобщее и бесплатное народное образование.

В интересах борьбы с безработицей рекомендуется устройство национальных мастерских. Государство гарантирует всем рабочим существование и берет на себя попечение о неспособных к труду.

Мы видим, что в этой программе нет ни одного слова ни о свержении буржуазии, ни о господстве пролетариата, ни об основании нового общества без классов и без частной собственности.

Эта программа составлена была в развитие тех основных тактических положений, которые были формулированы в «Коммунистическом манифесте»:

«В Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией — как только она выступает революционно — против абсолютной монархии, против феодального землевладения и мелкой буржуазии. Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собою господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после крушения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии».

Маркс и Энгельс уже в «Коммунистическом манифесте» не переоценивали степени зрелости немецкого пролетариата в сравнении с современным ему английским или французским. Они подчеркнули, что считают его более развитым, чем английский пролетариат эпохи Великого бунта и французский пролетариат эпохи Великой французской революции. Но они выражали уверенность, что «немецкая буржуазная революция может быть лишь непосредственным прологом к пролетарской революции».

В другом месте мы подвергнем критике эти взгляды Маркса и Энгельса и дадим детальный анализ их тактики в эпоху немецкой революции.[1] Мы увидим, что они натолкнулись на оппозицию и в собственной среде. У них были оппоненты и слева, и справа. Пока мы ограничиваемся тем, что передаем их аргументацию.

«Немецкие рабочие должны были, — пишет Энгельс, — раньше всего завоевать себе те права, которые были необходимы им для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний, — права, которые сама буржуазия должна была бы завоевать в интересах своего собственного господства, но которые, из страха перед рабочими, она стала теперь оспаривать у них. Несколько сотен разрозненных членов Союза коммунистов оказались незаметными в огромной, приведенной внезапно в движение массе».

[1] В общих чертах эту критику мы дали в книжке «Маркс и Энгельс», пятая лекция.

Но это и был спорный вопрос. Что именно должны были делать в первую очередь эти «сотни» разрозненных членов Союза коммунистов»? Заняться укреплением, собиранием и расширением своей самостоятельной коммунистической организации, сплачивать только самые передовые слои пролетариата под знаменем своего собственного коммунистического органа и на время отрезать себе всякий доступ даже в среду пролетариата, который, столь же мало развитой, как и немецкая буржуазия, не имевшая привычки «к полному духовному подчинению», был «неорганизован, неспособен еще даже к самостоятельной организации» и «лишь смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии»? Или, не отказываясь от этой основной задачи, не порывать в то же время связей с демократическими массами, входить в организации, созданные крайним левым крылом демократической партии, и создать «орган демократии», который толкал бы вперед демократические массы, ни на минуту не отказываясь от главных принципов пролетарской демократии и от беспощадной критики всех промахов и ошибок буржуазной демократии?

Маркс и Энгельс предпочли второй путь. Он казался им более практическим, но практика сама скоро показала, в чем заключалась их ошибка.

Поэтому знаменем газеты они выбрали «знамя демократии, но демократии, которая повсюду, во всех конкретных случаях, выдвигала бы свой специфически пролетарский характер, какой она не могла еще раз навсегда придать своему знамени».

Необходимо было доказать, что именно коммунисты, представители интересов пролетариата, будут наиболее последовательно защищать требования крайней демократической партии.

«Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели пойти в ногу с исторически данным, наиболее прогрессивным, фактически пролетарским флангом движения, чтобы толкать его вперед, нам оставалось бы только проповедывать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и основать, вместо большой партии действия, маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились, — для этого мы слишком хорошо изучили утопистов. Не для этого мы составили свою программу».

История основания «Новой рейнской газеты», к сожалению, до сих пор еще не разработана. Главным свидетелем до сих пор являлся Энгельс. Меринг в общем повторяет его рассказ.

«Когда мы приехали в Кельн, — пишет Энгельс, — там уже велись приготовления со стороны демократов, а отчасти и коммунистов, к созданию большой газеты. Ее хотели сделать узко местной, кельнской, а нас удалить в Берлин. Но не прошло и 24 часов, как мы, благодаря Марксу, одержали победу: газета стала нашей под условием включения в редакцию Генриха Бюргерса. Последний написал (в № 2) одну статью, а второй статьи так и не написал».

Энгельс несколько упрощает эту историю. Верно только, что Маркс принял решающее участие в деле организации газеты.

В конце марта 1848 г. Маркс получил из Кельна письмо от Веерта (25 марта):

«Я уже несколько дней в Кельне. Все вооружено, берлинским обещаниям не верят, только всеобщее избирательное право, полная свобода печати и ассоциаций могут дать удовлетворение. Старый ландтаг в глазах народа совершенно мертв. Всех его прежних членов, которые выступают, но не являются вполне демократами, сгоняют с трибун; сегодня уезжает в Берлин пять членов, чтобы все это изложить королю. Соглашаются только на ландтаг, выбранный всеобщим голосованием. То же самое относится и к Франкфуртскому имперскому собранию — туда посылают несколько человек, чтобы внимательно наблюдать там за делегатами.

«Хотя все, что здесь проводят, звучит очень демократически, но слово республика всех пугает, и нашествие немцев из Парижа было бы здесь плохо принято. Зато ближе к Кобленцу и Верхнему Рейну настроение, видимо, больше в пользу республики.

«Коммунизм — теперь самое страшное слово. Открыто выступающий коммунист был бы побит камнями. Даниэльс, Бюргерс, д'Эстер говорят о новой газете. Фонды,

которые хотят получить для этого, кажутся мне сомнительными. Вместо того, чтобы сидеть в Париже, было бы, наверное, лучше, если бы ты сюда приехал. Полиция весьма ослабла, и амнистия, видимо, до сих пор действительно применяется».

Из письма другого приятеля Энгельса, Наута, мы знаем, что Маркс и Энгельс должны были приехать в Эльберфельд уже 4 апреля. В действительности они уехали из Парижа только 7 апреля. Переехав через границу, они, вероятно, направились в разные стороны — Энгельс в Эльберфельд, а Маркс в Кельн. Из их переписки нам теперь известно письмо Маркса, написанное им около 24 апреля Энгельсу в Эльберфельд:

«Здесь подписалось уже изрядно много народу, и мы скоро сможем приступить к изданию. Но теперь необходимо, чтобы ты предъявил требования своему старику и вообще *окончательно* определил, что можно сделать в Бармене и Эльберфельде».

Из этого же письма Маркса мы узнаем, что проспект газеты был написан Бюргерсом. Таким образом, мы имеем доказательство, что Бюргерс, как это указывается и Энгельсом, действительно играл известную роль в основании газеты.

Миссия самого Энгельса в Эльберфельде кончилась неудачей. 25 апреля 1848 г. он пишет Марксу:

«Только что получил проспект вместе с твоим письмом. На акции здесь приходится, к сожалению, очень мало рассчитывать. Бланк,[1] которому я уже раньше писал об этом и который еще лучше их всех, на практике превратился в буржуа; остальные стали еще более буржуа, с тех пор как обзавелись собственными предприятиями и вступили в коллизию с рабочими. Эти люди боятся, как чумы, обсуждения общественных вопросов: они называют это подстрекательством... По существу, даже эти радикальные буржуа видят в нас своих будущих главных врагов и не хотят давать нам в руки оружие, которое мы очень скоро обратим против них самих. От моего старика совершенно ничего нельзя добиться. Для него «Кельнская газета» является средоточием всякой крамолы, и вместо тысячи талеров он охотно послал бы нам тысячу картечных пуль».

В том же письме Энгельса мы находим и следующее указание, бросающее яркий свет на те условия, в которых пришлось ему и Марксу проводить их тактику уже с самого начала:

«Если бы здесь кто-нибудь распространил хоть один экземпляр наших 17 пунктов, все было бы потеряно и здесь для нас. Настроение у буржуа действительно подлое. Рабочие начинают немного шевелиться. Движение носит еще неопределенный характер, но уже становится массовым. Они уже начали устраивать коалиции. Но *нам-то* (курсив принадлежит Энгельсу) это как раз и мешает». Последнее замечание особенно характерно.

После долгих усилий и трудов Энгельсу, как он сообщает Марксу в письме из Бармена от 9 мая 1848 г., удалось привлечь нескольких акционеров. Всех подписанных акций было в его списке не больше шестнадцати. Что Энгельс тратил свое время в Эльберфельде и Бармене не только на вербовку акционеров для газеты, видно из заключения этого письма, в котором он пишет, что «мы предприняли также шаги для организации общины Союза [коммунистов]».

Не лучше шло дело у Дронке, который вербовал акционеров в Кобленце и Франкфурте-на-Майне. Таким образом, прошло не «двадцать четыре часа», а почти два месяца, пока газета начала выходить. Надежды на приток средств из среды демократической интеллигенции и радикальной буржуазии оказались иллюзиями. Это признает и Энгельс:

«Мы приступили к изданию газеты 1 июня 1848 г., — пишет Энгельс, — с очень небольшим акционерным капиталом, из которого была выплачена только небольшая часть. Да и акционеры были более чем ненадежны: после первого же номера половина из них покинула нас, а к концу месяца не осталось ни одного».

[1] Прежде коммунист.

С первого же номера «Новая рейнская газета» подвергла беспощадной критике поведение левой демократии, а в конце июня «Новая рейнская газета» напугала своих акционеров страстной защитой парижских пролетариев:

«Июньское восстание парижских рабочих застало нас на посту. С первого выстрела мы решительно стали на сторону инсургентов. После их поражения Маркс почтил память побежденных одной из своих самых сильных статей. Тут нас покинули последние акционеры».

III

На Маркса выпала еще одна задача: с первого же дня заботиться о средствах для газеты. Если он сам и некоторые сотрудники могли еще отказаться от гонорара, то наборщики, репортеры и корреспонденты требовали — и весьма настоятельно — денег. Используя свои старые связи, Маркс доставал, где мог, деньги, чтобы заполнять прорехи, которые оставались несмотря на неуклонный рост числа абонентов и розничной продажи. А на газету уже очень скоро обрушились, несмотря на более благоприятные условия в Рейнской провинции в сравнении с Берлином, судебные преследования. Марксу, несмотря на амнистию, отказали в восстановлении прав гражданства. Это создавало для него, как «иностранца», лишние затруднения. Находясь под постоянной угрозой высылки, Маркс вынужден был вне газеты или вовсе не выступать, или выступать более осторожно.

Чтобы укрепить связи «Новой рейнской газеты» и ее средства, Маркс два раза предпринимал большие поездки. В первый раз он уехал из Кельна 21 или 22 августа 1848 г. через Берлин в Вену, где пробыл до 6 сентября и вернулся обратно в Кельн — опять-таки через Берлин — к 12 сентября.

В это время его заменял Энгельс, — правда, не совсем удачно. В своих воспоминаниях об Энгельсе Лафарг, со слов Маркса, сообщает некоторые подробности. «Энгельс заменял в руководстве «Новой рейнской газетой» Маркса, когда последнему приходилось уезжать. Но Энгельсу, несмотря на его духовное превосходство, не удавалось завоевать себе среди своих коллег по редакции, молодых людей, отличавшихся талантом, революционным духом и мужеством, тот авторитет, которым пользовался его старший друг. Маркс рассказывал мне, что когда он вернулся из своей поездки в Вену, то застал в редакции острые разногласия, с которыми Энгельс не мог справиться. Взаимные отношения были настолько обострены, что, казалось, не было другого выхода, кроме дуэли. Понадобилась вся дипломатия Маркса, для того чтобы восстановить мир».

Скоро после возвращения Маркса в Кельне произошли «беспорядки» — 25 сентября 1848 г., — в результате которых было объявлено осадное положение. «Новая рейнская газета» была приостановлена, Энгельс, Дронке, Вильгельм Вольф вынуждены были скрыться. Осадное положение было снято 4 октября, и, начиная с 11 октября, «Новая рейнская газета» опять начала выходить. Энгельсу, который направился в Париж, а оттуда пешком через всю Францию в Швейцарию, удалось вернуться только 13 января 1849 г. Дронке вернулся только к началу апреля. Таким образом, от 11 октября 1848 г. до 13 января 1849 г. Маркс должен был выполнять не только всю редакционную работу, но и писать за всех отсутствующих редакторов. Фрейлиграт, который вступил в редакцию во время этого «прорыва», мог помогать ему, как и Веерт, только при редактировании фельетона.

Вторую поездку Маркс предпринял во второй половине апреля 1849 г. Письмо его из Гамбурга, адресованное Энгельсу и датированное 23 апреля, дает возможность установить дату отъезда. Он пишет Энгельсу, что из Бремена выехал еще в среду утром, т. е. 18 апреля. Таким образом, он из Кельна выехал не позже 16 апреля.

«В Бремене ничего нового. Резинг год тому назад обанкротился и живет лишь на проценты с уцелевшего капитала его жены. Таким образом, ничего не выгорело. Здесь я, напротив, наверное раздобуду деньги».

Можно сомневаться, что надежды Маркса оправдались. На обратном пути в Кельн

через Вестфалию он тоже старался раздобыть деньги. Мы имеем его собственное свидетельство:

«В мае 1849 г. я изложил господину Ремпелю (в Гамме) финансовые затруднения «Новой рейнской газеты», которые возрастали вместе с ростом числа подписчиков, так как расходы приходилось покрывать немедленно наличными, доходы же поступали позже, и, кроме того, получались большие дефициты благодаря дезертирству почти всех акционеров, вызванному статьями в защиту июньских инсургентов, статьями против франкфуртских парламентариев, берлинских соглашателей и франкфуртских мартовских соглашателей. Господин Ремпель указал мне на Генце, и последний дал взаймы «Новой рейнской газете» 300 талеров под мое письменное обязательство. Генце, в то время тоже преследуемый полицией, нашел нужным оставить Гамм и поехал со мной в Кельн, где меня ждало известие о моей высылке из Парижа».

Вероятно, это было 7 или 8 мая, ибо статья Маркса «Подвиги Гогенцоллернов» написана им 9 мая 1849 г. Сейчас же после его возвращения в Кельн Энгельс уехал в Эльберфельд. «Новая рейнская газета» просуществовала еще десять дней. Последний — красный — номер вышел 19 мая 1849 г. в разгар майских восстаний в защиту имперской конституции.

IV

Мы уже сказали, что отказываемся дать в этом введении изложение и критику взглядов, которые Маркс и Энгельс защищали в «Новой рейнской газете». Новый материал, который мы впервые опубликовываем, до такой степени богат и разнообразен, что требовал бы очень подробного комментария.

Русскому читателю теперь доступен — в нашем издании — исторический комментарий, написанный Мерингом. Несмотря на все недостатки его работы, она и до сих пор сохраняет и литературную, и историческую ценность.

В предисловии к изданному Мерингом собранию статей Маркса и Энгельса я уже указал, в чем именно заключается значение его работы, в особенности для русских читателей.

«Вспомним, что этот том «Литературного наследства Маркса и Энгельса» вышел в свет в конце 1902 г., накануне Дрезденского съезда немецкой социал-демократии, когда стоял уже ребром вопрос о завоевании политической власти пролетариатом, и второго съезда РСДРП, когда не менее остро стоял вопрос о «двух тактиках социал-демократии в демократической революции».

Опыт Маркса и Энгельса в эпоху немецкой революции и тактика «Новой рейнской газеты» изучались и обсуждались всеми теоретиками и публицистами различных фракций. И единственным источником служила при этом работа Меринга. Без основательного знакомства с ней трудно разобраться в тех спорах, которые заполняют страницы русской социал-демократической печати в 1905—1907 гг., да и позже, вплоть до 1917 г. Задачи пролетариата в эпоху буржуазно-демократической революции, отношения между пролетариатом и буржуазией, вопрос о крестьянстве, политика по отношению к угнетенным окраинам, право наций на самоопределение и т. д. — все эти вопросы подробно трактовались на страницах «Новой рейнской газеты» Марксом и Энгельсом.

А между тем этот комментарий Меринга был так же односторонен, как был односторонен и его выбор статей.

До известной степени этот выбор определялся теми указаниями, которые дал Энгельс в уже цитированной нами статье.

В них особенно подчеркивалась п о л и т и ч е с к а я программа «Новой рейнской газеты».

Она состояла, по словам Энгельса, из двух главных пунктов: 1) единая, неделимая, демократическая немецкая республика и 2) война с Россией, которая должна была принести восстановление Польши.

Первый пункт определял в н у т р е н н ю ю политику «Новой рейнской га-

зеты». Вокруг него сосредоточивалась вся борьба фракций в немецкой мелкобуржуазной демократии. Меринг поэтому выбирал только те статьи, а иногда и отрывки из статей, в которых особенно ярко высказывалась основная точка зрения «Новой рейнской газеты» в этом вопросе. Точно так же он поступил, чтобы иллюстрировать внешнюю политику «Новой рейнской газеты». Меринг забыл, что, как это часто бывало с Энгельсом, статья о Марксе и «Новой рейнской газете» была написана для определенного момента, что Энгельс считал необходимым подчеркнуть те вопросы, на которые, по его мнению, слишком мало обращали внимания немецкие социал-демократы эпохи закона против социалистов. Но и внутренняя, и внешняя политика «Новой рейнской газеты» была несколько сложнее, чем это рисовал Энгельс. Газета никогда не достигла бы такого большого тиража, она не могла бы так успешно конкурировать с «Кельнской газетой», если бы она не была в то же время газетой рабочих Рейнской провинции и в особенности кельнских. А для этого она должна была затрагивать не только политические, но и экономические, финансовые, социально-политические вопросы. А вся эта сторона почти совершенно исчезает в собрании и комментарии Меринга.

V

Мы пошли поэтому другим путем. Мы решили, не отступая от тех указаний Энгельса, которым следовал Меринг, а потому и сохраняя все собранные им статьи, — восстановив, однако, все сделанные им сокращения, — сделать ряд существенных дополнений. До какой степени велики эти дополнения, насколько выросло число статей Маркса и Энгельса в нашем собрании по сравнению с meринговскими, читатель может видеть из того, что вместо восьми печатных листов, которые Меринг посвятил периоду от 1 июня до 6 ноября 1848 г., мы даем двадцать четыре, т. е. в три раза больше, а вместо $4^1/_2$ листов, посвященных периоду от 11 ноября 1848 г. до 19 мая 1849 г., — двадцать пять листов, т. е. в пять раз больше!

Так как было бы очень трудно уместить весь собранный нами материал для освещения деятельности Маркса и Энгельса не только как редакторов «Новой рейнской газеты», но и как революционеров-практиков, в рамках одного тома, то мы отвели эпохе немецкой революции два тома.

Мы позволили себе сделать маленькое отступление от хронологического принципа. Не имея теперь возможности дать подробный комментарий ко всем статьям Маркса и Энгельса из «Новой рейнской газеты», мы предпосылаем им две работы. Первая, это — неоднократно цитированная нами статья Энгельса «Маркс и «Новая рейнская газета», написанная им в 1884 г. Вторая, написанная тоже Энгельсом, но при непосредственном участии Маркса, — «Революция и контр-революция в Германии», составившаяся из серии статей-корреспонденций для «Нью-иоркской трибуны» в 1851 и 1852 гг.

Последняя работа, являясь по существу воспроизведением всего политического содержания «Новой рейнской газеты», служит не только комментарием к последней, но и прекрасным путеводителем при изучении эпохи немецкой революции. В то же время она представляет отчет Маркса и Энгельса, в котором они для будущих поколений подвели итоги своей революционной работе в 1848 — 1849 гг.

После указанных работ следуют статьи Маркса и Энгельса из «Новой рейнской газеты». Мы разделили их на две группы. В шестой том вошли статьи от 1 июня до 7 ноября 1848 г. Он заканчивается статьей о «Падении Вены». Мы уже знаем, что огромное большинство этих статей — до 13 сентября 1848 г. — написано Энгельсом. Только за период от 11 октября до 7 ноября, когда Энгельс скрылся из Кельна, все статьи написаны Марксом.

Статьи, которые мы даем без всяких сокращений, распределены нами по группам с особым титулом, который мы выбрали, руководствуясь в большей или меньшей степени объективными признаками. Так как «Новая рейнская газета» начала выходить только 1 июня, то она, понятно, только ретроспективно могла касаться событий, имевших место от марта до июня 1848 г. Первые шесть глав «Революции и

контр-революции в Германии» могут поэтому служить историческим введением. Только с седьмой главы, посвященной Франкфуртскому национальному собранию. начинается резюме и комментарий к тем событиям, на которые непосредственно откликалась «Новая рейнская газета».

Мы выделили поэтому следующие группы: «Франкфуртское национальное собрание» (пять статей — у Меринга глава под названием «Германское национальное собрание»); «Учредительное собрание в Берлине и министерство Кампгаузена» (19 статей — у Меринга глава «Министерство Кампгаузена»).

Ввиду огромного значения июньского восстания мы выделили особую группу: «Июньская бойня в Париже и ее влияние на Германию» (8 статей, из которых у Меринга напечатаны только две под названием «Французская и английская классовая борьба»). С этой группой связаны статьи о «Господине Кавеньяке», которые мы даем в приложении. Авторство их трудно установить, но они прошли через редакцию Маркса и представляют большой интерес как материал для сравнения с соответственной статьей Чернышевского.

Под названием «Внешняя политика Национального собрания во Франкфурте и Учредительного собрания в Берлине» мы даем 11 статей, из которых Мерингом использованы только четыре.

Мы уже показали, как Мерингом составлена глава «Министерство Ганземана». Под названием «Учредительное собрание в Берлине и министерство Ганземана» мы сгруппировали 21 статью, из которых большинство написано Энгельсом. Среди них имеются статьи о выкупе, о государственном кредите, о гражданском ополчении, о принудительном займе, о феодальных поборах, которые показывают, как основательно и блестяще «Новая рейнская газета» критиковала все социально-экономическое и социально-политическое законодательство немецкой буржуазии. Трудно понять, каким образом Меринг мог пропустить такую статью, как «Законопроект о принудительном займе», самое начало которой кричит об авторстве Маркса.

Мы впервые даем под заглавием «Бельгийские дела» три блестящих статьи о Бельгии. За ними следуют статьи Энгельса «Польский вопрос в немецкой революции». Из трех статей «Перемирие с Данией» — группа «Шлезвиг-гольштинская война» — Меринг дает только две. Из четырех статей Маркса — «Кризис и контр-революция», — которые у нас входят в группу «Падение министерства Ганземана», Меринг почему-то ограничился только второй.

У Меринга совершенно выпали статьи, посвященные «Восстаниям во Франкфурте и Кельне», тесно связанные с голосованием Франкфуртского собрания по вопросу о перемирии с Данией. Нет ни одной статьи о «Министерстве Пфуля». Пропущена такая важная статья Энгельса, как «Речь Тьера о всеобщем ипотечном банке», которую мы даем с двумя другими статьями в группе «Французские дела». Из статей Маркса, собранных нами под общим названием «Падение Вены», Меринг дает только одну.

В приложениях к шестому тому напечатан оставшийся в рукописи дневник Энгельса, куда он заносил свои наблюдения во время путешествия из Парижа в Швейцарию, предпринятого им в октябре 1848 г.

Ввиду того интереса, который имеет вопрос о борьбе Маркса за восстановление своего прусского подданства, мы поместили в приложении статью Энгельса «Маркс и прусское подданство».

Седьмой том начинается группой статей о «Контр-революции в Берлине и министерство Бранденбурга». (Из них у Меринга имеются только две статьи — «Контрреволюция в Берлине» и «Европейская революция» под общим названием «Министерство Бранденбурга».) Затем идут статьи, посвященные «Роспуску национального собрания в Берлине». Среди них и те четыре статьи Маркса, которые Меринг напечатал как «Баланс прусской революции».

Из следующей группы, характеризующей «Внешнюю политику «Новой рейнской газеты», Меринг дает только одну статью («Новый 1849 год»).

Совершенно отсутствует серия статей, в которых Маркс и Энгельс подвергли

суровой критике «социально-экономическую программу прусской контр-революции». Достаточно указать на статьи Энгельса о прусском финансовом хозяйстве, статьи Маркса о рабочих книжках и о «Монтескье LVI», чтобы заметить, как искривляется все изображение «Новой рейнской газеты», игнорирующее эти высказывания Маркса и Энгельса.

Статьи Энгельса, направленные против Бакунина и его демократического панславизма, воспроизведены у Меринга без всяких пропусков.[1]

Если Меринг в своем издании выпустил второй судебный процесс против «Новой рейнской газеты», потому что он уже был напечатан в отдельном издании, то первый процесс ему остался неизвестен. Мы даем оба процесса с речами Маркса и Энгельса. Кроме того, мы поместили две статьи, посвященные делу Лассаля, и статью, характеризующую приемы рейнской прокуратуры.

Судьбы венгерской революции и обзор военных действий венгерских войск против габсбургской армии были специальностью Энгельса. Под рубрикой «Венгрия» мы, кроме опубликованной уже Мерингом статьи, даем еще две статьи общего характера. В с е статьи Энгельса о Венгрии могут быть напечатаны только в академическом издании.

Дальше идут группы статей — «Вена и Франкфурт», «Европейские дела», «Законы о печати», «Итальянские дела», «Война против России», — посвященные различным вопросам внутренней и внешней политики. И здесь количественно преобладают статьи Энгельса. Среди статей об «Европейских делах» имеется и статья Энгельса о французском миллиарде, которая побудила Вильгельма Вольфа написать соответствующую статью о прусском миллиарде,[2] а затем и известные статьи о «силезском миллиарде», после переизданные Энгельсом.

Статьи «Новая стадия прусской контр-революции» и «Майские события» составляют кульминационный пункт истории «Новой рейнской газеты».[3]

«Каждый номер, каждый экстренный выпуск носил на себе печать подготовлявшейся великой борьбы, обострения противоречий во Франции, Италии, Германии и Венгрии. В особенности апрельские и майские экстренные выпуски были сплошь призывами к народу готовиться к решительному удару. В остальной части Германии удивлялись, как мы без стеснения писали все это, да еще в первоклассной прусской крепости с ее восьмитысячным гарнизоном, ее гауптвахтой... Наконец, 18 мая 1849 г. наступила развязка. Восстание в Дрездене и Эльберфельде было подавлено, восстание в Изерлоне было окружено, Рейнская провинция и Вестфалия были наводнены солдатами, которые, справившись с прусскими областями на Рейне, должны были выступить против Пфальца и Бадена. Тогда правительство отважилось обратиться и против нас. Против одной половины редакции было возбуждено судебное преследование, другая — состоявшая из не-пруссаков — подлежала высылке. Мы были бессильны предпринять что-нибудь против этого, ибо за правительством стоял целый армейский корпус. Мы должны были сдать свою крепость, но мы покинули ее, унеся все военное снаряжение, при звуке барабанов, с развевающимся красным знаменем последнего номера, в котором мы предостерегали кельнских рабочих от безнадежных путчей и говорили им: «редакторы «Новой рейнской газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом — всегда и всюду — будет: О с в о б о ж д е н и е р а б о ч е г о к л а с с а!»

После закрытия газеты Маркс уехал в Париж, а Энгельс отправился в Пфальц, где вступил в повстанческий отряд Виллиха, чтобы принять участие в вооруженной борьбе за имперскую конституцию. Критический обзор всей этой кампании он написал в 1850 г. для Обозрения «Новой рейнской газеты». Мы решили закончить им седьмой

[1] Выброшена только ссылка Энгельса на статью о Венгрии.

[2] Мы поместили ее в приложении, чтобы показать, как прекрасно спелись лучшие сотрудники «Новой рейнской газеты». На ней лежит печать коллективной работы.

[3] Статьи Маркса о наемном труде и капитале помещены нами в пятом томе, поскольку в основу их легли лекции, прочитанные в 1847 г., но напечатаны они были впервые в «Новой рейнской газете» в апреле 1849 г.

том, так как работа Энгельса является прекрасным дополнением к последним статьям «Новой рейнской газеты» о «майских днях» и в то же время дает богатый конкретный материал для тех выводов, которые Энгельс сформулировал в последних трех статьях о «Революции и контр-революции в Германии». Мы прибавляем еще разысканную впервые В. Паппенгеймом статью Энгельса о «революционном движении в Пфальце и Бадене», которую он написал в начале июня 1849 г. для официальной газеты временного правительства в Кайзерслаутерне.

В приложении мы поместили также две статьи о «Процессе Готшалька и его товарищей». Готшальк был председателем рабочего союза в Кельне. Статьи написаны Марксом — только ему может принадлежать критика суда присяжных как гарантии правосудия — и показывают, как он умел отстаивать всякое революционное движение, направленное против существующего порядка даже тогда, когда он не был согласен со всеми взглядами его носителей.

С. М. КРАСНЫЙ

Красный умер слишком молодым, чтобы дать пролетарской революции и марксистской науке все то, что от него в праве были ожидать. Красный был не только одним из способнейших, но и образованнейших представителей нашей теоретической молодежи. Стержневой особенностью всей его жизненной деятельности была политическая—партийная и революционная — целеустремленность. Если в революционной теории он успел оставить так немного, то только потому, что короткая его жизнь пришлась на тот великий исторический период, когда революционеру мало времени остается для книжной работы. Он родился в 1901 году, с 1918 г. он в комсомоле, с 1919 г. в партии. Восемнадцатилетним юношей он вступает в ряды Красной армии, и в огне гражданской войны проводит весь героический период революции.

То, что было после гражданской войны,—учеба в Институте красной профессуры, исследовательская работа в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, научно-педагогическая работа—осталось в жизни т. Красного только коротким эпизодом. Изучая революционное рабочее движение XIX века, т. Красный мало успел оставить после себя печатных трудов. У нас в литературе нет, однако, более компетентной и содержательной работы о Бланки, чем статья Красного в БСЭ и его доклад в Комакадемии. Интереснейшая инструкция Бланки к вооруженному восстанию напечатана у нас С. М. Красным еще в 1926 г., а в немецкой печати она появилась только в этом году и во французской не опубликована вовсе. Сборник неизданных работ Бланки, который подготовлял к печати Красный и который будет издан Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса к пятидесятилетию со дня смерти Бланки, сделает публикации работ Бланки на русском языке более богатыми, чем на французском. Преждевременная смерть Красного заставляет выпустить этот сборник без его вводной статьи и примечаний. Можно искренне пожалеть, что Красный не успел развернуть тех интереснейших проблем бланкизма, которые ему дала возможность поставить Октябрьская революция и которые до него никем не ставились: соотношение «стихийного» и сознательного в организации восстания, конспиративная верхушка и революционные массы в тактике бланкизма, Бланки как «заговорщик» и как массовый революционер и т. п.

Большую предварительную работу т. Красный проделал и по собиранию материалов для истории июньских дней 1848 г. В этой работе С. М. Красный проявил добросовестность историка и творческие способности, которые отличали его в среде научных работников. Красный выступал как популяризатор и как преподаватель. В том и другом случае он умел в максимально-научной форме передать свои научные познания и способствовать марксистской выучке молодежи. Пролетарская революция и наука потеряли в нем ценного человека, честного, талантливого молодого историка и большевика.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КРИТИКА, ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рецензии

Указатель рецензированных книг и статей

Ответственный редактор Д. Рязанов.

Ц. 1 р. 50 к.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

КНИГА ШЕСТАЯ

Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком. — **Статьи и исследования.** Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского. — Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — **Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса.** К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. — Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. — **Материалы и сообщения.** Письмо Н. И. Сазонова к К. Гервегу. — П. Аксельрод. Группа „Освобождение труда" (Неопубликованные главы из второго тома „Воспоминаний"). — **Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Выставка Маркса и Энгельса. — Читальный зал за 1923 — 1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. [illegible] к.

КНИГА СЕДЬМАЯ — ВОСЬМАЯ

К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. — И. Рубин. Чернышевский как экономист. — Ц. Фридлянд. Н. Г. Чернышевский как историк. — Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письмо Г. Лопатина к Ф. Энгельсу. — Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах. — **Материалы и сообщения.** И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская („Елизавета Дмитриева"). — Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям. — Из переписки М. А. Бакунина (Письма к В. Ф. Лугинину и к И. Демонтовичу). — Письмо Жорж Занд к М. А. Бакунину. — **Критика, обзоры и рецензии.** Д. Рязанов. Ответ на „открытое письмо" В. Полонского. — Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии, помещенных в „Вестнике Коммунистической академии" за 1922—1927 гг. — Рецензии. — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция рукописей из литературного наследства Ф.-Домелы Ньювенгуйса. — „Парижская коммуна 1871 г.". Стр. 271. Ц. 2 р.

КНИГА ДЕВЯТАЯ — ДЕСЯТАЯ

Статьи и исследования. Г. Бакалов. Христо Ботев и Сергей Нечаев. — Б. Николаевский. Взгляды М. А. Бакунина на положение дел в России в 1849 г. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Письмо Флеровского к Марксу. — **Материалы и сообщения.** Две статьи Г. В. Плеханова из болгарского „Социалиста". — Анонимная брошюра М. А. Бакунина „Положение в России". — Письма М. А. Бакунина к брату Александру и к Н. И. Тургеневу. — **Критика, обзоры и рецензии.** А. Реуэль. Обзор статей по теоретической политической экономии в журнале „Под знаменем марксизма" за 1922 — 1927 гг. — Рецензии. — **Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Коллекция писем Л. Фейербаха. — Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 250. Ц. 2 р.

КНИГА ПЕРВАЯ (ОДИННАДЦАТАЯ)

К двухсотпятидесятилетию со дня смерти Гоббса. И. Луппол. Томас Гоббс. — И. Рубин. Экономические взгляды Томаса Гоббса. — **Статьи и исследования.** Ф. Шиллер. Энгельс и литература. — Х. Кабакчиев. Дмитрий Николаевич Благоев. — **К истории „Капитала" в России.** А. Реуэль. Полемика вокруг „Капитала" Карла Маркса в России 1870-х годов. — О. Маркова. Отклики на „Капитал" в России 1870-х годов. — **К истории марксизма в России.** Г. Плеханов. Фердинанд Лассаль. Его жизнь и деятельность. — **Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса.** Постановление ЦК ВКП(б) от 1 июня 1929 г. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ (ДВЕНАДЦАТАЯ)

К годовщине Парижской Коммуны. Д. Рязанов. Новые данные о „героине Парижской Коммуны" Елизавете Дмитриевой. — Г. Бакалов. Как Парижская Коммуна была встречена у болгар. — **Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса.** Переписка К. Маркса с Николаем—оном. — **Из жизни К. Маркса и Ф. Энгельса.** Д. Рязанов. Маркс, Герцен, Чупров и венская печать. — П. Виноградская. Поездка Энгельса на европейский континент в 1893 году. — Третье письмо Ф. Энгельса к болгарам. — **Материалы и сообщения:** Письма П. Л. Лаврова к Герману Юнгу. — **Критика, обзоры и рецензии:** В. Попова. Обзор статей о диалектическом материализме в германской журнальной литературе за 1925—1928 гг. — Рецензии. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.